

Volume 20

№ 1 (70) 2024

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия
Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия
Фабрицио Д'Ашено – профессор Римского Университета Сапиенца, Италия
Ван Чэньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай
Гаман-Голтувина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор
Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай
Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия
Проф. доктор Стивен Гуанненг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай
Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр
Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
Ендолычева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия
Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай
Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия
Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия
Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия
Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили
Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия
Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия
Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия
Потерь Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия
Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия
Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия
Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия
Тайаги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия
Доктор Герхард Шнейдер – профессор международного менеджмента и политической экономии, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лондонского университета, Великобритания
Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Сраплян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 3 А.Ю. Трубецкой, П.К. Иванов
Демократия как религия в контексте системы глобального управления

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 12 А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин, А.А. Иванов
Юридическая аномия в правовой жизни современного общества
- 24 А.Н. Митин, М.И. Паршуков
Общечеловеческие, традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации
- 44 К.А. Устиленцев
Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования
- 52 К.З. Трапаидзе
Ответственность несовершеннолетних в истории уголовного права России (до 1845 г.)
- 58 В.П. Павлов
Перспективы цифровизации нормотворчества в гражданском праве
- 66 А.О. Иншакова, Д.Е. Матьшин
Технология блокчейн как механизм защиты прав граждан в дистанционных инвестиционных сделках: рынок высшего образования vs рынок труда
- 75 О.Г. Григорьева
Возможен ли в России путь к гражданству через инвестиции в недвижимость?
- 84 К.А. Лю
Основные направления наднационального регулирования цифрового пространства в ЕАЭС на современном этапе
- 92 Д.В. Иванов, Д.М. Алиев
Глобальный форум по миграции: новый этап сотрудничества государства в сфере вынужденной миграции
- 103 М.Р. Юзбашян
Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права
- 120 М.А. Милюкова
Международно-правовые вопросы управления возобновляемой энергетикой: актуальные проблемы
- 136 Е.Л. Сигачева, О.П. Борисова
Наследство и наследники в римском праве: влияние на современность
- 147 Д.А. Митрофанов
Кодексы профессиональной этики в системе регулирования корпоративных отношений
- 159 М.М. Левина
Международно-правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза
- 171 Т.М. Валиев
Правовые аспекты макропруденциального регулирования в ЕС и ЕАЭС
- ### УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
- 178 О.Б. Дигилина, Т.А. Чебан
Теоретические основы формирования стратегии внешнеэкономических связей РФ на современном этапе
- 188 В.Ф. Артюшкин, В.И. Токарева, М.М. Звягинцев
Динамика преступности в России – модельный анализ

Journal of Law and Administration

№ 1 (70) 2024 Theoretical law journal

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD, EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN EDITORIAL BOARD:

Francesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascelmo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D. Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Haolin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. Gerhard Schnyder – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – Tamara M. Shrapyan
Computer layout – Dmitry E. Volkov

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 3 **Alexey Yu. Trubetskoy, Pavel K. Ivanov**
Democracy as Religion in the Context of the Global Governance System

LAW IN THE MODERN WORLD

- 12 **Alexander V. Malko, Dmitry A. Lipinsky, Roman S. Markunin, Alexander A. Ivanov**
Legal Anomie in the Legal Life of Modern Society
- 24 **Alexander N. Mitin, Mikhail I. Parshukov**
Universal, Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Information Security System of the Russian Federation
- 44 **Kirill A. Ustilentsev**
Traditional Russian Spiritual and Moral Values as an Object of Legal Research
- 52 **Konstantin Z. Trapaidze**
Responsibility of Minors in the History of Criminal Law in Russia (before 1845)
- 58 **Vladimir P. Pavlov**
Prospects for Digitalization of Rulemaking in Civil Law
- 66 **Agnessa O. Inshakova, Denis E. Matytsin**
Blockchain Technology as a Mechanism for Protecting Citizens' Rights in Remote Investment Transactions: Higher Education Market vs Labor Market
- 75 **Olga G. Grigorieva**
Is the Path to Citizenship through Property Investment Possible in Russia?
- 84 **Kirill A. Lyu**
The Main Directions of Supranational Regulation of the Digital Space in the EAEU at the Present Stage
- 92 **Dmitry V. Ivanov, Javanshir M. Aliyev**
Global Forum on Migration: a New Stage of State Cooperation on Forced Migration
- 103 **Mariam R. Yuzbashyan**
Topical Trends in Outer Space Cooperation/Competition and Perspectives on Space Law
- 120 **Maria A. Milyukova**
International Legal Content of the Concept "Renewable Energy Sources" Revisited
- 136 **Elena L. Sigacheva, Oksana P. Borisova**
Inheritance and Heirs in Roman Law: Impact on Modernity
- 147 **Dmitrii A. Mitrofanov**
Codes of Professional Ethics in the System of Regulation of Corporate Relations
- 159 **Mariia M. Levina**
International Legal Regulation of Pension Provision of Workers of the Eurasian Economic Union Member States
- 171 **Tajmuraz M. Valiev**
Legal Aspects of Macroprudential Regulation within the EU and the EAEU

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 178 **Olga B. Digilina, Timofey A. Cheban**
Theoretical Foundations of the Foreign Economic Relations Strategy of the Russian Federation at the Present Stage
- 188 **Viktor F. Artyushkin, Vera I. Tokareva, Mihail M. Zvyagintsev**
Crime Dynamics in Russia - Model Analysis

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век».
Электронное издание можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The “Journal of Law and Administration” journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the “Journal of Law and Administration” is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Article

ДЕМОКРАТИЯ КАК РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Алексей Трубецкой*
Павел Иванов**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-3-11

Введение. В статье рассматривается современное понимание демократии в качестве религиозной системы верований. Новые технологии и глобализация открывают возможности воздействия на все сферы жизни общества, что позволяет навязывать этические нормы и моральные идеалы за счёт политических технологий и пропаганды. Понимание демократии в качестве своего рода новой формы религии позволяет получить полноценный взгляд на совокупность ключевых элементов актуальной культуры современного мира, которая определяет основное смысловое наполнение глобальных революционных трансформаций. Её рассмотрение в духовном измерении является дополнительным вектором исследования социальных и политических процессов глобализации. С учётом обострения напряжённости на мировой политической арене и углубления взаимозависимости всех международных акторов, подобный подход может играть важную роль в их анализе и прогнозировании. Объект изучения – демократия; предмет исследования – специфика современного видения демократии, демократических ценностей и идеалов в качестве особой формы религиозного культа. Цель исследования – выявление роли демократии, её новых нравственных ценностей и ориентиров в контексте глобальных революционных трансформаций.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы: метод системного анализа; аналитический метод; исторический метод; контекстный анализ и формально-логические методы исследований.

Результаты исследования. Авторы проанализировали специфику господствующей интерпретации демократических ценностей и целей в контексте западной политической культуры. Раскрыты основные элементы новой системы верований, их взаимосвязь, эволюция и место в современном мире. Полученные результаты позволяют сделать вывод о трансформации демократии в особую форму культа, который имеет характерные черты религиозного учения.

* **Трубецкой Алексей Юрьевич**, доктор психологических наук, руководитель Фонда «Российский общественно-политический центр» (Росполитика), Москва, Россия
e-mail: president@ruppc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4309-4137

** **Иванов Павел Константинович**, аспирант Института Европы РАН, Москва, Россия
e-mail: ivanov.pavel.k@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3363-5742

Обсуждение и заключение. Идеология власти народа утратила своё изначальное смысловое наполнение, превратившись в особый культ, который служит инструментом социального управления, без учёта традиционных культур, многообразия обществ и государств, национальных идентичностей народов. Демократия как религия без Бога превратилась в инструмент мировой информационной повестки, эксплуатируя веру для построения нового мирового порядка.

Введение

Глобальные революционные трансформации определили переход современного общества в новую информационную эпоху, открыв двери для повсеместного и ежесекундного воздействия на человека на всех возможных уровнях. Специфика процесса глобализации после обрушения биполярного мирового порядка в результате окончания холодной войны наглядно продемонстрировала монополию сил либерального политического истеблишмента [4. С. 6-19] в формировании международной системы управления для построения нового мироустройства. Сохраняя главенствующие позиции в контроле над всей системой управления информационной повесткой и, соответственно, общественным сознанием, они самостоятельно диктуют наиболее релевантные представления об этике и морали в современном мире, без учёта исторического наследия, многообразия национальных культур и традиционных ценностей. В определённом смысле, социальные, политические технологии и пропаганда направлены на формирование новой системы верований. Изначально, как мы помним, «пропаганда» имела исключительно религиозное значение, происходившее от католической «Конгрегации Распространения Веры» (Congregatio de Propaganda Fide), созданной в 1622 г. папой Григорием XV с целью распространения католицизма, веры по всему миру и борьбы с еретиками¹. Исходя из этого, принципиально важным является анализ господствующего понимания демократических норм и ценностей эксплуативное право, на определение которого взяли на себя Соединённые Штаты Америки. Вопреки распространённому убеждению ни религия, ни

наука уже не играют решающей роли в формировании этических принципов в процессе глобальных революционных трансформаций, являясь своеобразными заложниками новой мировой информационной повестки, в фарватере которой вынуждены двигаться все участники международных отношений. С учётом специфики глобализации, необходимо признать, что ключевую роль в установлении современной системы мироустройства играет демократическая идеология.

Исследование

Религия и идеология являются крайне многозначными понятиями, сходства и различия которых на протяжении почти столетия исследуют многие учёные, хотя понятно, что обе эти составляющие общественного сознания трудно поддаются строго научной категоризации и анализу².

Т. Фицджеральд предполагал, что концепции религии и идеологии устарели, поэтому он предложил использовать вместо термина «религия» «идеологические порядки» [12. С. 269]. Р. Арон называл идеологию «светской религией», утверждая, что она возникает, когда «верить в Бога уже невозможно» и интеллектуальные элиты заменяют «древние догматы суррогатом, приемлемым для учёных» [1. С. 480]. А. Грамши утверждал, что «религия представляет собой идеологию, наиболее устойчивую к распространению» [3. С. 80]. Маркс распространил «философский материализм» на познание человеческого общества, утверждая, что такие формы общественного сознания, как религия, философия, искусство и политика являются надстройкой для угнетения пролетариата.

¹ Propaganda // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/propaganda>

² Special report: Global Warming of 1.5 °C Summary for Policymakers. // IPCC, 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/chapter/spm/> (дата обращения 01.04.2024).

Как отмечал В.И. Ленин в работе 1913 года «Три источника и три составных части марксизма»: «...мы видим, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению государства буржуазии над пролетариатом». И далее: «Люди всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [5. С. 46-47.] Сейчас эти «интересы» связывают с группами влияния или акторами политики.

Иными словами, сходства религии и идеологии заключаются не только в иррациональной вере в идеалы и ценности, но и в их регуляторной функции. Речь идёт о системе социального управления народом, государством и мировым сообществом. Однако исторический процесс секуляризации привёл к перераспределению политической силы церкви в руки светской власти, который постепенно заменил традиционные религии секулярным вероучением - идеологией.

В результате политического противостояния холодной войны демократия превратилась в одну из современных форм идеологии, подобно коммунизму, получив главенствующее положение в мире после крушения bipolarной системы международных отношений.

Понятие демократия занимает умы учёных начиная с IV века до нашей эры, когда Платон в поисках форм идеального государства определил демократию, как «власть большинства». При этом в его диалогах мы найдём мало хорошего о самом демосе, его правлении и его последствиях [9. С. 310].

При этом необходимо учитывать, что сама античная демократия никогда не строилась на принципах всеобщего равенства и справедливости, предоставляя права только свободным гражданам, покоясь при этом на спинах рабов и бесправных женщин. По своей сути, демократия формулировалась античными философами - рабовладельцами, для рабовладельцев. Исходя из этого, легко понять по каким причинам демократия как форма правления легко и естественно была интегрирована с развивающимся капитализмом в ходе своей эволюции.

Возрождение идеи демократии началось только в эпоху Великой французской (буржуазно-демократической) революции (1789-1794), которая провозгласила новые представления о правах человека, руководствуясь принципом: «свобода, равенство, братство или смерть» (*liberté, égalité, fraternité ou la mort*)³.

Переосмысление демократии в контексте развития просвещения и гуманизма, в купе с промышленной революцией и научно-техническим прогрессом способствовало трансформации общества на основе новой философии и представлений о равенстве в распределении доходов между народом и властью. Братство также носило чересчур утопический характер, который был оторван от реальности и связан с ней лишь потребностью изменения прав наследования. Вопреки прагматическому и рациональному пониманию устройства государства наследие французской революции в дальнейшем идеализировалось учёными и политиками в рамках понимания власти народа, т.н. большинства.

Демократия как форма государственно-политического устройства, которая признает народ в качестве источника власти, но не имеет ясного и единого определения и видения её реализации, открывая при этом возможности для разнообразных толкований «научно-практических и пропагандистских» [2. С. 50-62] все больше и больше превращалась в панацею для власти.

В своё время и У. Черчилль дал оценку демократии в своей знаменитой речи в Парламенте от 11.11.1947 : «Никто не притворяется, что демократия – идеал или даёт ответ на все вопросы, более того, уже было сказано, что демократия является наихудшей формой правления за исключением всех тех других форм, которые применялись время от времени» [11. С. 196].

Несмотря на десятки различных определений, американское видение демократии остаётся неоднозначной и противоречивой теорией, которая до сих пор не имеет доказательств.

Идеализация демократии как политической формы, способа управления обществом и государством происходила на протяжении ни одного века, однако после разрыва СССР и социалистического содружества она привела к становлению системы

³ Liberty, Equality, Fraternity. France in the United States. 30.11.2007. URL: <https://franceintheus.org/spip.php?article620> (дата обращения 01.04.2024).

верований, в которой чётко и ясно дали определение высшему и универсальному благу для каждого человека, вокруг которой должен был сплотиться весь просвещённый мир [13. С. 418]. Западный образ жизни стал квинтэссенцией окончательной формы политической, экономической, социальной и культурной эволюции и конечной целью развития человечества.

Вера в демократию стала не просто важной составляющей политической культуры, а своеобразным фундаментом для построения нового мирового порядка [14. С. 22-49]. Более того, она обрела свою религиозную специфику, смешавшись с представлениями американских христиан об их мессианской роли в трансформации всего человечества. Иными словами, распространение демократии как веры и её пропаганда для преобразования мирового порядка стали не только добродетелью, но и священным долгом США, который иногда требует больших жертв.

Следует отметить, что традиционной чертой политической культуры США стало символическое и идеологическое обожествление демократии и свободы. 43-й президент Соединённых Штатов Дж. Буш мл. прямо заявлял о своих религиозных убеждениях, вере в богоизбранность американской нации и их мессианской роли в борьбе с международным терроризмом и «странами-изгоями» («Rogue States»). В статье из журнала «Newsweek» с говорящим названием «Буш и Бог» указывается, что, находясь в г. Нэшвилл – так называемой, «Пряжке Библейского пояса», президент заявил, что Соединённые Штаты были призваны принести Божественный дар свободы и демократии «каждому живому существу на земле». Отмечается, что «Деньги и военная мощь важны, но администрация президента Буша предана идее, что есть решение и социальным проблемам, и терроризму: дать всем и повсюду свободу, чтобы они тоже могли найти Бога»⁴.

Президент часто подчёркивал свою веру в то, что он был избран Богом, чтобы повести американский народ к победе над ми-

ровым «злом» в лице Ирака, Ирана, КНДР и т. д. В одном из своих интервью, он заявил:

«Я верю, что Бог хочет, чтобы мы все были свободны. Вот во что я верю. И это часть моей внешней политики. Я верю, что свобода в Афганистане является подарком Бога Всемогущего. И я не могу описать, как я вдохновлён, когда вижу, как марширует свобода»⁵.

В XXI веке понимание демократии в качестве новой формы религии представляет возможность построения всеобъемлющей картины нового мировоззрения, открывая возможности исследования изменения верований и догматов, связывая воедино наиболее значимые явления социально-политической эволюции, а главное - в управлении общественным и экономическим развитием.

Изначальное смысловое наполнения понятия демократия, как формы государственно-правового управления, со временем было полностью утеряно, превратившись в особую форму веры, которая эксплуатируется как инструмент глобальной системы социального управления и манипуляции общественным сознанием. Демократия обрела новое значение, а первоначальное понимание демократических ценностей утратило свою релевантность. В процессе стремительной эволюции и абсолютизации понимания «свободы», был сформирован своеобразный политический культ, который провозгласил наивысшими целями для всего мирового сообщества зелёную повестку, гендерное равенство, критическую расовую теорию и LGBTQI +⁶ (запрещено в России).

Стоит обратить внимание на новый популярный американский лозунг, который «случайным образом» обрёл международную известность: «В этом доме мы верим: жизни черных важны, права женщин – это права человека, ни один человек не является нелегальным, наука реальна, любовь – это любовь, доброта – это все»⁷.

Распространение и догматизация данных постулатов, которые не требуют доказательств, подобно аксиомам или заповедям, стала крайне популярна среди противников

⁴ Fineman H. Bush and God. Newsweek. 10.03.03. URL: <http://europe.newsweek.com/bush-and-god-132561?rm=eu> (дата обращения 01.04.2024).

⁵ George W. Bush on Faith. Beliefnet. URL: <http://www.beliefnet.com/news/politics/2004/07/george-w-bush-on-faith.aspx#LLWctUczcC7zmshZ.99> (дата обращения 01.04.2024).

⁶ 30 ноября 2023 г. решением Верховного суда РФ "международное общественное движение ЛГБТ" признано экстремистским.

⁷ Taylor C. How one woman's yard sign became a rallying cry for allies // Mashable. 16.06.2020. URL: <https://mashable.com/article/in-this-house-we-believe-black-lives-matter-kindness-is-everything-sign/> (дата обращения 01.04.2024).

традиционного понимания ценностей по всему миру. «Жизни черных важны» - отражение веры в критическую расовую теорию, «права женщин - это права человека» - вера в гендерное равенство, «ни один человек не является нелегальным» - вера в допустимость нелегальной миграции, «наука реальна» - вера в теорию глобального потепления, «любовь это любовь» - LGBTQI + (запрещено в России), а «доброта - это все» - вера в необходимость запрета так называемого языка вражды⁸.

Эти лозунги чётко демонстрируют основу понимания новой системы демократических ценностей, которая не приемлет никакого инакомыслия и плурализма мнений. Ошибочно было бы полагать, что данная проблематика включает в себя разрозненные феномены, поскольку они существуют в рамках единого понимания этических принципов и моральных ориентиров, которые чрезвычайно плотно переплетены между собой неразрывными связями.

Следует обратить внимание на то, что абсолютизация «личной свободы» повлекла за собой идеалистические и утопические представления о нравственности и равенстве, которые имеют ключевую роль в новом морально-этическом представлении о наивысших ценностях, вопреки традиционной культуре, науке или даже здравому смыслу, что свойственно именно вере. Более того, эта система верований стремится к расширению, а появление новых вызовов неизбежно рассматривается через призму комплексного восприятия её идеалов или даже догматов, включая Пандемию COVID-19, протесты Black Lives Matter или президентство Д. Трампа.

Идеалы такой демократии базируются на понимании «пробуждённого» («woke») общества, которое должно пересмотреть существующий порядок за счет признания исторической ответственности за дискриминацию религиозных, расовых, этнических и сексуальных меньшинств, гендерное неравенство и причинение вреда окружающей среде. Они выступают за пересмотр традиционных ценностей, стремятся реформировать христианские нормы морали. Символично, что Папа Римский Франциск уже благословил переписать Библию ВЭФ, его президента и идеолога Клауса Шваба.

Демократия превращается в своеобразный культ, которому стали поклоняться как идолу. Вспомним того же Папу Франциска преклонно целующего ноги африканским иммигрантам и политикам.

Такая демократия отвергает общественный диалог о правах человека, поскольку отрицает возможность оспаривания верховенства своего понимания моральных идеалов, воспринимая любое инакомыслие как ересь. Можно лишь отметить, что такой подход противоречит здравому смыслу, указывая на сходства с «эмоциональным поворотом» оскорблении религиозных чувств верующих [8. С. 406].

Важно учитывать, что выстраивание подобной системы ценностей не продиктовано потребностями более эффективного соблюдения прав и свобод человека, защитой угнетаемых меньшинств, поддержанием верховенства закона и т.д., а лишь необходимостью оправдания духовного превосходства ее адептов во внутренней и внешней политике. Демократия, как и религия, берет на себя функции поддержки неправомерных (нелегитимных) и незаконных (нелегальных) действий за счёт исключительного морального права, выполняя функцию легитимации, признания новых демократических ценностей и политики по их продвижению.

Иными словами, суть новой демократической системы заключается не только в создании привилегированного класса определённых меньшинств, но и в установлении идеи превосходства просвещённых элит, которые исповедуют соответствующие ценности. Только веря в основные доктрины учения, человек получает эксплуативные права нравственной неприкосновенности, которых лишены все остальные, что характерно для религиозных культов. Так, носители наивысших ценностей имеют исключительное право проповедовать - пропагандировать и диктовать своё учение подобно христианским миссионерам, а любые формы инакомыслия пресекаются как ересь или язычество непросвещённых варваров.

Новое понимание демократических ценностей приобрело форму комплексной политической ориентации, все элементы которой неразрывно связаны друг с другом и всегда рассматриваются в связке. При этом глобальная повестка с таким содержанием

⁸ Выражения отрицательного отношения носителей иной системы религиозных, национальных или культурных ценностей, которые уже можно и нужно расценивать как проявление расизма, ксенофобии, межнациональной розни, гомофобии или сексизма.

стремительно распространяется по всему миру за счёт эффективного использования системы социальных, политических технологий и пропаганды, затрагивая все сферы жизни современного общества, включая вероисповедание, культуру, науку, спорт, медицину, кино, искусство и т.д.

Проблематика защиты прав меньшинств, гендерное равенство, критической расовой теории и LGBTQI + (запрещено в России) рассматриваемые исключительно через призму политических элит, стремящихся к новому единому пониманию человеческой идентичности, стали мейнстримом глобальной информационной повестки для нового мироустройства.

Протесты «Жизни Черных Важны», также, как демонизация Д. Трампа, наглядно демонстрируют корреляцию и неразрывную связь новых идеалов демократии в борьбе с расизмом, сексизмом и защитой сексуальных меньшинств. Проявление таких феноменов служит показателем их приверженности новым ценностям, что объясняет специфику реакции общественных и политических сил на подобные вызовы и их вес в глобальной информационной повестке. Несмотря на то, что протесты «Жизни Черных Важны» формально были призваны бороться с расизмом, на самом деле они стали квинтэссенцией проявления радикальных форм веры в новые демократические ценности, которые выходят далеко за рамки расовой дискриминации, включая LGBTQI + сообщество (запрещено в России),

гендерное равенство, мультикультурализм, язык вражды, нелегальную миграцию и т.д.⁹ В результате даже 45-й Президент США, подобно любым другим политикам, подвергающим сомнению такую культурную гегемонию и самопровозглашение морального превосходства адептов культа новой демократии в информационном пространстве подаётся ярким примером инакомыслия и ереси¹⁰.

В мировую информационную повестку «новая религия» тоже внесла интеграционные изменения. С начала XXI века стремительно проросла Зелёная повестка. Сегодня инвайроментализм является неотъемлемой составляющей нового демократического верования, истоком которой послужила теория «глобального потепления». Несмотря на все споры и противоречия, глобальное изменение климата может являться значимым вызовом для человечества на сегодняшний день. Однако надо помнить, что в научном сообществе до сих пор нет единого понимания степени угрозы, причин изменений, последствий и достоверности теории¹¹.

Тем не менее зелёная повестка стала эффективным инструментом, а главное - аксиомой нового понимания ценностей, став самодостаточным феноменом, который вышел далеко за рамки климатических исследований, обретя свою форму в общественном, культурном, политическом и экономическом пространстве.

В глобальную информационную повестку уже аргументированно внедряются:

⁹ Иванов П.К. Традиционалисты Европы и вызовы BLM. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №6. С. 155-164.

¹⁰ Иванов П. К. Д. Трамп как фактор общественно-политического размежевания в Европе. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 76-83.

¹¹ В докладе МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата) указывается, что за последние 200 лет среднестатистическая температура на планете поднялась приблизительно на 1 градус Цельсия, а гипотетические прогнозы предполагают маловероятное повышение в пределах 1 градуса Цельсия в ближайшие 100 лет. Special report: Global Warming of 1.5 °C Summary for Policymakers. IPCC, 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/chapter/spm/> (дата обращения 01.04.2024).

Необходимо отметить, что научное сообщество скептически оценило их доклад под названием «Изменение климата в 2022 году: последствия, адаптация и уязвимость». Так Энтони Уоттс, старший научный сотрудник по окружающей среде и климату в Институте Хартленда, указал на чрезмерное количество спекуляций и недостаток фактов. Он подчеркнул несоответствие выводов, имеющимся сегодня данным, неточность расчётов и недостоверность компьютерных моделей прогнозирования, которые уже были дискредитированы в научной литературе. Более того, климатологи солидарны в том, что на сегодняшний день ни один из предсказанных ранее сценариев «глобального потепления» не сбылся. Boos D. Latest IPCC Report Announces “Last Chance” to Prevent Climate Catastrophe. The European Conservative 04.03.22. URL: <https://europeanconservative.com/articles/news/latest-ipcc-report-announces-last-chance-to-prevent-climate-catastrophe/> (дата обращения 01.04.2024).

Испанские исследователи утверждают, что четвёртый доклад МГЭИК (2007г.) ошибочно связывает экологические риски их страны с изменением климата, что наносит ущерб научному анализу климатической опасности и её последствий за счёт политической догматизации и неквалифицированности СМИ [15. С. 197-220].

1. Отмена частной и личной собственности.
2. Всеобщий базовый доход тем, кто принял «новую нормальность».
3. Отмена наличных денег, замена их цифровой валютой.
4. Система углеводородных рейтингов для государств и корпораций.
5. Жёсткий социальный контроль (дроны, узнавание лиц).
6. Рационирование потребляемого продовольствия, энергии и природных ресурсов.
7. Патенты на семенной фонд и ограничение возможности питаться пищевой продукцией собственного производства.
8. Ликвидация скотоводства. Перевод основной массы населения либо на искусственную белковую пищу, либо на вегетарианскую.
9. Контроль за рождаемостью.
10. Обязательная вакцинация.
11. Запрет альтернативных форм медицинского лечения.
12. Отмена половых различий.

Испанский политик Франсиско Хосе Контрeras от партии Vox дал защитникам окружающей среды следующее определение:

«Защита окружающей среды – еще одна все более влиятельная псевдорелигия, также очень вредная для будущего Запада. Нынешний инвайронментализм возвращается в прошлое, к примитивной религии, поклонению природным силам и стихиям, исторически предшествовавшим возникновению понятия личного Бога. Экологическая религия обладает своей собственной божественностью (планетой), своим первородным грехом (промыщенная революция и использование ископаемого топлива), своим евангелием спасения (Повестка дня 2030 и «зелёные законы»), своим покаянием (аскетичный веган, устойчивое развитие, без мяса и самолётов), своим раем («климатически нейтральная» Европа 2050 года с её ландшафтом, заполненным солнечными батареями) и ее пророчицей (Гreta Тунберг)»¹².

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день сформировался культ новой демократии на

основе веры в безальтернативность дальнейшего развития человечества после окончания Холодной Войны. Демократия больше не является формой правления государств, межгосударственных и международных отношений, опирающейся на историю, научные доктрины или международные договоры. Она вышла за эти рамки, трансформировавшись в систему верований и источник нового понимания моральных ценностей, которые, в первую очередь, диктуют политические элиты США.

Новый культ включает в себя информационную зеленую повестку и ее цели, гендерное равенство, критическую расовую теорию и LGBTQI+ (запрещено в России) и т.д.

Формирование новой системы ценностей, прежде всего, необходимо для укрепления веры в безальтернативное превосходство адептов глобальной информационной повестки, пресечения инакомыслия (под предлогами борьбы с терроризмом, расизмом, ксенофобией и т.д.), компенсации недостатка правомерности (легитимности) и законности (легальности) однополярной системы международных отношений и оправдание мессианских идей с новым содержанием для распространения по всему миру. Навязывание такой демократии является неотъемлемой составляющей глобальных революционных трансформаций, в контексте которых невозможно существование справедливого много-полярного мира, сохранение культурных идентичностей и традиционных ценностей. Более того, дальнейшее укрепление веры в культ и его распространение будет ограничивать свободное развитие науки и культуры, вынуждая их все больше и больше интегрироваться в рамки, подходящие для текущей политической повестки. Восприятие новых вызовов будет проходить исключительно через призму основополагающих догматов этой системы верований.

Демократия как религия без Бога стала главным инструментом социальных, политических технологий и пропаганды в мировой информационной повестке, эксплуатируя веру для построения нового мироустройства в понимании либерального политического истеблишмента.

¹² Contreras Francisco José. VOX and the Strange Death of Europe. // The European Conservative 17.03.22. URL: <https://europeanconservative.com/articles/commentary/vox-and-the-strange-death-of-europe/> (дата обращения 01.04.2024).

Литература:

1. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960.
2. Вакурова Т.В., Матросов М.А. К вопросу о демократии: определения и основные принципы // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3.
3. Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991.
4. Громыко А.А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. М., 1973.
6. Ливен А. Анатомия американского национализма. М., 2015.
7. Марченко М.Н. Политология. Курс лекций. 4-е изд. М., 2003.
8. Монтаж и демонтаж секулярного мира // Сборник под ред. Малашенко А. и Филатова С.М., 2014.
9. Платон. Государство. М., 2020.
10. Смирнова Е.В. Религия и идеология в современном обществе // Религиоведческие исследования. 2017. №2 (16).
11. Churchill W.S. Europe unite: speeches 1947 and 1948. Cambridge. 1950.
12. Fitzgerald T. The ideology of religious studies. Oxford, 2000.
13. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. NY, 1992.
14. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. 1993. № 3.
15. Olcina J. Cambio climático y riesgos climáticos en España // Investigaciones Geográficas. 2009. № 49.

DEMOCRACY AS RELIGION IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL GOVERNANCE SYSTEM

Introduction. The article examines the modern understanding of democracy as a religious belief system. New technologies and globalization open up opportunities to influence all spheres of society, which makes it possible to impose ethical standards and moral ideals through political technologies and propaganda. Understanding democracy as a new kind of religion allows us to get a full-fledged view of all key elements of the current culture of the modern world, which determines the main semantic content of global revolutionary transformations. Its consideration in the spiritual dimension is an additional vector for the study of social and political processes of globalization. Taking into account the increasing of tensions in the global political arena and the deepening interdependence of all international actors, such an approach can play an important role in their analysis and forecasting. The object of study is democracy; the subject of the study is the specifics of the modern vision of democracy, democratic values and ideals as a special form of religious cult. The purpose of the study is to identify the role of democracy, its new moral values and guidelines in the context of global revolutionary transformations.

Materials and methods. The methodological basis of the study was following general scientific and special methods: method of system analysis; historical-genetic method; phenomenological method; analytical method; historical method; contextual analysis and formal logical research methods.

Research results. The authors analyzed the specifics of the dominant interpretation of democratic values and goals in the context of Western political culture. The main elements of the new system of beliefs, their relationship, evolution and place in the modern world are revealed. The results obtained allow us to conclude that democracy is being transformed into a special form of cult, which has the characteristic features of religious teaching.

Discussion and conclusion. The ideology of people's rule has lost its original meaning, turning into a special cult that serves as an instrument of social management, without taking into account traditional cultures, the diversity of societies and states, and the national identities of peoples. Democracy as a religion without God has become an instrument of the world information agenda, exploiting faith to build a new world order.

Alexey Yu. Trubetskoy,
Doctor of Science (Psychology), Head of
the Foundation "Russian Social and Political
Center" (Rospolitika), Moscow, Russia

Pavel K. Ivanov,
Postgraduate student, the Institute of
Europe of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

демократия, глобальные революционные трансформации, социальное управление, информационная повестка, зеленая повестка, гендерное равенство, критическая расовая теория, LGBTQI + (запрещено в России), либеральный политический истеблишмент

Keywords:

democracy, global revolutionary transformations, social management, information agenda, green agenda, gender equality, critical race theory, LGBTQI +, liberal political establishment

References:

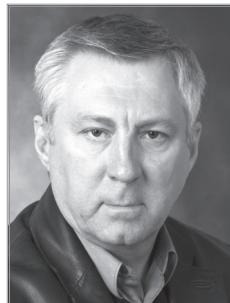
1. Aron R., 1960. Opium dlya intelligencii [The Opium of the Intellectuals]. Munich.
2. Vakulova T.V., Matrosov M.A., 2017. K voprosu o demokratii: opredeleniya i osnovnye principy [On the issue of democracy: definitions and basic principles]. *Gumanitarnaya paradigma [The humanitarian paradigm]*. № 3.
3. Gramsci A. 1991. Tyuremnye tetradi. [Prison notebooks.] Moscow.
4. Gromyko A.A. 2020. Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma. [The Metamorphoses of political neoliberalism]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 2.
5. Lenin V.I., 1973. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Vol. 23. Moscow.
6. Liven A., 2015. Anatomiya amerikanskogo nacionalizma [The anatomy of american nationalism]. Moscow.
7. Marchenko M.N., 2003. Politologiya. Kurs lekcij. 4-e izd. [Political Science. Lecture course. 4th ed.]. Moscow.
8. Montazh i demontazh sekulyarnogo mira. 2014. [Installation and dismantling of the secular world]. *Sbornik pod red. Malashenko A. i Filatova S. [Collection. Ed. Malashenko A. and Filatov S.]*. Moscow.
9. Plato., 2020. Gosudarstvo [The Republic]. Moscow.
10. Smirnova E.V., 2017. Religiya i ideologiya v sovremennom obshchestve [The religion and ideology in the modern society]. *Religiovedcheskie issledovaniya [Religious research]*. № 2 (16).
11. Churchill W.S., 1950. Europe unite: speeches 1947 and 1948. Cambridge.
12. Fitzgerald T., 2000. The ideology of religious studies. Oxford.
13. Fukuyama F., 1992. The End of History and the Last Man. New York.
14. Huntington S., 1993. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3.
15. Olcina J., 2009. Cambio climático y riesgos climáticos en España [Climate change and climate risks in Spain]. *Investigaciones Geográficas [Geographical Investigations]*. № 49.

Article

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНОМИЯ В ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Александр Малько*
Дмитрий Липинский**
Роман Маркунин***
Александр Иванов****

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-12-23

Введение. В статье анализируются проблемы, связанные с таким вызовом современности, как юридическая аномия. И хотя в философии и социологии аномия исследуется весьма

активно, про юридическую науку этого не скажешь. Авторы выступают за создание теории юридической аномии, в рамках которой предлагаю исследовать ее сущность, содержание и структуру, дать ей общую характеристику. В этой

* **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры конституционного и административного права, главный научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, Россия
e-mail: alex25-58@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3204-9696

** **Липинский Дмитрий Анатольевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права, главный научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, Россия
e-mail: dmitri8@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1870-069X

*** **Маркунин Роман Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, Россия
e-mail: markunin88@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0001-7308-4848

**** **Иванов Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, старший научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, Россия
e-mail: ale_iv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6171-7214

связи в статье рассматриваются понятие и признаки юридической аномии, показывается ее место и роль не только в правовой системе, но и в правовой жизни общества.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные способы познания проявления юридической аномии в правовой жизни современного общества: материалистическая диалектика, комплексный и системный подходы, социологический и статистический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты исследования. Аномичные процессы исследуются как применительно к правовой системе, так и применительно к более широкой категории – правовой жизни общества. Познание именно в таком ключе позволило «выйти» на теневую составляющую правовой жизни, которую и усиливают аномичные проявления. В результате проведенного анализа выявлено, что юридическая аномия может быть сопряжена с отказом от исполнения не только установленных юридических, но и иных социальных норм (политических, нравственных и т.д.), что подчас позволяет ей трансформироваться в особую форму – диснорму. По итогам проведенного анализа на основе статистических и социологических данных выявлено, что юридическая аномия, существовавшая в России в 90-х годах, в основном преодолена, в западных же странах (прежде всего в США) она только «набирает обороты», выступая для их развития значительной угрозой.

Обсуждение и заключение. Обосновано, что юридическая аномия весьма существенным образом влияет на правовую жизнь общества через ее правовую систему. Аномичные процессы, будучи дестабилизирующими фактором для последней, тем самым хаотизируют любую жизнедеятельность, в том числе и правовую. Подобное обстоятельство является одним из признаков юридической аномии, ибо тем самым в содержательном плане создается ряд опасных для общества юридических последствий: нарушения прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка, пагубное воздействие на сознание личности и т.д.

Введение

Жизнь многих стран в конце XX – начале XXI веков попала в зону системных кризисов и турбулентности. По сути происходят глобальные изменения в форме «тектонических сдвигов», которые «выстраивают» новые конфигурации в мировом и внутригосударственном порядках. В подобных обстоятельствах обостряются различного рода социальные «болезни», среди которых весьма заметна аномия и в особенности юридическая, которая подвергает опасности основной «скелет» общества – его государственно-правовые институты.

Между тем в юридической науке отсутствуют комплексные исследования вышеизначенного явления. В отличие от философских и социологических наработок, которые имеют определенные достижения в познании социальной аномии, ученые-юристы еще только подступаются к изучению этого феномена в рамках как правовой системы,

так и правовой жизни общества. Для более эффективного противодействия аномичным процессам важно знать их природу, понятие и признаки, виды и формы проявления, источники и причины и т.п. Другими словами, нужна теория юридической аномии, которая, безусловно, должна базироваться на философских и социологических исследованиях, выступающих для нас в качестве надежной методологии.

Исследование

Что же такое юридическая аномия?

По нашему мнению, юридическую аномию можно определить как разновидность социальной аномии, протекающую в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам, представляющую собой негативную (дестабилизирующую) составляющую социально-правовой жизни общества и характеризующуюся дисфункционально-

стью и рассогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых в отрицательном отношении населения к имеющимся при очевидной их неэффективности, и, в-третьих, в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности субъектов [20. С. 12].

Наиболее характерными признаками юридической аномии выступают:

- это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам;

- представляет собой негативную (дестабилизирующую, патологическую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу.

- этот процесс, связан с разбалансированностью и дезинтеграцией компонентов правовой системы — права, правосознания и правореализации. Правовая система при таких условиях теряет свою организующую роль, приобретая все более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которой внутренние связи и взаимодействия минимизируются;

- сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм. В принципе любая аномия — это такое состояние общества, когда прежние (старые) нормы уже не регулируют социальные взаимодействия, а новые еще не приняты и не институционализированы;

- связана с отрицательным отношением со стороны субъектов к имеющимся правовым нормам при очевидной их нелегитимности и неэффективности (неопределенности, противоречивости, противозаконности и т.п.). По мнению Э. Дюркгейма, аномия — результат не только нормативного, но и ценностного вакуума [9. С. 234], который «содержится» именно в правосознании;

- проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся норм правореализационной деятельности субъектов.

Следовательно, будучи многосоставным явлением, юридическая аномия хаотизирует не только правовую систему, но и правовую жизнь общества в целом, подвергая опасности его основные устои и скрепы. Это, по сути, подчеркивается отдельным признаком, выражющимся в том, что юридическая аномия «представляет собой негативную (дестабилизирующую, патологиче-

скую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу».

Вместе с тем категория «правовая жизнь общества» не столь активно (как хотелось бы) разрабатывается в юриспруденции. Больше повезло экономической и политической жизни, которые достаточно основательно исследуются в соответствующих науках. Как верно подчеркивал еще С.А. Муромцев, «каждой данной области социальной жизни (экономической, моральной, юридической и т.д.) соответствуют особые способности человека и особые элементы среды, которые управляют самостоятельно соответствующей областью... Самое поверхностное изучение общества убеждает нас в том, что все стороны жизни его находятся в некотором отношении ко всем способностям человека и элементам среды». Поэтому «правоведение, например, будет весьма неполно, если не коснется отношения права к прочим областям социальной жизни, оставляя в то же время место для изучения тех же отношений в науках, которые занимаются этими областями... при постоянной смене форм общественной и юридической жизни, наука должна открыть законы, по которым происходит означенная смена» [22. С. 44, 17].

Правовая жизнь общества — это форма социальной жизни, выражаясь преимущественно в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов [19. С. 5]. Категория «правовая жизнь» приобретает все большую научную и практическую значимость. Именно она призвана отражать сложную и противоречивую действительность, неразрывную связь юридического бытия со всеми другими одноуровневыми сферами жизнедеятельности общества — экономической, финансовой, политической, нравственной, информационной и т.д.

Правовая жизнь, как и всякая иная разновидность социальной жизни, имеет определенные теневые формы. Например, экономическая жизнь может состоять не только из положительных начал, но и из отрицательных («теневая» экономика), финансовая жизнь может находить свое проявление в «серых» (теневых в «конвертах») зарплатах, политическая жизнь — в теневом кабинете министров, информационная жизнь — в теневом интернете (Даркнете) и т.д. И правовая жизнь точно так же включает в себя разные

полюсы жизненных процессов, различную, зачастую прямо противоположную, юридическую реальность [21. С. 4].

Поскольку правовая жизнь состоит как из системных, так и несистемных (теневых) составляющих (правонарушений, преступлений и т.п.), она выступает более объемной категорией, чем правовая система. Они соотносятся между собой как «целое» и «часть». Собственно так же, как соотносятся между собой экономическая жизнь и экономическая система, политическая жизнь и политическая система, нравственная жизнь и нравственная система. Правовая жизнь общества, будучи предельно широкой категорией в юриспруденции и включая в себя правовую систему, во многом определяет природу последней.

В литературе высказано мнение, что тип правовой системы является детерминирующим условием правовой жизни общества [7. С. 396]. Это не совсем так, ибо детерминирует правовую жизнь общества вовсе не столько тип правовой системы, сколько социально-экономические и духовные факторы. Правовая же система призвана организовывать правовую жизнь, задавая лишь некие контуры ее возможного развития. Именно правовая система вносит порядок (системность) в юридическую жизнедеятельность.

Правовая система общества представляет собой относительно устойчивое (при определенных условиях) образование, направленное на обеспечение целостности и комплексности связей, существующих между основными ее структурными элементами (прежде всего компонентами, подсистемами) – правом, правосознанием и правореализацией. Каждый из данных компонентов влияет на правовую систему в целом, и тем самым вносит свой вклад в организацию правовой жизни. Так, правовая система с помощью юридических норм, которые в ней содержатся, отделяет «зерна от плевел», то есть данные нормы выступают критерием правомерного и противоправного поведения.

В зависимости от этого правовая жизнь подразделяется на правомерную (позитивно-световую) и противоправную (негативно-теневую). Правовая жизнь тем и отличается от правовой системы, что кроме позитивно-световой части (с которой в основном и ассоциируется правовая система), включает в себя и противоправную, негативно-теневую, чего в правовой системе нет и быть не может. Иначе это будет уже не правовая система, а нечто похожее на хаос.

Две составные части правовой жизни – правомерная (позитивно-световая) и противоправная (негативно-теневая), между собой выступают в качестве некоего взаимо-сообщающегося сосуда, в котором расширение одной приводит к сужению другой. И наоборот.

Если нормы, будучи критериями поведения субъектов, положительно влияют на правовую жизнь, содействуют ее упорядоченности и расширению позитивно-световой части, то аномичные проявления, как особая разновидность отклонений от данных норм, напротив, хаотизируют ее, увеличивая «площадь» негативно-теневой составляющей, ведь юридическая аномия – это во многом «жизнь вне провозглашенных законов» [12. С. 16]. Вполне можно согласиться с мнением о том, что аномия есть «фактор, оказывающий влияние на дезорганизацию социальной жизни, приводит к широкому распространению девиантного поведения...», что «аномия ведет от заведенного и привычного порядка - к непредсказуемому беспорядку, хаосу, анархии» [24. С. 116]. Верно также подмечено, что «юридическая аномия - это источник возрастания степени конфликтогенности, связанный с деструктивной деятельностью различных субъектов правоотношений, наличием институциональных искажений в правовой, политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности, вызванных отказом от реализации установленных юридических норм и иных социальных норм, деформациями законности и правового порядка, нигилистическим отношением к правовой действительности» [1. С. 7].

Разумеется, аномичные проявления в той или иной степени в жизни существуют всегда. Обоснованно утверждается, что «... в обществе всегда есть аномия, проблема – в ее масштабах» [17. С. 143]. Состояние аномии (в том числе и юридической) неизбежно усиливается тогда, когда происходят существенные и быстрые изменения, затрагивающие социальную структуру и нормы, ослабляющие интегрирующие связи в жизни общества.

Например, в недавней истории России такими изменениями следует признать события перестройки и переход к рыночным отношениям, которые привели к столь значительным сдвигам в макросоциальных и микросоциальных процессах, что многие россияне ощутили себя иммигрантами в собственной стране [15. С. 721]. С началом горбачевских «реформ» (с 1985 года) огромными

темпами стала расти «теневая» экономика, юридические нормы явно «не успевали» за вновь возникшими отношениями и быстро устаревали. «Теневой» она называлась потому, что осуществлялась вне весьма жесткого, но не гибкого советского правового поля, из правомерных (позитивно-световых) данной деятельность погружалась в противоправную (негативно-теневую). При значительном расширении «теневого» сегмента экономической жизни и социальная политика государства соответственно стала «суживаться». Пышным цветом расцвели «теневики», появились индивидуальные предприниматели, кооперативы, а затем и олигархические круги, и другие хозяйствующие субъекты, которые в массе своей «тянули» (в силу своих интересов) правовую жизнь общества в тень. При таких обстоятельствах значительное количество лиц уже не было заинтересовано в соблюдении сдерживающих их правовых норм. Возникла ситуация массовидности (массового нарушения законов). Все больше складывалась классическая аномия, когда прежние нормы права уже не могли упорядочивать «рвущиеся» из юридических рамок социальные взаимодействия, а новые - еще не были институционализированы. После раз渲ала СССР ряд отношений в России вообще стали регулировать не с помощью законов, а посредством Указов Президента РФ Ельцина. Далеко не случайно появилось так называемое «указное право», которое в условиях «прихватизации по-чубайсовски» обеспечило «передачу» государственной собственности в более «надежные руки» - в руки олигархов, якобы «новых русских». «Младореформаторы» с подачи западных кураторов не стали ждать законов, которые вряд ли им позволили бы разворовать страну. Они поэтому «уцепились» за «полутрезвые» ельцинские указы и по-быстрому сформировали класс «эффективных» собственников. Позже Счетная Палата РФ справедливо признала проведенную «прихватизацию» незаконной.

В процессе становления Российской Федерации в ряде республик возникли сепаратистские настроения, что вылилось в «войну законов», когда республиканские нормативные правовые акты все больше стали противоречить центральным. Дело дошло до того, что немалая часть нормативных правовых актов субъектов РФ стала не соответствовать Конституции России и общефедеральному законодательству [14. С. 8]. Достаточно сказать, что, по данным Минюста России, в 1999 году отношение несоответствующих

федеральному законодательству нормативных правовых актов субъектов Федерации к действующим нормативным правовым актам регионов составляло один к трем [25. С. 276-277]. Крепкая социалистическая законность активно распадалась, (перефразируя слова В.И. Ленина), на «казанскую и калужскую».

Специфика юридической аномии российского общества в тот период во многом состояла еще и в значительной криминальной насыщенности, которая выступила в форме криминализации заметной части социума [16. С. 95-96]. Роль среднего класса в тех условиях фактически играли определенные группы преступного мира [4. С. 45]. Разумеется, «маргинальные группы, проявляющие склонность к девиантному и криминальному поведению, есть в любом обществе и в любое время. Конечно, и в советском обществе были проявления аномии (например: мелкое воровство «несунов», массовая мелкая коррупция и пр.), но это считалось болезненными формами девиантного поведения, которое не приобретало системообразующего характера» [13. С. 2]. Кроме преступности, юридическая аномия проявлялась на том этапе, как широко известно, и в виде различного рода правонарушений, и в росте самоубийств, наркомании, алкоголизма и т.п.

Таким образом, юридическая аномия во многом нашла свое выражение в теневых формах правовой жизни того времени, в негативном сегменте юридического бытия. Речь идет не только о «теневой» экономике, но и о «теневых» избирательных технологиях («черном пиаре»), и о «теневом» правотворчестве (всевозможных лоббистских тенденциях), и о «теневой» юстиции (когда юридические споры разрешаются с помощью преступных группировок), и о «теневом» исполнении наказания (например, заочных убийствах) и т.д. Данные аномичные процессы, распространяясь весьма широко, выводили из равновесия социально-экономические и государственно-правовые институты страны.

Россия пережила аномию 90-х годов и в начале 2000 года с избранием Президентом РФ В.В. Путина медленно, но верно стала выходить из этого состояния. Уровень теневой правовой жизни неуклонно снижается, государство и правовая система стали «выздоравливать», экономика и социальная политика «встали на ноги» и уже дают необходимые для общества результаты.

Это, в частности, проявляется в следую-

щем. По оценкам экспертов, если «теневая» экономика в 90-е годы в России составляла от 75% до 90%, то в последнее время она сократилась примерно до 36,5 %¹. Более того, весьма существенно, даже несмотря на весьма жесткие незаконные санкции со стороны Запада, стала расти официальная, так называемая, световая экономика. Достаточно сказать, что в 2023 году экономика России вышла на пятое место в мире после Китая, США, Индии и Японии и на первое место в Европе, обогнав ФРГ. Согласно сообщениям прессы, «Еврокомиссия (ЕК) существенно улучшила прогноз динамики ВВП России в текущем году, прогнозируя рост 2%» [8]. Если же говорить о социальной политике, то расходы на нее в последнее время неуклонно растут, что тоже (хотя и косвенно) свидетельствует о снижении теневого сегмента в социально-экономической жизни общества. Например, по данной статье в новом бюджете на 2024-2026 годы расходы значительно прибавились. В целом «по сравнению с прошлым годом траты из консолидированного бюджета на социальную политику с учетом новых поправок увеличены на 2,2 трлн рублей, то есть на 11%» [10], сообщил глава Комитета Государственной Думы РФ по бюджету и налогам А. Макаров.

Замедлился рост преступности и правонарушаемости в целом. Так, «за последние 10 лет число зарегистрированных преступлений снизилось на 14,6%, что составляет 335,4 тыс. случаев» [23. С. 10]. По данным отчета «Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года», общее количество преступлений в России последовательно снижается, в истекшем году уменьшилось на 1,9%, впервые спустившись ниже отметки в 2 млн (1,997 тыс.). Этот позитивный вывод подтверждает и обзор «Статистика зарегистрированных преступлений в России за 2022 год» [6. С. 23]. Согласно информации Федеральной службы госстатистики, за текущий период наметилась тенденция снижения количества самоубийств с 17192 случаев в 2019 до 15615 в 2021 году.

Одновременно с этими позитивными процессами наблюдается рост доверия россиян к государственно-правовым институтам. Это связано прежде всего с тем, что при определении цифрового государственного управления как высшей степени ориенти-

рованности на потребителя и полной трансформации взаимоотношений его с государством во главу угла ставится прозрачность и подотчетность власти обществу, а также высокий уровень вовлеченности граждан в процессы управления. Таким образом, в ходе своего развития цифровое правительство за счет использования информационно-коммуникативных технологий в государственном секторе все в большей степени способствует поддержке и усилению демократических процессов и расширению доверительного пространства между институтами власти и обществом [11. С. 112].

На основе опросов общественного мнения ВЦИОМ и другие социологические центры отмечают повышение рейтингов доверия лидерам нашей страны. Так, с конца октября по ноябрь 2022 года показатель одобрения деятельности Президента Российской Федерации находился на весьма высоком уровне (75%). На прямой вопрос о доверии Президенту РФ В.В. Путину положительно ответили 80%, о доверии премьер-министру России М.В. Мишустину – более 62% респондентов [2. С. 66-67]. Растет доверие и к судебной системе. В частности, «за четыре года судебная нагрузка выросла более чем на 11 миллионов: в 2017 году было рассмотрено 28 миллионов 5 тысяч дел. И с тех пор с каждым годом работы у судей только прибавлялось. Руководители судебной системы подчеркивают: это свидетельствует о росте доверия к российским судам» [18].

Если же говорить о такой важной составляющей правовой жизни общества, как выборы в органы власти, то в России создана самая открытая и прозрачная избирательная система в мире. За 30 лет, по словам Президента РФ В.В. Путина, в сфере выборов сформирована добротная законодательная база. Кроме того, по его мнению, Россия активно применяет на выборах видеонаблюдение – одну из эффективных форм общественного контроля. Использование подобных современных стандартов позволило добиться существенного роста доверия к выборам, и к самой избирательной системе [5].

Поэтому далеко не случайно, опять же по данным ВЦИОМ, 61% российских граждан доверяют результатам выборов в органы власти в РФ.

В свою очередь в настоящее время ано-

¹ World economics. Indicators: Informal Economy Size as a percentage of GDP. URL: <https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy/Russia.aspx> (дата обращения 01.12.2023).

мичные проявления все больше и больше претворяются в жизнь в США, как самой яркой «витрине» западного мира. Если в конце 20-х годов XX века в Соединенных Штатах была великая депрессия, то в 20-х годах XXI века все яснее обозначаются весомые признаки того, что грядет великая аномия, сопряженная с системным кризисом и многочисленными противоречиями. Так, экономический кризис «сильно замешан» на огромном государственном долге (более 31,5 триллионов долларов), который к тому же постоянно с головокружительной скоростью растет и неумолимо ведет к заметному ослаблению социальной политики и устанавлившегося порядка. В силу того, что государственный долг США — это задолженность, которая (как и всякий иной долг) выступает нарушением, то ее можно считать своеобразной «теневой составляющей» американской экономики.

Среди признаков юридической аномии особое место занимает снижение доверия к государственно-правовым институтам страны. В частности, рейтинг доверия президенту США Джо Байдену достиг рекордно низкого показателя, о чем сообщает CNN². По данным обобщенного анализа опросов, которые опубликовали четыре организации за вторую половину 2023 года, уровень доверия президенту США составил 40%. А одна из них сообщает даже о 33%, что является антирекордом среди показателей предшественников Байдена за аналогичный период срока президентства³. Проведенный опрос NBC показал, что лишь треть граждан США доверяют своему президенту⁴. Снижение рейтинга доверия к президенту часто связывается с палестино-израильским конфликтом. Ослабление позиций Байдена наиболее

заметно среди демократов, большинство из которых считают, что Израиль зашел слишком далеко в своих военных действиях в секторе Газа, а также среди избирателей в возрасте от 18 до 34 лет, причем колоссальные 70% из них не одобряют поведение Байдена в войне⁵.

Уровень доверия американских граждан и к иным государственным институтам своей страны упал до рекордно низких показателей. Об этом свидетельствуют опубликованные результаты исследования социологической службы Gallup⁶. Например, в октябре 2023 года уровень одобрения американцами работы Конгресса упал с 17% до 13%. Это самый низкий рейтинг одобрения Конгресса с октября и ноября 2017 года⁷. Данные сентября 2023 года от социологической службы Gallup показывают, что лишь 41% опрошенных граждан одобряют работу Верховного суда, что близко к рекордному минимуму в 40%. Также испытывают доверие к Верховному Суду 49%, что близко к историческому минимуму в 47%, которое было зафиксировано в 2022 году⁸.

Свидетельством нарастания аномичных процессов выступают и рост преступности, самоубийств, наркомании и т.д. Согласно сообщениям Ассоциации руководителей полиции США, количество убийств в крупных городах выросло на две пятых в период с 2019 по 2022 год, с 6 406 до 9 138. В отношении ограблений также наблюдается отрицательная динамика, а именно рост с 116 587 случаев в 2021 году до 122 119 зарегистрированных эпизодов в 2022 году⁹.

По данным Центра по контролю и профилактике заболеваний США (CDC), в 2022 году число самоубийств в США достигло рекордной отметки в 49 000 человек, что на

² Cillizza C. Joe Biden's poll numbers just aren't getting any better. URL: <https://edition.cnn.com/2022/04/14/politics/biden-approval-rating-polls/index.html> (дата обращения 01.12.2023).

³ Lewis M. Biden and Democrats Should Be Absolutely Terrified by New Poll Numbers URL: <https://news.yahoo.com/biden-democrats-absolutely-terrified-poll-000306776.html> (дата обращения 01.12.2023).

⁴ Todd C., Murray M., Kamisar B., Bowman B. and Marquez A. Just a third of voters say they trust their president and member of Congress: Poll URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/first-read/just-third-voters-say-trust-president-member-congress-poll-rcna53866> (дата обращения 01.12.2023).

⁵ Murray M. Poll: Biden's standing hits new lows amid Israel-Hamas war. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/poll-bidens-standing-hits-new-lows-israel-hamas-war-rcna125251> (дата обращения 01.12.2023).

⁶ Gallup International. URL: <https://gallup-international.com/> (дата обращения 01.12.2023).

⁷ Jeffrey M. Jones Congress' Job Approval Drops to 13%, Lowest Since 2017. URL: <https://news.gallup.com/poll/513410/congress-job-approval-drops-lowest-2017.aspx> (дата обращения 01.12.2023).

⁸ Brenan M. Views of Supreme Court Remain Near Record Lows. URL: <https://news.gallup.com/poll/511820/views-supreme-court-remain-near-record-lows.aspx> (дата обращения 01.12.2023).

⁹ Violent Crime Survey – National Totals Year End Comparison 1 January 1 to December 31, 2022, and 2021. URL: <https://majorcitieschiefs.com/wp-content/uploads/2023/02/MCCA-Violent-Crime-Report-2022-and-2021-Year-End.pdf> (дата обращения 01.12.2023).

2,6% больше, чем годом ранее¹⁰. Более половины всех случаев самоубийств среди американцев в 2022 году были совершены с применением огнестрельного оружия. «Девять из десяти жителей США считают, что страна переживает кризис в области психического здоровья. Это наглядно подтверждается новыми данными по смертности в результате самоубийств, представленными CDC», — говорится в заявлении министра здравоохранения США Хавьера Бесерры¹¹.

Национальный центр статистики здравоохранения (NCHS) приводит данные, согласно которым число смертей от передозировки опиоидами выросло с 21 089 в 2010 году до 47 600 в 2017 году и оставалось стабильным в течение 2019 года. За этим последовал значительный рост в 2020 году и составил 68 630 зарегистрированных смертельных случаев. К концу 2021 года было уже 80 411 зарегистрированных смертельных случаев от передозировки¹². Однако 2022 год, по информации от CNN, побил все рекорды, и цифра смертельных исходов перевалила за 100 тысяч случаев¹³.

Наряду с юридической в США находят свое проявление и политические, и нравственные аномичные процессы, которые самым тесным образом взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга.

Элементами политической аномии там можно признать: деградацию института выборов (прежде всего, президента), свидетельством чего выступают многочисленные массовые нарушения (от давно устаревшего порядка их проведения и процедуры подсчета голосов до голосования по почте и даже «с кладбищ»); чрезмерная политизация ЛГБТ-идеологии и движения «жизнь черных имеет значение»; травля политических оппонентов и «судебно-юридические» репрессии в отношении конкурентов и неугодных псевдodemократическому режиму; использование в политическом процессе подконтрольных и во многом продажных средств массовой информации, которые не гнушаются ложных сведений; фактическое уничтожение «глубинным» государством

политической системы. В США политика строится исходя из интересов финансово-олигархических кланов, проталкивающих во власть своих людей. Политические нормы в такой ситуации начинают существовать в виде правил, которыми мало кто пользуется и тем самым происходит нарастание политических отклонений. Отсюда политическая аномия приводит к состоянию рассогласованности между нормативно-ценностными требованиями политической системы и отчужденным от нее поведением основного населения, что негативным образом сказывается на политической жизни американского общества.

К тому же, как подчеркивается в прессе, «граждане США разуверились в так называемой «американской мечте» — знаменитой национальной идеи жителей Америки, согласно которой упорный труд обязательно приводит к успеху и процветанию... В частности, отвечая на соответствующий вопрос об «американской мечте», 45 процентов опрошенных заявили, что эта идея работала раньше, но больше не работает, а 18 процентов — отметили, что никогда не считали ее правдивой... Тенденция на рост пессимизма среди американцев в отношении базовой национальной идеи, являющейся основой социального договора в Америке, очевидна, комментируют местные СМИ результаты социисследования. Количество граждан США, которые считают, что «американская мечта» никогда не была реальностью, выросло более чем в два раза по сравнению с результатами предыдущих опросов, пишет издание Axios. Показательна реакция респондентов и на вопрос о том, «сложена ли политическая и экономическая система страны против таких людей, как я». 50 процентов опрошенных ответили утвердительно. Более того, «73 процента ответили, что Америка двигается в неправильном направлении» [3].

Нравственные же аномичные процессы сопряжены с духовной деградацией, с сознанием человека, «оторванным» от моральных корней и норм, от соответствующих обязанностей, потерявшим тем самым проч-

¹⁰ Singh K. US suicide deaths reached record high in 2022, CDC data shows. URL: <https://www.reuters.com/world/us/us-suicide-deaths-reached-record-high-2022-cdc-data-shows-2023-08-11/> (дата обращения 01.12.2023).

¹¹ Singh K. US suicide deaths reached record high in 2022, CDC data shows. URL: <https://www.reuters.com/world/us/us-suicide-deaths-reached-record-high-2022-cdc-data-shows-2023-08-11/> (дата обращения 01.12.2023).

¹² Drug Overdose Death Rates. URL: <https://nida.nih.gov/research-topics/trends-statistics/overdose-death-rates> (дата обращения 01.12.2023).

¹³ McPhillips D. US drug overdose deaths, fueled by synthetic opioids, hit a new high in 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/18/health/drug-overdose-deaths-2022/index.html> (дата обращения 01.12.2023).

ные этические основы для своего поведения. Подобные проявления все чаще происходят в США и ряде других западных стран, где власти и немалая часть населения, провозгласив однополые браки и ЛГБТ-идеологию, по сути, отказываются от определенных нравственно-религиозных ценностей (от христианства, от традиционных семейных отношений и т.д.). Данные неолиберальные практики ведут к ослаблению социальных связей между поколениями, к распространению различного рода суррогатных религий и сатанизма, и в конечном счете, к дисфункциональности правовых и политических институтов. Поэтому далеко не случайно нравственную аномию связывают с ростом преступности, абсентеизма, новых правил, пропагандирующих ЛГБТ-ценности и т.п. Парадоксально, но факт: достигнув достаточно высокого уровня финансово-экономического и информационно-технологического развития, США и другие западные страны вместе с тем заметно снизили уровень духовно-нравственных отношений, столкнувшись с угрозами утраты устойчивых моральных принципов и религиозных ориентиров.

Таким образом, юридическая аномия может быть сопряжена с отказом от исполнения не только установленных юридических, но и иных социальных норм (политических, нравственных и т.д.). Исследуя данные проблемы, в литературе выделили даже особую форму юридической аномии – дисномию. В частности, подчеркивается, что «наиболее опасной формой юридической аномии является дисномия, предусматривающая отказ от всех видов нормативности (юридической, нравственной и др.), сопровождаемая анти-

демократической трансформацией институтов публичной власти, опирающихся в целях поддержания порядка и целостности национально-правового пространства на репрессивные методы и принципы негативного права» [1. С. 9]. Отсюда юридическая аномия – это не только нарушение правовых норм и связей, существующих между правовыми, нравственными и политическими предписаниями, но и «перевод» соответствующей жизнедеятельности в негативно-теневую плоскость развития.

Заключение

Следовательно, юридическая аномия весьма существенным образом влияет на правовую жизнь общества через ее правовую систему. Аномичные процессы, будучи дестабилизирующими фактором для последней, тем самым хаотизируют любую жизнедеятельность, в том числе и правовую, заметно усиливая ее теневую составляющую. Данное обстоятельство выступает одним из признаков юридической аномии, ибо тем самым в содержательном плане создается ряд опасных для общества юридических последствий: нарушения прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка, пагубное воздействие на сознание личности и т.д.

Примечание:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Литература:

1. Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности: диссертация ... кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009.
2. Вдовиченко Л.Н. Доверие как важный фактор социальной стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 64-72.
3. Гасюк А. Соцопрос: Граждане США больше не верят в «американскую мечту» // Российская газета. 27 ноября 2023 г. № 9213
4. Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение: диссертация ... кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011.
5. Герейханова А. Работа на выбор. Владимир Путин встретился с представителями избиркомов // Российская газета. 17 ноября 2023. № 9206.
6. Гирько С.И. Современная преступность в Российской Федерации как вызов и угроза национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3. С. 21-27.
7. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. М., 2003.

8. Гусенко М. Экономика с плюсом. ЕК улучшила прогноз по росту ВВП России до 2% // Российская газета. 16 ноября 2023 г. № 9205
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
10. Замахина Т. Проект нового бюджета прошел второе чтение // Российская газета. 16 ноября 2023 г. № 9205.
11. Иванов Д.Ю., Волков В.А. Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти и общества в условиях цифровизации государственного управления // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 107-117.
12. Кавецкий С.Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект: автореферат ... доктора социологических наук. Минск, 2020.
13. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013.
14. Контарев М.В. Об обеспечении единства правового пространства России и задачах территориальных органов Министерства юстиции РФ // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2005. № 11. С. 8-19.
15. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 719-730.
16. Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93-97.
17. Кузьменков В.А. Аномия и гедонизм: поиск взаимосвязи // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 142-145.
18. Куликов В. Председатель ВС РФ Вячеслав Лебедев: Суды рассмотрели рекордное количество дел // Российская газета. 14 февраля 2022 г. №8680
19. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5-13.
20. Малько А.В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 7-18.
21. Малько А.В. Теневая правовая жизнь общества: основы теории // Теневая правовая жизнь общества. М., 2023.
22. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004.
23. Паршинцева Л.С. Анализ и прогнозирование преступности в России как инструмент эффективного государственного управления в социальной сфере // Вопросы безопасности. 2023. № 2. С. 9-18.
24. Ревочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 115-117.
25. Сосенков Ф.С. Проблемы единого правового пространства как результат противодействия правотворческому сепаратизму // Сборник материалов X Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме (15-16 декабря 2012 года): в 3-х томах. Кострома, 2013. Т. 2. С. 276-277.

LEGAL ANOMIE IN THE LEGAL LIFE OF MODERN SOCIETY

Introduction. The article analyzes the problems associated with such a modern challenge as legal anomie. And although anomie is studied very actively in philosophy and sociology, this cannot be said about legal science. The authors advocate the creation of a theory of legal anomie, in which they propose to explore its essence, content and structure, and give it a general characteristic. In this regard, the article examines the concept and signs of legal anomie, shows its place and role not only in the legal system, but also in the legal life of society.

Materials and methods. The methodological basis of the research is based on the following general scientific and special methods of cognition of the manifestation of legal anomie in the legal life of modern society: materialistic dialectics, complex and systematic approaches, sociological and statistical, comparative legal and formal legal methods.

The results of the study. Anomalous processes are investigated both in relation to the legal system

and in relation to a broader category – the legal life of society. Cognition in this way allowed us to "enter" the shadow component of legal life, which is reinforced by abnormal manifestations. As a result of the analysis, it was revealed that legal anomie can be associated with the refusal to comply not only with established legal, but also with other social norms (political, moral, etc.), which sometimes allows it to transform into a special form – dysnomy. Based on the results of the analysis based on statistical and sociological data, it was revealed that the legal anomie that existed in Russia in the 90s has mostly been overcome, in Western countries (primarily in the USA) it is only "gaining momentum", acting as a significant threat to their development.

Discussion and conclusion. It is proved that legal anomie has a very significant impact on the legal life of society through its legal system. Abnormal processes, being a destabilizing factor for the latter, thereby chaoticize any vital activity, including legal

ones. Such a circumstance is one of the signs of legal anomie, because thereby, in terms of content, a number of legal consequences dangerous to society are created: violations of human and civil rights and freedoms, legality and law and order, harmful effects on the consciousness of the individual, etc.

Alexander V. Malko,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation, Professor
of the Department of Constitutional and
Administrative Law, Chief Researcher
at Tolyatti State University, Russia

Dmitry A. Lipinsky,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Chief Researcher at
Tolyatti State University, Russia

Roman S. Markunin,
PhD in Law, Associate Professor, Senior
Researcher at Tolyatti State University, Russia

Alexander A. Ivanov,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Senior Researcher
at Tolyatti State University, Russia

Note:

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Ключевые слова: _____
правовая система и правовая жизнь
общества, проявления юридической
аномии в России 90-х годов и в современных
США

Keywords: _____
the legal system and the legal life of society,
manifestations of legal anomie in Russia of the
90s and in the modern USA

References:

1. Borozdina, M.S., 2009. Juridicheskaja anomija v institucional'noj transformacii sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti [Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood]: dissertation ... candidate of law. Rostov-on-Don.
2. Vdovichenko, L.N., 2023. Doverie kak vazhnyj faktor social'noj stabilitnosti [Trust as an important factor of social stability]. *Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie»* [Bulletin of the Russian State University. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism"]. № 2. P. 64-72.
3. Gasyuk, A., 2023. Socopros: Grazhdane SSHA bol'she ne veryat v «amerikanskiju mechtu» [Opinion poll: US citizens no longer believe in the "American Dream"]. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. № 9213.
4. Gerashchenko, D.G., 2011. Pravovaja anomija v rossijskom obshhestve: strukturno-dejatel'nostnoe izmerenie [Legal anomie in Russian society: a structural and activity dimension]: dissertation ... candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don.
5. Gereikhanova, A., 2023. Rabota na vybor. Vladimir Putin vstretilsja s predstaviteljami izbirkomov [Work to choose from. Vladimir Putin met with representatives of election commissions]. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. № 9206.
6. Girko, S.I., 2023. Sovremennaja prestupnost' v Rossijskoj Federacii kak vyzov i ugroza nacional'noj bezopasnosti [Modern crime in the Russian Federation as a challenge and threat to national security]. *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 3. P. 21-27.
7. Goyman-Kalinsky, I.V., Ivanets, G.I., Chervonyuk, V.I., 2003. Jelementarnye nachala obshhej teorii prava [Elementary principles of the general theory of law]. Moscow.
8. Gusenko, M., 2023. EK uluchshila prognoz po rostu VVP Rossii do 2% [The economy is a plus. The EC has improved the forecast for Russia's GDP growth to 2%]. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. № 9205.
9. Durkheim, E., 1994. Samoubijstvo. Sociologicheskij jetjud [Suicide. A sociological study]. Moscow.
10. Zamakhina, T., 2023. Proekt novogo bjudzhetu proshel vtoroe chtenie [The draft of the new budget has passed the second reading]. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. № 9205.
11. Ivanov, D.Yu., Volkov, V.A., 2023. Formirovanie mehanizmov i tehnologij vzaimodejstvija organov vlasti i obshhestva v uslovijah cifrovizacii gosudarstvennogo upravlenija [Formation of mechanisms and technologies of interaction between authorities and society in the conditions of digitalization of public administration]. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye* [Managerial consulting]. № 9. P. 107-117.

12. Kavetsky, S.T., 2020. *Anomija v sovremennom obshhestve: sociologicheskij aspekt* [Anomie in modern society: a sociological aspect]: abstract ... doctor of sociological sciences. Minsk.
13. Kara-Murza, S.G., 2013. *Anomija v Rossii: prichiny i projavlenija* [Anomie in Russia: causes and manifestations]. Moscow.
14. Kontarev, M.V., 2005. *Ob obespechenii edinstva pravovogo prostranstva Rossii i zadachah territorial'nyh organov Ministerstva justicij RF* [On ensuring the unity of the legal space of Russia and the tasks of the territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. *Bulleten' Ministerstva justicij RF* [Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. № 11. P. 8-19.
15. Kostina, E.Yu., Orlova, N.A., Panfilova, A.O., 2018. *Sostojanie sistemy cennostej kak faktor anomii v sovremennom rossijskom obshhestve* [The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija* [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]. Vol. 18. № 4. P. 719-730.
16. Krivosheev, V.V., 2004. *Osobennosti anomii v sovremennom rossijskom obshhestve* [Features of anomie in modern Russian society]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. № 3. P. 93-97.
17. Kuzmenkov, V.A., 2020. *Anomija i gedonizm: poisk vzaimosvazi* [Anomie and hedonism: the search for interconnection]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 13. Issue. 2. P. 142-145.
18. Kulikov, V., 2022. *Predsedatel' VS RF Vjacheslav Lebedev: Sudy rassmotreli rekordnoe kolichestvo del* [Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Vyacheslav Lebedev: The courts have considered a record number of cases]. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. № 8680.
19. Malko, A.V., 2001. *Kategorija «pravovaja zhizn»: problemy stanovlenija* [Category "legal life": problems of formation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. № 5. P. 5-13.
20. Malko, A.V., 2023. *Pravovaja zhizn' obshhestva, anomija i problemy edinstva pravovogo prostranstva v sovremennoj Rossii* [The legal life of society, anomie and problems of the unity of the legal space in modern Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. No. 3. P. 7-18.
21. Malko, A.V., 2023. *Tenevaja pravovaja zhizn' obshhestva: osnovy teorii* [Shadow legal life of society: fundamentals of theory]. *Tenevaja pravovaja zhizn' obshhestva* [The shadow legal life of society]. Moscow.
22. Muromtsev, S.A., 2004. *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. St. Petersburg.
23. Parshintseva, L.S., 2023. *Analiz i prognozirovaniye prestupnosti v Rossii kak instrument effektivnogo gosudarstvennogo upravlenija v social'noj sfere* [Analysis and forecasting of crime in Russia as an instrument of effective public administration in the social sphere]. *Voprosy bezopasnosti* [Issues of security]. № 2. P. 9-18.
24. Revochkin, N.N., 2014. *Anomija kak global'nyj faktor dezorganizacii sovremennoj obshhestva: filosofskij aspekt* [Anomie as a global factor of disorganization of modern society: a philosophical aspect]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU]. № 2. P. 115-117.
25. Sosenkov, F.S., 2013. *Problemy edinogo pravovogo prostranstva kak rezul'tat protivodejstvija pravotvorcheskomu separatizmu* [Problems of a unified legal space as a result of countering law-making separatism]. *Sbornik materialov X Vserossijskikh dekabr'skih juridicheskikh chtenij v Kostrome (15-16 dekabrya 2012 goda): v 3-h tomah* [Collection of materials of the X All-Russian December legal readings in Kostroma (December 15-16, 2012): in 3 volumes]. Vol. 2. P. 276-277.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Митин*
Михаил Паршуков**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-24-43

Введение. В статье представлен анализ правовой и информационной политики государства при сохранении и укреплении общечеловеческих и традиционных духовно-нравственных ценностей, что является условием сохранения государственности и укрепления суверенитета страны, обеспечения их информационной безопасности. Сущность ценности состоит не только в ее социальной, материальной, нравственной или духовной значимости, но и в приоритетности для человека или общества. Ценности задают порядок функционирования правовой системы, а традиционные духовно-нравственные ценности – их разновидность. Общечеловеческие ценности, ни место, ни время возникновения которых как понятия неизвестно, сегодня рассматриваются как нравственный язык столетий развития мировой цивилизации. Общечеловеческими их делают универсальность, историческая устойчивость, постоянство, объективность, общепризнанность в мировом масштабе, и позитивная коннотация с признанием в формате общих нравственных принципов человечества. Но, к сожалению, в условиях глобализации все настойчивее общечеловеческим ценностям противопоставляются ценности светско-рациональные, потребления, нетрадиционного самовыражения. Тем не менее все общечеловеческие ценности, необходимые для мирного сосуществования людей, народов, формирования государственности, все же претерпевают изменения вместе с человеком, им в этих процессах требуется необходимая защита. Особое внимание фокусируется на задаче российского общества и государства по сохранению и укреплению

* **Митин Александр Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: sov@usla.ru
ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

** **Паршуков Михаил Игоревич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: m-parshukov@usla.ru
ORCID ID: 0000-0002-4008-6617

не любых ценностей – но именно и только традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Они имеют ключевое значение для сбережения российского народа, сохранения единства страны, обеспечения национальных интересов, государственной и общественной безопасности. Духовность и нравственность в статье охарактеризованы более подробно, что повлияло на вывод о необходимости рассмотрения традиционных российских духовно - нравственных ценностей как правовой категории. При рассмотрении системы обеспечения информационной безопасности, авторы предлагают новое понятие: «деструктивное информационное воздействие» с характеристикой его значения в рамках темы исследования. Основными направлениями мероприятий, форм и методов защиты человеческих и традиционных российских духовно-нравственных ценностей в статье называются обеспечение конфиденциальности, целостности и достоверности информации. Для этого на практике применяются многочисленные группы методов: организационные, правовые и технологические, а также криптографические, технические, аппаратные, программные. Поскольку в государственной политике перечень угроз расширен и максимально конкретизирован, статья содержит меры противодействия им. Сделаны выводы о том, что в России, при создании управленческих, информационных, технологических, а также других систем защиты разного свойства своих национальных ценностей, надо быть «страной проектной сборки», страной новаторской. Ключевыми задачами в этом случае для государства-цивилизации будут: поиск и придумывание идей, превращение их в достижения; реформирование смыслового мира русской культуры; выработка новых духовно-нравственных ориентиров. В заключительной части статьи сформулированы предложения о совершенствовании нормативной правовой базы.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частно-научные методы познания. В работе активно применялись методы системного, сравнительно-правового анализа, специальные философско-правовые исследовательские инструменты, привлечение результатов российских и зарубежных исследований по вопросам ценностей и ценностных ориентаций, формирования систем информационной безопасности.

Результаты исследования. По результатам проведенного анализа была выявлена исключительная значимость общечеловеческих и отечественных традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые остаются нравственными ориентирами, передаются от поколения к поколению, обеспечивая гражданское единство. Для их сохранения и укрепления, предотвращения основных угроз деструктивных идеологий требуется системная и вместе с тем комплексная работа, в которой особо выделяется активное совершенствование форм и методов управления информационным пространством в контексте продуманной перспективной информационной политики и на основе внедрения новых технологических решений, обновление законодательства, постепенное формирование принципиально иных, чем прежде, форм международного сотрудничества. Помимо рассмотрения национальных интересов с точки зрения геополитики, экономики, военной безопасности чрезвычайно важно их оценивать применительно к общественным устоям, цивилизационному единству, духовному состоянию российского общества, укреплению государственности. Анализ исследований дает основание полагать, что государство на постхристианском Западе претерпевает не лучшие времена, где социальные, семейные и экономические кризисы, деформация многих правовых ценностей отрицательно влияет на общество. Все это вместе взятое повлияло на желание ученых по-новому взглянуть на современную ситуацию в стране и в мире, предложить некоторые рекомендации относительно сохранения, информационной защиты общечеловеческих и отечественных духовно-нравственных ценностей. Оставаясь реалистами, авторы признают, что без юридического сопровождения по этой проблематике, без системных мероприятий в отношении активизации всех возможных форм информационной защиты ценностей, практика укрепления государственности останется только в сфере дискуссий.

Обсуждение и заключение. Обосновывается вывод о том, что обеспечение информационной безопасности известных и вновь возникающих ценностей для России – это забота многих последующих поколений. Основными ценностными ориентирами российской культуры остаются сильное суверенное государство, качество государственности и единый народ.

Введение

Опыт развития человечества подтверждает, что ценности всегда формируются в процессе длительного исторического развития и являются продуктом мировоззрения. Часть из них в обществе признается основными ориентирами, влияющими на выбор норм поведения, получает статус традиционных ценностей, что позволяет им быть формой негласного соглашения членов сообщества. Параллельно происходит процесс закрепления каких-то ценностей в формальных актах – законах, распоряжениях, внутренних нормативных актах организаций. Духовные ценности определяются религиозными канонами различных конфессий. Весомая часть ценностей остается у носителей разных культур, этносов, культурных сообществ, что обеспечивает их взаимодействие, бесконфликтное сосуществование и творческое сотрудничество. В философии Античности, Средневековья, Возрождения, Просвещения ценности, мировоззрение на их основе формировались в контексте проблем этики и эстетики, после чего выявлялись духовные ориентиры, а ценностные характеристики включались в саму жизнь, рассматривались как одно целое в неразрывности с реальностью.

Сам термин «ценность» происходит от латинского слова «valere», что означает «быть достойным». По существу, это абстрактный термин, который у экономистов рассматривается как экономическая концепция. Утверждения Джона Дьюи об этом свидетельствуют: ценность в первую очередь означает оценивать, ценить, давать оценку: «It means the act of cherishing something, holding it clear and also, the act of passing judgment upon the nature and amount of its value as compared with something else» [27]. Однако в действительности ценность сама по себе не всегда может иметь предметное выражение, отражать только экономическую природу. Как правило, она указывает на определенную идею, которая выражает та или иная ценность. В случае идеализации

ценности она нередко становится социальным идеалом, к которому стремятся люди и который выбирается добровольно. Так что сущность ценности состоит еще и в ее социальной значимости, приоритетности для человека или общества. От ценностей зависят и те цели, к которым стремятся отдельный человек, социальные группы, большие или малые организации. В исследованиях Сократа наблюдается поиск природы справедливости, призывы к сохранению ценности дружбы. Аристотель утверждал, что человеческие ценности формируют социальное поведение. У Гегеля есть выводы, что система ценностей формируется только благодаря социальному опыту. Исследователи многократно отмечали, что с развитием человечества и ценностные системы пребывали и пребывают в становлении, а их временные масштабы не совпадают с социокультурной реальностью. В современном мире так же значимы нравственные и эстетические ценности античности, гуманистические идеалы христианства, рационализм Нового времени, парадигма ненасилия XX века и многое другое. Важно, что общечеловеческие ценности, в первую очередь жизнь, здоровье, образуют ценностные ориентации как приоритеты социокультурного развития этносов или личности, закрепленные социальной практикой или жизненным опытом человека.

Они остаются системой аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией. Однако, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, она воспроизводится тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности. Среди таких максим выделяют ценностные ориентации на семью, образование, труд, общественную деятельность, другие сферы самоутверждения человека. В современную эпоху глобальных перемен особое значение приобретают абсолютные ценности добра, красоты, истины и веры как

фундаментальные основания соответствующих форм духовной культуры, предполагающие гармонию, меру, равновесие целостного мира человека и его конструктивного жизнеутверждения в культуре. И поскольку актуальное социокультурное измерение определяется сегодня не столько бытием, сколько его изменением, - добро, красота, истина и вера означают не столько приверженность абсолютным ценностям, сколько их поиск и обретение [19].

В исследованиях обобщенно выделяют три вида ценностей: материальные, духовные и социальные. К материальным, относят реальные объекты окружающего мира, артефакты, которые необходимы человеку для ощущения обычного и даже комфортного существования. Духовные признаются порождением сознания человека, опираются на общечеловеческие ценности. Их значимость оценивается, в первую очередь, мифами, культурными традициями, моральными и нравственными нормами, мировоззренческими установками, они чаще всего связаны с эстетическими переживаниями, выражением чувства прекрасного, с наслаждением от формы, звука, цвета, движения, ласки, запаха и др. Социальные ценности связаны с межличностными отношениями и представлением человека о месте в обществе: чувства причастности, принадлежности, дружбы, семьи, здоровья, образования, карьеры, идентификации себя с обществом, государством и т. д.

Ценности признаются ментальными образованиями и доступны для исследования только через свои вербальные и невербальные знаковые объективации. При их анализе можно обнаружить не одно, а несколько представлений о содержании определенной ценности, множественные ментальные представления о содержании одной и той же ценности. Для примера интересна известная притча о трех работниках, которые возили на тачке камни для строящегося собора. На вопрос проходящего мимо гражданина: «Что ты делаешь?» Первый ответил: «Камни вожу». Второй сказал, что он зарабатывает деньги на хлеб. А третий не без гордости ответил: «Я строю Шартрский собор!» В ответах каждого из работников просматриваются различные целеполагания и ценности, придающие их труду определенный смысл. Эта средневековая притча не только отразила обыденное сознание простого человека, но и воспроизвела введенное Аристотелем различение понятий «бытия» и сверхбытийной «сущности», понимаемой

как «некая цель, желанная нам сама по себе» [2. С. 54–55].

Особое значение, как уже отмечалось, имеют общечеловеческие ценности, сформировавшиеся в процессе развития социальных потребностей и самосознания человека. Ни место, ни время возникновения этого понятия неизвестно, равно как неизвестно и его авторство. Данное словосочетание остается предметом исследования этимологов и культурологов.

Постепенно они стали рассматриваться как нравственный язык столетий развития мировой цивилизации. Общечеловеческими их делают антропоцентричность, универсальность, общепринятость, вседоступность, постоянство, объективность, универсальность, общепризнанность в мировом масштабе, позитивная (положительная) коннотация, историческая устойчивость (в данном случае мы говорим, прежде всего, про общечеловеческие моральные ценности), которые основываются на признании системы общих нравственных принципов человечества. На данный момент в соответствующей научной литературе содержатся многие десятки определений понятия «общечеловеческие ценности», которые принадлежат авторам, специализирующимся в различных научных сферах (философия, психология, управление, право, социология, лингвистика и т.п.). Однако их всех объединяет одна характерная черта: стремление найти сущностные признаки общечеловеческих ценностей и с их помощью постараться сформулировать максимально точное и четкое определение рассматриваемого понятия. Набор общечеловеческих ценностей содержится в религиозных источниках (Ветхий Завет, Новый Завет, Коран). Так, шесть из десяти заповедей, которые, по преданию, Бог передал людям через пророка Моисея, содержат общечеловеческие ценности: «чи отца твоего и мать твою; не убий; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; не пожелай добра ближнего твоего». Мусульман разделяют общий набор основных принципов веры, которые называются «столпы веры». Эти принципы составляют основу исламской системы верований. В основе исламского закона (Шариата) лежит стремление сохранить базовые ценности человека, среди которых: религия; жизнь; семья; разум; имущество. В представление Ислама, эти базовые ценности известны как «вещи первой необходимости», потому что они считаются основой для целостного развития человека и общества.

Исследователи на основе сравнительно-сопоставительного анализа Священных Писаний единобожия (Торы, Ветхого завета, Нового Завета и Корана), а также Священных Преданий язычников, которые, заметим, являлись на протяжении всей истории существования человечества мировоззренческой, морально-нравственной и правовой основой, пришли к выводу о наличии трех основных стадий (эпох), которые последовательно сменяли друг друга. В частности, это стадии язычества, единобожия и научного мировосприятия. Замечено, что в эти эпохи многие ценности не совпадали по своему смысловому содержанию. Например, ценность «жизнь» для язычников определяется, как правило, ее качеством на земле и в подземном мире, который для них является подобием земной жизни с ее нуждами и заботами. Поэтому и погребали язычников не только с артефактами - ценностями, оружием, домашней утварью, а также с конем, рабами и женами. А для тех, кто исповедует единобожие, ценность земной жизни зависит от того, насколько она обеспечивает ему доступ к вечной жизни на небесах, где он не будет иметь нужды ни в чем земном. Исследователь Фюстель де Куланж отмечает, что язычники были уверены в обязательствах сугубо перед своими родоплеменными богами и теми, кто им поклоняется, а потому вели войны на истребление тех племен, которые имеют чуждых им богов-покровителей [23]. Тот же Чингисхан при вторжении в Туркестан и переднюю Азию, разрешал воинам безжалостно разрушать поселения, которые встречались на их пути, превращать города в руины, вырубать сады, уничтожая поля и ирригационные сооружения [16. С. 20-23].

В настоящее время в научном и экспертном сообществе доминирует точка зрения, согласно которой общечеловеческие ценности, как правило, имеют характер принципов (в том числе моральных), сформулированных на уровне высокой степени обобщения [25. С. 66]. В Декларации тысячелетия ООН, принятой в 2000 году, особое внимание уделяется фундаментальным (общечеловеческим) ценностям: свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общая обязанность. Через три года в лекции, посвященной глобальной этике и праву, которую 12 декабря 2003 г. прочитал в Тюбингенском университете (Германия) тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, было акцентировано внимание на том принципиальном моменте, что в эпоху глобализации общечеловеческие

ценности более востребованы, чем когда-либо прежде. Каждое общество нуждается в том, чтобы его члены были связаны общими ценностями: тогда они знают, чего ожидать друг от друга, и имеют некоторые общие принципы, на основе которых можно нивелировать различия, существующие между ними, не прибегая к насилию [16]. Априори, все общечеловеческие ценности необходимые для мирного сосуществования людей, народов, формирования государственности, хотя и являются субъективным обобщением объективных начал человеческого сосуществования, все же претерпевают изменения вместе с человеком, поскольку прогресс в обществе необратим, и ценностям в этом процессе требуется необходимая безопасность. Значение и роль защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей для национальной безопасности России подчеркивается во многих доктринальных документах государства. Вместе с тем здесь требуется закрепить в законодательстве еще и ряд правовых категорий, поскольку, помимо доктринальных положений, требуются еще и правовые документы нормативного характера. Это причины, связанные с большой разницей в их юридической силе. Особое внимание должно быть уделено созданию в стране комплексной системы защиты ценностей в сфере информационной безопасности.

Исследование

Аналитические исследования дают основания утверждать, что до принятия Декларации ООН, количество общечеловеческих ценностей, предельных по своей значимости, отражающих фундаментальные отношения и потребности людей, предлагаемых авторами в своих классификациях, отличается разнообразием по названиям. По итогам кросс-культурного исследования, проведенного С. С. Шварцем, им было выявлено 66 ценностей в 20 культурах, и с помощью статистики он назвал 110 наиболее универсальных. Среди них: самостоятельность, разнообразие жизни, гедонизм, достижение, власть, безопасность и др. [24. С. 67]. Позднее эта тенденция была продолжена, что свидетельствует об интересе к исследованию общечеловеческих ценностей в различных отраслях наук. В диссертации Ж.А. Кедейбаевой представлены общечеловеческие ценности: личность, индивидуализм, взаимозависимость, возраст, пол, семья, качество отношений, значение авторитета, ролевого

поведения, мобильность, общество, особенности взаимодействия, отношение человека к природе, пути ее познания и др. [9. С. 132]. В числе общечеловеческих ценностей К. У. Камбарова видит: мир, жизнь человечества, представления о справедливости, свободе, правах и обязанностях людей, дружбе и любви, родственные связи, ценности самосохранения, ценности самоутверждения и др. [10. С. 1810-1812].

Основываясь на результатах многочисленных исследований, в том числе в контексте публикаций по апологии (защитная речь), можно предположить, что понимание общечеловеческих ценностей как нравственных и эстетических норм и принципов, поведенческое значение которых признает и разделяет большинство людей независимо от расовой, национальной, культурной, религиозной, социальной, экономической и другой принадлежности, позволяет ориентировать социализацию человека, его личностное становление в направлении его социальной полезности для себя и для общества. Именно в этом проявляется феномен естественного существования человека и удовлетворения его эмоциональных потребностей [10. С. 21].

В глубоком современном исследовании В.И. Ефимова и В.М. Таланова [7. С. 122-125] привлекает еще одно авторское понятие - "общечеловеческие ценности". Это то реальное (не воображаемое, не утопическое), что непременно является желанным, имеет непреходящую существенную значимость для каждой нормальной личности любого возраста и любого типа общества, а отсюда, и для человечества, как единства всех людей на любом этапе его существования и развития, и, тем самым, и для всякого государства, поскольку оно своей политикой должно служить и служит обществу своей страны, ее гражданам. В соответствии с этим они выделяют три типа систем общечеловеческих ценностей: для каждого человека как личности, для человечества в целом, для любого государства. Исходной, по мнению авторов, является система общелюдских ценностей. Среди них важнейшая, центральная, исходная ценность – это жизнь, выступающая в качестве основы ценностей первого типа.

Но любая нормальная личность желает не просто жить, а жить без болезней, физических и психических страданий,увечий, травм, плохого самочувствия. Отсюда одной из главных общелюдских ценностей, непосредственно связанных с жизнью, является здоровье как высшая медицинская цен-

ность. Чтобы жить и быть здоровым, нужно иметь благо (блага), т. е. благоприятные условия для жизни и здоровья, а значит, благополучие, благоденствие, благосостояние. Наличие материального и духовного обеспечения жизни и здоровья лежит в основе любого вида деятельности каждого человека в любом обществе. Поэтому высшая утилитарная общелюдская ценность - благо. В единстве с рассмотренными ценностями всегда происходит осознание каждым человеком того, насколько соответствуют межчеловеческие отношения, морально-правовые установления, порядок в обществе и т.п. его представлениям и понятиям о необходимом (нужном, должном, правильном), о своих правах, интересах, достоинстве. Поэтому высшей морально-правовой общелюдской ценностью является справедливость.

Исследователи предлагают еще один тезис, относящийся к общечеловеческим ценностям. Они считают, что это понятия, имеющие максимальный объем, но, в соответствии с законом логики об обратном соотношении содержания и объема понятия, содержание этих понятий будет минимальным. И поэтому под общечеловеческими ценностями можно подразумевать абстракции добра, свободы, справедливости, уважения, мира, любви, процветания и т.п. Призыв к таким ценностям фактически ничего не изменяет, потому что каждый народ, каждая культура и каждая эпоха наделяет их своеобразным смыслом, но именно это специфическое наполнение и исключается из рассмотрения при переходе к общечеловеческим ценностям [12. С. 89-90].

Мы придерживаемся взгляда, что всякий человек - деятельное (деятельностное) биосоциальное существо, единство «психо» и «сомо». Деятельность людей включает в себя кроме рутинности, утомительности, неудач, разочарований еще и такой исключительно важный сугубо человеческий компонент, как творчество. И первобытный, и современный человек (взрослый и ребенок) всегда испытывали особые, радостные эмоции, чувства, когда удавалось открыть, придумать, изобрести, создать что-то новое по сравнению с творениями природы, усовершенствовать это новое. Именно творчество в наибольшей степени позволяет человеку осознать свое "Я", свою значимость, проникнуться самоуважением, реализовать самоактуализацию, получить признание со стороны других людей, общества. Значит, высшая деятельностьная ценность - творчество. Оно особенно ярко проявляется в познании

нового, неизвестного, в познавательной и художественной деятельности (например, в тех же стихах), высшими достижениями которых являются истина и прекрасное, в чем люди всегда нуждались и которым придавали важное значение. Отсюда высшая духовная для людей ценность - истина, а высшая эстетическая - проявление прекрасного.

В Идеях мыслителей Нового времени впервые обозначается приоритет интересов личности перед интересами государства, создание которого должно быть подчинено одной цели - соблюдение прав и интересов граждан. Вместе с тем появляются размышления относительно лучшего понимания сущности ценностей, их разделения на общечеловеческие и традиционные. И это была очень непростая задача.

Общество на определенном этапе своего развития приходит к осознанию необходимости выработки норм поведения удовлетворяющих большинство. Традиции всегда включают в себя многочисленные процессы, представляющие развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в обществе, а также нормы, влияющие на поведение: нормы права; нормы морали; нормы обрядов; религиозные нормы; корпоративные нормы. В процессах, связанных с традициями, даже параллельно идущих во времени, всегда происходит их новое формирование, закрепление и хранение, межпоколенческая и территориальная трансляция, изменение, развитие, исчезновение устаревших. Традиции, (лат. *traditio*, букв. передача) даже в силу присущей их стабильности, всегда подвергались изменениям, что рассматривается как процесс развивающийся, творческий. В словаре Д.Н. Ушакова о традиции говорится: то, что переходит или перешло от одного поколения к другому путем передания, устной или литературной передачи (напр. идеи, знания, взгляды, образ действий, вкусы и т.д.)¹. Традиционные ценности, несомненно, подчеркивают важность религии, отношения между родите-

лями и детьми, почтительного отношения к старшим, дружбы, справедливость. Но в условиях глобализации все настойчивее традиционным ценностям противопоставляются ценности светско-рациональные, ценности потребления, нетрадиционного самовыражения.

В п. 4 «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809», дано следующее определение понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности»: это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»².

В аналитическом докладе В.В. Аристархова, «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике», подготовленном в 2023 году Российской научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, утверждается, что данное определение сформулировано, исходя из ценностно-цивилизационного подхода к изучению общества [1], в том числе из следующих представлений:

- о существовании самобытной российской цивилизации, отличающейся от иных цивилизаций присущей ей специфической системой духовно-нравственных ценностей;

- о ключевой задаче сбережения и приумножения российского народа³ не только в количественном, но и в качественном

¹ Значение-слова-Традиция-в-словаре-Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://glosum.ru/> (дата обращения 06.11.2023).

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. №20. ст. 2901.

³ См. послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (в том числе 08 июля 2000 года, 10 мая 2006 года, 12 декабря 2012 года, 13 декабря 2015 года, 01 декабря 2016 года, 01 марта 2018 года, 20 февраля 2019 года, 15 января 2020 года, 21 апреля 2021 года), Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации, утверждённую Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400.

отношении, то есть о необходимости сохранения нашего образа жизни и нашей системы ценностей;

- о понятии общероссийской гражданской идентичности как «осознания гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженности базовым ценностям российского общества»⁴.

Задачей российского общества и государства является сохранение и укрепление не любых духовно-нравственных ценностей - но именно и только традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Представляется, что для решения данной задачи достаточно приведённого выше определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Для всех владеющих русским языком, смысл используемых здесь слов в достаточной степени «понятен сам по себе»⁵ и не требует введения дополнительных формальных определений.

В аналитическом докладе делаются и другие важные выводы. Если рассматривать систему нормативных правовых актов и документов стратегического планирования с «ценостной» точки зрения, то в нынешнем состоянии её следует охарактеризовать как хаотичную и несогласованную. В разных документах используются такие термины, как «нравственные ценности», «духовные ценности», «духовно-нравственные ценности», «принятые в семье и обществе социокультурные ценности», «моральные ценности», «базовые морально-нравственные ценности», «традиционные ценности» и многие другие, им подобные. Для унификации понятийного аппарата правильнее было бы

выбрать наиболее корректное понятие и далее употреблять его как основное во всех документах. А все прочие формулировки использовать только в тех случаях, когда они очевидно являются стилистически обусловленными синонимами.

Нам представляется, что такой выбор должен быть основан на положениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, (далее СНБ РФ), утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400)⁶, как базовом документе стратегического планирования⁷. Анализ свидетельствует о том, что термин, используемый в данном документе, - это и есть «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Согласно СНБ РФ:

- укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» отнесены к национальным интересам Российской Федерации⁸;

- определён стратегический национальный приоритет «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»⁹;

- дан перечень: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, колLECTИВИзМ, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹⁰.

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666, пункт 4.2, подпункт «г». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902387360>. (дата обращения 04.11.2023).

⁵ «Если нет ничего такого, что было бы понятно само по себе, то вообще ничего никогда не может быть понято. Поскольку то, что может быть понято через что-то другое, может быть понято только в той мере, в какой может быть понято это другое, и так далее; соответственно, мы можем сказать, что поняли нечто, только тогда, когда мы разбили это на части так, что каждая из частей понятна сама по себе» (Г.В. Лейбниц).

⁶ С3 РФ. 2021. №27. Ст.5351.

⁷ Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», статья 11-я, пункт 3-й, подпункт 1-й, абзац «в»; С3 РФ. 2014. №26. Ст.3378; СНБ РФ, статья 2-я.

⁸ СНБ РФ, пункт 7-й статьи 25-й.

⁹ СНБ РФ, пункт 8-й статьи 26-й.

¹⁰ СНБ РФ, статья 91-я.

Помимо перечня, в СНБ РФ дана общая оценка ситуации в России и в мире в её «ценностном» аспекте, обозначено ключевое значение традиционных ценностей для сбережения российского народа, сохранения единства страны и обеспечения национальных интересов¹¹. Особо указывается, что защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств является одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности¹².

В исследовании выражена позиция авторов о том, что в тексте СНБ РФ в качестве синонимов понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» используются такие выражения, как «традиционные духовно-нравственные основы российского общества»¹³, «система ценностей» (России)¹⁴, «российские духовно-нравственные идеалы»¹⁵, «базовые российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности»¹⁶. Использование этих синонимов обусловлено стилистическими соображениями и не вызывает разнотечений.

Для бережного сохранения, поддержки определенных изменений в ценностях требуется включение этого процесса в созданную государством систему информационной безопасности. Следует заметить, что это процесс комплексный и планомерный, на протяжении длительного времени, чувствительно влияющий на все сферы жизни, с официальной политической позицией государства. При его реализации важно оценивать смысловое наполнение названных ценностей, которые необходимо защищать, особо рассматривая в них «духовное» и «нравственное».

Ученые и специалисты отмечают, что в современном обществе присутствует дефицит духовности человека, которая «не просто его характеристика, а конструирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим,

что свойственно и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному» [22. С. 93]. В этом плане духовность остается условием само-сохранения и развития как национальных ценностей, так и самой цивилизации.

Термин «духовное» в полной мере относится не только к моральной или культурной сферам, но и к законодательству, отмечают Е.И. Галышина и К.М. Богатырева. Использование, например, категории «нравственность» в нормативных актах вовсе не означает, что допустимо подменять правовое регулирование этическим [4. С. 149]. Это можно продемонстрировать, например, при анализе Федеральных законов от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁷ или от 24.07.1998 № 124 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁸.

С.Г. Доронина и Л.О. Курочкина в своей публикации к числу основных объектов обеспечения информационной безопасности в сфере духовности (духовной жизни) жизни относят: достоинство личности, свобода совести (за исключением пропаганды или агитации), а также свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания; свобода массовой информации; неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна; языки; нравственные ценности и культурное наследие народов и народностей; объекты интеллектуальной собственности [6].

Само слово «нравственность» в русском языке появилось в 1789 году благодаря Словарю Российской Академии и явилось переводом французского термина «morale», что означает «мораль, нравственность, нравоучение». Сегодня существительное «нравственность» получило много синонимов: честность, целомудрие, добродетельность, мораль, этика, благородность, благородство, моральность, этические нормы, моральный кодекс, педагогичность, беспорочность,

¹¹ См. в том числе статьи 8-ю, 11-ю, 19-ю, 21-ю, 22-ю, 23-ю, 28-ю, 33-ю (пункт 14-й) СНБ РФ. А также весь раздел, посвящённый стратегическому национальному приоритету «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (статьи 84–93 СНБ РФ).

¹² СНБ РФ, статья 46-я.

¹³ СНБ РФ, статья 21-я.

¹⁴ СНБ РФ, статья 23-я.

¹⁵ СНБ РФ, статья 28-я.

¹⁶ СНБ РФ, статья 90-я.

¹⁷ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁸ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

добронравность, благонравность, благонравие. Они остаются предметом этики. Как отмечает Н.П. Шитякова, «если мораль относится к сфере должного, идеального и выступает совокупностью требований к поведению человека, то нравственность относится к сфере реального и отражает суть его поступков в реальном опыте жизни семьи, народа, государства. Это сфера нравственной свободы личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами, побуждающими творить добро. Именно ценности являются связующим звеном в содержании понятий «духовность» и «нравственность»» [26. С. 72]. Так что философские понятия мораль и нравственность не тождественны. Мораль – это сфера общественных норм, а «нравственность» связана с индивидуальным самоопределением личности. Поэтому весьма трудно воспринимать с морально-нравственной точки зрения, что право – это минимум нравственности.

Законодателем же хорошо воспринимаются ценности, связанные с нравственностью. Следует отметить такое важное в нравственном плане положение Конституции (ст. 51), как признание за каждым права «не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». Нормы нравственности содержатся и в гражданском законодательстве. В первую очередь они нашли отражение в ряде принципов (основных началах) гражданского законодательства, закрепленных в 1 статье Гражданского кодекса РФ. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Ещё одним важным положением ГК РФ, является вопрос о недействительности сделки. В соответствии со статьей 169, «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна».

В области семейных отношений, касающихся несовершеннолетних детей, налицо правовое оформление норм сугубо нравственного порядка, идет ли речь о праве ребенка жить и воспитываться в семье, знать своих родителей либо о праве на уважение его человеческого достоинства, праве на общение не только с родителями, но и

с другими родственниками, а также о праве на защиту своих прав и интересов (п. 2 ст. 54, п. 2 ст. 56 СК).

Содержать своих несовершеннолетних детей, а также нуждающихся в помощи нетрудоспособных членов семьи – это не только правовая обязанность родителей и других членов семьи. Налицо одна из разновидностей обязанностей нравственного свойства, правовая интерпретация которых находит свое отражение в правилах, посвященных алиментным обязательствам родителей, супругов, бывших супругов, других членов семьи [18].

Так что права и обязанности родителей, затрагиваю ли они семейное воспитание, защиту прав ребенка или ответственность за его духовное, нравственное развитие, своими корнями уходят в область нравственности. Следует заметить, что само построение того же российского уголовного права, как и уголовного права вообще, построено на законодательной фиксации как преступлений тех деяний, которые одновременно оцениваются обществом как однозначно негативные, противоречащие морали и нравственности.

По нашему мнению, при рассмотрении отечественных ценностей, оценке действующего законодательства, исследователи делают исключительно важные выводы. Во-первых, традиционные российские духовно-нравственные ценности должны рассматриваться исключительно как правовая категория. Во-вторых, срачивание морали и закона имеет негативные последствия, поскольку повышает неопределенность последнего (закон предписывает наказание за нарушение норм морали, имеющих отличные от закона причины возникновения и мотивацию) и в то же время может идти вразрез с этическими позициями части населения. В-третьих, анализ содержания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как сложносоставного специального юридического термина, обобщающего и обозначающего обширную группу правовых понятий, выработка соответствующего перечня и его закрепление в правовых актах должны осуществляться исходя из правовой природы перечисляемых явлений, на основании их комплексной правовой оценки (установления степени соответствия/несоответствия закону, наличия/отсутствия общественной опасности) [4].

Обеспечение безопасности личности, общества и государства всегда выступало актуальной проблемой общественного

бытия и рассматривалось как безусловная ценность. Первоначально в эпоху Античности и Возрождения формировались представления о социальной безопасности. Затем, по мере развития социально-политических учений в период Нового и Новейшего времени, на первое место выдвинулось учение о государстве с его природой и его важнейшем функциональном предназначении. Но в трудах древнегреческих философов Платона (427-347 до н. э.) и Аристотеля (384-322 до н. э.) уже можно найти первые представления не только о проблематике безопасности, как таковой, но и о безопасности личности, общества и государства. Тот же Платон предлагал создание социально устойчивой системы безопасности, где основное место занимает моральное состояние субъектов деятельности. У Аристотеля есть утверждения, что неправильное устройство государства может стать основной угрозой безопасности общественного развития и благороденства. Традиционные ценности не есть элементарное сложение ценностей людей – членов человеческого сообщества, поскольку у каждого из нас есть индивидуальные потребности и возможности, и они часто антагонистичны, что создает конфликт интересов и угрозы безопасности. Список ученых и их идей, в которых отражается проблема формирования общественной стабильности и безопасности, можно было бы продолжить и до наших дней. Но тогда не было представлений и подробных характеристик об информации, а цифровая эпоха, в которой мы живем, существенно отличается от других исторических периодов. Сегодня специфическое пространство, порожденное человечеством, проникло во все сферы общественной деятельности, получив название киберпространство. Однако на международном уровне до сих пор нет его универсального понятия, несмотря на стремительное развитие информационных технологий. Хотя существует множество определений, закрепленных в различных международных документах.

Так, в статье 1 Модельного закона ОДКБ «Об информационной безопасности», предложен термин «информационное

пространство ОДКБ», под которым понимается сфера деятельности и взаимодействия государств – членов ОДКБ, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием и хранением информации, оказывающая воздействие на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию¹⁹.

В пункте Д статьи 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы термин «информационное пространство» определяется как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры [40].

В 2013 году усилиями юристов и военных специалистов из стран военно-политического блока НАТО, при участии специалистов из Международного Комитета Красного Креста (МККК), было разработано «Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервооружениям» (англ. “Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare”) (далее - Руководство). В нем под киберпространством понимается среда, образованная физическими и нефизическими компонентами для хранения, модификации и обмена данными с использованием компьютерных сетей [5]. Заслуживает внимания определение, разработанное совместной группой российских и американских специалистов. Они отметили, что под киберпространством понимается электронная среда, в которой информация создается, передаётся, принимается, хранится, обрабатывается и уничтожается [28]. Данное определение, по сути, отражает саму суть киберпространства.

Вместе с тем мы считаем, что нельзя отождествлять Интернет и киберпространство. Киберпространство включает в себя глобальную сеть Интернет, но не ограничивается ею. В подтверждение этого тезиса можно привести определение киберпространства, закрепленное в Доктрине информационной безопасности Российской

¹⁹ Постановление № 14-7.1 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте модельного закона ОДКБ «Об информационной безопасности» (Принято в г. Москве 29.11.2021) Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности // https://paodkb.org/uploads/document/file/150/THE_CSTO_MODEL_LAW_About_information_security.pdf (дата обращения 08.11.2023).

Федерации, в которой данное понятие имеется информационной сферой. Здесь под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений²⁰. Справедливым будет утверждение, что киберпространство представляет собой совокупность компьютерных сетей, мобильных устройств и пользователей, которые взаимодействуют между собой на расстоянии, а Интернет является связующим каналом для такого взаимодействия.

В исследованиях ученых, по результатам анализа понятийного аппарата, формулируется, что под киберпространством необходимо понимать глобальную электронную среду, образованную физическими и нефизическими компонентами, включая комплекс технических и программных средств, в которой посредством использования компьютерных и мобильных сетей, включая глобальную информационно-коммуникационную сеть «Интернет», осуществляется формирование, передача, прием, хранение, обработка, модификация и уничтожение информации [5].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.), своевременно приведено понятие «информационная безопасность». Информационная безопасность Российской Федерации - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства. Под системой обеспечения информационной безопасности понимается совокупность сил

(органы государственной и муниципальной власти, организации) обеспечения информационной безопасности, осуществляющих координированную и спланированную деятельность, и используемых ими средств (правовые, организационные, технические и другие средства) обеспечения информационной безопасности.

Обеспечение информационной безопасности рассматривается как осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления²¹.

Заключение

Несомненно, защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей необходимо рассматривать в качестве указанных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления.

В контексте наших научных исследований, мы считаем возможным предложить еще одно понятие - «деструктивное информационное воздействие». относящееся к системному рассмотрению проблематики информационной безопасности.

Деструктивное информационное воздействие - осуществление информационного влияния на сознание человека в целях нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, подрыва суверенитета, нарушения территориальной целостности и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, обороны и безопасности государства, создания социально-политической напряженности, разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В этом случае защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей от деструктивного информационного воздействия становится составной частью системы обеспечения информационной безопасности.

²⁰ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. №50. Ст. 7074.

²¹ СЗ РФ. 2016. №50. Ст. 7074.

В документах, определяющих государственную политику в области обеспечения информационной безопасности, тезис защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей от деструктивного информационного воздействия присутствует и относится к национальным интересам Российской Федерации, а посягательства на традиционные российские духовно-нравственные ценности перечисляются среди угроз информационной безопасности Российской Федерации.

В Распоряжении Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. N 2471-р» указывается, что деструктивное информационное воздействие способствует развитию формирования у детей и подростков неправильного восприятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирующего «психологический слом», следствием которого могут стать как депрессивное состояние, так и проявление девиантного поведения, повышенной агрессии к окружающим. В качестве одного из принципов обеспечения безопасности детей выступает сохранение и укрепление традиционных ценностей, противодействие распространению деструктивной информации. Среди приоритетных задач по обеспечению информационной безопасности детей значатся такие задачи, как: совершенствование форм и методов обеспечения информационной безопасности детей в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей; защита детей от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в Российской Федерации; воспитание детей в духе уважения к традиционным ценностям, ценностное, моральное и нравственно-этическое развитие детей; усвоение детьми системы семейных ценностей и представлений о семье; поддержка проектов, направленных на продвижение традиционных ценностей в информационной среде. Также стоит отметить, что среди ожидаемых результатов

реализации настоящей Концепции перечислено увеличение в сети «Интернет» контента, направленного на формирование у детей традиционных ценностей²².

Системный подход предполагает формирование целевой и одновременно комплексной государственной информационной политики, в которой особое значение придается стратегическому планированию. Как уже отмечалось, основным документом государственного стратегического планирования в области обеспечения информационной безопасности является Доктрина информационной безопасности РФ.

Среди национальных интересов в информационной сфере, перечисленных в Доктрине информационной безопасности, является обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Доктрина содержит положения, позволяющие реализовать государственную политику в информационной сфере, а также перечень угроз информационной безопасности: наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей; широкое использование различными террористическими и экстремистскими организациями механизмов информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганда экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников.

В свою очередь государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских

²² Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. N 2471-р. // СЗ РФ. 2023. №19. ст. 3481.

духовно-нравственных ценностей представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей. Ее целями провозглашены не только сохранение и укрепление традиционных ценностей, но и обеспечение их передачи от поколения к поколению, противодействие распространению деструктивных идеологий, формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника общечеловеческих ценностей.

В ней перечень угроз расширен и максимально конкретизирован: деятельность экстремистских и террористических организаций; отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций; действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций; деятельность некоторых организаций и лиц на территории России. По существу речь идет о масштабном натиске (деструктивном информационном воздействии) по изменению сознания российских граждан. В особую группу угроз выделено идеологическое и психологическое воздействие на них, которое ведет к насижению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, отказ от служения Отечеству. Признается опасность отрицания естественного продолжения жизни, ценностей крепкой семьи, официального брака, многодетности, созидающего труда, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений. Отвергается позитивный вклад России в мировую историю и культуру, и в то же время распространяются заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Явное неуважение выражается в отношении к ветеранам Великой Отечественной войны, к обществу, бережно сохраняющему сведения о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества.

В тексте государственной политики, среди основных направлений обеспечения информационной безопасности относи-

тельно рассматриваемой темы, можно выделить нейтрализацию информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества и нейтрализацию информационного воздействия, направленного на размывание других традиционных российских духовно-нравственных ценностей. И здесь возникает закономерный вопрос: «А по каким причинам коллективный Запад вместе с США нас столь ненавидят, что по-всеместно внедряют методы информационно-психологического и другого воздействия на страну, проталкивая свой проект развития мира?» Дело в том, что западный проект содержит тезис, с одной стороны, дезинтеграции под лозунгом права наций на самоопределение, а с другой стороны, инициируется процесс создания космополитического унифицированного «всечеловечества». Это естественный и детально продуманный двойной удар по России: расчленить и «цивилизовать» под свое управление деинтелликуализированное российское население с отрицанием его ценностей. И недооценивать этот проект не стоит.

Основными направлениями мероприятий и методов защиты информации, информационной безопасности, в целом, а также человеческих и традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации. Для этого применяются многочисленные группы методов: организационные, правовые и технологические, а к последним еще относят криптографические, технические, аппаратные, программные. Но если мы говорим о необходимости применения системного подхода, то пока не предложена единая система анализа и реагирования на угрозы, возникающие в информационном пространстве. Поэтому в России необходимо совершенствовать как техническую сторону противодействия угрозам информационной безопасности, так и гуманитарную.

Обеспечить в полной мере информационную безопасность традиционным российским духовно-нравственным ценностям задача высокой степени сложности. Новые информационно-технологические возможности приносят обществам новые, беспрецедентные проблемы. В условиях глобального натиска на цифровую среду, восприятие ценностей человеком чаще всего происходит не в результате анализа ситуации, личного и исторического опыта, не от коммуникации

с близким окружением дома и на работе, а искусственно, основываясь на информационных сообщениях извне. Информации, носящей негативную окраску, значительно больше в сети, чем положительных новостей. А если учесть, что психика человека так устроена, что наилучшим образом мы запоминаем негативные явления, негативные факты и новости, то и основное внимание сосредоточено на информации, носящей негативную окраску, нежели чем на положительных событиях. Общество, встречающееся с негативными событиями, живущее в условиях, политической, социальной и экономической нестабильности теряет прежде устойчивые ценностные ориентиры. Прежние ценности могут рассматриваться как «фантомы», а предлагаемые для сохранения ценности не всегда содержат подробное смысловое содержание, не подкрепляются механизмами защиты и устойчивости. Всплывают анти ценности, особенно когда в социуме преобладают деструктивные процессы, или наступает период кризиса, который называют политической сингулярностью. В информационном пространстве можно обнаружить названия исключительно чуждых ценностей для российского общества и государства: культы эгоизма, вседозволенности и безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, позитивного вклада России в мировую историю и культуру; порицание семейных традиций. Это далеко не безопасно.

И здесь мы солидарны с позицией А. Очировой, Сопредседателем Генерального совета Ассамблеи народов Евразии, Помолом доброй воли ЮНЕСКО, которая как спикер II Конференция в МГИМО (октябрь 2023) «Цифровые международные отношения 2023: о ценностях, истине, нравственности и их взаимоотношениях с цифровизацией», заявила следующее: «Культура всегда формировалась ценности и смыслы. Наша цивилизация теряет смыслы. Нравственность и истина не всегда укладываются в цифровую реальность, и иногда это делается сознательным образом. Но цифровизация – это всегда, это, прежде всего – человек. Именно человек развивает свое взаимодействие с миром, природой, он всегда осмысливал каждый свой шаг и делал это достоянием того, что мы сейчас видим в работах авторов локальных цивилизаций [11].

По нашему мнению, потеря смыслов для цивилизации действительно главнейшая угроза. Это когда иссякает, снижается, не воспроизводится творческая активность,

а созидающая энергия в цивилизации исчезает, ее место занимает некая «элита» с беспредельным потреблением благ, беззастенчивым выставлением напоказ своего богатства. Неравенство в плане накопленного богатства становится не только унизительным, но и удручающим. Олигархия и политическое неравенство ускоряют потерю смыслов, ведут к социальной дезинтеграции, равно как и централизация власти. Прав был историк Арнольд Тойнби в своем 12-томном выдающемся сочинении, повествующем о взлете и падении 28 различных цивилизаций. После потери смыслов, великие цивилизации не были уничтожены кем-то. Они сами себя убивали.

Как утверждают Н.М. Кропачев и В.В. Архипов, многочисленные примеры недостоверной общественно значимой информации влияют на поведение субъектов права. Следовательно, информационная безопасность, понятая как с технической, так и с гуманитарной точек зрения, является необходимым условием существования правовой системы [15. С. 299]. Виртуальное пространство дополняет освоение этой реальности при помощи средств массовой информации, но уже без личного участия человека в процессе познания. Появляется мощный ресурс манипулирования людьми, разрушительного воздействия на сознание и мировоззрение индивидов. Еще в Средневековье Н. Макиавелли изложил в книге «Государь» краткое руководство по захвату власти в другой стране, особенно через механизмы манипулирования человеческими качествами, находя недовольных внутри по избытку честолюбия или из страха.

Принятие любого нормативного правового акта, а здесь не является исключением Указ Президента от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», обусловлено, либо жизненно важной необходимостью, либо чрезвычайными обстоятельствами по укреплению национальной безопасности страны. Общество складывается на определенной мировоззренческой матрице, в которой важнейшую часть составляет система ценностей, она находится в ядре мировоззрения. В ядре называют структуры *sine qua non* – те, без воспроизведения которых в следующем поколении резко меняется вся система ценностей, а вместе с ними и цивилизация. Государство должно не только беречь это ценностное наследие, но и эффективно опираться на него

в управлении, в решении задач сохранения и развития страны, которые на него возлагаются. Для народа важно, чтобы государственная власть не только заявляла об этом, но выполняло эти функции. Вместе с тем важен еще один ракурс понимания – это желание самой личности идентифицировать себя с Россией, осознанно относиться к взглядам и чувствам других людей, интересам общества и государства, лично участвовать в бережном отношении к развитию и творческому наполнению традиционных ценностей.

Россия, заявив о себе как государство-цивилизации, отказаться от этого уже не может, иначе превратится в «ресурсный трофея» для стран «Золотого миллиарда». Кстати, если обратиться к термину «цивилизация», в отношении которого нет единого толкования, то, например, у З.Н. Сколоты под цивилизацией понимается «целостная саморазвивающаяся система, которая интегрирует все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, включает в себя материальное производство, общественную структуру, политическую организацию и духовную сферу» [20. С. 200]. Атака на ценности, демонтаж или уничтожение мировоззренческой матрицы – это исчезновение государства-цивилизации, которое рассыпается как постройка в детской песочнице. Далеко не все это понимают и чувствуют.

В системе координат Запада, Россия – неконкурентоспособная страна, населенная неконкурентоспособным избыточным населением. Мы производим всего 1 % глобального мирового продукта, но при этом владеем 10 % природных богатств [3]. Русская нация, как наивно считают зарубежные критики, не имеет культурной значимости и не может претендовать на сколько-нибудь существенную роль в мире [17].

Подводя итог, можно утверждать, что анализ угроз информационной безопасности Российской Федерации, посягающих на традиционные российские духовно-нравственные ценности представленных в документах стратегического планирования, показал необходимость дополнения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации определением понятия «деструктивное информационное воздействие».

Авторами предлагается дополнить Семейный кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в РФ» нормами, устанавливающими обязанность лиц, выполняющих воспитательные функции, осуществлять защи-

ту детей от деструктивного информационного воздействия, в первую очередь, путем исключения бесконтрольного использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Авторы предлагают ввести новые или пересмотреть имеющиеся составы Кодекса об административных правонарушениях РФ, Уголовного кодекса РФ в целях пресечения действий направленных на разрушение существующей системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Отрицательные представления о России в ближайшие годы не исчезнут. Поэтому при создании управляемых, информационных, технологических и других систем разного свойства и предназначения, в процессе защиты своих национальных ценностей, надо быть «страной проектной сборки», страной новаторской. Ключевыми задачами в этом случае для государства-цивилизации будут: поиск и придумывание идей, превращение их в достижения; реформирование смыслового мира русской культуры; выработка новых духовных ориентиров; обновленное понимание человеческого призыва; расширение пределов отечественной цивилизационной матрицы с ее социально-нравственными ценностями; образно говоря, применение новейших технологий «глубокого бурения цивилизационной поверхности», которая скрывает несоизмеримые с исторической данностью пласти, не скованные догматами.

Обеспечение информационной безопасности при защите общечеловеческих и традиционных российских духовно-нравственных ценностей – это один из элементов общенациональной системы, которой требуется обновленная концепция. В этой системе могут быть объединены под началом государства все организации, которые занимаются сегодня этой проблематикой. В этом случае есть вероятность создания в стране перспективной цифровой инфраструктуры, необходимое правовое регулирование. К данной работе могут быть привлечены и дружественные страны, а в дальнейшем и подготовка международного договора по использованию информационно-коммуникационных технологий в мирных целях. В политике Российской Федерации в области международного сотрудничества под эгидой ООН по обеспечению информационной безопасности многие авторы выделяют один из основных треков – выработка правил ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве

[15], а также формирование механизмов разрешения международных споров, связанных с инцидентами в ИКТ-среде, при соблюдении цифрового суверенитета [21].

Литература:

1. Аристархов В.В. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Москва. 2023 г. URL: <https://heritage-institute.ru>.
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М., 1983.
3. Булах Т.Ю. Вступительное слово // Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. URL: <https://clck.ru/39ycmk>
4. Галышина Е.И., Богатырев К.М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 138-151.
5. Гаркуша-Божко С.Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: Ratione materiae, ratione temporis и проблема квалификации кибератак // Цифровое право. № 2(1). С. 64–82. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-64-82.
6. Доронина С.Г., Курочкина Л.О. Духовная и психологическая безопасность в информационном обществе // Философия образования и проблемные пространства детства: сборник научных трудов. СПб, 2022. С. 168-173. URL: <https://rep.herzen.spb.ru>.
7. Ефимов В.И., Таланов В.М. О типологии общечеловеческих ценностей // Современные научноемкие технологии. 2008. № 4. С. 122-125.
8. Камбарова К.У. Общечеловеческие ценности: понятие и сущность // Современные научноемкие технологии. 2008. № 4. С. 122-125.
9. Кедейбаева Ж.А. Счастье - нравственная ценность: Автореф. дис. канд. философ. наук. Б., 2006.
10. Комаров А.С. Общечеловеческие ценности: опыт апологии // Перспективы науки и образования. 2013. №4. С.21.
11. Конференция в МГИМО «Цифровые международные отношения 2023»: о ценностях, истине, нравственности и их взаимоотношениях с цифровизацией. URL: <http://eurasia-assembly.org>.
12. Котлярова В.В. Современный ценностный кризис и поиск общечеловеческих ценностей // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 89-90.
13. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 2. С. 294–306.
14. Лекция Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о глобальной этике и праве, прочитанная в Тюбингенском университете (Германия) 12 декабря 2003 г. URL: <http://www.un.org/press/en/2003/sgsm9076.doc.htm>
15. Крутских А.В., Зиновьева Е.С., Булва В.И., Алборова М.Б., Юдина Ю.А. Международная информационная безопасность: подходы России / Под ред. А.В. Крутских, Е.С. Зиновьевой. М., 2021. URL: <https://mgimo.ru>.
16. Оганесян С.С. О специфике мировосприятия и поведения религиозных экстремистов и террористов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 20-23.
17. Ранкур-Лаферье Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: в поисках национальной идентичности / Пер. с англ. А.П. Кузьменкова. М., 2003.
18. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997.
19. Севостьянова Н.Г. Словарь. URL: <https://www.socionic.ru>
20. Сколова З.Н. Проблема «гибели цивилизации» как объект философской рефлексии // Вестник Волгоградского государственного университета. Философия. 2008. № 2 (8).
21. Стрельцов А.А. Проблемы применимости международного права к информационной сфере // Цифровые международные отношения: учебное пособие: в 2 томах / Под ред. Е.С. Зиновьевой, С.В. Шитькова М., 2023. С. 264-281.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., 1990.
23. Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. Религии, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010.
24. Ценностные ориентации в американском социальном сознании и реалии межкультурного взаимодействия // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 2.
25. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 64-76.

26. Шитякова Н.П. Концепция и система подготовки будущего учителя к духовно-нравственному воспитанию школьников: диссертация доктора педагогических наук. Уфа, 2007.
27. Dewey J. The Logic of Judgments of Practice // Essays in Experimental Logic. 1916. Chapter 14. P. 335-442. URL: <http://geo.1september.ru>.
28. Rauscher K.F., Yaschenko V. The Russia - U. S. bilateral on cybersecurity: Critical terminology foundations. 2011. URL: <https://issuu.com>.

UNIVERSAL, TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE INFORMATION SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction. The article presents an analysis of the legal and information policy of the state while preserving and strengthening universal and traditional spiritual and moral values, which is a condition for maintaining statehood and strengthening the country's sovereignty, ensuring their information security. The essence of value lies not only in its social, material, moral or spiritual significance, but also in its priority for a person or society. Values determine the order of functioning of the legal system, and traditional spiritual and moral values are their variety. Universal human values, neither the place nor the time of their origin as a concept are known, are today considered as the moral language of centuries of development of world civilization. What makes them universal are their universality, historical stability, constancy, objectivity, universality, universal recognition on a global scale, and a positive connotation with recognition in the format of the general moral principles of humanity. But, unfortunately, in the conditions of globalization, secular-rational values, consumption, and non-traditional self-expression are increasingly opposed to universal human values. Nevertheless, all universal human values necessary for the peaceful coexistence of people, nations, the formation of statehood, still undergo changes along with man, and they require the necessary protection in these processes. Particular attention is focused on the task of Russian society and the state to preserve and strengthen not just any values, but specifically and only traditional Russian spiritual and moral values. They are of key importance for saving the Russian people, preserving the unity of the country, ensuring national interests, state and public security. Spirituality and morality are described in more detail in the article, which influenced the conclusion about the need to consider traditional Russian spiritual and moral values as a legal category. When considering the information security system, the authors propose a new concept: "destructive information impact" with a description of its significance within the framework of the research topic. The main direc-

tions of measures of forms and methods of protecting human and traditional Russian spiritual and moral values in the article are called ensuring confidentiality, integrity and accessibility of information. For this purpose, numerous groups of methods are used in practice: organizational, legal and technological, as well as cryptographic, technical, hardware, and software. Since in state policy the list of threats is expanded and specified as much as possible, the article contains measures to counter them. Conclusions are drawn that in Russia, when creating managerial, information, technological, and other systems for protecting various properties of its national values, it is necessary to be a "country of project assembly," an innovative country. The key tasks in this case for the state-civilization will be: searching and inventing ideas, turning them into achievements; reforming the semantic world of Russian culture; development of new spiritual and moral guidelines. The final part of the article formulates proposals for improving the regulatory legal framework.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study was made up of both general scientific and specific scientific methods of cognition. The work actively used methods of systemic, comparative legal analysis, special philosophical and legal research tools, drawing on the results of Russian and foreign research on issues of values and value orientations, and the formation of information security systems.

Results of the study. Based on the results of the analysis, the exceptional importance of universal and domestic traditional Russian spiritual and moral values was revealed, which remain moral guidelines and are passed on from generation to generation, ensuring civil unity. To preserve and strengthen them, to prevent the main threats of destructive ideologies, systematic and at the same time comprehensive work is required, including the active improvement of forms and methods of information management.

Discussion and conclusion. The conclusion is substantiated that ensuring the information security

of well-known and newly emerging values for Russia is the concern of many subsequent generations. The main value orientations of Russian culture remain a strong sovereign state, the quality of statehood and a united people.

Alexander N. Mitin,
Doctor of Economics, Professor, Honored
Worker of Higher School of the Russian

Federation, Head. Department of Social and
Humanitarian Disciplines of the Ural State Law
University named after V.F. Yakovleva, Russia

Mikhail I. Parshukov,
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Information
Law of the Ural State Law University
named after V.F. Yakovleva, Russia.

Ключевые слова:

общечеловеческие ценности, традиционные
российские духовно-нравственные
ценности, ценностные ориентации,
духовность, нравственность, безопасность,
информационная безопасность, механизм
защиты ценностей, государственная
информационная политика, деструктивное
информационное воздействие,
информационное общество

Keywords:

Universal human values, traditional Russian
spiritual and moral values, value orientations,
spirituality, morality, security, information
security, mechanism for protecting values,
state information policy, destructive
information influence, information society

References:

1. Aristarkhov V.V., 2023. *Zashchita tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej v sisteme normativno-pravovyh aktov, otnosyashchihsya k gosudarstvennoj kul'turno-obrazovatel'noj politike* [Protection of traditional Russian spiritual and moral values in the system of normative legal acts related to the state cultural and educational policy]. Moscow. URL: <https://heritage-institute.ru>.
2. Aristotel'. *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Aristotle. Collected works: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow.
3. Bulakh T.Yu. *Vstupitel'noe slovo* [Introduction]. *Rossiya: tochka 2010, obraz budushchego i put' k nemu* [Russia: dot 2010, the image of the future and the way to it]. URL: <https://clck.ru/39ycmk>
4. Galyashina E.I., Bogatyrev K. M., 2022. Pomyatye «tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti» v kontekste obespecheniya mediabezopasnosti v internet-srede [The concept of "traditional Russian spiritual and moral values" in the context of ensuring media security in the Internet environment]. *Lex russica*. Vol. 75. №. 10. S. 138-151.
5. Garkusha-Bozhko S.Y., 2021. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo v kiberprostranstve: Ratione materiae, ratione temporis i problema kvalifikacii kiberatak [International humanitarian law in cyberspace: Ratione materiae, ratione temporis and the problem of qualification of cyber attacks]. *Cifrovoe parvo* [Digital Law]. № 2(1). S. 64–82. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-64-82.
6. Doronina S.G., Kurochkina L.O., 2022. Duhovnaya i psihologicheskaya bezopasnost' v informacionnom obshchestve [Spiritual and psychological security in the information society]. *Filosofiya obrazovaniya i problemnye prostranstva detstva: sbornik nauchnyh trudov* [Philosophy of Education and problematic spaces of childhood: collection of scientific papers]. URL: <https://rep.herzen.spb.ru>.
7. Efimov V.I., Talanov V.M., 2008. O tipologii obshchecelovecheskikh cennostej [On the typology of universal human values]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern High-Tech Technologies]. № 4. S. 122-125.
8. Kambarova, K.U., 2008. Obshchecelovecheskie cennosti: pomyatye i sushchnost' [Universal human values: concept and essence]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high-tech technologies]. № 4. S. 122-125.
9. Kedeibaeva J.A., 2006. *Schast'e — nravstvennaya cennost'*: Avtoref. dis. kand. filosof. nauk [Happiness — moral value: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences].
10. Komarov A.S., 2013. *Obshchecelovecheskie cennosti: opyt apologii* [Universal values: the experience of apologetics]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education]. № 4. S. 21.
11. Konferenciya v MGIMO «Cifrovy mezdunarodnye otnosheniya 2023»: o cennostyah, istine, nravstvennosti i ih vzaimootnosheniyah s cifrovizacijej [MGIMO Conference "Digital International Relations 2023": on values, truth, morality and their relationship with digitalization]. URL: <http://eurasia-assembly.org>.
12. Kotlyarova V.V., 2011. Sovremennyj cennostnyj krizis i poisk obshchecelovecheskikh cennostej [Modern value crisis and the search for universal values]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and Social Sciences]. № 2. S. 89-90.

13. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty [Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law]*. V. 2. S. 294-306
14. Lekcija General'nogo sekretarya OON Kofi Annana o global'noj etike i prave, prochitannaya v Tyubingenskom universitete (Germaniya) 12 dekabrya 2003. [Lecture by UN Secretary-General Kofi Annan on global ethics and law, delivered at the University of Tübingen (Germany) on December 12, 2003]. URL: <http://www.un.org/press/en/2003/sgs9076.doc.htm>
15. Krutskikh A.V., Zinovieva E.S., Bulva V.E., Alborova M.B., Yudina Yu.A., 2021. Mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost': podhody Rossii [International information security: approaches of Russia]. *Ed. by A.V. Krutskikh, E.S. Zinov'eva*. Moscow. URL: <https://mgimo.ru>.
16. Oganesyan S.S., 2018. O specifike mirovospriyatiya i povedeniya religioznyh ekstremistov i terroristov [On the specifics of the worldview and behavior of religious extremists and terrorists]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Penal Enforcement System: Law, Economics, Management]*. № 2. S. 20-23.
17. Rancourt-Laferriere D., 2003. Rossiya i russkie glazami amerikanskogo psichoanalitika: (V poiskah nacional'noj identichnosti) [Russia and Russians through the eyes of an American psychoanalyst: (In search of national identity)]. *Translated from English by A. P. Kuzmenkov*. Moscow.
18. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Russian criminal law. General part]. *Ed. by V.N. Kudryavtsev and A.V. Naumov*. Moscow, 1997.
19. Sevostyanova N.G. Slovar'. [Dictionary]. URL: <https://www.socionic.ru>.
20. Skolota Z.N., 2008. Problema «gibeli civilizacii» kak ob'ekt filosofskoj refleksii. [The problem of "the death of civilization" as an object of philosophical reflection]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of the Volgograd State University. Philosophy]*. Ser. 7. № 2 (8). S. 200.
21. Streltsov A. A., 2023. Problemy primenimosti mezhdunarodnogo prava k informacionnoj sfere [Problems of the applicability of international law to the information sphere]. *Cifrovye mezhdunarodnye otnosheniya: uchebnoe posobie: v 2 tomah. Pod redakcijej E.S. Zinov'evoj, S.V. Shit'kova* [Digital international relations: textbook: in 2 volumes. *Ed. by E.S. Zinovieva, S.V. Shitkov*]. Moscow. S. 264-281. URL: <https://e.lanbook.com/book/364712>
22. Frankl V., 1990. Chelovek v poiskah smysla: Sbornik [Man in search of meaning: A collection]. *Translated from English and German. general editorship by L.Ya. Gozman and D.A. Leontiev*. Moscow.
23. Fustel de Kulu N.D., 2010. Drevnij gorod. Religii, zakony, instituty Grecii i Rima [Ancient city. Religions, laws, institutions of Greece and Rome]. *Translated from English by L.A. Igorevsky*. Moscow.
24. Cennostnye orientacii v amerikanskom social'nom soznanii i realii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya [Value orientations in the American social consciousness and the realities of intercultural interaction]. *Vestnik MGU. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. [Bulletin of Moscow State University. Ser. 18. Sociology and Political Science]*. 1996. № 2.
25. Chirkov V.E., 2001. Obshchelovecheskie cennosti i rossijskoe pravo [Universal human values and Russian law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and modernity]*. № 2. S. 64-76.
26. Shityakova N.P., 2007. Koncepcija i sistema podgotovki budushchego uchitelya k duhovno-nravstvennomu vospitaniyu shkol'nikov: dissertacija doktora pedagogicheskikh nauk. [The concept and system of training a future teacher for the spiritual and moral education of schoolchildren: dis. Doctor of Pedagogical Sciences]. Ufa.
27. Dewey J., 1916. The Logic of Judgments of Practice. *Essays in Experimental Logic*. Chapter 14. P. 335-442. URL: <http://geo.1september.ru>.
28. Rauscher K.F., Yaschenko V., 2011. The Russia - U. S. bilateral on cybersecurity: Critical terminology foundations. URL: <https://issuu.com>.

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кирилл Устиленцев*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-44-51

Введение. В статье поднимается проблема традиционных российских духовно-нравственных ценностей как объекта правового исследования. Отправной точкой представленной научной работы является уточнение понятийного аппарата исследования, что обусловило детальный анализ содержания рассматриваемой категории. Феномен традиционных российских духовно-нравственных ценностей является предметом междисциплинарных исследований, что объясняет при проведении его теоретико-правового анализа заимствование ряда категорий философии и социальных наук. Юридизация отношений в сфере охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует первостепенного внимания со стороны теоретической юриспруденции к вопросу определения понятийного содержания и объема данного понятия, что также диктует необходимость дополнительных изысканий в рассматриваемой области.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные методы познания правовых явлений и процессов. Рассмотрение природы традиционных российских духовно-нравственных ценностей осуществляется в рамках междисциплинарного подхода, который сочетается с принципами системности и объективности научного исследования. Объем и содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей исследованы посредством применения формально-логического и индуктивно-дедуктивного метода.

Результаты исследования. В результате исследования предложено авторское понимание традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Выявлены внутренние закономерности функционирования рассматриваемого явления, а также внешние угрозы, обуславливающие необходимость применения средств его правового обеспечения.

Обсуждение и заключение. Под традиционными российскими духовно-нравственными ценностями предлагается понимать концептуированное выражение наиболее значимых для российского общества и государства, проверенных временем социальных практик, которые выступают предметом трансляции

* Устиленцев Кирилл Андреевич, преподаватель кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России,
e-mail: ustilentsev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2944-3668

духовно-нравственного опыта от одного поколения к другому, посягательства на которые запускает необратимый процесс распада социальной материи, дегенерации важнейших социальных связей.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом факторов социально-политического и правового развития российского общества. Отличительной чертой правовой политики Российской Федерации в последние два десятилетия стал ее достаточно консервативный характер, направленный на сбережение и укрепление традиционных начал общественного и государственного уклада.

Кульминацией данного процесса стала фиксация на конституционном уровне цепного ряда императивов государственной политики, таких как сохранение и защита традиционных семейных ценностей, патриотическое воспитание, уважение к национальной истории и другие. Однако до настоящего момента времени внимание к правовой политике государства в данной области со стороны юридической науки остается явно недостаточным. Существующие научные исследования не учитывают ту степень значимости традиционных духовно-нравственных ценностей, которые они имеют для государственного строительства в Российской Федерации.

Исследование

Понятийный аппарат юридической науки слагается из нескольких разнородных групп понятий. В первую очередь это специальные юридические термины, которые явились результатом естественного процесса развития права и юридической науки. Данные термины имеют строго дисциплинарную природу и принадлежат исключительно юриспруденции как совокупности знаний о праве. Вторую группу составляют специальные неюридические или технические термины, которые заимствованы из других наук или областей человеческой жизни. Наконец, еще одну группу терминов составляют общеупотребительные понятия, которые не являются порождением какой-либо научной дисциплины, а возникают в результате естественного процесса развития человеческого языка.

Традиционные ценности как понятие следует отнести ко второй группе терминов, поскольку эта категория активно исследуется в целом ряде социальных и гуманитарных дисциплин. Данная категория представляет собой результат семантического сложения двух понятий – «традиция» и «ценность». Выступая в качестве примера наиболее объемных понятий, традиция и ценность являются предметом общетеоретического и философского осмысливания.

Содержание данных терминов имеет ярко выраженное метафизическое ядро, в то время как ценности выступают предметом рефлексивного осмысливания в рамках отдельной философской дисциплины – аксиологии. Из философии понятия «традиция» и «ценность» перемещаются в предметное поле изысканий социологии, политики, культурологии, антропологии, этики и ряда других наук.

В современной науке сложилось несколько основных подходов к пониманию традиционных ценностей, среди которых П.А. Якушев выделяет три основных направления. Первое из них рассматривает традиционные ценности в качестве аксиологического ядра консервативной политической идеологии, которая направлена на сохранение традиционных порядков и доктрина. Второе направление понимает под традиционными ценностями сугубо религиозные ценности, которые воплощаются и охраняются нормами религиозного поведения личности. Наконец, третье направление сводит традиционные ценности к духовным идеалам определенных этнических групп, которые получают свою презентацию в отдельных культурных практиках [12. С. 206].

Под традицией в рамках теоретико-философского подхода принято понимать «исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению обычаи, обряды, общественные установления, идеи и ценности, нормы поведения и т.п.» [11. С. 577]. Ценности, таким образом, становятся составным компонентом самой традиции – нет традиции без ценностей. Традиция выступает особой культурной формой трансляции определенного набора апробированных

социальных практик через поколения, которая позволяет связывать между собой исторически отдаленные друг от друга социальные генерации. Нет сомнений в конститутивном значении традиции для любой человеческой культуры, так как именно благодаря принадлежности к определенной традиции достигается соответствующая культурная самоидентификация общества.

В результате традицию можно рассматривать в качестве инвариантного ядра человеческой культуры, которое сохраняет свою относительную стабильность на протяжении длительного периода развития общества. Необходимость юридизации отношений по охране традиции, в результате которой традиция становится лингво-юридической единицей языка права, возникает в тот момент, когда наиболее значимые для общества ценности, составляющие основу данной традиции, подвергаются деструктивному воздействию со стороны культурных инноваций.

Всякое общество развивается в результате диалектического взаимодействия традиции и инновации, причем те социальные практики, которые когда-то были инновационными могут со временем приобрести апробированный характер и стать частью транслируемой будущим поколениям традиции. Однако в ряде случаев культурные инновации приобретают столь фатальное воздействие на основополагающие ценности, принятые в том или ином обществе, что требуется привлечение наиболее действенного средства регулирования общественных отношений для защиты традиции – права как социального регулятора.

Как было указано выше, ценности являются составными компонентами традиции, наряду с другими элементами доминирующей культуры. Однако разные элементы традиции, по всей видимости, имеют неодинаковое значение и для общества проще отказаться от соблюдения каких-либо обрядов, чем отторгнуть от себя те культурообразующие ценности, которые составляют фундамент социального бытия. Устранение этого ценностного субстрата из основы общежития запускает необратимый процесс распада ткани общества и государства, дегенерации всех социальных связей. Отсюда возникает необходимость в правовой охране ценностей, присущих в традиции, поскольку их разрушение имеет фатальные последствия для всего общества.

Ключевое отличие традиции от инновации заключается в наличии признака апро-

бированности определенной социальной практики. В рамках традиции любая значимая социальная практика выражает стоящий за ней многопоколенный опыт определенных моделей социального поведения, в то время как культурная инновация именно в силу своей новизны не имеет должного опыта применения на практике. Культурное преимущество традиции перед инновацией заключается в наличии гарантированного положительного результата – именно в силу многократного воспроизведения определенных моделей социального поведения в прошлом есть достаточные основания для уверенности в их результативности. В то время как всякая инновация несет в себе вполне прогнозируемые риски негативных социальных последствий.

Еще одна отличительная черта традиции заключается в ее регенеративном характере, поскольку, как отмечает Ю.А. Левада, она представляет собой «механизм воспроизведения социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их существования в прошлом» [4. С. 253].

Традиция служит средством поддержания и воспроизведения целых социальных институтов. В традиции обнаруживают свою культурную легитимацию отдельные нормы и практики поведения человека и социальных групп. В ряде случаев понятие «традиция» ограничивается до уровня «культурная традиция», под которой Э.С. Маркарян понимает «групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [5. С. 80]. Формула «культурная традиция» не является вполне удачной. Хотя можно говорить о политической, религиозной или правовой традиции, всякая традиция принадлежит к культуре неустранимым образом, а политика, религия или право являются доменами определенной культуры. «Культурная традиция» же фактически является примером тавтологии, так как всякая традиция культурна и не бывает традиции вне культуры.

Под ценностью в общетеоретическом плане принято понимать специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества. Иными словами, ценность – это то, что значимо для человека. Ценности являются средством выражение особого отношения субъекта к объекту, в котором подчеркивается избирательность и предвзятость человека

к определенному предмету. Таким образом, традиционные ценности представляют собой концентрированное выражение наиболее значимых для общества и проверенных временем социальных практик, которые выступают предметом трансляции культурного опыта от одного поколения к другому.

Необходимость правовой охраны традиционных ценностей и юридизации общественных отношений в соответствующей области возникает в момент появления таких культурных инноваций, внедрение которых направлено на разрушение фундамента социального бытия, отрицание основополагающих инвариантов культуры конкретного общества, нарушение баланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства [11. С. 130; 12. С. 8], что имеет фатальное значение для его будущего.

Традиционные ценности обладают набором социально значимых атрибутов, благодаря которым создается возможность для их юридической формализации и разработки инструментов правовой охраны. В первую очередь традиционные ценности представляют собой наиболее значимые элементы социально-культурного опыта, которые выражают на языке аксиологии фундаментальные ориентиры морально-нравственного и этического отношения человека к обществу и государству, также ориентиры отношений между людьми в данном обществе. Традиционные ценности имеют явно выраженную и тесную связь с базовыми вопросами морального поведения индивида, поскольку они определяются «существующей в обществе системой нравственных ценностей, с другой – потребностями самого субъекта в духовном, как необходимом условии его жизнедеятельности» [1. С. 43].

Традиционные ценности имеют определяющее значение для мировоззрения человека, формируют комплексный взгляд на решение проблемы места человека в мире, его социального предназначения, определяют характер отношений человека и государства. Традиционные ценности обеспечивают философско-этическое подкрепление мировоззрения человека, которое представляет собой «совокупность нравственных ценностей, которые делают человека сторонником или противником общественно-исторических отношений в обществе» [2. С. 119].

Результативность социальных практик, в концентрированном виде составляющих ядро любой традиции, позволяет обеспечивать упорядоченное и предсказуемое течение общественных отношений, что соот-

ветствует основной цели правового регулирования – стабилизации отношений внутри общества. Традиционные ценности выступают источником нормативного поведения человека, удовлетворяя социальные потребности в следовании проверенным моделям взаимодействия внутри общества.

Вопрос об универсальном характере традиционных ценностей является достаточно дискуссионным. С одной стороны, удовлетворение со стороны традиционных ценностей базовых потребностей человеческой природы позволяет говорить о том, что ценности являются «наиболее древним и устойчивым психическим образованием человечества» [6. С. 227]. С другой стороны, традиционные ценности являются результатом исторического опыта вполне конкретного общества и потому не могут быть универсальными по своей природе. Всякий универсализм в противоположность партикуляризму предполагает возможность относительно безболезненной трансплантации социальных практик от одного общества к другому. Однако дискурс, связанный с традиционными ценностями, вступает в противоречие с данной идеей. Традиционные ценности выражают уникальный культурный облик определенного народа. То, что для одного народа или цивилизации может быть предметом традиции, для другого народа становится инновационной культурной практикой.

Отсюда можно вывести наиболее значимую черту традиционных ценностей, которая позволяет обеспечить надлежащую юридическую формализацию данного феномена как предмета правовой охраны. Традиционные ценности выступают в качестве инструмента культурной самоидентификации индивида и общества, в результате которой данный индивид или общество в целом отделяет и противопоставляет себя иным народам. Традиционные ценности формируют «своеобразный генетический код, связанный со стереотипами массового сознания, менталитетом» [10. С. 44], что обеспечивает возможность солидаризации и отождествления себя с определенным обществом и культурой.

Рассмотренные атрибуты традиционных ценностей, раскрывающие содержание рассматриваемого понятия, позволяют перейти к анализу правового значения данной категории.

Как подчеркивалось выше, традиционные ценности обладают значительным регулятивным потенциалом. По всей видимости, их нельзя рассматривать в качестве

самостоятельной разновидности социального регулятора, поскольку традиционные ценности выступают перекрестным явлением для права, религии, морали. Отсюда можно сделать обоснованное предположение, что традиционные ценности могут выступать фундаментом для построения оригинальной правовой системы, выражающей самобытный культурный характер всего общества.

Правовая система общества, «пропитанная» традиционными ценностями, приобретает определенный национальный колорит, который позволяет отличать ее от иных правовых систем. Правотворческий процесс предполагает определенную опору на аутентичную культурную традицию, поскольку, «сверяя процесс развития либо с традицией, либо с тенденциями общественного развития в мире, можно принимать адекватные сложившимся реалиям решения еще на этапе законотворчества» [9. С. 115]. Таким образом, перед правом может ставиться вполне определенная задача.

Традиционные ценности формируют «своебразный генетический код, связанный со стереотипами массового сознания, менталитетом» [10. С. 44], что обеспечивает возможность солидаризации и отождествления себя с определенным обществом и культурой. Социальные регуляторы являются производителями социальных норм, практических регуляторов поведения, которые включают в себя «уровни рационального и эмоционального отражения и отношения к нормам со стороны субъекта их реализации, когда они выступают в качестве мотивов социального поведения людей» [7. С. 91].

Традиционные ценности, присущие национальной культуре России становятся «российскими», поскольку они соответствуют уникальному облику цивилизационного развития российского общества, утверждают те культурные инварианты, которые созрели и были внедрены в реальную практику на протяжении жизни многих поколений. В заявлении изначально словосочетании обращает на себя внимание наличие в его составе признака «духовно-нравственные», что позволяет ограничить несколько более общее понятие «традиционные ценности».

Выше уже отчасти была отмечена связь традиционных ценностей с нравственностью человека и общества. Эта связь носит двунаправленный характер, поскольку традиционные ценности, с одной стороны,

концентрируют уже существующие поступаты общественной и индивидуальной морали, а с другой стороны, транслируют их будущим поколениям, определяя будущие социальные связи.

Совмещение в данном понятии двух терминов (духовность и нравственность, из которых духовность является родовым понятием, так как нравственность – это факт духовной жизни общества и человека), позволяет в полной мере выразить предмет правовой охраны. Юридизация общественных отношений в рассматриваемой сфере предполагает разработку инструментов правовой охраны не традиционных ценностей вообще, так как это слишком общее понятие, формализация которого столкнется с неизбежными проблемами. Правовая охрана устанавливается именно в отношении традиционных российских ценностей, которые носят духовно-нравственный характер. Данное ограничение рассматриваемого понятия, является конструктивным средством конкретизации предмета правовой охраны.

Основная угроза для традиционных ценностей исходит от культурных инноваций, которые противопоставляют себя устоявшимся и проверенным временем социальным практикам. Сегодня все чаще проблема правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей связывается с вопросами морального разложения (речь идет о «разложении семьи и деградации семейных и других общественных отношений» [8. С. 27]), нравственной деградации (деградации человека, превращаемого в «биосоциальный автомат» [3. С. 57]) некоторых западных обществ. Этот подход придает очевидный моральный окрас проблематике защиты традиционных ценностей путем применения инструментов юридического воздействия, выводит рассматриваемый вопрос за рамки чисто формально-юридического анализа.

Исходя из сказанного, под *традиционными российскими духовно-нравственными ценностями* предлагается понимать концентрированное выражение наиболее значимых для российского общества и государства, проверенных временем социальных практик, которые выступают предметом трансляции духовно-нравственного опыта от одного поколения к другому, посредством которых запускает необратимый процесс распада социальной материи, дегенерации важнейших социальных связей.

Заключение

Изложенное выше позволяет утверждать, что правовая охрана должна предоставляться только тем ценностям, нейтрализация которых запускает необратимые процессы распада ткани общества и государства, дегенерации всех социальных связей. Именно духовно-нравственные ценности, в противоположность ценностям эстетики или материальным ценностям, составляют концентрат цивилизационной самобытности российского общества, устранимое которого имеет фатальный характер.

Содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей указывает

на сложный характер их внутренней структуры, в рамках которой объединяются ценности различной социально-политической значимости. Возможность формализации традиционных ценностей, их закрепление в позитивном праве зависит от степени конкретизации предмета правовой охраны, возможности установления объективных критериев для оценки посягательства на традиционные ценности.

В иных случаях, ограничения, связанные с невозможностью исчерпывающей юрисдикции общественных отношений в сфере правовой охраны и защиты традиционных ценностей, открывают возможности для расширения правоприменительного усмотрения в рассматриваемой области.

Литература:

1. Бояк Т.Н. Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14-1. С. 42-45.
2. Галушко В.Г. Проблема целостного мировоззрения и глобальные перемены // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 16. № 2. С. 118-122.
3. Даренский В.Ю. Идеология цивилизационного суверенитета России (в контексте отношений Россия-Запад) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 1. С. 51-62.
4. Левада Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1971.
5. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 64-98.
6. Мейжис И.А. Ценности как мерило социальной эволюции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 2-1. С. 227-247.
7. Нишианидзе О.О. Социальные нормы как регулятор социального взаимодействия в процессе стабилизации общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 90-94.
8. Пантин В.И. Запад и восток: социально-экологические кризисы в прошлом и настоящем // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 20-38.
9. Полякова Т.М. Реализация принципов правового государства в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 112-117.
10. Савка А.В. Социокультурные традиции России и философия хозяйства // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25. № 3. С. 26-46.
11. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135.
12. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.
13. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
14. Якушев П.А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 205-209.

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS AN OBJECT OF LEGAL RESEARCH

Introduction. The article raises the problem of traditional Russian spiritual and moral values as an object for legal research. The starting point of any scientific research is to clarify the conceptual apparatus of the study, which determines the analysis of the question of the content of the category under consideration. The phenomenon of traditional Russian spiritual and moral values is a subject for interdisciplinary research, which requires borrowing a number of categories from philosophy and social sciences when conducting its theoretical and legal analysis. The legitimization of relations in the field of protection of traditional Russian spiritual and moral values requires primary attention from theoretical jurisprudence to the issue of defining the conceptual content and scope of this concept, which dictates the need for additional research in the field under consideration.

Materials and methods. The methodological basis of the research is based on the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes. Consideration of the nature of traditional Russian spiritual and moral values is carried out within the framework of an interdisciplinary approach, which is combined with the principles of consistency and objectivity of sci-

entific research. The scope and content of traditional Russian spiritual and moral values are investigated through the use of formal-logical and inductive-deductive methods.

Results of the study. As a result of the research, the author's understanding of the concept of traditional Russian spiritual and moral values as an object for legal research is proposed. The internal patterns of functioning of the phenomenon under consideration, as well as external threats that necessitate the use of legal remedies, are revealed.

Discussion and conclusion. Under traditional Russian spiritual and moral values, it is proposed to understand the concentrated expression of the most significant for Russian society and the state, time-tested social practices that are the subject of broadcasting spiritual and moral experience from one generation to another, encroachments on which trigger an irreversible process of disintegration of social matter, degeneration of all social ties.

Kirill A. Ustilentsev,
Lecturer, the Department
of Governmental Regulation,
MGIMO-University under the MFA
of Russia

Ключевые слова: _____
духовно-нравственная ценность, право,
традиция, обычай, нравственность,
правовое регулирование, мораль,
российское общество

Keywords: _____
traditional Russian spiritual and moral values,
conservatism, degradation, social practice

References:

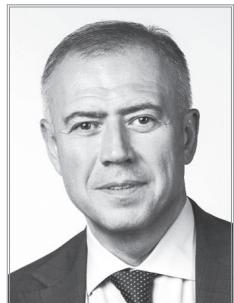
1. Boyak T.N., 2015. Soderzhanie ponyatiya «duhovno-nravstvennye cennosti» [The content of the concept of "spiritual and moral values"]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. № 14-1. S. 42-45.
2. Galushko V.G., 2011. Problema celostnogo mirovozzreniya i global'nye peremeny [The problem of a holistic worldview and global changes]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psichologii i social'noj raboty* [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. Vol. 16. № 2. S. 118-122.
3. Darenetskij V.Yu., 2020. Ideologiya civilizacionnogo suvereniteta Rossii (v kontekste otnoshenij Rossiya-Zapad) [Ideology of civilizational sovereignty of Russia (in the context of Russia-West relations)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations]. Vol. 4. № 1. S. 51-62.
4. Levada Yu.A., 1971. Tradiciya [Tradition]. *Filosofskaya enciklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow.
5. Markaryan E.S., 1981. Uzlovyye problemy kul'turnoy traditsii [Key problems of cultural tradition]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. № 2. S. 64-98.
6. Mejzhis I.A., 2009. Cennosti kak merilo social'noj evolyuции [Values as a measure of social evolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Episode 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. № 2-1. S. 227-247.

7. Nishnianidze O.O., 2012. Social'nye normy kak regulator social'nogo vzaimodejstviya v processe stabilizacii obshchestva [Social norms as a regulator of social interaction in the process of stabilization of society]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management]*. № 1. S. 90-94.
8. Pantin V.I., 2021. Zapad i vostok: social'no-ekologicheskie krizisy v proshlom i nastoyashchem [West and East: socio-ecological crises in the past and present]. *Istoriya i sovremennost' [History and modernity]*. № 4 (42). S. 20-38.
9. Polyakova T.M., 2006. Realizaciya principov pravovogo gosudarstva v sovremennoj Rossii [The implementation of the principles of the rule of law in modern Russia]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygea State University]*. № 1. S. 112-117.
10. Savka A.V., 2007. Sociokul'turnye tradicii Rossii i filosofiya hozyajstva [Sociocultural traditions of Russia and philosophy of economy]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]*. Vol. 25. № 3. S. 26-46.
11. Subochev V.V., 2006. Dialektika interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva kak obshchepravovaya problema [Dialectics of the interests of the individual, society and the state as a general legal problem]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and the state: theory and practice]*. № 5. S. 125-135.
12. Subochev V.V., 2003. Pravo i ego rol' v obespechenii dialekticheskogo edinstva lichnyh, obshchestvennyh i gosudarstvennyh interesov [Law and its role in ensuring the dialectical unity of personal, public and state interests]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. № 12. S. 4-11.
13. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Ed. by I.T. Frolov. Moscow, 2001.
14. Yakushev P.A., 2017. Ponyatie, sushchnost', priznaki i reguliruyushchie svojstva tradicionnyh cennostej [The concept, essence, signs and regulatory properties of traditional values]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute]*. № 2 (43). S. 205-209.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ (ДО 1845 г.)

Константин Трапаидзе*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-52-57

Введение. Основная цель работы – показать, как эволюционировало уголовное законодательство Российской империи в вопросе о возрасте лица, способного нести ответственность или отбывать назначенные ему наказания. Для достижения указанной цели в работе предпринят анализ, с использованием научных трудов дореволюционных российских ученых-правоведов, законодательных норм разных эпох, вплоть до принятия Уголовного уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Материалы и методы. Примененные в ходе исследования методы (исторический, формально-юридический, логический, диалектический) показали, что на протяжении нескольких столетий в уголовном праве России возраст лица, совершившего преступление, юридического значения не имел. Ситуация изменилась с принятием в 1669 году Новоуказных статей, впервые установивших точный возраст, по достижении которого лицо могло отвечать за содеянное им – 7 лет. В последующем этот возраст многократно менялся – законодатель то его повышал, то его восстанавливал.

Результаты исследования. Анализ показал, что в исследуемый период вопрос о возрасте наступления ответственности за преступления решался непоследовательно, часто противоречиво.

Обсуждение и заключение. Таким образом, исследование показало, что возраст рассматривался не как самостоятельный уголовно-правовой признак, а лишь в рамках признака вменяемости.

* Трапаидзе Константин Заурович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России
e-mail: trape@list.ru
ORCID ID: 0000-0003-1828-3240

Введение

В истории дореволюционной (до 1917 г.) уголовного права России вопрос об ответственности несовершеннолетних считался достаточно важным и значимым. Безусловный интерес и, вместе с тем, горячие споры вызывала проблема установления возраста, с которого можно было привлекать к ответственности и наказывать виновного. При этом мало кто из специалистов называл возраст одним из его признаков. Так, например, Н.С. Таганцев полагал, что «лицо действующее – виновник преступного деяния» является одним из «существенных признаков преступного деяния, как и всякого юридического отношения» [8. С. 142]¹. Однако при его определении он выделял только два признака: физическое лицо и вменяемость.

Точно так же поступали, следует сказать, другие известные дореволюционные исследователи уголовного права. Так, по утверждению В. В. Есипова, «понятие субъекта преступления предполагает, во-первых, понятие лица; во-вторых, понятие физического лица; в-третьих, понятие вменяемого физического лица». Отсюда он делал вывод: «Учение о субъекте преступления есть, следовательно, учение о вменяемости субъекта преступления». Как следствие этого, возраст («несовершеннолетие») им рассматривался лишь как одна из двух «причин», наряду с «ненормальностью», «влияющих на вменяемость» [5. С. 93, 106-107].

Подобную мысль высказывал и Л.С. Белогриц-Котляровский, который считал, что причины, «исключающие вменяемость, могут быть сведены к трем группам: А) недоразвитие способности самоопределения; В) переходные состояния, временно прекращающие эту способность, и С) постоянные состояния неспособности самоопределения». К первой группе признаков он относил возраст [1. С. 116].

Несмотря на то, что возрасту придавалось второстепенное, по сравнению с вменяемостью, значение, в дореволюционной уголовно-правовой литературе он был одной из наиболее часто комментируемых тем. В ней

можно встретить весьма полезные, не потерявшие своей актуальности по сегодняшний день, оценки правовых памятников нашего государства по вопросу о возрасте (виновного или потерпевшего) как уголовно-правовой категории.

Исследование

В конце ХХ века В.В. Есипов отмечал, что «в древнейшем нашем законодательстве почти не упоминалось о несовершеннолетних» [5. С. 136]. То же самое нескользкими годами позже, в начале века, писал М.Ф. Владимирский-Буданов, по утверждению которого [3. С. 300] «Русская правда» «молчит о возрасте при вменении, но об этом молчат памятники законодательства вплоть до 2-й половины XVII века (кроме судебника Казимира²)». Правда, по мнению современных исследователей «Русской правды», «нельзя однозначно утверждать, что уголовные взыскания применялись без оглядки на возраст и к любому малолетнему» [6]. Представляется, что это не совсем так. То, что возраст не имел какого-либо значения, подтверждают не только комментарии дореволюционных русских ученых, но и сами нормы из «Русской правды». Например, «<если кто> совершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его самого с женою и детьми на изгнание и на разграбление»³, – гласила одна из таких норм. Очевидно, в данном случае нельзя утверждать, что возраст детей каким-то образом мог повлиять на выборе наказания.

И после «Русской Правды», в течение огромного периода времени, ни один из российских правовых памятников не содержал норм о возрасте наступления ответственности за наиболее опасные человеческие поступки. Как писал А.М. Богдановский, «не только русская правда, судные грамоты, судебники, но и Соборное Уложение – не коснулись нигде прямо вопроса о малолетних преступниках» [2. С. 71]. При этом, как в некоторых из них, так и в более поздних документах (Соборное уложение 1649 г. и др.), называются категории «дети», «ребенок» (при описании таких преступлений,

¹ В данной работе «виновник преступного деяния» называется также «субъектом преступления».

² Имеется в виду Судебник великого князя литовского Казимира IV // URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sudebnik_kazimira_1468_god.pdf. (дата обращения: 28.07.2021).

³ Русская Правда (пространная редакция) // URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

как убийство детьми родителей, убийство родителями детей, убийство незаконнорожденного ребенка и др.), однако, каких-либо сведений о возрасте лиц, к ним относящихся, в них не содержится⁴.

Правда, приведенное мнение о Соборном уложении 1649 г., следует сказать, было не единственным в литературе. Например, В.В. Есипов утверждал, что Соборное уложение, с одной стороны, «выделяет несовершеннолетних менее пятнадцати лет, определяя, что менее пятнадцати лет никому креста не целовать» (ст. 5 гл. XIV), но, с другой стороны, исключает учет какого-либо возраста при совершении государственных преступлений, разрешая казнь детей вместе с их родителями-изменниками [5. С. 136].

В современной отечественной литературе можно встретить утверждение о том, «впервые минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности был установлен в 1715 г. положениями Воинских артикулов Петра I» [4. С. 15]. Однако это не совсем так. Анализ действовавшего в ту эпоху законодательства, как и исследования дареволюционных ученых, подтверждают: возраст привлечения к уголовной ответственности впервые установлен в *Новоуказных статей Сыскного приказа о татебных, разбойных и убийственных делах* 1669 г. (далее – Новоуказные статьи 1669 г.). Данный документ приравнял малолетних до 7 лет к «лицам ненормальным: глухих, немых, бесных» (ст. 28), и установил, что если «отрок семи лет убьет, то он не виновен в смерти» (ст. 79)⁵. Правда, Н.С. Таганцев отмечает, что за ряд других преступлений ответственность в Новоуказных статьях также привязана к вполне конкретному возрасту, в частности, 12 лет (за мужеложство)

и 14 лет (за деяния, запрещенные церковными законами) [См., напр.: 7. С. 19]. Соответственно, за все остальные преступления перечисленные лица могли понести наказание на общих основаниях, как взрослые преступники. В любом случае, следует признать, что отказ от признания виновными в совершении отдельных преступлений и наказания детей, не достигших определенного, непосредственно закрепленного в правовом акте возраста, был важным шагом на пути дальнейшей гуманизации в целом уголовного законодательства о несовершеннолетних.

Следующий нормативный акт, содержащий послабления в отношении детей-преступников – это *Воинский устав Петра Великого* 1716 г. С одной стороны, Устав говорит об ответственности «младенца» (за воровство) без указания на его конкретный возраст, а с другой, – предусматривает, что наказание такому лицу не назначается либо смягчается⁶.

*Сенатский указ от 23 августа 1742 г.*⁷, который А.М. Богдановский характеризовал как «замечательный и, для своего времени, гуманный закон, делающий высокую честь правительству, его издавшему», впервые определил 17 лет в качестве верхней границы возраста малолетних в уголовных делах. Указ также запретил применение к лицам, не достигшим этого возраста и совершившим тяжкие преступления, смертной казни, предусмотрев ее замену на 15-летний срок пребывания в монастыре. Были ли у Указа недостатки? Очевидно, что да, поскольку, «определив эпоху малолетства, он не определил эпоху несовершеннолетия, т. е. того возраста, с которого человек, как вполне взрослый, подлежит не только полному

⁴ По утверждению Храмовой И.С., в древних памятниках российского законодательства «нет никаких постановлений об ответственности малолетних. Проанализировав положения Русской правды, Псковской судной грамоты, Судебников 1497 и 1550 гг., а также Соборного уложения 1649 г., автор не находит в этих источниках норм, регулирующих положение несовершеннолетних преступников» (Храмова И. С. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России в период абсолютизма: дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2007. 214 с.). Очевидно, что в перечисленных памятниках права не могло быть норм «об ответственности», поскольку они еще не различали понятия «ответственность» и «наказание» (и, соответственно, освобождение от них). Поэтому в них речь объективно могла идти только о наказании (назначении, освобождении, замене).

⁵ Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г. //URL: <http://base.garant.ru/55097777/> (дата обращения: 15.05.2021).

⁶ «Обыкновенно умаляется или весьма оставляется», а сам виновный, «дабы заранее от сего отучить», может от родителей своих «лозами наказан быть» (толкование к арт. 195) / Воинский устав Петра Великого // URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/voennoe-delо/voinskii-ustav-petra-velikogo> (дата обращения: 09.07.2021).

⁷ О признании малолетними людьми обоего пола от рождения до 17 лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьми, с определением в монастыри для исправления//Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XI. 1740–1743 гг. СПб., 1830. С. 64.

вменению, но и полной мере наказания» [2. С. 72-73]⁸.

В 1744 году Сенатский указ был изменен и установлен новый возрастной порог для привлечения к уголовной ответственности – 12 лет. Предусмотрены смягчения для лиц в возрасте от 10 до 15 лет, в частности, они могли быть освобождены от отдельных телесных наказаний. Правда, основываясь на материалах отдельных дел, по которым были наказаны лица в возрасте от 11 до 16 лет, в литературе того времени утверждалось, что Указ 1744 г. «или не исполнялся вовсе, или исполнялся невполне и неточно» [2. С. 74-75]. Очевидно, имелось в виду, что сроки как предания суду, так и назначения наказания, в практике отличались от сроков, установленных последним Указом.

26 июня 1765 г. был издан Указ⁹, который вновь установил срок уголовного преследования для лиц в возрасте 17 лет. Для них предусматривалось также смягчение наказания, причем дифференцированно: отдельно для лиц в возрасте от 10 до 15 лет и отдельно для тех, кому было от 15 до 17 лет. Дети в возрасте до 10 лет (малолетние) за совершение преступления передавались на исправление родителям (родственникам, опекунам), то есть не наказывались, поскольку признавались абсолютно невменяемыми.

Позитивные положения указов 1742 г. и 1765 г. нашли свое развитие в *Своде законов Российской Империи 1832 г.*, в котором малолетними, как и прежде, признавали лиц в возрасте до 17 лет¹⁰. Последние делились на три группы:

- до 10 лет;
- от 10 до 14 лет;
- от 14 до 17 лет.

Дети до 10 лет не подлежали передаче суду. Они также не подвергались наказанию.

Уголовная ответственность начиналась с 10 лет. В этом возрасте, вплоть до 14 лет, дети могли быть также наказаны. Правда, и в первом, и во втором случаях требовалось наличие ряда условий. Так, суду передавали только за преступления «большой важности». При этом ему надлежало в обязательном порядке разрешить «вопроса о разумении». Наличие вышеперечисленных условий требовалось для вынесения судом решения также в отношении лиц в возрасте от 14 до 17 лет.

Применительно к остальным преступлениям («второстепенной важности») Свод законов выделял иные категории малолетних лиц, их совершивших: от 10 до 15 и от 15 до 17 лет. При этом если первые наказывались розгами, то вторые – плетьями.

Заключение

Таким образом, в исследуемый период вопрос о возрасте наступления ответственности за преступления специально отечественное законодательство не раскрывало. Нормы, дифференцирующие возраст лиц, могущих отвечать за преступления, в том числе понести наказание, конкретностью не отличались. Решения о повышении или понижении возраста наступления уголовной ответственности были непоследовательными и, как следствие, противоречивыми. Но, самое главное, возраст рассматривался не как самостоятельный уголовно-правовой признак, а лишь в рамках признака вменяемости.

⁸ По данному Указу, преступления малолетних разделялись на четыре категории в зависимости от вида наказания, которое им назначалось. Наиболее строгое наказание – публичное сечение плетьями, заковывание в ножные кандалы и ссылка на 15 лет в монастырь – назначалось за святотатство, убийство и поджог.

⁹ «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников» Указ Екатерины II от 26 июня 1765 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1830. — 48 т. Данный Указ, что интересно, не был опубликован, но разослан секретно ко всем властям, «чтобы малолетние от противных указам проступков более остерегались» (властям же предписывалось «оказывать себя больше милостивыми, нежели жестокими судьями, памятуя то, что и сами они люди»).

¹⁰ По достижении 17 лет они, при назначении наказания, приравнивались к взрослым.

Литература:

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-С.-Петербург-Харьков, 1903.
2. Богдановский А.М. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, Санкт-Петербург, 1900.
4. Головко Н.В. Анализ развития отечественного правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних // Наука и школа. 2017. № 2. С. 15-20.
5. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894.
6. Синяева М.И. Становление градаций возраста в уголовном праве в дореволюционный период // Известия Юго-Западного государственного университета. История и право. 2017. № 4. С. 122-126.
7. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб., 1872.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994.
9. Храмова И. С. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России в период абсолютизма: дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2007.

RESPONSIBILITY OF MINORS IN THE HISTORY OF CRIMINAL LAW IN RUSSIA (BEFORE 1845)

Introduction. The main purpose of the work is to show how the criminal legislation of the Russian Empire has evolved in the matter of the age of a person capable of being responsible or serving the sentences imposed on him. To achieve this goal, the paper analyzes the legislative norms of different eras (before 1845) using the scientific works of pre-revolutionary Russian legal scholars on the subject of the study.

Materials and methods. The methods applied in the course of the study (historical, formal-legal, logical, dialectical) showed that for several centuries in the criminal law of Russia, the age of the person who committed the crime had no legal significance. The situation changed with the adoption of New Proof Articles in 1669, which for the first time established the exact age at which a person could be responsible for what he had done – 7 years. Subsequently, this

age changed many times – the legislator then raised it, then restored it.

Results of the study. The analysis showed that, during the period under study, the question of the age of responsibility for crimes was resolved inconsistently, often contradictory.

Discussion and conclusion. The study showed that, most importantly, age was not considered as an independent criminal-legal sign, but only within the framework of the sign of sanity.

Konstantin Z. Trapaidze,
Candidate of sciences (law),
Head of the Department
of Public Administration,
MGIMO-University, Moscow, Russia

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, возраст, вменяемость, разумение

Keywords: minor, juvenile, age, sanity, understanding

References:

1. Belogric-Kotljarevskij L.S., 1903. Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshhaja i Osobennaja chasti [Textbook of Russian criminal law. General and Special parts]. Kiev-Saint Petersburg-Har'kov.
2. Bogdanovskij A.M., 1871. Molodye prestupniki. Voprosy ugolovnogo prava i ugolovnoj politiki [Young criminals. Issues of criminal law and criminal policy]. Saint Petersburg.
3. Vladimirskij-Budanov M.F., 1900. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Kiev, Saint Petersburg.

4. Golovko N.V., 2017. Analiz razvitiya otechestvennogo pravovogo regulirovaniya ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih [Analysis of the development of domestic legal regulation of criminal liability of minors]. *Nauka i shkola [Science and School]*. № 2. S. 15-20.
5. Esipov V.V., 1894. Ocherk russkogo ugolovnogo prava. Chast' Obshhaja. Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye [Essay on Russian criminal law. Part General. Crime and criminals. Punishment and those punishable]. Warsaw.
6. Sinjaeva M.I., 2017. Stanovlenie gradacij vozrasta v ugolovnom prave v dorevolucionnyj period [Formation of age gradations in criminal law in the pre-revolutionary period]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija i pravo [News of the South-Western State University. History and law]*. № 4. S. 122-126.
7. Tagancev N.S., 1872. Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnih prestupnikov po russkomu pravu [Research on the responsibility of juvenile offenders under Russian law]. Saint Petersburg.
8. Tagancev N.S., 1994. Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii. Chast' Obshhaja. V 2 t. [Russian criminal law. Lectures. Part General. In 2 volumes.]. Vol. 1. Moscow.
9. Hramova I.S., 2007. Ugolovnaja otvetstvennost' nesovershennoletnih v Rossii v period absolutizma: dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal liability of minors in Russia during the period of absolutism]. Astrakhan.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Владимир Павлов*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-58-65

Введение. Статья посвящена анализу причин дефектности ряда нормативных актов, посвященных хозяйственной деятельности в стране. Обосновывается необходимость активизации разработки методологии применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности.

Материалы и методы. В ходе написания работы использовались нормативные материалы и труды отечественных и зарубежных авторов. Применялись приемы научного познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщения, аналогии и другие. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы: системно-структурный, метод дидактического анализа, метод толкования правовых норм, метод юридико-технического конструирования, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, статистический и др.

Результаты исследования. Анализ действующего массива нормативных актов Российской Федерации позволил выявить не полное его соответствие требованиям построения самосогласованных систем управления.

Доказано, что главным условием эффективного применения цифровых технологий в нормотворчестве является обеспечение закрытости системы действующих нормативных актов страны от внешнего воздействия. Предложены пути совершенствования содержательной части нормативных актов регламентации гражданско-правовых отношений в условиях внедрения цифровых технологий в правоприменимый и законотворческий процессы.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволяет привлечь внимание к концептуальным основам трансформации ее нормативного правового регулирования в русле международных соглашений в этой области, а также критически оценить эффективность некоторых направлений современного законотворчества.

* **Павлов Владимир Павлович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: vppavlov@fa.ru
ORCID ID: 0009-0005-6908-514X

Введение

Yспехи в применении цифровых технологий при заключении и исполнении договоров хозяйствующими субъектами стали стимулом для распространения этих технологий на судебную практику и нормотворчество. Среди причин, по которым это направление не получило должного развития, является противоречие между системой права государства, которая является открытой для внешних воздействий как со стороны правовых идей других государств, так и под влиянием развития собственного общества, и системой национального законодательства государства. Для эффективного функционирования национального законодательства необходимо, чтобы его система была замкнута снаружи и самосогласована внутри. Попытки российского законодателя декларировать открытость отечественного законодательства путем введения приоритета общепризнанных принципов и норм международного права над национальным законодательством (п. 4 ст. 15 Конституции РФ) очень скоро привели к общезвестному из теории систем результату: более развитая, совершенная правовая система подчиняет своему влиянию менее развитую вплоть до ее уничтожения в собственных интересах [14. С. 1].¹

Это и послужило принятию обновленной редакции ст. 79 и дополнительной статье 79.1. Конституции РФ, которыми предусмотрены ограничения внешнего воздействия на законодательство и судебную практику РФ.

Исследование

Возрастающая динамика изменений, вносимых в действующие федеральные законы, является косвенным подтверждением замкнутого характера системы законодательства и необходимости «ручного» реагирования на изменение экономической ситуации в стране. Средняя стабильность существования норм кодексов ежегодно снижается с 81 дня в 2018 г до 75 дней в 2022 г. и имеет тенденцию к дальнейшему падению. Если на сегодня в КОАП внесено 800 изменений и «срок жизни» его статей составляет в среднем 10 дней, в Налоговый кодекс внесено

732 поправки и срок жизни нормы 12 дней, то в ближайшие три года ожидается преодоление рубежа в 1000 изменений в существующие нормы этих документов [13. С. 1].

О недопустимости применения открытых информационных систем, наделенных алгоритмами свободной комбинаторики, к использованию в судебной практике, свидетельствует и иностранный опыт. Например, в США адвокаты без надлежащей проверки использовали ИИ-инструмент ChatGPT, который создал иск с фантастичными аргументами на основе несуществующих судебных решений с поддельными цитатами и ссылками. В результате федеральный суд в США оштрафовал адвокатов и юридическую компанию на 5000\$ за подачу фиктивных юридических заключений в рамках иска [12. С. 1].

Говоря об уровне внутренней самосогласованности системы отечественного законодательства, как необходимом условии для реализации первого этапа цифровизации нормотворчества – восстановления содержания норм из статей закона и представления их в форме завершенных алгоритмов действий субъектов, следует отметить невысокий уровень применения методологии и законодательной техники в отечественном законотворчестве.

1. Первое, на что следует обратить внимание, это ошибочный подход к критериям ограничения гражданского права от других отраслей.

Традиционно выделяют гражданское право среди других отраслей по двум основаниям: по предмету и методу правового регулирования. При этом не учитывают двух существенных обстоятельств:

1. Деление целостности явления (системы права) сразу по двум основаниям (предмету и методу) является нарушением правил логического деления, приводящим к ошибочным результатам. Действительно, ориентируясь на регулирование имущественных отношений, основанное на равенстве сторон средствами гражданского (т.е частного) права, мы вдруг обнаруживаем, что субъекты РФ в рамках своей компетенции решают с РФ имущественные отношения; так же на основе равенства сторон, но в рамках не частного, а публичного права².

¹ Конституция РФ п. 4 ст. 15

² Конституция РФ п.п. в, ч.2 ст.72.

2. Ни в дореволюционной России, ни в Западной Европе гражданское право не выделялось и не выделяется из других отраслей одновременно по двум названным критериям.

Изложенное позволило В.П. Мозолину сделать вывод о том, что возможность создания единого общего понятия отрасли права, основываясь на известной методологии, оказалась утраченной [7. С. 11].

II. Место предпринимательского права в системе российского права.

Критика концепции «предпринимательского» («хозяйственного») права- настраивает слушателя на негативное восприятие названной концепции. Вместе с тем, совершенные достижения в исследованиях системности права позволяют установить методологическую основу непримиримости позиций «цивилистов» и «хозяйственников» в этом вечном споре.

Методологическая ошибка сторон состоит в том, что при попытке выделения предпринимательского права они игнорируют иерархическую структуру прав в целом и гражданского права в частности, т. е. делают бесплодные попытки деления системы гражданского права по горизонтали, а не по вертикали. Если же учитывать иерархическую структуру гражданского права, то окажется, что деление по горизонтали невозможно.

Предпринимательское (хозяйственное) право является подотраслью гражданского, которое характеризуется особенностями всех трех составных частей правоотношений: субъект, обладающий специфическими чертами предпринимателя, предмет правоотношения выступающий преимущественно в форме товара и содержание правоотношения- характеризующееся целью извлечения прибыли (ч. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Подмена публично значимой цели предпринимательской деятельности - удовлетворение потребностей населения и нужд государства, частным интересом предпринимателя в прибыли любым путем неизбежно ведет к исходному моменту рыночной организации экономики, которым является свободная конкуренция и невмешательство государства в сферу предпринимательства.

Ближайшим результатом ее является монополизация рынка за счет вытеснения слабых конкурентов, т. е. устранение конкуренции, раздел рынков сбыта и установление необоснованно высоких цен на потреби-

тельском рынке страны в силу экономической слабости граждан-потребителей.

III. Вещное и обязательственное право

Традиционно, в рамках этой темы цивилисты разграничивают вещное и обязательственное право, как противостоящие друг другу подотрасли гражданского права. Однако раскрывать взаимосвязь этих подотраслей следует исходя из анализа современного состояния гражданского права как отрасли, проведенного В.К Райхером: «Если ранее обязательство было по преимуществу одним из способов приобретения права собственности, то в настоящий период оно становится в значительно возрастающей мере и одной из форм существования права собственности» [9. С. 308].

Д. М Генкиным убедительно доказана некорректность конструкции абсолютного правоотношения собственности как всеобщей обязанности не создавать препятствий действиям собственника. [4. С. 58]. В развитие этой идеи В.П. Павловым предложена универсальная структура вещных статутов, которая позволяет осуществить соотнесение вещных прав разных стран с использованием цифровых технологий [8. С. 190-194].

IV. Обязательство и правоотношение.

В учебной литературе обязательство рассматривается как частный случай правоотношения. По этой причине и содержание обязательства и содержание гражданского правоотношения раскрываются через содержание и виды субъективных гражданских прав и обязанностей. Однако, если для раскрытия содержания обязательства такой прием вполне оправдан, поскольку обязательство характеризует лишь статику общественных отношений (см.ст.307 ГК РФ), то правоотношение, по определению, является способом реализации норм. По этой причине правоотношение является динамической характеристикой общественных отношений, не может соотноситься с обязательством, как род и вид), т. е. характеризует не потенциальную возможность или обязанность осуществлять предписанные нормой действия, а сами эти действия [8. С. 86].

V. Субъекты гражданских правоотношений.

Между заголовками темы и ее детализацией в учебниках имеется расхождение. Тема обозначена «граждане, как участники (субъекты) гражданских правоотношений». А далее говорится о гражданине, как об

индивидуальном субъекте гражданского права [10. С. 117]. Такая постановка вопроса некорректна по следующим причинам:

1. Законодатель не признает отдельного гражданина субъектом гражданского права. Он наделяет гражданина правосубъектностью, в рамках которой последний может быть субъектом прав в конкретных гражданских правоотношениях.

2. Быть субъектом гражданского права, т. е. права в объективном смысле - это значит создавать объективное право. Индивидуальный гражданин мог по своей воле создавать право в древнем Риме, когда он был главой семьи и его указания были обязательны к исполнению всеми домочадцами, поскольку они находились у него на положении подопечных, т.е. он был субъектом семейного права. В настоящее время субъектом гражданского права могут быть, как минимум, два лица - субъекты заключаемого договора. Иными словами, два гражданина - это тот минимум, из которого состоят субъекты права гражданско-правового договора. У норм закона иной субъект права - государство.

VI. Публично-правовые образования как участники гражданских правоотношений.

Между названием темы и дальнейшей ее детализацией имеется расхождение. Тема заявлена для характеристики публично-правовых образований в качестве субъектов гражданских правоотношений, а далее рассматриваются РФ, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права. В соответствии с п. О ст. 71 Конституции РФ Российской Федерации является субъектом гражданского права³. Все остальные публичные правовые образования могут быть только субъектами гражданских правоотношений. При этом остается открытым вопрос о том, как с теоретической точки зрения обосновать возможность участия РФ в гражданских правоотношениях. Ведь являясь субъектом гражданского права, т. е. законотворцем, РФ обязана осуществлять контроль за тем, чтобы субъекты гражданских правоотношений, реализуя свои частные интересы, не вступали в противоречие с интересом публичным. Если допустить, что в одних и тех же отношениях РФ выступает и как субъект права, и как субъект правоотношения, у РФ появится возможность самоконтроля, т. е. бесконтрольного участия в гражданских правоотношени-

ях. Как показывает практика, совмещение функций публичного контроля и участия в хозяйственной деятельности в одной и той же сфере деятельности органами публичной власти любого уровня приводит к серьезным экономическим правонарушениям. Несмотря на это, в научных публикациях и учебной литературе с советских времен декларируется идея равенства государства с другими участниками в гражданских правоотношениях [1. С. 13; 3. С. 55; 6. С. 94].

VII. Работы и услуги в составе объектов гражданских прав

Включение работ и услуг в состав объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) разрушает традиционную структуру гражданского правоотношения, в состав которого помимо субъекта входят «объект», - то, по поводу чего совершаются действия сторон и содержание правоотношения, т. е. действия сторон по поводу определенного объекта. Из содержания учебников нет возможности определить, как авторы собираются снять это противоречие. Представляется оправданным в качестве объектов гражданских прав рассматривать не сам процесс выполнения работ или оказания услуг, а те результаты, в которых заинтересованы стороны. В этом случае структурный состав гражданского правоотношения сохраняется.

VIII. Проблема односторонней сделки.

Определение односторонней сделки, данное в п. 2 ст. 154 ГК РФ противоречит смыслу общего понятия сделки, закрепленному в ст. 153 ГК РФ.

Действительно, этимологически слово «сделка» происходит от «содеянное», т. е. совместно сделанное несколькими лицами.

Возможность конструкции односторонней сделки появилась вследствие некорректного прочтения ст. 153 ГК РФ в единственном числе. В самом деле, обязанности могут возникнуть у лиц лишь в силу согласованности волеизъявления сторон. Ни один из конкретных примеров, т. н. «односторонних» сделок не выдерживает детальной проверки на соответствие критериям сделки. Например, завещание общепризнано односторонней сделкой. Однако его составление не налагает никаких обязательств на завещателя и не влечет за собой никаких прав для наследника до тех пор, пока нет в наличии следующего юридического состава:

³ Конституция РФ, п. О ст.71

1. Завещатель умер, не составив нового завещания и не отменив существующего.

2. Указанный в завещании наследник не отказался от принятия наследства.

До той поры, пока нет названного юридического состава, составление завещания – всего лишь условная оферта.

IX. Понятие собственности

Традиционная попытка цивилистов представить собственность как экономическое отношение обусловлены тем обстоятельством, что анализ в рамках основных правомочий собственности: владения, пользования и распоряжения не дает возможности раскрыть всего многообразия проявлений собственности, с которыми сталкивается юридическая практика в реальных жизненных ситуациях.

Поэтому под видом экономической отношений собственности маскируют волевые отношения участников экономической деятельности, т. е. дополнительный набор правоотношений для того, чтобы полнее описать структуру правоотношений собственности. При этом цивилисты вынуждены игнорировать тот общезвестный факт, что экономические отношения тем отличаются от юридических, что не зависят от воли участников, т. е. носят объективный характер, обусловленный способом производства в данном обществе. В свою очередь экономисты, например, В.П. Шкредов, утверждают, что экономическая наука прекрасно обходится без категории «собственность» [11. С. 5].

Для того чтобы наглядно представить полную структуру правоотношений собственности всех участников, включая и государство, разработана универсальная таблица имущественных состояний, которая отмечает все возможные формы собственности и правоотношений собственности в рамках юридической науки, не прибегая к ошибочной концепции «экономических отношений» [8. С. 178]. В рамках этой концепции разграничены собственность как личностные свойства субъекта, проявления собственности – как действия лица с предметами материального мира и право собственности – как ограничения на свободу действий лица в частном интересе с принадлежащими ему вещами. В рамках этой концепции снимается т. н. проблема «расщепленной собственности» по той причине, что она существовала и в ГК РСФСР 1964 г, существует и в ГК РФ только в ином терминологическом оформлении.

Для доказательства этого положения достаточно сравнить объемы правомочий государства и казенного предприятия на переданное в оперативное управление имущество (ст. ст. 296, 297 ГК Российской Федерации). Из этого сравнения видно, что как казенное предприятие, так и государство наделены различными по содержанию ограниченными вещными правами на имущество казенного предприятия. При этом государство, хотя и называется собственником, на деле выступает лишь как товарный собственник переданного предприятию имущества. В свою очередь предприятие является нетоварным собственником этого имущества. В этом и состоит решение проблемы «расщепленной собственности», которое было предложено А.В. Венедиковым еще в 1928 г. [2. С. 23].

X. Статутная концепция права собственности.

Статутная концепция права собственности впервые законодательно была закреплена в 1832 г. в т. 10 ч.1 Свода законов Российской империи в стране с феодальным укладом экономики и затем без изменений была воспринята Гражданскими кодексами 1922 и 1964 гг. Основами гражданского законодательства 1961 и 1991 гг. Менялись только собственники средств производства.

До 1917 года и после 1991 года ими могли быть как лица частного интереса, так и государство, а в период с октября 1917 года по 1991 г. основным собственником средств производства было государство. Существовавшее в этот период понятие общественной собственности применительно к государственному имуществу было лишь пропагандистской уловкой, лишней содержания. Из определения собственности как совокупности навыков действий лица с предметами материального мира, следует, что для того чтобы быть собственником конкретного предприятия, необходимы самые разнообразные навыки действий всего трудового коллектива, включая рабочих, ИТР, снабженцев, управленцев и пр., которые в совокупности осуществляют производство и реализацию готовой продукции. Весь народ страны в целом не может обладать такими навыками, т.е. по определению не подпадает под понятие собственника. Также не является собственником в полном объеме и государство, поскольку в силу специфики деятельности государственного аппарата, оно может выступать лишь как товарный собственник имущества, пере-

данного казенному предприятию и отчуждать это имущество другому предприятию в случае, если это имущество не используется по назначению. Казенное предприятие в лице трудового коллектива выступает как нетоварный собственник переданного ему государством имущества и использует его в производственных целях по прямому назначению, не имея права обратить в товар. На эту особенность государственной собственности и собственности государственного предприятия еще в 1928 г. в своих работах обратил внимание А.В. Венедиктов. Однако реакция юридического сообщества СССР на это открытие была столь отрицательной, что вплоть до 1949 г. А. В. Венедиктов в своих трудах, посвященных государственной социалистической собственности, публично каялся в своих прежних ошибках и заблуждениях.

В итоге в капиталистических странах в рамках одной общественно-экономической формации была реформирована структура правоотношений собственности, в России, в которой дважды на протяжении прошлого века делались попытки смены общественно-экономических формаций, структура отношений собственности, осталась незыблемой и примитивной.

XI. Право интеллектуальной собственности

Правовой институт, регламентирующий отношения по созданию и использованию РИД во всем мире, имеет название «Интеллектуальное имущество» [15. С. 1].

Термин «исключительные права», как рудимент феодального права появился в нашем законодательстве в 90-е годы прошлого века и не выдерживает критики по причине неопределенности их места в системе гражданского права. [5. С. 4; 8. С. 203]. Авторское право, как институт права интеллектуальной собственности, так же, как и патентное

право, характеризуется главной целью, для которой этот институт создан. Поэтому помимо функций этих институтов необходимо в первую очередь дать определение целей. Это позволит избежать ряда стойких заблуждений относительно видов неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности. В рамках этой темы необходимо показать место патента как ценной бумаги в системе объектов гражданских прав.

Анализ действующего массива нормативных актов Российской Федерации, относящихся к хозяйственной деятельности по критериям непротиворечивости содержания отдельных норм, самосогласованности и иерархичности построения в виде единой системы дает основания для вывода о неполном его соответствии требованиям построения самосогласованных систем управления.

Доказано, что главным условием эффективного применения цифровых технологий в нормотворчестве является обеспечение закрытости системы действующих нормативных актов страны от внешнего воздействия. Совершенствование содержательной части нормативных актов в области регламентации гражданско-правовых отношений в условиях высокой динамики модификации этих отношений возможно путем внедрения цифровых технологий в правоприменительный и законотворческий процессы.

Заключение

Приведенные примеры неоднозначностей и методологических погрешностей в нормотворчестве являются следствием отсутствия в программе подготовки юристов курса «Общая теория систем управления» и серьезным препятствием на пути внедрения цифровых технологий в законопроектную деятельность.

Литература:

1. Брагинский М.И. Участие советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981.
2. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Ленинград, 1928.
3. Виткевичюс П.П. Гражданская правосубъектность советского государства. Вильнюс, 1978.
4. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961.
5. Иванов Н.В., Сергеев А.П.. Право интеллектуальной собственности: практикум. М., 2023.
6. Манукян А.Р., Кириллова Е.А. Концепция правосубъектности государства в гражданских правоотношениях // Проблемы экономики и юридической практики. № 5. 2017.
7. Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008.

8. Павлов В.П. Проблемы теории собственности в российском гражданском праве. М., 2000.
9. Райхер В.К. Гражданечно-правовые системы антагонистических формаций // Проблемы гражданского и административного права: Сб. ст. под ред. Б.Б. Черепахина. Л., 1962.
10. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 томах Том 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
11. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» Маркса, М., 1973.
12. Юрченко В. Международный уровень: риски необдуманного использования ИИ // LegalTech Day # 1. Материалы Конференции о трансформации, автоматизации и усовершенствовании работы юриста "LegalTech Day" 21 февраля 2024 г. URL: <https://ltd.garant.ru/#program>.
13. Материалы VII Всероссийского юридического форума "Гражданечно-правовое регулирование имущественного оборота: основные проблемы и практические рекомендации" Москва, 22 сентября 2023. URL: <https://www.garant.ru>.
14. Сборник Мировое хозяйство и тенденции интеграции. URL: <https://institutiones.com>.
15. «What are intellectual property rights?». World Trade Organization. Retrieved 23 May 2016. URL: <https://www.wto.org>.

PROSPECTS FOR DIGITALIZATION OF RULEMAKING IN CIVIL LAW

Introduction. The article is devoted to the analysis of the reasons for the defectiveness of a number of regulations on economic activity in the country. The need to intensify the development of a methodology for the use of digital technologies in rule-making activities is substantiated.

Materials and methods. In the course of writing the work, regulatory materials and works of domestic and foreign authors were used. Techniques of scientific knowledge were used: analysis, synthesis, abstraction, generalizations, analogies and others. The methodological basis of the study was made up of general scientific and special legal methods: systemic-structural, method of dogmatic analysis, method of interpretation of legal norms, method of legal-technical design, comparative legal, formal legal, logical, statistical, etc.

Results of the study. Analysis of the current array of regulatory acts of the Russian Federation made it possible to identify its incomplete compliance with the requirements for building self-consistent management systems.

It has been proven that the main condition for the effective use of digital technologies in rule-making is to ensure that the system of existing regulations in the country is closed from external influence. Ways have been proposed to improve the content of normative acts regulating civil law relations in the context of the introduction of digital technologies into law enforcement and legislative processes.

Discussion and conclusions. The conducted research allows us to draw attention to the conceptual foundations of the transformation of its legal regulation in line with international agreements in this area, as well as critically evaluate the effectiveness of some areas of modern lawmaking.

Vladimir P. Pavlov,
Doctor of Science (Law),
Professor of the Department of Legal
Regulation of Economic Activity,
the Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia.

Ключевые слова:

алгоритмы нормотворчества, закрытые и открытые системы национального законодательства, динамика законодательства, многозначность терминологии, неявные подмены в определении целей гражданско-правового регулирования отношений, общенаучная методология системного исследования, работы и услуги в состав объектов гражданских прав, снижение стабильности норм кодексов, судебское усмотрение, традиционная система подготовки юристов.

Keywords:

rule-making algorithms, closed and open systems of national legislation, dynamics of legislation, ambiguity of terminology, implicit substitutions in determining the goals of civil law regulation of relations, general scientific methodology of systemic research, works and services included in the objects of civil rights, reduced stability of the norms of codes, judicial discretion, traditional system of training lawyers

References:

1. Braginskij M.I., 1981. Uchastie sovetskogo gosudarstva v grazhdanskikh pravootnosheniyah [The participation of the Soviet state in civil relations]. Moscow.
2. Venediktov A.V., 1928. Pravovaya priroda gosudarstvennyh predpriyatiy [The legal nature of state enterprises]. Leningrad.
3. Vitkyavichyus P.P., 1978. Grazhdanskaya pravosub"ektnost' sovetskogo gosudarstva [Civil legal personality of the Soviet state]. Vilnius.
4. Genkin D.M., 1961. Pravo sobstvennosti v SSSR [The right of ownership in the USSR]. Moscow.
5. Ivanov N.V., Sergeev A.P., 2023. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: praktikum [Intellectual property law: practicum]. Moscow.
6. Manukyan A.R., Kirillova E.A., 2017. Koncepciya pravosub"ektnosti gosudarstva v grazhdanskikh pravootnosheniyah [The concept of the legal personality of the state in civil relations]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Problems of economics and legal practice]*. № 5.
7. Mozolin V.P., 2008. Sovremennaya doktrina i grazhdanskoe zakonodatel'stvo [Modern doctrine and civil legislation]. Moscow.
8. Pavlov V.P., 2000. Problemy teorii sobstvennosti v rossijskom grazhdanskom prave [Problems of the theory of property in Russian civil law]. Moscow.
9. Rajher V.K., 1962. Grazhdansko-pravovye sistemy antagonisticheskikh formacij [Civil law systems of antagonistic formations]. *Problemy grazhdanskogo i administrativnogo prava: Sb. st. pod red. B.B. Cherepahina [Problems of civil and administrative law: Collection of articles. Ed. by V.V. Cherepakhin]*. Leningrad.
10. Suhanov E.A., 2023. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 tomah Tom 1: Obshchaya chast' [Civil law: textbook: in 4 volumes Volume 1: General part]. Moscow.
11. Shkredov V.P., 1973. Metod issledovaniya sobstvennosti v «Kapitale» Marks'a [The method of property research in Marx's Capital]. Moscow.
12. Yurchenko V., 2024. Mezhdunarodnyj uroven': riski neobdumannogo ispol'zovaniya AI [International level: risks of reckless use of AI]. *LegalTech Day # 1 Materialy Konferencii o transformacii, avtomatizacii i usovershenstvovanii raboty yurista "LegalTech Day"*. 21 fevralya 2024 g. [LegalTech Day # 1 Materials of the Conference on transformation, automation and improvement of the work of a lawyer "LegalTech Day" February 21, 2024]. URL: <https://ltd.garant.ru/#program>.
13. Materialy VII Vserossijskogo yuridicheskogo foruma "Grazhdansko-pravovoe regulirovanie imushchestvennogo oborota: osnovnye problemy i prakticheskie rekomendacii" [Materials of the VII All-Russian Legal Forum "Civil law regulation of property turnover: main problems and practical recommendations"]. Moscow, September, 22. 2023. URL: <https://conf.garant.ru>.
14. Sbornik Mirovoe hozyajstvo i tendencii integracii [Collection World economy and integration trends]. URL: <https://institutiones.com>.
15. «What are intellectual property rights?». World Trade Organization. Retrieved 23 May 2016. URL: <https://www.wto.org>.

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В ДИСТАНЦИОННЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СДЕЛКАХ: РЫНОК ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ VS РЫНОК ТРУДА

Агнесса Иншакова*

Денис Матыцин**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-66-74

Введение. В статье изучены и проанализированы правовые механизмы защиты прав и законных интересов частных инвесторов в сфере онлайн инвестирования, основанные на блокчейн технологиях, позволяющих снизить уровень несогласованности требований рынка труда и предложений рынка высшего образования.

Материалы и методы. Методологическая основа исследования имеет междисциплинарный характер и охватывает разные подходы и концепции, принадлежащие к сфере инвестиционной деятельности, цифровой экономики, включая технологии блокчейн и специализированные цифровые платформы, правовому сопровождению инвестиционных сделок. Согласование разных концепций и подходов в пределах работы достигается благодаря методам анализа и синтеза, а также использованию системного подхода, методов сравнительного анализа, наблюдения, абстрагирования.

Результаты исследования. В работе определены сущность и особенности дистанционных инвестиционных сделок, а также их формы, раскрыты сущность и влияние блокчейн технологии на развитие экономики и инвестирование, предоставлены примеры дистанционных инвестиционных проектов,

* **Иншакова Агнесса Олеговна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: ainshakova@list.ru; gimchp@volsu.ru
ORCID ID: 0000-0001-8255-8160

Матыцин Денис Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: dmatytsin@yandex.ru; gimchp@volsu.ru
ORCID ID: 0000-0002-4038-4032

основанных на технологии блокчейн, охарактеризованы преимущества и риски дистанционных инвестиционных инструментов, предложено несколько механизмов правовой защиты интересов частных инвесторов, использующих онлайн инструменты, обоснованы ценность и особенности использования смарт-контрактов как ключевых правовых инструментов на основе блокчейн, предназначенных для защиты прав физических лиц, инвестирующих с помощью дистанционных инвестиционных сделок. Установлено, что важным направлением повышения надежности таких сделок и избегания необдуманных финансовых и репутационных потерь является повышение уровня образования частных инвесторов. Запрос рынка труда на повышение профессионализма физических лиц, использующих дистанционные инвестиционные инструменты, повышает актуальность образовательных программ, направленных на изучение блокчейна, смарт-контрактов, дистанционных инвестиционных инструментов и правовых механизмов защиты интересов частных инвесторов.

Обсуждение и заключение. Научно-практическая значимость работы состоит в комплексном анализе и характеристике правовых механизмов защиты прав физических лиц, инвестирующих через дистанционные финансовые инструменты в Интернет-пространстве, а также в определении их преимуществ и недостатков. Обосновано, что главным правовым инструментом защиты таких инвестиционных сделок, основанных на технологии блокчейн, являются смарт-контракты. Потенциал смарт-контрактов, как инструментов правовой защиты инвестиционных сделок в дистанционном формате, используется благодаря набору их типичных функций, включающих децентрализацию, устойчивость к несанкционированным изменениям, прозрачность, автономность и т.д.

Введение

Начало альтернативным онлайн-финансам положили краудфандинговые платформы, которые быстро эволюционировали с внедрением новых инструментов привлечения капитала в Интернет-пространстве, таких как одноранговое кредитование (peer-to-peer lending) и первоначальные предложения монет (initial coin offerings) [12. С. 1]. Главной инновацией, обеспечившей существенное повышение уровня безопасности онлайн инвестиций, стала система блокчейн, позволившая создать безопасную базу данных на разных компьютерах без привлечения банка или любого другого учреждения в качестве контролера или регулятора инвестиционного процесса [8].

Методологическая основа статьи имеет мультидисциплинарный характер. Ее основу составляет концепция развития цифровой экономики в условиях четвертой промышленной революции, которая рассматривается в контексте интеграции цифровых технологий в инвестиционные процессы и связанные с этим проблемы правового обеспечения безопасности инвестицион-

ных сделок в Интернет-пространстве. Согласование разных концепций и подходов в пределах работы достигается благодаря методам анализа и синтеза, а также использованию системного подхода, методов сравнительного анализа, наблюдения, абстрагирования и т.д.

Исходя из междисциплинарности проблемы, ее целостное исследование не представлено в виде отдельного труда. Несмотря на это, отдельные направления и подходы исследования довольно основательно раскрыты в научных трудах, посвященных концепции дистанционной цифровой инвестиционной сделки [1. С. 129]; особенностям работы блокчейн платформ [3], [4], [5], [9]; условиям создания и использования смарт-контрактов на основе блокчейна [6]; обзору их построения и исполнения [7]; условиям и особенностям государственного регулирования дистанционных инвестиционных сделок [10. С. 133]; правовым механизмам внедрения смарт-контракта и его сравнение со смарт юридическим контрактом [11]; объяснению сущности и алгоритма работы блокчейн технологии [8]; оценке уровня безопасности блокчейн [2]; особенностям новой инвестиционной архитектуры в усло-

виях цифровой экономики, а также использованию блокчейн технологии для расширения масштабов устойчивых инвестиций [12. С. 1; 13].

Главной целью исследования является научно-теоретическое обоснование проблемы использования основанных на блокчейне правовых механизмов защиты интересов физических лиц при осуществлении дистанционной инвестиционной деятельности. Задачи, которые при этом решаются, требуют обобщения и теоретического обоснования сущности дистанционного инвестирования и блокчейна, а также поиска методов преодоления разрыва между рынком высшего образования и рынком труда.

Исследование

Определение проблем и рисков заключения дистанционных инвестиционных сделок в Интернет-пространстве, основанных на использовании технологии блокчейн, а также анализе предложенных механизмов защиты прав частных онлайн инвесторов, требуют дополнительного обоснования сущности отдельных научных категорий, а также их взаимодействия между собой. Это касается, как исследования самих дистанционных инвесторов, так и соглашений, которые они используют в процессе инвестирования.

Само наличие инвесторов в среде физических лиц ставит под сомнение целый институт квалифицированных инвесторов, особенным требованием к которым является обладание специальным образованием, знаниями и навыками анализа и проведения финансовых сделок. Уровень квалификации таких инвесторов по своей сущности является важным элементом защиты инвестиционной сделки от лишних финансовых и системных рисков. Несмотря на это, в условиях доступности дистанционных инвестиционных сделок, отсутствие соответствующего уровня квалификации существенно повышает такие риски.

Кроме использования правовых инструментов защиты инвестиционных рисков, в первую очередь направленных на использование смарт-контрактов на основе блокчейн технологий, важным направлением повышения надежности таких сделок и избегания необдуманных финансовых и репутационных потерь является повышение уровня образования частных инвесторов. Запрос рынка труда на повышение профессионализма физических лиц, использующих дистанционные инвестиционные инструменты, по-

вышает и актуальность образовательных программ, направленных на изучение блокчейна, смарт-контрактов, дистанционных инвестиционных инструментов и правовых механизмов защиты интересов частных инвесторов.

Развитие таких программ в системе высшего образования позволит согласовать требования рынка труда и предложения университетов и преодолеть разрыв между ними. Кроме того, повышение человеческого потенциала в условиях усиления диджитализации экономики является важным условием повышения конкурентоспособности субъектов рынка и ускорения темпов социально-экономического развития общества.

Теоретические аспекты осуществления дистанционных инвестиционных сделок физическими лицами в Интернет-пространстве не имеют целостного методологического основания. Главные особенности дистанционного инвестирования предполагают наличие электронных устройств (гаджетов) и программно-аппаратного комплекса, без которых сам факт юридической сделки является невозможным [1. С. 129]. Эти составляющие создают предложение и инфраструктуру для совершения инвестиционной сделки. Другой стороной (потребителем, инвестором) является физическое лицо, обладающее соответствующим уровнем интеллектуальной и профессиональной подготовки, способное проанализировать состояние дистанционного сегмента инвестиционного рынка и осуществить выгодную для себя сделку.

Таким образом, дистанционная инвестиционная сделка происходит между физическим лицом и компанией (платформой), которые обеспечивают инвестиционный процесс. Дистанционный характер указывает на возможность подписания сделки без необходимости физического присутствия сторон в определенном месте, благодаря их онлайн верификации.

Дистанционные инвестиционные сделки могут иметь разные формы, включая краудфандинг, покупку криптовалюты, токенов или других финансовых инструментов с возможностью осуществления операций онлайн. Особенное место в этом перечне занимает первичное предложение монет (ICO), являющееся предложением специализированных криптовалют либо «монет», основанных на технологии блокчейн [10. С. 133].

Блокчейн является ключевой технологией четвертой промышленной революции, стирающей грани между физическим

и цифровым пространством. Это создает новые инновационные возможности и трансформирует существующую систему отношений, обеспечивая децентрализованную цифровую трансформацию. Согласно опросам, около 61 % компаний по всему миру считают цифровую трансформацию главным приоритетом развития. В таких условиях блокчейн обретает значение важной технологии для безопасного обмена данными и ценностями между разными рыночными агентами. Ожидается, что до 2030 года сферы использования блокчейна, благодаря его уникальному набору функций, существенно расширятся. В результате размер глобального рынка, основанного на этой технологии, достигнет 1,43 трлн. долларов США при совокупном годовом темпе роста (CAGR) 85,9 % [2].

По своей природе блокчейн является децентрализованной, распределенной и неизменной книгой, которая состоит из крип-

тографически связанный цепочки сбора записей. Набор записей называется блоками, а сами записи – транзакциями либо событиями. Сама же децентрализованная книга является общей для всех участников сети блокчейн. Главными особенностями блокчейна являются децентрализация, неизменность и криптографическая связь. Благодаря децентрализации происходит распределение полномочий между участниками сети. В отличие от централизованной традиционной системы, это обеспечивает доступность сервиса, снижает риск сбоя и повышает доверие к сервису с гарантированной доступностью. Неизменность связей обеспечивает целостность данных в книге и благодаря криптографической связи защищает их от несанкционированного вмешательства извне [6].

Примеры дистанционных инвестиционных проектов, основанных на технологии блокчейн, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Примеры дистанционных инвестиционных проектов, основанных на технологии блокчейн

Название	Описание
Ethereum	Платформа для создания децентрализованных приложений на основе блокчейн (dApps). Обладает собственной криптовалютой Ether, используемой для оплаты транзакций на платформе и обслуживания смарт-контрактов
Filecoin	Основанная на блокчейне платформа, предназначенная для хранения файлов. Оплата услуг хранения файлов производится с помощью токенов Filecoin
Augur	Платформа, предназначенная для прогнозирования разных событий. Пользователи могут использовать токены REP для ставок на определенные события, результаты спортивных соревнований и т.д.
Polkadot	Платформа, предназначенная для создания децентрализованных приложений, позволяющая разным блокчейнам взаимодействовать между собой. Для голосования на платформе и управления сетью используется собственный токен DOT

Источник: Создано на основе [3], [4], [5], [9].

Дистанционные инвестиционные инструменты обладают как преимуществами, так и недостатками. Главным преимуществом сделок такого типа является децентрализация на основе блокчейн, что обеспечивает полную прозрачность и возможность отслеживать финансовые транзакции. Кроме того, онлайн формат позволяет представлять доступ к услуге в любой точке мира и с любого устройства.

Исходя из того, что блокчейн основан на криптографических технологиях, его воспринимают как безопасную технологию, которая может успешно противостоять любым киберугрозам. На самом деле блокчейн также является уязвимым. Главными опасностями его использования являются:

1. Угроза консенсусного протокола, в пределах которого происходит согласование действий участников при введении новой информации;

2. Угроза нарушения конфиденциальности, связанная с прозрачностью конструкции системы и возможностью обмениваться информацией, часть которой может быть конфиденциальной или чувствительной.

3. Угроза взлома закрытых ключей – состоит в возможности компрометации ключей, используемых блокчейном для верификации участников, и получении доступа к активам, чувствительной информации и программному обеспечению.

4. Угроза дефектов смарт-контракта – заключается в несовершенстве технологии

смарт-контрактов и наличии риска использования таких лазеек для доступа к активам и информации [2].

Защита интересов физических лиц в дистанционных инвестиционных соглашениях на основе блокчейна зависит от нескольких факторов, которые охватывают законодательство, стандарты безопасности, децентрализованные механизмы, страховые продукты и разумную диверсификацию портфеля. Физические лица, участвующие в дистанционных инвестиционных соглашениях на основе блокчейна, могут быть защищены с помощью следующих правовых механизмов:

- стандарты безопасности и институциональное урегулирование инвестиционных онлайн сделок, что требует от международных организаций и правительства определения правил лицензирования и введения ограничений относительно участников инвестиционного процесса;
- смарт-контракты, которые содержат стандартизованные нормы и условия для обеспечения безопасности и бесперебойно-

сти исполнения контрактов. Условия контрактов позволяют использовать дополнительные инструменты защиты интересов инвесторов и других сторон, включая ограничение доступа к соглашениям для отдельных лиц и институций;

- децентрализованные механизмы, которые позволяют обеспечивать большую безопасность инвестиций путем распределения контроля между разными участниками проекта. Такие механизмы могут включать в себя системы голосования для принятия решений о проекте, распределении прибыли, а также автоматическом контроле нарушений;

- законодательство о защите инвесторов, являющееся типичным для многих стран в традиционном аспекте функционирования финансового рынка. Оно может охватывать урегулирование права на информацию об инвестиционном проекте, обязанностях раскрытия рисков и потенциальных доходов, а также процедуры возмещения ущерба в случае нарушения прав частного инвестора и т.д.

Рис. 1. Механизмы защиты физических лиц, участвующих в дистанционных инвестиционных соглашениях на основе блокчейна

Источник: Создано авторами

Кроме правовых механизмов, существуют и другие способы защиты интересов физических лиц, использующих дистанционные инструменты инвестирования. Так, разумная диверсификация портфеля инвестиций, позволяет снизить риски, связанные с дистанционными инвестиционными соглашениями на основе блокчейн, с помощью разумной диверсификации портфеля, т.е. распределения своих инвестиций между разными типами активов и финансовых инструментов. Использование страховых продуктов также обеспечивает защиту от рисков, связанных с кибербезопасностью, воровством или другими рисками при дистанционном инвестировании.

Среди предоставленного перечня инструментов, умные контракты считаются наиболее перспективными и привлекательными понятиями в технологии блокчейн. Их самодостаточные и управляемые событиями функции делают некоторые действия в Интернете возможными без доверенной третьей стороны. Тем не менее, такие проблемы, как хакерские атаки, утечка конфиденциальности, а также низкая скорость обработки препятствуют их широкому применению [7].

Смарт-контракты следует отличать от умных юридических контрактов, поскольку первые являются компьютерной программой, закодированной для достижения результата вследствие наступления триггерного события. При этом, умные юридические контракты – это «юридически обязывающие соглашения, которые могут иметь цифровой формат и обладать возможностью связывать свои условия и выполнение своих обязательств с внешними источниками системы данных и программного обеспечения» [9].

Смарт-контракты также могут трансформировать бизнес-правила в компьютерные программы. С такой целью в каждой отрасли существуют разные платформы смарт-контрактов, предназначенных для удовлетворения конкретных требований. Примером такой адресности является Ethereum – платформа, разработанная для программ, требующих токенизации [5]. В целом, все платформы содержат ключевые функции

системы смарт-контрактов, которые включают соответствующие алгоритмы, условия и программный код.

Заключение

Традиционные механизмы инвестирования, требующие проведения финансовых сделок через посредников в лице финансовых институтов, имеют ограниченный уровень риска, связанный с квалификационными возможностями посредников в сфере анализа рынка, подбора инструментов инвестирования и сопровождения сделок. Дистанционный формат инвестиционных сделок без привлечения соответствующих посредников повышает такие риски. Дополнительные угрозы, дистанционного инвестирования кроются в самом формате таких сделок, связанных с киберугрозами.

Блокчейн, как механизм децентрализации, распределения ответственности и обеспечения неизменности созданной информации, служит надежным инструментом защиты дистанционных инвестиционных сделок от внешнего вмешательства. Главным правовым инструментом защиты таких инвестиционных сделок, основанных на технологии блокчейн, являются смарт-контракты. Потенциал смарт-контрактов, как инструментов правовой защиты инвестиционных сделок в дистанционном формате, используется благодаря набору их типичных функций, включающих децентрализацию, устойчивость к несанкционированным изменениям, прозрачность, автономность и т.д. Это позволяет использовать смарт-контракты на основе блокчейна не только в сфере финансов, но и в здравоохранении, электронном правительстве, телекоммуникациях, Интернете вещей и других сферах.

Примечание:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01141 «Правовые механизмы защиты прав физических лиц при осуществлении дистанционных инвестиционных сделок в интернет-пространстве»).

Литература:

1. Матыцин Д.Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном пространстве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 1. С. 129–136. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>.
2. Alabdulkarim, Y. Is blockchain really secure? Here are four pressing cyber threats you must consider. World Economic Forum. WEF. URL: <https://www.weforum.org>.
3. Augur: Your global, no-limit betting platform. URL: <https://augur.net>.
4. Ethereum. Welcome to Ethereum. URL: <https://ethereum.org>.
5. Filecoin. Filecoin is a decentralized storage network designed to store humanity's most important information. URL: <https://filecoin.io>.
6. Hewa, T., Ylianttila, M., Liyanage, M. Survey on blockchain based smart contracts: Applications, opportunities and challenges. Journal of Network and Computer Applications. 2021. Vol. 177. 102857. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2020.102857>.
7. Hu, B., Zhang, Z., Liu, J., Liu, Y., Yin, J., Lu, R., Lin, X. A comprehensive survey on smart contract construction and execution: paradigms, tools, and systems. Patterns. 2021. Vol. 2. Issue 2. 100179. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2020.100179>.
8. Leigh, M. Still don't understand the blockchain? This explainer will help. World Economic Forum. WEF. URL: <https://www.weforum.org>.
9. Polkadot. The multichain vision for Web3 starts here. URL: <https://polkadot.network>.
10. Rodrigues, U. R. Embrace the SEC. Washington University Journal of Law & Policy. 2020. Vol. 61. P. 133. URL: <https://openscholarship.wustl.edu>.
11. Sloane, T. The Difference between a Smart Contract and a Smart Legal Contract Explained. 2021. URL: <https://www.paymentsjournal.com>.
12. Yasar, B. The new investment landscape: Equity crowdfunding. Central Bank Review. 2021. Vol. 21. Issue 1. P. 1-16. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2021.01.001>.
13. Yushi C. & Ulrich V. Scaling Up Sustainable Investment through Blockchain-Based Project Bonds. ADB-IGF Special Working Paper Series «Fintech to Enable Development, Investment, Financial Inclusion, and Sustainability», 2021. URL: <https://ssrn.com>.

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AS A MECHANISM FOR PROTECTING CITIZENS' RIGHTS IN REMOTE INVESTMENT TRANSACTIONS: HIGHER EDUCATION MARKET VS LABOR MARKET

Introduction. The article studies and analyzes legal mechanisms of protection of rights and legitimate interests of private investors in the sphere of online investment based on blockchain technologies, which allow to reduce the level of inconsistency between the requirements of the labor market and the proposals of the higher education market.

Materials and methods. The methodological basis of the study is interdisciplinary and covers different approaches and concepts belonging to the sphere of investment activities, digital economy, including blockchain technologies and specialized digital platforms, legal support of investment transactions, etc. It is based on the concept of development of digital economy in the conditions of the fourth industrial revolution, which is considered in the context of integration of digital technologies into investment processes and related problems of legal support of security of investment transactions in the Internet space. The harmonization of different concepts and

approaches within the work is achieved through the methods of analysis and synthesis, as well as the use of a systematic approach, methods of comparative analysis, observation, abstraction, etc.

Results of the study. The paper defines the essence and features of remote investment transactions, as well as their forms, reveals the essence and impact of blockchain technology on economic development and investment, provides examples of remote investment projects based on blockchain technology, characterizes the advantages and risks of remote investment instruments, proposes several mechanisms of legal protection of the interests of private investors using online instruments, substantiates the value and features of the use of smart-contracts as a blockchain technology, and provides a description of the advantages and risks of remote investment instruments. It has been established that in addition to the use of legal instruments for the protection of investment risks, primarily aimed at the use

of smart contracts based on blockchain technologies, an important direction for improving the reliability of such transactions and avoiding rash financial and reputational losses is to increase the level of education of private investors. The labor market's demand for increasing the professionalism of individuals using remote investment instruments increases the relevance of educational programs aimed at studying blockchain, smart contracts, remote investment instruments and legal mechanisms for protecting the interests of private investors.

Discussion and conclusion. The scientific and practical significance of the work consists in a comprehensive analysis and characterization of legal mechanisms to protect the rights of individuals investing through remote financial instruments in the Internet space, as well as in determining their advantages and disadvantages. It is substantiated that the main legal instrument for the protection

of such investment transactions based on blockchain technology is smart contracts. The potential of smart contracts as instruments of legal protection of investment transactions in remote format is used due to a set of their typical functions, including decentralization, resistance to unauthorized changes, transparency, autonomy, etc.

Agnessa O. Inshakova,
Doctor of sciences (Law), Professor,
Head of the Department of Civil and
International Private Law, Volgograd State
University, Russia

Denis E. Matytsin,
Doctor of sciences (Law), Professor
of the Department of Civil and International
Private Law, Volgograd State University,
Russia

Acknowledgements

The study was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-01141 «Legal Mechanisms for the Protection of Individuals' Rights in Remote Investment Transactions in the Internet Space»).

Ключевые слова:

защита прав, блокчейн, разрыв
между рынком труда и рынком
высшего образования, дистанционные
инвестиционные сделки, Интернет-
пространство

Keywords:

rights protection, blockchain, the gap between
the labor market and the higher education
market, remote investment transactions, and
the Internet space

References:

1. Matytsin D. E., 2022. Ponyatie distancionno-cifrovoj investicionnoj sdelki v informacionnom prostranstve [The Concept of a Remote Digital Investment Transaction in the Information Space]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma [Legal Concept = Pravovaya paradigma]*. Vol. 21. №. 1. P. 129-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>.
2. Alabdulkarim, Y., 2023. Is blockchain really secure? Here are four pressing cyber threats you must consider. World Economic Forum. WEF. URL: <https://www.weforum.org>.
3. Augur: Your global, no-limit betting platform. URL: <https://augur.net>.
4. Ethereum. Welcome to Ethereum. URL: <https://ethereum.org>.
5. Filecoin. Filecoin is a decentralized storage network designed to store humanity's most important information. URL: <https://filecoin.io>.
6. Hewa, T., Ylianttila, M., Liyanage, M., 2021. Survey on blockchain based smart contracts: Applications, opportunities and challenges. *Journal of Network and Computer Applications*. Vol. 177. 102857. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2020.102857>.
7. Hu, B., Zhang, Z., Liu, J., Liu, Y., Yin, J., Lu, R., Lin, X., 2021. A comprehensive survey on smart contract construction and execution: paradigms, tools, and systems. *Patterns*. Vol. 2. Issue 2. 100179. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2020.100179>.
8. Leigh, M., 2018. Still don't understand the blockchain? This explainer will help. World Economic Forum. WEF. URL: <https://www.weforum.org>.
9. Polkadot. The multichain vision for Web3 starts here. URL: <https://polkadot.network>.
10. Rodrigues, U. R., 2020. Embrace the SEC. Washington University *Journal of Law & Policy*. Vol. 61. P. 133. <https://openscholarship.wustl.edu>.
11. Sloane, T., 2021. The Difference between a Smart Contract and a Smart Legal Contract Explained. URL: <https://www.paymentsjournal.com>.

12. Yasar, B., 2021. The new investment landscape: Equity crowdfunding. *Central Bank Review*, Vol. 21, Issue 1. P. 1-16. <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2021.01.001>.
13. Yushi C. & Ulrich V., 2021. Scaling Up Sustainable Investment through Blockchain-Based Project Bonds. ADB-IGF Special Working Paper Series «Fintech to Enable Development, Investment, Financial Inclusion, and Sustainability». URL: <https://ssrn.com>.

ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ ПУТЬ К ГРАЖДАНСТВУ ЧЕРЕЗ ИНВЕСТИЦИИ В НЕДВИЖИМОСТЬ?

Ольга Григорьева*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-75-83

Введение. Недвижимое имущество обладает несомненными инвестиционными преимуществами. Кроме того, в ряде стран является «мостиком» для упрощенного получения вида на жительство (далее – ВНЖ) или даже гражданства. В России правовой режим недвижимого имущества, несомненно, обладает рядом преимуществ. Сама возможность иметь имущество на праве частной собственности (в том числе земельные участки) вселяет в собственников уверенность во владении и пользовании недвижимостью. Законодательство о недвижимости характеризуется стабильностью и менее всего подвержено изменениям. Низкие ставки имущественного налога, исчисляемого с кадастровой стоимости объекта, способствуют приобретению недвижимости. Разнообразие объектов недвижимого имущества позволяет гражданам и юридическим лицам иметь в собственности жилые и нежилые помещения, машиноместа. С развитием цифровизации государственного управления регистрация прав на недвижимое имущество стала максимально простой и доступной, позволяет собственникам защитить имущество от мошеннических схем. Цены на недвижимость в России стабильно растут, что также стимулирует инвестиции в данный сектор.

Способствуют ли инвестиции в недвижимость получению гражданства Российской Федерации в ускоренном (льготном, облегченном и т.п.) порядке будет показано в настоящей статье.

Материалы и методы. Данное исследование основано на: 1) совокупности таких методов научного познания, как: диалектический метод, который позволил связать теорию гражданского и земельного права и практику Конституционного Суда РФ; формально-юридический метод позволил проанализировать законодательные нормы; системный метод позволил рассмотреть институт

* Григорьева Ольга Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России
e-mail: 5618861@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6047-1598

национального режима иностранных граждан в России как систему с внутренним единством и взаимосвязями с другими институтами права (институтом гражданства, институтом права собственности и др.); 2) результатах проведенного автором опроса модераторов Программы «Мой гектар» относительно спроса у иностранных граждан на земельные участки, реализуемые в рамках Программы; 3) анализе Постановлений Конституционного Суда РФ.

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что в России на конституционном уровне иностранным гражданам предоставлен национальный режим, изъятия из которого предусмотрены федеральными законами. Ограничения прав иностранцев предусмотрены целым рядом федеральных законов. Например, гражданским законодательством традиционно установлен запрет иметь в собственности отдельные категории земельных участков. В качестве ответа на западные санкции в марте 2022 г. введен особый разрешительный порядок на приобретение в собственность недвижимости для граждан «недружественных стран».

Законодательство о гражданстве Российской Федерации не предусматривает каких-либо льгот для получения иностранцами гражданства через инвестиции в экономику страны в целом, в недвижимость и бизнес, в частности.

Обсуждение и заключение: Политика Российской Федерации в отношении прав иностранных граждан на недвижимое имущество должна быть и дальше направлена на максимальную защиту интересов национальной безопасности и суверенитета страны, приоритетные возможности для россиян в приобретении недвижимости. Конечно, государство должно стимулировать иностранные инвестиции. Однако в условиях обострения международных отношений и угроз национальной безопасности России целесообразно было ввести разрешительный порядок на приобретение недвижимости для всех иностранных граждан, учитывая при этом род деятельности иностранца и цель приобретения недвижимости, источники его доходов, возможные связи с запрещенными в России организациями.

Введение

В современном мире весьма широк спектр стран, в которых инвестиции в недвижимость наиболее доходны и одновременно не затратно содержание самой недвижимости, позволяют в облегченном порядке преобрести вид на жительство (далее – ВНЖ) или даже гражданство. В России правовой режим недвижимого имущества, несомненно, обладает рядом преимуществ. Так, предусмотренная п. 2 ст. 8 Конституции России сама возможность иметь имущество на праве частной собственности (в том числе земельные участки) вселяет в собственников уверенность во владении и пользовании недвижимостью. Законодательство о недвижимости характеризуется стабильностью и менее всего подвержено изменениям. Низкие ставки имущественного налога, исчисляемого с кадастровой стоимости объекта, вряд ли могут поста-

вить кого-то перед выбором – владеть или не владеть недвижимостью, поскольку потом придется ежегодно платить налог. Разнообразие объектов недвижимого имущества позволяет гражданам и юридическим лицам иметь в собственности как жилые помещения, так и нежилые, а также машино-места. С развитием цифровизации государственного управления государственная регистрация прав на недвижимое имущество стала максимально простой и доступной, также позволяет собственникам защититься от мошеннических схем с недвижимостью. Помимо всего прочего цена на недвижимость в России характеризуется стабильным ростом, что стимулирует инвестиции в данный сектор.

Способствуют ли инвестиции в недвижимость получению гражданства Российской Федерации в ускоренном (льготном, облегченном и т.п.) порядке будет показано в настоящей статье.

Исследование

Права иностранцев на недвижимость в России

Основы правового статуса иностранцев заложены в Конституции РФ¹. Так, согласно п.3 ст. 62 иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации. Изъятия из этого общего правила могут быть установлены федеральными законами или международными договорами России.

Подавляющее большинство ограничений прав иностранцев в России касается публично-правовой сферы. К примеру, иностранные граждане не имеют права избирать и быть избранными в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, а также участвовать в референдумах (п.1 ст. 12 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»)²; не вправе по собственному желанию изменять место жительства, без специального разрешения определенные территории, организации и объекты (п.1 и п.2 ст. 11), замещать определенные должности, перечень которых предусмотрен Законом (ст.14) и др.

Конституция РФ закрепляет базовые принципы регулирования имущественных отношений. Так, ст. 35 гласит:

«1. Право частной собственности охраняется законом.

2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами».

Право граждан и их объединений иметь в частной собственности землю закреплено в п.1 ст. 36. Условия и порядок пользования землей определяются земельным законодательством.

Детальное регулирование имущественно-правовой сферы осуществляется ГК РФ³. П.1 ст. 2 гласит, что правила, установленные гражданским законодательством, применя-

ются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом.

То есть в России в отношениях собственности иностранцы приравнены к национальным гражданам, имеют тот же объем прав и обязанностей. По смыслу Закона, иностранцы вправе приобретать в России движимое и недвижимое имущество, осуществлять в отношении имущества любые не противоречащие Закону сделки (продавать, покупать, менять, дарить и принимать в дар, арендовать и сдавать в аренду и др.), завещать и наследовать собственность.

В отношении интеллектуальной собственности иностранным авторам и правообладателям на основании международного договора России и ГК РФ также гарантируется признание и защита их личных нематериальных и исключительных прав (ст. 1231 ГК РФ).

Подобный правовой статус иностранцев, когда последние уравниваются в правах и обязанностях с национальными гражданами, принято называть «национальным режимом». Данная категория весьма полно и в самых различных аспектах (административном [5], трудовом [2], имущественном [3,4] и др.) исследована в юридической литературе.

Кроме того, данный вопрос был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в Постановлении № 6-П от 17.02.1998 г. относительно применения ст. 62 Конституции РФ указал следующее: «Из данной статьи в ее взаимосвязи со ст. 17 (часть 2) и другими статьями Конституции Российской Федерации, касающимися прав и свобод человека и гражданина, следует, что речь идет о случаях, устанавливаемых лишь применительно к таким правам и обязанностям, которые являются правами и обязанностями именно гражданина Российской Федерации, то есть возникают и осуществляются в силу особой связи между государством и его гражданами»⁴.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

² Федеральный закон от 25.07.2002 № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/0176637_ec9b67591b03168efa033e0322080c864/

³ Ч.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // «Российская газета» от 8 декабря 1994 г. № 238-239.

⁴ Постановление КС РФ № 6-П от 17.02.1998 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17936/?ysclid=ltr1hulkdd89686486

Любые изъятия из этого правила могут быть установлены исключительно федеральным законом.

И российский опыт правового регулирования имущественных отношений и опыт зарубежных стран свидетельствуют о том, что ограничения для иностранцев, как правило, касаются прав на недвижимое имущество и, в частности, права собственности на землю. Подобный подход вполне объясним решением государствами задач обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Кроме того, если движимое имущество свободно перемещаемо по миру (с соблюдением требований таможенного законодательства) из одной юрисдикции в другую, то правовой режим недвижимости в силу ее прочной связи с землей не подвержен изменению и определяется правом государства, на территории которого она находится.

Отметим ст. 12 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», которая закрепляет гарантии вывоза иностранными инвесторами имущества, ранее ввезенного в Россию в качестве инвестиций⁵.

Какие же ограничения (изъятия) предусмотрены российским гражданским законодательством в отношении права собственности иностранцев на недвижимое имущество?

Для ответа на этот вопрос предстоит проанализировать ключевые федеральные законы, регулирующие вопросы собственности на отдельные виды недвижимого имущества.

Так, вопросы государственной регистрации недвижимого имущества регулируются Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ⁶. Ст. 4 Закона к участникам соответствующих отношений относит собственников недвижимого имущества и обладателей иных подлежащих государственной регистрации прав на него, в числе которых могут быть иностранные граждане и лица без гражданства. Каких-либо изъятий в отношении иностранцев данный Закон

не устанавливает, что вполне объяснимо, поскольку регулирование осуществляется в отношении всех видов недвижимого имущества (за исключением недвижимости в силу закона - воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания).

П. 3 ст. 4 ЖК РФ в отношении права собственности иностранцев на жилые помещения устанавливает, что «положения настоящего Кодекса применяются к жилищным отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, если иное не установлено настоящим Кодексом или другим федеральным законом»⁷.

«Иное» установлено ст. 49 ЖК РФ, п.5 которой запрещает предоставление иностранным гражданам и лицам без гражданства жилых помещений по договорам социального найма.

Вместе с тем, данную норму вряд ли можно отнести к ограничениям права собственности иностранцев на недвижимость в виде жилых помещений, поскольку предоставленное по договору социального найма жилье не находится в собственности проживающих в них лиц (нанимателя и членов его семьи), а только во владении и пользовании. Лишь в результате приватизации такое жилье станет собственностью нанимателя и членов его семьи. Данная проблема подробно изучена И.В. Дамбаевой [1].

Отметим, что иностранцы-собственники жилых помещений вправе предоставлять его для проживания другим иностранным гражданам. Осуществление иностранцами права собственности и иных прав на жилые помещения должно осуществляться в соответствие с требованиями Федерального закона от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Таким образом, в сфере жилищных правоотношений каких-либо ограничений права собственности иностранцев на жилые помещения законодательство не устанавливает. Требования о соблюдении законодательства о миграционном учете относятся,

⁵ Федеральный закон от 9.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // «Российская газета» от 14 июля 1999 г.

⁶ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // «Российская газета» от 17 июля 2015 г. № 156.

⁷ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // «Российская газета» от 12 января 2005 г. № 1.

скорее, к административно-правовой сфере и не ограничивают их возможностей в участии в сделках с жильем.

Следует также проанализировать права иностранцев на приобретение жилья по договору долевого участия в строительстве, которые в связи с введенными в отношении России санкциями приобрели существенные особенности. Процедура участия в долевом строительстве регулируется Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁸. Данный Закон специально не оговаривает права или ограничения прав иностранцев на участие в долевом строительстве. Но такие ограничения есть и они регулируются иными нормативными актами.

Так, согласно Указу Президента РФ от 01.03.2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»⁹ в связи с недружественными действиями и введенными западными странами санкциями введены «временные меры экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации». В числе таких мер предусмотрен особый порядок осуществления сделок, влекущих за собой возникновение права собственности на недвижимое имущество, осуществляемые (исполняемые) с лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия. А именно – требуется разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Перечень недружественных стран установлен Распоряжением Правительства РФ 5 марта 2022 г. № 430-р¹⁰.

В отношении граждан из «дружественных» стран, то есть тех, которые не вошли в данный перечень, существует такой же, как и для россиян, порядок приобретения недвижимости (в частности, жилья), в том числе по договору долевого участия в строительстве.

Существенные ограничения права собственности иностранцев предусмотрены в отношении земельных участков. Причем данные ограничения были введены еще в досанкционный период при принятии соответствующих актов - Земельного кодекса РФ и ряда иных федеральных законов.

Согласно п.2 ст.5 ЗК РФ¹¹, права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на приобретение в собственность земельных участков определяются в соответствии с настоящим Кодексом, федеральными законами.

Так, п. 3 ст. 15 ЗК РФ запрещает иностранным гражданам иметь на праве собственности земельные участки, находящиеся на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом РФ в соответствии с федеральным законодательством о Государственной границе Российской Федерации, и на иных установленных особо территориях Российской Федерации в соответствии с федеральными законами.

Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает для иностранцев только право аренды земельных участков данной категории (ст. 3)¹².

⁸ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/9

⁹ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 09.08.2023) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/?ysclid=ltr4l05c8r701798722

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdad/?ysclid=ltr4w9i4zu967629220

¹¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // «Российской газета» от 30 октября 2001 г. № 211-212.

¹² Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // «Российская газета» от 27 июля 2002 г. № 137.

В процессе проведения настоящего исследования был проведен мониторинг спроса среди иностранных граждан, проживающих на территории России, на земельные участки по Программе «Мой гектар»¹³, в рамках которой земельные участки из числа земель сельскохозяйственного назначения реализуются и оформляются в собственность по весьма привлекательной цене. Специалисты Программы отмечают стабильно высокий интерес к приобретению земельных участков со стороны иностранных граждан из стран ближнего зарубежья, имеющих ВНЖ в России. Не сложно предположить, что в отсутствие рассмотренного выше ограничения (ст. 3 Закона) значительное количество земель было бы приобретено в собственность иностранцами.

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.... Федерации» содержит прямой запрет для иностранцев на сделки с земельными участками, предоставляемыми согласно данному Закону (ст. 11)¹⁴.

Аналогичный запрет установлен в отношении земельных участков в границах морского порта (п.5 ст.28)¹⁵.

Содержащиеся в п.3 ст.15 и ряде других статей ЗК РФ нормы в связи с закрепленными изъятиями из права собственности иностранцев на земельные участки по запросу Мурманской областной Думы были исследованы Конституционным Судом РФ на соответствие положениям Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.04.2004 г. № 8-П¹⁶ отметил, что право частной собственности может быть ограничено федеральным законом «толь-

ко в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Анализируя установленные федеральными законами запреты и ограничения права собственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на отдельные категории земельных участков, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что «указанное правовое регулирование имеет целью обеспечить суверенные права Российской Федерации на все ее природные богатства и ресурсы, защитить интересы российской экономики в переходный период, гарантировать российским гражданам и юридическим лицам относительно равные условия конкуренции с иностранным капиталом и тем самым - реализацию ими конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Таким образом, анализ законодательного регулирования в России права собственности иностранцев на недвижимое имущество позволяет сделать следующие выводы:

1) Иностранным гражданам в России предоставлен национальный режим как в публично-правовой, так и имущественной сферах, изъятия из которого могут устанавливаться исключительно федеральными законами. Национальный режим предполагает наличие у иностранцев прав и обязанностей в отношении собственности в таком же объеме, в каком они предоставлены россиянам.

2) Ограничения прав иностранцев в отношении недвижимого имущества, а именно потенциальной возможности приобретения в собственность, владения, пользования

¹³ Официальный сайт <https://moigektar.ru>

¹⁴ Федеральный закон от 1.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» от 6 мая 2016 г. № 97

¹⁵ Федеральный закон от 8.11. 2007 № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» от 14 ноября 2007 г. № 254.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // «Российская газета» от 28 апреля 2004 г. № 84.

и распоряжения в России существуют и закреплены в законодательстве.

3) В связи с введенными в отношении России санкциями был принят ряд нормативных актов, которые определили специфику приобретения иностранцами недвижимости на территории России. 1 марта 2022 г. Президент России издал Указ «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации, а 5 марта т.г. Правительство РФ утвердило перечень «недружественных» иностранных государств и территорий. Соответственно, иностранцы-граждане «недружественных» стран могут приобретать недвижимое имущество в собственность лишь при получении специального разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. Граждане стран, не отнесенных к «недружественным», могут приобретать недвижимость в порядке, предусмотренном для россиян, но с изъятиями, установленными ранее рядом федеральных законов.

Гражданство и инвестиции в недвижимость

В мире давно существует практика, когда отдельные государства за инвестиции, в том числе в недвижимость, предоставляют иностранцам вид на жительство, облегчают процесс получения гражданства или вовсе предоставляют гражданство без соблюдения необходимых формальностей, в том числе без длительного легального проживания в зарубежной стране. Часто форма легального пребывания (ВНЖ, гражданство) на территории того или иного государства зависит от размера иностранных инвестиций. В Сети можно найти массу публикаций о «золотых» визах, «золотых паспортах», «продаже гражданства». Как правило, «инвесторы» выбирают страну будущего гражданства исходя из возможностей безвизового перемещения по миру в будущем. В связи с введенными в отношении России санкциями некоторые страны закрыли для россиян возможности «инвестирования в гражданство».

Настоящее исследование не ставит целью обзор «рынка» иностранных ВНЖ и гражданства, доступных или не доступных в на-

стоящее время для россиян через инвестиции. Оно направлено на анализ российского законодательства, который позволил бы ответить на вопрос - возможен ли в России путь к гражданству через инвестиции в недвижимость?

Итак, основы института гражданства в России заложены в ст.6 Конституции, согласно которой гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

В настоящее время действует новый, принятый 28 апреля 2023 г. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»¹⁷. Основания приобретения гражданства Российской Федерации закреплены в ст. 12 Закона. В их числе: 1) рождение (так называемое «право почвы», 2) прием в гражданство, 3) признание гражданином Российской Федерации, 4) выбор гражданства Российской Федерации при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптации), 5) в соответствии с международным договором Российской Федерации.

В контексте изучаемой проблемы особое внимание следует уделить таким основаниям, как прием в гражданство и признание гражданином Российской Федерации. В первом случае речь идет о так называемой «натурализации» тех лиц, которые ранее не имели ни гражданства бывшего СССР, ни РСФСР, и не было какой-либо правовой связи с Россией. Во втором случае речь идет о констатации факта – наличия имевшегося ранее гражданства Советского Союза, в силу чего лицо признается гражданином Российской Федерации.

Приему в гражданство посвящены ст.ст.14-18 Закона. Ст. 15 содержит целый комплекс условий, совокупности которых должен соответствовать претендент на российское гражданство. Общим ключевым условием является так называемый «ценз оседлости» - постоянное проживание в Российской Федерации в течение 5 лет со дня принятия решения о выдаче вида на жительство и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации.

В ст. 16 перечислены ситуации, в которых пятилетний срок проживания по ВНЖ в России сокращается (служба в ВС РФ, на-

¹⁷ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // «Российская газета» от 3 мая 2023 г. № 95.

личие статуса беженца) или вовсе не применяется (дети/ родители граждан России, ветераны ВОВ, полученные в России образование, наличие особых заслуг перед Россией и т.п.).

Основания для признания гражданином России закреплены в ст. 19 Закона и связаны с наличием по состоянию на 6 февраля 1992г. определенного статуса - гражданина бывшего СССР и военной службой в воинских частях, находившихся под юрисдикцией Российской Федерации и располагавшихся на территориях других государств.

Анализ закрепленных в анализируемом Законе правовых оснований для приема в гражданство России и признания гражданином России позволяет констатировать, что инвестиции в экономику России, в бизнес либо недвижимость не относятся к их числу и сами по себе не позволяют получить российское гражданство.

Заключение

Итак, в России на конституционном уровне иностранным гражданам предоставлен национальный режим, изъятия из которого предусмотрены федеральными законами. Ограничения прав иностранцев предусмотрены как в административно-правовой сфере (запрет на замещение определенных должностей, участие в выборах и референдуме и др.), так и в частно-правовой (традиционный запрет иметь в собственности отдельные категории земельных участков, и в качестве ответа на санкции - ограничения на приобретение в собственность недвижимости для граждан «недружественных стран»).

Законодательство о гражданстве Российской Федерации не предусматривает каких-либо льгот для получения иностранцами гражданства через инвестиции не только в недвижимость, но и в экономику страны в целом, в бизнес, в частности.

Литература:

1. Дамбаева И.В. К вопросу об ограничении жилищных прав иностранных граждан в Российской Федерации // <https://cyberleninka.ru>.
2. Майстренко Г.А., Майстренко А.Г. Правовой статус иностранных граждан в сфере трудовых отношений: российский опыт // Образование и право. 2021. № 5. С. 356-361.
3. Марышева Н.И., Хлестова И.О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 5-12.
4. Марышева Н.И. Вопросы правового статуса иностранных инвесторов // Московский журнал международного права. 2021. № 3-4. С. 34-43.
5. Романов С.В. О теоретических основах правового регулирования, статуса иностранцев в Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 3-13.
6. Иванова М.И. Систематизация государственных рекомендательных систем на основе мирового опыта // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2(59). С. 61-69.

IS THE PATH TO CITIZENSHIP THROUGH PROPERTY INVESTMENT POSSIBLE IN RUSSIA?

Introduction. Real estate has undoubtedly investment advantages. Moreover, in a number of countries it is a bridge for simplified obtaining a residence permit or even citizenship. In Russia, the legal regime of immovable property undoubtedly has a number of advantages. The very possibility to have property on the right of private ownership (including land plots) gives owners confidence in the possession and use of real estate. The legislation on real estate is characterized by stability and is less susceptible to change. Low rates of property tax calculated on the cadastral

value of the property facilitate the acquisition of real estate. The variety of real estate objects allows citizens and legal entities to own residential and non-residential premises and parking places. With the development of digitalization of state administration, the registration of rights to immovable property has become as simple and accessible as possible, allowing owners to protect their property from fraudulent schemes. Property prices in Russia are steadily rising, which also stimulates investment in this sector.

Whether investments in real estate contribute to obtaining citizenship of the Russian Federation in an accelerated (preferential, facilitated, etc.) manner will be shown in this article.

Materials and methods. This study is based on: 1) the totality of such methods of scientific cognition as: the dialectical method, which allowed to connect the theory of civil and land law and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation; the formal-legal method allowed to analyse legislative norms; the system method allowed to consider the institute of national treatment of foreign citizens in Russia as a system with internal unity and interrelations with other institutions of law (the institute of citizenship, the institute of property rights, etc.); 2) the results of the author's survey of the moderators of My Hectar Programme regarding the demand of foreign citizens for land plots sold under the Programme; 3) analysis of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Research results. The study found that in Russia, at the constitutional level, foreign citizens are granted national treatment, exceptions to which are provided for by federal laws. Restrictions on the rights of foreigners are stipulated by a number of federal laws. For example, civil legislation has traditionally prohibited ownership of certain categories of land plots. As a response to western sanctions, in

March 2022 a special permissive procedure was introduced for citizens of unfriendly countries to acquire ownership of real estate.

The legislation on citizenship of the Russian Federation does not provide for any privileges for foreigners to obtain citizenship through investments in the country's economy in general, in real estate and business in particular.

Discussion and conclusion. The Russian Federation policy regarding the rights of foreign citizens to immovable property should continue to be aimed at maximum protection of the interests of national security and sovereignty of the country, and priority opportunities for Russians to acquire real estate. Certainly, the state should stimulate foreign investment. However, in the conditions of aggravation of international relations and threats to Russia's national security, it would be advisable to introduce a permissive procedure for the acquisition of real estate for all foreign citizens, taking into account the foreigner's occupation and the purpose of acquiring real estate, sources of his income, possible links with organizations banned in Russia.

Olga G. Grigorieva,
Doctor of Sciences (Law), Professor,
Department of State Regulation, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ключевые слова:
гражданство Российской Федерации;
недвижимое имущество; частная
собственность; инвестиции; вид на
жительство; право собственности;
национальный режим

Keywords:
Russian Federation citizenship; real estate;
private property; investments; residence
permit; ownership; national regime

References:

1. Dambaeva I.V. K voprosu ob ogranicenii zhilishchnyh prav inostrannyyh grazhdan v Rossijskoj Federacii [On housing rights restrictions for foreign citizens in the Russian Federation]. URL: <https://cyberleninka.ru>.
2. Majstrenko G.A., Majstrenko A.G., 2021. Pravovoj status inostrannyh grazhdan v sfere trudovyh otnoshenij: rossijskij opyt [Legal Status of Foreign Citizens in Labour Relations: Russian Experience]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. № 5.
3. Marysheva N.I., Hlestova I.O., 2013. Konstitucionnyj princip nacional'nogo rezhima inostrannyh grazhdan [Constitutional principle of national treatment of foreign nationals]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. № 8 (200).
4. Marysheva N.I., 2021. Voprosy pravovogo statusa inostrannyh investorov [Issues of the legal status of foreign investors]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 3-4.
5. Romanov S.V., 2021. O teoretycheskih osnovah pravovogo regulirovaniya, statusa inostrancev v Rossijskoj Federacii [On the theoretical foundations of the legal regulation of the status of foreigners in the Russian Federation]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. [Moscow Journal of International Law]. № 2.
6. Ivanova M.I., 2021. Sistematisacija gosudarstvennyh rekomendatel'nyh sistem na osnove mirovogo opыта [Recommender systems in the public administration: methodological overview and conceptualization]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration]. № 17(2). S. 61-69.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕАЭС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кирилл Лю*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-84-91

Введение. Исследование основных направлений наднационального регулирования цифрового пространства представляет собой важную задачу в условиях постоянного усложнения и расширения общественных отношений в цифровой сфере. Создание эффективного и прогрессивного регулирования соответствующей сферы может стать основой для повышения конкурентоспособности ЕАЭС на мировой арене. В то же время, соответствующая проблематика практически не исследована в отечественной академической литературе. В рамках настоящей статьи предпринята попытка комплексно оценить систему наднационального регулирования цифрового пространства в ЕАЭС, выявить ее сильные и слабые стороны.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные научные методы. Общенаучные методы представлены: анализом, синтезом, индуктивно-дедуктивным методом, системным методом. Специальные научные методы включают в себя: метод системного анализа права, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод. Материалы исследования представлены наднациональными актами ЕАЭС (прежде всего, Договором о ЕАЭС и протоколами к нему), официальными документами и заявлениями, а также доктринальными концепциями и подходами.

Результаты исследования. В статье осуществлен анализ и оценка ключевых направлений наднационального регулирования цифрового пространства в ЕАЭС на современном этапе. Выявлены концептуально-правовые основы соответствующего регулирования (в т.ч. в сравнении с подходом ЕС к наднациональному регулированию цифрового пространства) и проанализирована их роль и значение для развития наднационального регулирования цифрового пространства в ЕАЭС. Вовлечены в научный оборот изменения таможенного законодательства ЕАЭС в части наднационального регулирования внешней (с участием резидентов третьих стран) электронной торговли.

Обсуждение и заключение. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что в настоящее время система наднационального регулирования цифрового пространства в ЕАЭС находится на этапе своего становления и распространяется лишь на четыре основных направления: оборот неперсональных данных, публичные закупки, защита интеллектуальной собственности

* **Лю Кирилл Алексеевич**, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: kirill.lyu@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-5962-5742

и внешняя электронная торговля. При этом последние инициативы в сфере наднационального регулирования внешней электронной торговли представляют собой важный шаг на пути к новому этапу развития цифровых аспектов евразийской интеграции.

Введение

Необходимость развития цифрового направления интеграции в рамках ЕАЭС была зафиксирована еще в 2016 г. в рамках Цифровой повестки ЕАЭС¹ (спустя два года после подписания Договора о ЕАЭС²). Кроме того, в декабре 2020 г. создание цифрового пространства ЕАЭС было прямо отнесено к основным стратегическим направлениям развития евразийской интеграции³. В 2023 г. цифровая повестка стала приоритетным направлением председательства России в высших органах ЕАЭС. Кроме того, 25 декабря 2023 г. в Таможенный кодекс ЕАЭС⁴ (далее – ТК ЕАЭС) были внесены изменения, устанавливающие принципиально новый наднациональный режим внешней (с участием резидентов третьих стран) электронной торговли⁵.

Таким образом, вопросы наднационального регулирования цифрового пространства являются достаточно актуальными для ЕАЭС на протяжении всего периода существования данного интеграционного объединения. Как отмечает К.А. Ермак, «несмотря на то, что развитие интеграции в информационной сфере напрямую не закреплено в Договоре о ЕАЭС, данное направление имеет статус самостоятельного вектора евразийской интеграции» [2. С. 132].

Тем не менее, правовое регулирование цифрового пространства в ЕАЭС в настоящее время находится на этапе своего ста-

новления. В отличие от ЕС [5. С. 23] в рамках евразийской интеграции направления соответствующего наднационального регулирования существенно сужены и не охватывают собой достаточно широкого перечня значимых областей.

Исследование

В Договоре о ЕАЭС отсутствуют положения о цифровом пространстве, основы его наднационального регулирования на интеграционном уровне. Подписанный в 2014 г. учредительный договор ЕАЭС не предусматривал решение вопросов, связанных с углубляющейся цифровизацией всех сфер общественных отношений. Договор о ЕАЭС весьма узко подошел к регулированию цифровой сферы, ограничившись закреплением основ информационного взаимодействия между органами публичной власти государств-членов в виде единой информационной системы.

При этом, несмотря на то, что направления интеграции в цифровой сфере были существенно расширены в рамках Цифровой повестки ЕАЭС уже в 2016 г., положения Договора о ЕАЭС напрямую дополнены не были. Как следствие, такое направление интеграции как построение единого цифрового пространства (включая формирование общих цифровых рынков, общих рынков цифровых услуг, общего регулирования криptoактивов и т.п.) напрямую в учредительном договоре ЕАЭС не закреплено.

¹ Заявление о цифровой повестке ЕАЭС (подписано главами государств-членов ЕАЭС 26 декабря 2016 г.). URL://eaeunion.org/upload/medialibrary/d9c/Proekt-Zayavleniya_na-podpisaniy.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

³ Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2021 № 12 «О стратегических планах развития евразийской экономической интеграции» Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasian-commission.org/>, 05.06.2014.

⁴ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.

⁵ Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (Санкт-Петербург, 25 декабря 2023 г.) (не вступил в силу) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 28.12.2023.

По мнению И.М. Поповой, отмеченные ограничения несколько осложняют развитие и реализацию цифровых аспектов евразийской интеграции, поскольку в отсутствие основополагающих положений Договора о ЕАЭС дополнительную сложность приобретает разграничение компетенций между институтами ЕАЭС, а также определение источников финансирования проектов и программ в рамках развития цифрового направления интеграции [8. С. 127]. Внесение соответствующих дополнений в Договор о ЕАЭС не обсуждается и в настоящее время.

Впрочем, если обратиться к опыту ЕС в аналогичной сфере, то можно заметить, что и учредительные договоры ЕС равным образом не предусматривали напрямую возможность расширения интеграции на цифровую сферу [12. С. 576; 13. С. 15]. Таким образом, сам факт отсутствия положений об интеграции в цифровой сфере в рамках учредительных договоров интеграционных объединений не является серьезным препятствием для формирования новых направлений наднационального регулирования цифрового пространства.

Представляется, что сдерживающим цифровую интеграцию фактором в рамках ЕАЭС, скорее, выступает неравномерность развития государств-членов ЕАЭС как непосредственно в цифровой сфере, так и в части ее правового регулирования. В настоящее время в государствах-членах ЕАЭС наблюдаются различные уровни доступа к цифровым услугам, масштабы их развитости и внедренности в общественную жизнь и государственное управление, а также разная степень проработанности правового регулирования цифровой сферы. Так, сегодня не во всех государствах-членах ЕАЭС существует достаточное регулирование порядка обращения персональных данных, предоставления цифровых услуг.

При этом отмеченная разница в страновых подходах к регулированию цифрового пространства не может быть эффективно преодолена на наднациональном уровне ввиду действия принципа главенства суверенитета. Данный принципложен в основу евразийского интеграционного проекта и применяется, в том числе, в рамках попыток сформировать общее цифровое пространство ЕАЭС. Как прямо сказала Министр ЕЭК

К. Минасян, институты ЕАЭС стремятся создать институционально-правовую инфраструктуру, основанную, прежде всего, на национальном суверенитете, а построение общего цифрового пространства ЕАЭС должно осуществляться не в виде единой платформы, а в виде распределенной сети⁶.

На практике принцип главенства суверенитета означает, что все ключевые акты и стратегические документы, обеспечивающие формирование общего цифрового пространства в рамках ЕАЭС, подчиняются, в первую очередь, национальным интересам государств-членов ЕАЭС и национальным стратегиям в соответствующей сфере. Непосредственно же на наднациональном уровне могут осуществляться лишь шаги по координации действий государств-членов в цифровой сфере и по устранению барьеров на общих рынках ЕАЭС. При этом имплементация наднациональных положений осуществляется на уровне глав государств, что предоставляет им дополнительную возможность для гибкой интеграции в цифровой сфере.

Иными словами, если в ЕС разработка и внедрение цифровой повестки осуществляется преимущественно на наднациональном уровне (по принципу «сверху-вниз»), то в рамках ЕАЭС выработка правовых и политических основ происходит в государствах-членах, после чего обеспечивается их координация и применение на интеграционном уровне (по принципу «снизу-вверх»).

При этом соответствующий подход, как правило, напрямую противопоставляется подходу ЕС. Принцип главенства суверенитета и организации интеграционных процессов «снизу-вверх» расценивается как конкурентное преимущество евразийской модели интеграции, которое может способствовать ее восприятию по всему миру (в рамках иных интеграционных объединений) [10. С. 136].

Выбранный в рамках ЕАЭС подход действительно не лишен ряда преимуществ. Так, определение приоритетов развития интеграции на национальном уровне (а не на наднациональном) способствует как преимущественному учету всех государств-членов, так и большей устойчивости интеграции в целом. Принцип главенства суверенитета обеспечивает и более полный

⁶ Министр ЕЭК Карине Минасян в интервью CNews – об общих цифровых экосистемах Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизстана и России // ЕЭК: официальный сайт. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/15-01-2020-1/> (дата обращения: 14.04.2024).

учет национальных особенностей в рамках выработки и реализации наднациональных интеграционных инициатив и проектов. Параллельно принятие ключевых решений на уровне глав государств-членов в общих интересах всех участников интеграции существует реализации наднациональных инициатив, подкрепленных политической волей руководителей стран-участниц [8. С. 133].

Однако отмеченному подходу свойственны и определенные недостатки. Необходимость согласования всех наднациональных инициатив с существующими правовыми актами и стратегическими документами государств-членов с последующим утверждением соответствующих инициатив на высшем политическом уровне обуславливает более медленные темпы развития и углубления интеграции (в т.ч. в цифровой сфере). Кроме того, перенос фокуса внимания на национальный уровень существенно снижает значимость и политическое влияние интеграционных институтов. В силу главенства суверенитета наднациональные акты лишь в ограниченном объеме могут определять основы для развития интеграции (за исключением Договора о ЕАЭС). Наднациональные акты либо определяют направления развития в общем концептуальном виде, либо, напротив, касаются регулирования отдельных деталей.

Все это способствует более медленному внедрению на уровне ЕАЭС новых направлений наднационального регулирования цифрового пространства.

Непосредственным следствием данной ситуации является то, что в настоящее время на уровне ЕАЭС отсутствует общее регулирование цифровых рынков (включая антимонопольное регулирование), цифровых услуг, искусственного интеллекта, криptoактивов и иных передовых сфер. Кроме того, на уровне ЕАЭС не сформированы наднациональные правовые основы противодействия кибертерроризму и киберпреступности [1. С. 12]. Лишь косвенно (и весьма фрагментарно) на уровне ЕАЭС закрепляются требования к надежности и безопасности информационно-коммуникационной ин-

фраструктуры [2. С. 132]. Весьма ограничено регулируется на наднациональном уровне и порядок обращения персональных данных (преимущественно в рамках общих цифровых баз для поиска работы в государствах-членах ЕАЭС).

В современных условиях развития цифровых аспектов евразийской интеграции, как правило, речь идет о реализации цифровой повестки в сфере единого таможенного регулирования. В практической плоскости именно для цифровизации таможенного регулирования свойственны наиболее активные процессы: введение цифровой системы таможенного администрирования [4. С. 157] и электронного документооборота [11. С. 242], создание цифровых транспортных коридоров [3. С. 99], а также создание цифровой (электронной) таможни [7. С. 49]. При этом в последние годы (с 2019 г.) актуальность набирает также наднациональное регулирование электронной торговли [9. С. 5].

Также стоит отметить и положения Договора о ЕАЭС, а также протоколов к нему, в рамках которых напрямую затрагиваются вопросы наднационального регулирования цифровой сферы. В частности, исходя из анализа соответствующих норм, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в рамках правового пространства ЕАЭС особое внимание уделяется обороту неперсональных государственных данных, а также закупкам для государственных нужд.

Так, в соответствии с положениями Протокола об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза⁷ устанавливаются общие основы формирования интегрированной информационной системы Союза. Основными задачами подобной интегрированной системы выступают обеспечение электронного документооборота между государствами, а также предоставление равного доступа к официальной информации государств-членов. Дополняют данные положения нормы Протокола о порядке формирования и распространения официальной статистической информации Евразийского экономического союза⁸. Во многом к данному направ-

⁷ Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

⁸ Приложение № 4 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол о порядке формирования и распространения официальной статистической информации Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

лению интеграции в цифровой сфере могут быть отнесены и проекты по цифровизации таможни и таможенного документооборота.

Отдельные аспекты цифровой интеграции можно встретить в рамках Протокола о порядке регулирования закупок⁹, которым устанавливаются общие правовые основы осуществление закупок в электронном формате, порядок деятельности электронных торговых площадок и операторов таких площадок.

Также, несмотря на отсутствие прямого указания на создание наднационального регулирования в цифровой сфере, определенное значение для цифровой интеграции в рамках ЕАЭС имеет Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности¹⁰.

В сфере наднационального регулирования электронной (цифровой) торговли в 2023 гг. был совершен определенный шаг вперед. 25 декабря 2023 г. был подписан Протокол о внесении изменений в Таможенный кодекс ЕАЭС, предусматривающий дополнение ТК ЕАЭС новыми положениями о порядке таможенного регулирования перемещения товаров электронной торговли через таможенную границу ЕАЭС. Данный протокол пока не вступил в силу и ожидает прохождения внутригосударственных процедур в государствах-членах ЕАЭС. В соответствии с изменениями, вносимыми Протоколом, предполагается закрепление в ТК ЕАЭС: новой категории товаров – товаров электронной торговли; нового субъекта электронной торговли – оператора электронной площадки; особого режима таможенного декларирования на основе подачи декларации на товары электронной торговли; новой формы таможенного хранения товаров в виде таможенных («бондовых») складов [6].

В настоящее время в полной мере на уровне ЕАЭС реализовано лишь одно направление – цифровой оборот статистической государственной информации и иных

неперсональных данных в сферах, связанных с общими рынками ЕАЭС, общей таможенной территорией ЕАЭС, свободой передвижения рабочей силы и промышленной координацией. Работа по данному направлению идет достаточно активно. Формируется «трансграничное пространство доверия», непосредственной формой которого выступает Интегрированная информационная система ЕАЭС (ст. 23 Договора о ЕАЭС). При этом приоритет¹¹ получают проекты, связанные с цифровизацией таможни, таможенного регулирования, транзита товаров по территории ЕАЭС и с управлением транспортно-логистическими операциями¹².

Цифровые аспекты осуществления государственных закупок на уровне ЕАЭС регулируются только в части, связанной с проведением закупок на электронных площадках и с размещением всей информации о закупках в сети Интернет. При этом на наднациональном уровне устанавливаются лишь общие концептуальные аспекты электронных закупок. Приоритет отдается национальному законодательству и политической воле государств-членов. Так, в ст. 88 Договора о ЕАЭС в соответствующей сфере устанавливается лишь общий принцип информационной открытости и прозрачности закупок, а также принцип беспрепятственного доступа поставщиков из государств-членов ЕАЭС к участию в закупках, проводимых в электронном формате. Последний принцип обеспечивается взаимным признанием электронных цифровых подписей в государствах-членах ЕАЭС.

Вопросы, связанные с защитой интеллектуальной собственности в цифровом пространстве, на уровне ЕАЭС регулируются крайне фрагментарно. Специального регулирования соответствующих общественных отношений в сети Интернет на уровне ЕАЭС в настоящее время не сформировано. Защита интеллектуальной собственности

⁹ Приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол о порядке регулирования закупок // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

¹⁰ Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

¹¹ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.09.2022 № 125 «О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 09.09.2022.

¹² Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 года № 2 «О реализации проекта "Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий"» // Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org, 06.05.2019.

в цифровом пространстве обеспечивается при помощи традиционных правовых средств. Несмотря на то, что в качестве одного из направлений интеграционного сотрудничества прямо названа защита прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет (п. 5 ч. 2 ст. 89 Договора о ЕАЭС), напрямую с цифровой сферой связаны лишь положения наднационального законодательства о защите прав на программы для ЭВМ и на топологии интегральных микросхем. Впрочем, в настоящее время на уровне ЕАЭС только готовится текст Соглашения о борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность в сети Интернет¹³.

Также стоит отметить, что в конце 2023 г. на наднациональном уровне были согласованы существенные дополнения таможенного законодательства ЕАЭС в части наднационального регулирования внешней (с участием резидентов третьих стран) электронной торговли¹⁴. Так, после прохождения национальных процедур, необходимых для вступления в силу предлагаемых изменений, Таможенный кодекс ЕАЭС будет дополнен целым блоком норм, посвященных правовому режиму товаров электронной торговли. Кроме того, будет создан особый правовой режим для операторов электронной торговли, а также будет расширен правовой режим таможенного склада [6].

Кроме того, новые статьи ТК ЕАЭС в части обязанностей оператора электронной торговли предполагают внедрение первой наднациональной нормы об охране персональных данных. Так, предполагается установить обязанность операторов электронной торговли не разглашать персональные

данные покупателей, а также иные сведения, составляющие охраняемую законом тайну. С точки зрения содержания, данную норму сложно назвать прогрессивной, однако, с точки зрения, наличия на уровне ЕАЭС норм о персональных данных, она представляет собой важный шаг вперед [6].

Тем не менее, несмотря на дополнение ТК ЕАЭС новыми нормами о внешней электронной торговле, наднациональное регулирование общих (внутренних) цифровых рынков и внутренней электронной торговли (включая регулирование предоставления цифровых услуг на общих рынках) отсутствует. Упоминание об отдельных инициативах в соответствующих отраслях можно встретить лишь на уровне общих политических документов, заявлений и публикаций.

Заключение

В настоящее время можно говорить о существовании следующих основных направлений правового регулирования цифрового пространства на уровне ЕАЭС: 1) наднациональное регулирование порядка обращения официальной государственной информации и иных неперсональных данных в пространстве ЕАЭС (сюда же можно отнести проекты в сфере цифровой таможни ЕАЭС); 2) наднациональное регулирование цифровых аспектов публичных закупок, осуществляемых на общих рынках ЕАЭС; 3) наднациональное регулирование в сфере защиты интеллектуальной собственности и авторских прав в пространстве ЕАЭС; 4) наднациональное регулирование внешней (с участием резидентов третьих стран) электронной торговли.

Литература:

1. Бороздин А.Н., Коварда В.В. Анализ системы обеспечения защиты информации в процессе цифровизации ее оборота в рамках ЕАЭС в аспекте повышения экономической безопасности // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 4. С. 1-15.
2. Ермак К.А. Информационная безопасность как элемент интеграции в рамках ЕАЭС // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3 (12). С. 132-142.

¹³ Дмитрий Вольвач: страны ЕАЭС готовят соглашение по борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность в Интернете // Минэкономразвития: официальный сайт. 08.12.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_strany_eaes_gotovyat_soglashenie_po_borbe_s_narusheniyami_prav_na_intellektualnyu_sobstvennost_v_internete.html (дата обращения: 14.03.2024).

¹⁴ Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (Санкт-Петербург, 25 декабря 2023 г.) (не вступил в силу) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 28.12.2023.

3. Зуева А.М., Шайдуллова М.В. Цифровой транспортный коридор как новый элемент в организации таможенного контроля // NovaUm.Ru. 2018. № 13. С. 99–101.
4. Иванова О.Б., Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Цифровая повестка ЕАЭС в контексте модернизации системы таможенного администрирования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 1 (69). С. 157–163.
5. Лю К.А. Основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (на примере Европейского союза) // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2023. № 1. С. 12-25.
6. Лю К.А. Новый порядок регулирования внешней электронной торговли в ЕАЭС: новеллы таможенного законодательства // Инновации и инвестиции. 2024. № 2. С. 69-74.
7. Мозер С.В., Секербаева Д.К. К вопросу о функционировании тематического блока «электронная таможня» в Евразийском экономическом союзе // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 1. С. 49-59.
8. Попова И.М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. №1. С. 127-141.
9. Ревина С.Н., Лунева У.С. Вопросы таможенного регулирования в условиях развития интернет-торговли // МНИЖ. 2023. №4 (130). С. 1-5.
10. Саркисян Т.С. Интеграционный "План ГОЭЛРО" для XXI века // Россия в глобальной политике. 2021. №3 (109). С. 136-149.
11. Шаститко А.Е., Шпакова А.А. Регулирование трансграничного электронного документооборота в Евразийском экономическом союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 242-269.
12. de Pablo A., Fernández N. Why The Proposed DMA Might be Illegal Under Article 114 TFEU, And How To Fix It // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. Vol. 12. Is. 7. P. 576-589.
13. Kolenko T. Digital Markets Act – the Answer to the EU's Digital Markets Contestability and Fairness Issues or an Unenforceable Fairytale – a European Competition and Data Protection Law Overview. Zagreb: University of Zagreb, 2022. 70 p.

THE MAIN DIRECTIONS OF SUPRANATIONAL REGULATION OF THE DIGITAL SPACE IN THE EAEU AT THE PRESENT STAGE

Introduction. The study of the main directions of supranational regulation of the digital space is an important task in the context of the constant complication and expansion of social relations in the digital sphere. The creation of effective and progressive regulation in the relevant area can become the basis for increasing the competitiveness of the EAEU on the world stage. At the same time, the corresponding issues have been practically not studied in the domestic academic literature. Within the framework of this article, an attempt has been made to comprehensively assess the system of supranational regulation of the digital space in the EAEU, to identify its strengths and weaknesses.

Materials and methods. The methodological basis of the study was made up of general scientific and special scientific methods. General scientific methods are presented: analysis, synthesis, inductive-deductive method, systematic method. Special scientific methods include: the method of systemic analysis of law, the comparative legal method, the formal legal method. The research materials are presented by supranational acts of the EAEU (primarily the Treaty on the EAEU and its protocols), official documents and statements, as well as doctrinal concepts and approaches.

Results of the study. The article analyzes and evaluates the key areas of supranational regulation of the digital space in the EAEU at the present stage. The conceptual and legal foundations of the relevant regulation are identified (including in comparison with the EU approach to supranational regulation of the digital space) and their role and significance for the development of supranational regulation of the digital space in the EAEU is analyzed. Changes in the customs legislation of the EAEU in terms of supranational regulation of external (with the participation of residents of third countries) electronic trade are involved in scientific circulation.

Discussion and conclusion. Based on the results of the study, it was concluded that currently the system of supranational regulation of the digital space in the EAEU is at the stage of its formation and extends only to four main areas: the circulation of non-personal data, public procurement, intellectual property protection and external electronic commerce. At the same time, recent initiatives in the field of supranational regulation of external electronic commerce represent an important step towards a new stage in the development of digital aspects of Eurasian integration.

Kirill A. Lyu,
postgraduate researcher with
the Department of Integration Law

and Human Rights, MGIMO-University
under the MFA of Russia

Ключевые слова:

ЕАЭС, наднациональное регулирование,
цифровое пространство, неперсональные
данные, таможенные операции,
таможенное регулирование, публичные
закупки, интеллектуальная собственность,
электронная торговля

Keywords:

EAU, supranational regulation, digital
space, non-personal data, customs operations,
customs regulation, public procurement,
intellectual property, e-commerce

References:

1. Borozdin A.N., Kovarda V.V., 2020. Analiz sistemy obespecheniya zashchity informacii v processe cifrovizacii ee oborota v ramkah EAES v aspekte povysheniya ekonomiceskoy bezopasnosti [Analysis of the system for ensuring information security in the process of digitalization of its circulation within the EAEU in the aspect of increasing economic security]. *Vestnik Evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]*. Vol. 12. № 4. S. 1-15.
2. Ermak K.A., 2023. Informacionnaya bezopasnost' kak element integracii v ramkah EAES [Information security as an element of integration within the EAEU]. *Social'nye novacii i social'nye nauki [Social innovations and social sciences]*. № 3 (12). S. 132-142.
3. Zueva A.M., Shaidullova M.V., 2018. Cifrovoj transportnyj koridor kak novyj element v organizacii tamozhennogo kontrolya [Digital transport corridor as a new element in the organization of customs control]. *NovaUm.Ru*. № 13. S. 99-101.
4. Ivanova O.B., Khapilin A.F., Khapilin S.A., 2020. Cifrovaya povestka EAES v kontekste modernizacii sistemy tamozhennogo administrirovaniya [Digital agenda of the EAEU in the context of modernization of the customs administration system]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH) [Bulletin of the Rostov State Economic University (RINE)]*. № 1 (69). S. 157-163.
5. Lyu K.A., 2023. Osnovnye napravleniya nadnacional'nogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij v cifrovoj sfere na sovremennom etape (na primere Evropejskogo soyuza) [Main directions of supranational regulation of social relations in the digital sphere at the present stage (using the example of the European Union)]. *International Law and International Organizations*. № 1. S. 12-25.
6. Lyu K.A., 2024. Novyj poryadok regulirovaniya vneshej elektronnoj torgovli v EAES: novelly tamozhennogo zakonodatel'stva [New procedure for regulating foreign electronic trade in the EAEU: innovations in customs legislation]. *Innovacii i investicii [Innovations and investments]*. № 2. S. 69-74.
7. Mozer S.V., Sekerbaeva D.K., 2020. K voprosu o funkcionirovaniyu tematicheskogo bloka «elektronnaya tamozhnya» v Evrazijskom ekonomiceskem soyuze [On the issue of the functioning of the thematic block "electronic customs" in the Eurasian Economic Union]. *Social'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]*. Vol. 10. № 1. S. 49-59.
8. Popova I.M., 2021. Problemy realizacii cifrovoj povestki EAES [Problems of implementing the EAEU digital agenda]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economics]*. № 1. S. 127-141.
9. Revina S.N., Luneva U.S., 2023. Voprosy tamozhennogo regulirovaniya v usloviyah razvitiya internet-torgovli [Issues of customs regulation in the context of the development of online commerce]. *MNIZH*. № 4(130). S. 1-5.
10. Sargsyan T.S., 2021. Integracionnyj "Plan GOELRO" dlja XXI veka [Integration "GOELRO Plan" for the 21st century]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]*. № 3(109). S. 136-149.
11. Shastitko A.E., Shpakova A.A., 2018. Regulirovanie transgranichnogo elektronnogo dokumentooborota v Evrazijskom ekonomiceskem soyuze [Regulation of cross-border electronic document flow in the Eurasian Economic Union]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [Public Administration. Electronic newsletter]*. № 71. S. 242-269.
12. de Pablo A., Fernández N., 2021. Why The Proposed DMA Might be Illegal Under Article 114 TFEU, And How To Fix It. *Journal of European Competition Law & Practice*. Vol. 12. Is. 7. P. 576-589.
13. Kolenko T., 2022. Digital Markets Act – the Answer to the EU's Digital Markets Contestability and Fairness Issues or an Unenforceable Fairytale – a European Competition and Data Protection Law Overview. Zagreb: University of Zagreb. 70 p.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФОРУМ ПО МИГРАЦИИ: НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

Дмитрий Иванов*
Джаваншир Алиев**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-92-102

Введение. Конвенция о статусе беженцев 1951 г. (далее – Конвенция 1951 г.) хотя и является правовой основой глобальной системы защиты вынужденных мигрантов, однако не учитывает все современные аспекты международно-правового регулирования вынужденной миграции. Государства – члены Организации Объединенных Наций (далее – ООН) не могут согласовать принятие нового международно-правового акта универсального характера, который заменил бы Конвенцию 1951 г., принятую более семи десятилетий назад [13. С. 4-5]. «Миграционный кризис» 2015-2016 гг. заставил мировое сообщество вернуться к поиску решений проблем международно-правового регулирования вынужденной миграции. Сначала государства – члены ООН приняли в 2016 г. Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах (далее – Нью-Йоркская декларация). Согласно Приложению I к данной декларации на Исполнительный комитет Управления верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) была возложена задача разработать в течение двух лет новый международно-правовой акт в области вынужденной миграции. УВКБ ООН в своем ежегодном докладе в 2018 г. представило проект Глобального договора о беженцах, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Данный договор хоть и не обладал юридически обязательной силой, но закрепил механизмы справедливого распределения бремени и ответственности между государствами. Одним из таких механизмов является Глобальный форум по беженцам, который должен проводиться раз в четыре года. Данная статья посвящена первому и второму Глобальным форумам по беженцам, которые прошли в 2019 и 2023 г., и их результатам.

* Иванов Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-1231-6072

** Алиев Джаваншир Мамед оглы, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7582-8318

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов: историко-правовой сравнительный метод; метод системно-структурного анализа; формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что Глобальный договор о беженцах 2018 г. представляет собой тот компромисс, на который согласились государства – члены ООН. Он не обладает юридически обязательной силой. Одной из основных проблем, продолжающих существовать по настоящее время, является отсутствие механизмов справедливого распределения бремени и ответственности между государствами. Глобальный договор закрепил механизмы для предсказуемого и справедливого распределения бремени и ответственности между всеми государствами – членами ООН. Одним из них является Глобальный форум по беженцам.

Обсуждение и заключение. В исследовании авторы сформулировали предпосылки принятия и провели анализ содержания Глобального договора о беженцах 2018 г., а также обосновали значение Договора на современном этапе международно-правового регулирования вынужденной миграции. Установлено, что данный Договор не устранил полностью проблему несправедливого распределения бремени. Авторы анализируют деятельность первого и второго Глобального форума по беженцам, приходя к выводу, что форум обладает собственными механизмами подведения итогов, анализа достижений, а раз в два года предусматривается проведение встреч официальных лиц высокого уровня. Авторы приходят к выводу о том, что деятельность такого механизма может положительно повлиять на совершенствование международного правового регулирования вынужденной миграции и предоставление международной защиты вынужденным мигрантам.

Введение

Несмотря на то что Конвенция 1951 г. является правовой основой глобальной системы международной защиты вынужденных мигрантов, она не отражает современные аспекты международно-правового регулирования вынужденной миграции. Актуальность данной статьи определяется тем, что в настоящее время отсутствует новый универсальный международно-правовой акт, который учитывает современные проблемы международно-правового регулирования вынужденной миграции.

Исследование

Первые попытки сотрудничества государств в области правового регулирования вынужденной миграции на универсальном уровне были предприняты после Первой мировой войны в рамках деятельности Лиги

Наций. Соглашения, принятые в тот период, хотя и заложили основу глобальной системы защиты вынужденных мигрантов, но не были эффективны [2. С. 141-154].

После Второй мировой войны для решения проблем большого числа вынужденных мигрантов была принята Конвенции 1951 г. и Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967 г., которые по настоящее время являются правовой основой глобальной системы защиты вынужденных мигрантов. Вскоре после принятия Конвенции 1951 г. стало понятно, что определение понятия «беженец», закрепленное в ней, не охватывает всех лиц, нуждающихся в международной защите. Однако государства не смогли согласовать общую позицию по вопросам, связанным с новыми категориями вынужденных мигрантов, на универсальном уровне.

Возникающие проблемы решались через принятие актов рекомендательного характера [7. С. 55-56] и расширение компетенции УВКБ ООН, мандат которого в настоящее

время охватывает не только различные категории вынужденных мигрантов, включая беженцев, но и лиц без гражданства.

Поиск решения проблем вынужденных мигрантов, число которых уже превысило 114 млн (36 млн из которых являются беженцами)¹, невозможен на уровне отдельных государств. Прогресс в данном вопросе достигается только в результате международного сотрудничества государств. Данный тезис также был закреплен в преамбуле Конвенции 1951 г., где еще раз подтверждается, что долгосрочное решение проблем беженцев не может быть достигнуто без международного сотрудничества, так как они носят международный характер, и предоставление убежища может возлагать на некоторые государства непомерное бремя².

Таким образом, одним из вопросов, который встал перед международным сообществом в области правового регулирования вынужденной миграции, был вопрос реализации принципа справедливого распределения бремени. Данный вопрос неоднократно поднимался различными организациями системы ООН, в том числе УВКБ ООН, и научным сообществом, однако государства так и не смогли выработать общую позицию в этой области [4. С. 210].

Вопрос справедливого распределения бремени и ответственности между всеми государствами еще раз вернулся на повестку дня различных международных организаций после начала «миграционного кризиса» 2015-2016 гг. в Европе [18. С. 283-286; 8. С. 611-612; 10. С. 623].

Генеральный секретарь ООН в своем докладе под названием «В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов» от 21 апреля 2016 г.³ обозначил основные проблемы регулирования вынужденной миграции и призвал к справедливому распределению бремени и ответственности между государствами. Основные тезисы Доклада легли в текст резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/1, закрепившей Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах 2016 г.⁴ Согласно первоначальному плану, государства должны были принять Глобальный договор о беженцах, который касался бы вынужденных мигрантов, а в последующие два года государства должны были согласовать текст всеобъемлющего соглашения о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Однако государства не смогли согласовать принятие Глобального договора о беженцах [6; 16; 17; 19. С. 211]. Окончательный вариант текста Нью-Йоркской декларации закрепил необходимость разработки двух актов в течение двух лет на основании Приложения I «Комплекс мер в отношении беженцев» и Приложения II «К глобальному договору о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции» к декларации [11. С. 643-649]. Данные приложения должны были составить основу текстов двух актов, принятых в конце 2018 г.

1. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г.⁵, текст которого был составлен государствами при участии и поддержке кан-

¹ Statement from United Nations Secretary-General António Guterres at the Global Refugee Forum 2023 // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/media/statement-united-nations-secretary-general-antonio-guterres-grf2023> (дата обращения: 25.02.2024); UNHCR's Refugee Population Statistics Database // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/> (дата обращения: 25.02.2024).

² Преамбула Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Un.org: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 25.02.2024); Глобальный договор о беженцах. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. 2018. Часть II. A/73/12 // Refworld.org: [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/docid/5c7556ec395.html> (дата обращения: 25.02.2024). (Подп. 2, 5.)

³ В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов. Доклад Генерального секретаря ООН. 2016. 21 апр. A/70/59 // Undocs.org: [сайт]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=a%2F70%2F59&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. 2016 г. A/RES/71/1 // Un.org: [сайт]. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_RES_71_1_R.pdf (дата обращения: 20.05.2023)/

⁵ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. 2018 // Un.org: [сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/244/49/pdf/n1824449.pdf?token=okRIngnKhTIJ1O1gCLM&fe=true> (дата обращения: 25.02.2024).

целярии Специального представителя Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам международной миграции⁶. В данном Договоре приветствуется решение Генерального секретаря ООН учредить Сеть ООН по вопросам миграции, работа которой будет координироваться Международной организацией по миграции в целях обеспечения эффективной и согласованной поддержки государств со стороны многих структур ООН, работающих над вопросами миграции [4. С. 35-37].

2. Глобальный договор о беженцах⁷. Согласно п. 19 Приложения I к Нью-Йоркской декларации на УВКБ ООН была возложена задача по составлению текста Глобального договора о беженцах в рамках ежегодного доклада перед Генеральной Ассамблеей ООН в 2018 г. Верховный комиссар 13 сентября 2018 г. опубликовал свой доклад для Генеральной Ассамблеи ООН⁸, который содержал текст Глобального договора о беженцах. Социальный, гуманитарный и культурный комитет (Третий комитет) Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов подтвердил свою ежегодную резолюцию по УВКБ ООН 13 ноября 2018 г.⁹ Первый раз ежегодная резолюция по УВКБ ООН была принята не консенсусом, а поставлена на голосование в Третьем комитете

(176 голосов за и один голос против (США) при трех воздержавшихся¹⁰). Данная резолюция была направлена на пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН и была принята 17 декабря 2018 г.¹¹

Пункт 7 Глобального договора о беженцах закрепляет следующие цели:

- ослабить нагрузку на принимающие страны;
- повысить способность беженцев обеспечивать самих себя;
- расширить использование решений, предусматривающих доступ в третьи страны;
- содействовать созданию в странах происхождения условий для безопасного и достойного возвращения.

Глобальный договор о беженцах закрепляет призыв к объединению усилий всех заинтересованных сторон ради достижения вышеуказанных целей, в том числе государств, международных организаций, неправительственных организаций, местные органы власти; гражданское общество, религиозные организации; ученых; частный сектор; средства массовой информации; членов принимающих сообществ и самих беженцев. Предполагается, что положения договора будут практическими и выполнимыми, в них будет обеспечиваться баланс различных интересов¹².

⁶ Два государства (Мексика и Швейцария) были назначены сокоординаторами процесса и взяли на себя ответственность за подготовку проекта договора. Окончательный вариант текста был официально согласован в июле 2018 г. и был принят на специальной конференции в Марокко в декабре 2018 г. Пять месяцев спустя после завершения переговоров Генеральная Ассамблея ООН в Нью-Йорке официально приняла итоги Межправительственной конференции по принятию Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Результаты голосования в Генеральной Ассамблее: 152 государства за, 5 против и 12 воздержались. США вышли из процесса до начала межправительственных переговоров и на Генеральной Ассамблее ООН голосовали против Договора (вместе с Венгрией, Израилем, Польшей и Чехией). Воздержались такие страны, как: Австралия, Австрия, Алжир, Болгария, Италия, Латвия, Ливия, Лихтенштейн, Румыния, Сингапур, Чили и Швейцария. Подробнее об этом см.: Доклад о миграции в мире. 2020. С. 333–336 // Iom.int: [сайт]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

⁷ Глобальный договор о беженцах. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев. A/73/12. Часть II // Refworld.org: [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/unga/2018/ru/145681?destination=search> (дата обращения: 25.02.2024).

⁸ Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев. 73-я сессия. № 12. A/73/12 (Часть II). 2018. 13 сент. // Securitycouncilreport.org: [сайт]. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/a-73-12.php> (дата обращения: 25.02.2024).

⁹ Генеральная Ассамблея ООН. 73-я сессия. Третий комитет. Пункт 65 повестки дня. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев, вопросы, касающиеся беженцев, возвращенцев и перемещенных лиц, и гуманитарные вопросы. A/C.3/73/L.59. 2018. 8 нояб. // Undocs.org: [сайт]. URL: <http://undocs.org/A/C.3/73/L.59> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Глобальный договор о беженцах. Краткое руководство УВКБ ООН // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/centralasia/wp-content/uploads/sites/75/2019/11/Global-Compact-on-Refugees-Quick-Guide-Rus.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

¹¹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 73-я сессия. 55-е пленарное заседание. 2018. 17 дек. Нью-Йорк. A/RES/73/151 // Undocs.org: [сайт]. URL: <http://undocs.org/A/RES/73/151> (дата обращения: 25.02.2024).

¹² Глобальный договор о беженцах. Краткое руководство УВКБ ООН. С. 4 // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/centralasia/wp-content/uploads/sites/75/2019/11/Global-Compact-on-Refugees-Quick-Guide-Rus.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

Ни Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г., ни Глобальный договор о беженцах 2018 г. не обладают юридически обязательной силой. Глобальный договор о беженцах представляет собой своего рода общий обзор на глобальную систему защиты вынужденных мигрантов со стороны УВКБ ООН. Он отличается по структуре и содержанию от международно-правовых актов, которые обладают юридически обязательной силой. Текст Договора обходит острые углы, не ставит четких обязательств и представляет собой больше призыв к принятию международным сообществом ряда мер на добровольной основе для более эффективного регулирования вынужденной миграции на универсальном уровне. Подход, который был взят за основу со стороны УВКБ ООН при составлении текста, вызывает немало дискуссий среди ученых-международников [12. С. 608-610]. С одной стороны, акты рекомендательного характера могут заполнять пробелы в глобальной системе защиты вынужденных мигрантов, а толкование положений действующих международно-правовых актов и принятие новых актов «мягкого права» могут обладать своим практическим значением. В качестве примера можно привести практику принятия заключений Исполнительным комитетом УВКБ ООН [3. С. 17] или же, например, Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны¹³, которые были признаны большинством государств [1. С. 13-14; 18. С. 299-304]. Как отмечает ряд ученых, в рамках либеральной теории прав человека часто подразумевается, что акты «мягкого права» приводят к повышению стандартов международной защиты [12. С. 609-610].

С другой стороны, акты рекомендательного характера могут привести к отступлению от международного права и стать инструментом в руках государств для блокирования развития международного права в конкретной области и принятия новых юридически обязательных международно-правовых актов [12. С. 605-610].

Глобальный договор о беженцах – это попытка сделать упор на политическом и практическом сотрудничестве, а не на юри-

дических обязательствах. Текст Договора предусматривает, что механизмы сотрудничества, закрепленные в нем, могут стать еще одним инструментом для поиска решений проблем вынужденных мигрантов в будущем. Однако УВКБ ООН по-прежнему ограничивалось тем, на что согласились государства [15. С. 573].

Как уже отмечалось выше, одной из основных проблем международного сотрудничества в области правового регулирования вынужденной миграции является отсутствие механизма справедливого распределения бремени и ответственности между государствами. Статистические данные показывают, что в настоящее время большая часть вынужденных мигрантов находится в развивающихся странах, а не в развитых [5. С. 100-101].

Глобальный договор о беженцах содержит положения, которые могут способствовать улучшению ситуации в вопросе распределения бремени между государствами [9. С. 8-9]. Следует отметить, что УВКБ ООН неоднократно обращало внимание на проблему справедливого распределения бремени [10. С. 614]. Так, в случае с Глобальным договором о беженцах УВКБ ООН, получив мандат на разработку данного акта, не упустило возможность затронуть и данную проблему [10. С. 623-626]. Согласно п. 3 Глобального договора о беженцах он «призван заложить основу для предсказуемого и справедливого распределения бремени и ответственности между всеми государствами – членами ООН». Для этих целей Договор предусматривает такие механизмы, как Платформы защиты¹⁴ и Глобальный форум по беженцам на уровне министров.

Данные механизмы согласно п. 15 Глобального договора о беженцах «призваны обеспечивать более справедливое и предсказуемое распределение бремени и ответственности в отношениях с принимающими странами и сообществами и стать основой для поиска решений, в том числе, в соответствующих случаях, посредством оказания помощи странам происхождения».

Глобальный форум по беженцам проводится раз в четыре года на уровне министров, на него приглашаются все государ-

¹³ Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны. 1998 // Un.org: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁴ Подробнее об этом см.: Outcomes of the Global Refugee Forum. 2019. Р. 32–35 // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/media/outcomes-global-refugee-forum-2019> (дата обращения: 25.02.2024).

ства — члены ООН вместе с заинтересованными сторонами. Форум для участников является местом, где они добровольно принимают на себя обязательства по конкретным направлениям. Глобальный форум по беженцам организовывается одним или несколькими государствами совместно с УВКБ ООН, проводится, как правило, в Женеве.

Первый Глобальный форум собрал более 3 тыс. участников, включая представителей государств, частного сектора, гражданского общества, религиозных организаций, спортивных организаций, гуманитарных организаций, научного сообщества, самих беженцев и т. д.¹⁵ Данный форум был посвящен разработке и принятию новых обязательств, а также утверждению размера взносов его участников¹⁶. По итогам первого форума число принятых обязательств достигло 1700¹⁷. Данные обязательства носят добровольный характер и могут представлять собой финансовые обязательства, материально-техническую помощь, возможность для переселения вынужденных мигрантов, дополнительные пути для въезда в третьи страны и т. д. Существует различная классификация указанных обязательств. Например, по кругу лиц, кто берет на себя эти обязательства (316 обязательств взяли на себя неправительственные организации, 254 — частный сектор, 136 — государства и т.д.), по сферам деятельности (более 140 обязательств касались доступа к образованию для беженцев, более 100 — доступа к рынку труда и средствам существования и т.д.), по регионам (327 обязательств взяли на себя ев-

ропейские государства и другие участники из Европы, 160 — из Америки и других регионов) и т.д.¹⁸ Также по результатам первого форума Всемирный банк обязался выделить 2,2 млрд. долл., а Межамериканский банк развития заявил о намерении выделить 1 млрд. долл. на развитие государств, принимающих беженцев, а также стимулирование частного сектора и создание рабочих мест. Государства, организации и другие заинтересованные стороны заявили о намерении оказать финансовую поддержку беженцам и принимающим их сообществам на сумму более 2 млрд. долл., более 250 млн. долл. обещал выделить частный сектор, также среди заявлений на эту тему можно отметить инициативы по открытию более 15 тыс. рабочих мест для беженцев и оказания 125 тыс. часов бесплатной юридической помощи¹⁹.

Глобальный форум по беженцам задуман как непрерывный четырехлетний процесс на уровне министров. Он состоит из собственных механизмов подведения итогов, анализа достижений, а также раз в два года предусматривается проведение встречи официальных лиц высокого уровня (High-Level Officials Meeting, далее — HLOM)²⁰ для промежуточного обзора результатов работы форума. Например, по результатам встречи официальных лиц высокого уровня спустя два года после проведения первого форума было выработано двадцать ключевых рекомендаций²¹. Основной итог встречи HLOM в 2021 г. состоит в уточнении обязательств, принятых на Глобальном форуме по беженцам в 2019 г., и определении сфер, в которых

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Сайт Глобального договора о беженцах // Globalcompactrefugees.org: [сайт]. URL: <https://globalcompactrefugees.org/pledges-contributions/what-are-pledges> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁷ Глобальный форум по вопросам беженцев. 2023 // Unhcr.org: [сайт]. URL: https://www.unhcr.org/ru/33969-grf2023_announcement.html (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁸ Outcomes of the Global Refugee Forum. 2019. Р. 20–31 // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/media/outcomes-global-refugee-forum-2019> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁹ Итоги Глобального форума по беженцам: рабочие места, образование, финансовая поддержка // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/ru/21505-grf-summary.html> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁰ Совещание должностных лиц высокого уровня является частью процесса реализации положений Глобального договора о беженцах. В пояснительных бюллетенях и онлайн-ресурсах HLOM обозначается как ключевой элемент налаживания долгосрочного взаимодействия с государствами и другими заинтересованными сторонами. Его встречи проводятся в качестве промежуточного обзора и дают возможность обозначить достигнутый прогресс. Подробнее об этом см.: High-Level Officials Meeting 2021. Reflecting on progress and charting the future // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/media/hlom-virtual-space-criteria> (дата обращения: 25.02.2024); Indicator Framework — Global refugee forum // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/media/indicator-framework-global-refugee-forum> (дата обращения: 25.02.2024).

²¹ Подробнее об этом см.: Краткое изложение ключевых рекомендаций и последующих действий со встречи официальных лиц высокого уровня в 2021 г. // Globalcompactrefugees.org: [сайт]. URL: <https://globalcompactrefugees.org/media/hlom-summary-key-recommendations-and-follow-actions-russian> (дата обращения: 25.02.2024).

необходима консолидация поддержки, с целью подготовки к следующему Глобальному форуму по беженцам в 2023 г.²²

Второй Глобальный форум по беженцам прошел 16-18 декабря 2023 г. Соорганизаторами форума выступили группа государств (Республика Колумбия, Франция, Япония, Иорданское Хашимитское Королевство и Республика Уганда), а также принимающее государство Швейцария вместе с УВКБ ООН. Форум собрал более 4 200 участников из 168 правительственных делегаций, в том числе пять глав государств и правительств, 86 министров, а также более 300 беженцев. Во втором Глобальном форуме по беженцам участвовали 427 делегаций, представляющих неправительственные организации, частный сектор и другие группы заинтересованных сторон. Дистанционно к форуму подключились более 10 тыс. участников из 120 государств. Организаторы представляют данный форум как современный многосторонний подход для комплексного и предсказуемого решения проблем, связанных с вынужденной миграцией, где объединяются различные заинтересованные стороны. Форум собрал представителей правительств, принимающих сообществ, местных органов власти, международных организаций системы ООН, региональных организаций, гуманитарных организаций, международных финансовых институтов, парламентов, гражданского общества, средств массовой информации, спортивных и культурных организаций, частного сектора, а также религиозных деятелей, ученых и самих беженцев. Второй Глобальный форум по беженцам объявил о принятии новых 1600 обязательств. Данные обязательства

сгруппированы по четырем целям Глобального договора о беженцах 2018 г., которые, в свою очередь, детализируются и делятся на подцели. В качестве примера можно указать, что в рамках третьей цели «расширить использование решений, предусматривающих доступ в третьи страны», заявлено, что 1 млн беженцев будет переселен в третьи страны к 2030 г. Также в рамках данной цели закреплен призыв к поиску дополнительных путей и форм международной помощи беженцам, например, стипендиальные программы. Начиная с 2016 г. более 1,2 млн беженцев были переселены в рамках таких программ²³. Взятие на себя обязательств представляет собой непрерывный процесс²⁴, созданы специальные онлайн-ресурсы, через которые можно брать на себя обязательства и вносить взносы²⁵. Участники форума в своих выступлениях затрагивали различные вопросы, связанные с беженцами, выступали с политическими призывами и брали на себя обязательства. Например, король Иордании в своем выступлении поднял вопросы о проблемах, с которыми сталкиваются принимающие государства, и несправедливом распределении бремени между государствами, а представитель компании Fast Retailing в своем выступлении заявил о намерении сотрудничать с УВКБ ООН, раздавать до 10 млн единиц одежды вынужденным мигрантам ежегодно и т. д.²⁶ Как видно из вышеуказанного, в форуме принимают участие представители из различных сфер. В состав участников первого форума 2019 г. вошла Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств, которая взяла на себя обязательство по разработке модельного закона «О беженцах» и на следующий

²² Подробнее об этом см.: High-Level Officials Meeting — webcast recordings forum // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/overview/global-compact-refugees/high-level-officials-meeting/event-days> (дата обращения: 25.02.2024).

²³ Summary of the Global Refugee Forum 2023 by the co-hosts and co-convenors // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/news/speeches-and-statements/summary-global-refugee-forum-2023-co-hosts-and-co-convenors> (дата обращения: 25.02.2024); Global Refugee Forum 2023 Closing Statement by the UN High Commissioner for Refugees Filippo Grandi // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/news/speeches-and-statements/global-refugee-forum-2023-closing-statement-un-high-commissioner> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁴ Pledges & Contributions // Globalcompactrefugees.org: [сайт]. URL: <https://globalcompactrefugees.org/pledges-contributions> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁵ Пощаговая инструкция о том, как внести обязательство // Globalcompactrefugees.org: [сайт]. URL: <https://globalcompactrefugees.org/media/how-submit-pledge-step-step-guide-russian> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁶ Подробнее об этом см.: 1st Plenary Session — Global Refugee Forum 2023 // Webtv.un.org: [сайт]. URL: <https://webtv.un.org/en/asset/k1q/k1qcmgdzb0> (дата обращения: 25.02.2024); About the partnership // Unhcr.org: [сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/uniqlo>; Global Partnership with UNHCR <https://www.uniqlo.com/us/en/special/sustainability/refugees/unhcr/> (дата обращения: 25.02.2024).

год подготовила проект данного модельного закона²⁷. Российской Федерацию на втором Глобальном форуме по беженцам представлял Постоянный представитель России при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г.М. Гатилов. В своем выступлении он еще раз обозначил международно-правовую позицию России, которая выражается в положительной оценке деятельности УВКБ ООН, участии государства в Глобальном договоре о беженцах 2018 г. и намерении продолжать разноплановое взаимодействие с УВКБ ООН. Также было отмечено, что осуществляется комплексная модернизация российского миграционного законодательства, предпринимаются меры по совершенствованию института убежища и созданию дополнительных благоприятных условий для адаптации и интеграции в российское общество²⁸.

Из всего вышесказанного авторы полагают возможным сформулировать следующие выводы.

1. Глобальный договор о беженцах 2018 г. представляет собой политический компромисс, на который согласились государства – члены ООН. Он не обладает юридически обязательной силой, но несмотря на это УВКБ ООН постаралось закрепить аспекты, которые обладают наибольшим практическим значением на современном этапе международно-правового регулирования вынужденной миграции [13. С. 635–636]. В отличие от других актов «мягкого права» данный Договор охватил большее число государств и закрепил возможность участия в реализации своих положений для всех заинтересованных сторон, включая самих вынужденных мигрантов.

2. Одной из основных предпосылок принятия Глобального договора о беженцах 2018 г. стал «миграционный кризис» 2015–2016 гг. Европейские государства, в первую очередь государства – члены Европейского союза, попытались рассмотреть на уровне ООН проблемы международно-правового регулирования вынужденной миграции.

Одной из основных проблем, продолжающихся существовать по настоящее время, является отсутствие механизмов справедливого распределения бремени и ответственности между государствами. Глобальный договор закрепил механизмы для предсказуемого и справедливого распределения бремени и ответственности между всеми государствами – членами ООН. Одним из них является Глобальный форум по беженцам.

3. Глобальный форум по беженцам представляет особую форму международного сотрудничества государств в области вынужденной миграции, в рамках деятельности которой один раз в четыре года собираются представители государств, международных организаций, неправительственных организаций, местных органов власти; гражданского общества, религиозных организаций, частного сектора, средств массовой информации; научного сообщества, а также члены принимающих сообществ и сами беженцы.

4. В рамках Глобального форума по беженцам участники на добровольной основе берут на себя обязательства. Данный процесс является непрерывным, обязательства могут обновляться и дополняться в период между форумами. Глобальный форум по беженцам обладает собственными механизмами подведения итогов, анализа достижений, а раз в два года предусматривается проведение встреч официальных лиц высокого уровня (HLOM).

5. Сложно предсказать, насколько гибкий и компромиссный подход государств в принятии Глобального договора о беженцах 2018 г. и организации Глобального форума по беженцам будет эффективным в будущем. Однако деятельность таких механизмов, с четкой структурой, периодической отчетностью, точным перечнем обозначенных проблем и широким кругом участников может положительно отразиться на усовершенствовании международного правового регулирования вынужденной миграции и оказании помощи вынужденным мигрантам.

²⁷ Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества независимых государств. Модельный закон «О беженцах». № 51-5. 2020. 27 нояб. // Refworld.org: [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/reglegislation/rri/2020/ru/146490> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁸ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г.М. Гатилова на втором Глобальном форуме по беженцам // Geneva.mid.ru: [сайт]. URL: https://geneva.mid.ru/glavnaa/-/asset_publisher/4QbYFW4eSXTx/content/id/31162819 (дата обращения: 25.02.2024).

Заключение

Таким образом, проведя анализ предпосылок принятия и положений Глобального договора о беженцах 2018 г., авторы полагают возможным рассматривать Глобальный форум по беженцам как еще одну попытку разработки механизма справедливого распределения бремени и ответственности между всеми государствами в сфере вы-

нужденной миграции. Данный механизм, по мнению авторов, в обозримом будущем полностью не устранит проблему несправедливого распределения бремени и ответственности. При этом следует отметить, что Глобальный форум по беженцам не лишен практического значения в области совершенствования международно-правового регулирования вынужденной миграции и оказании помощи вынужденным мигрантам.

Литература:

1. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М., 2014.
2. Иванов Д.В. Вклад Лиги Наций в становление международной защиты прав беженцев // Актуальные теоретические проблемы современного международного права: материалы международной научно-практической конференции, посвященные 70-летию кафедры международного права МГИМО. 2019. С. 141–154.
3. Иванов Д.В. Вынужденная и трудовая миграция населения в международном и национальном праве. М., 2010.
4. Иванов Д.В., Алиев Д.М. Международная организация по миграции: историко-правовые аспекты деятельности // Международный правовой курьер. 2023. № 6. С. 33–38. URL: <https://inter-legal.ru>.
5. Киселева Е.В. Основные формы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 100–101. URL: <https://cyberleninka.ru>.
6. Потемкина О.Ю. Глобальный договор о миграции — успех или провал? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru>.
7. Ястребова А.Ю. Современные подходы к международно-правовому регулированию проблем вынужденной миграции и российский опыт // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 51–59. URL: <https://cyberleninka.ru>.
8. Aleinikoff A.T. The Unfinished Work of the Global Compact on Refugees // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 611–617. URL: <https://academic.oup.com>.
9. Aleinikoff A.T., Martin S.F. Making the Global Compacts work: What future for refugees and migrants? // Policy Brief 6. Making the Global Compacts work: what future for refugees and migrants. Andrew & Renata Kaldor Centre for International Refugee Law. 2018. P. 8–9. URL: <https://www.unsw.edu.au>.
10. Betts A. The Global Compact on Refugees: Towards a Theory of Change? // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 623–626. URL: <https://academic.oup.com>.
11. Costello C. Refugees and (Other) Migrants: Will the Global Compacts Ensure Safe Flight and Onward Mobility for Refugees? // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 643–649. URL: <https://academic.oup.com>.
12. Gammeltoft-Hansen T. The Normative Impact of the Global Compact on Refugees // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 605–610. URL: <https://academic.oup.com>.
13. Gilbert G. Indicators for the Global Compact on Refugees // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 635–639. URL: <https://academic.oup.com>.
14. McAdam J. The Enduring Relevance of the 1951 Refugee Convention // International Journal of Refugee Law. 2017. Volume 29. Issue 1. P. 1–9. URL: <https://academic.oup.com>.
15. McAdam J. The Global Compacts on Refugees and Migration: A New Era for International Protection? // International Journal of Refugee Law. 2018. Volume 30. Issue 4. P. 571–574. URL: <https://academic.oup.com>.
16. Refugee and Migrant Crisis: The Deficient Global Response // The Lancet. 2016. Volume 388. Issue 10045, P. 633. URL: <https://www.thelancet.com>.
17. Sengupta S. 'UN Deadlocked Over Draft Agreement on Refugees and Migrants' // New York Times. 2016. 1 August. URL: <https://www.nytimes.com>.
18. Triggs G.D., Wall P.C.J. 'The Makings of a Success': The Global Compact on Refugees and the Inaugural Global Refugee Forum // International Journal of Refugee Law. 2020. Volume 32. Issue 2. P. 283–339. URL: <https://academic.oup.com>.
19. Wall P. A New Link in the Chain: Could a Framework Convention for Refugee Responsibility Sharing Fulfil the Promise of the 1967 Protocol? // International Journal of Refugee Law. 2017. Volume 29. Issue 2. P. 201–237. URL: <https://academic.oup.com>.

GLOBAL FORUM ON MIGRATION: A NEW STAGE OF STATE COOPERATION ON FORCED MIGRATION

Introduction. The 1951 Convention relating to the Status of Refugees is the legal basis of the global system of international protection of forced migrants, but it does not cover all contemporary aspects of international legal regulation of forced migration. UN member states cannot agree on the adoption of a new international legal act of universal character that would replace the 1951 Convention, which was adopted more than seven decades ago [13. P. 4-5]. "Migration crisis" of 2015–2016 forced the world community to return to the search for solutions to the problems of international legal regulation of forced migration. First, UN member states adopted the New York Declaration on Refugees and Migrants in 2016. According to Annex I to the Declaration, UNHCR was tasked with developing a new international legal act on forced migration within two years. The UNHCR, as part of its annual report in 2018, presented a draft Global Compact on Refugees, which was adopted by the UN General Assembly. Global Compact on Refugees drafted by UNHCR, although not legally binding, enshrined mechanisms for equitable burden-sharing among states. One such mechanism is the Global Refugee Forum, which is to be held every four years. This article focuses on the first and second Global Refugee Forums and their outcomes, which took place in 2019 and 2023.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes: historical and legal comparative method; method of system-structural analysis; formal logical method.

Research Findings. The analysis revealed that the Global Compact on Refugees 2018 is the com-

promise that UN member states agreed to. It is not legally binding. One of the main problems that continue to the present day is the lack of mechanisms for equitable burden and responsibility sharing among states. The Global Compact enshrined mechanisms for predictable and equitable burden and responsibility sharing among all UN member states. One of these is the Global Refugee Forum.

Discussion and Conclusion. In the study, the authors formulated the preconditions for the adoption and analyzed the content of the Global Compact on Refugees 2018, and substantiated the importance of the Compact at the current stage of international legal regulation of forced migration. It is established that this Compact does not completely eliminate the problem of unfair burden sharing. The authors analyze the activities of the first and second Global Forum on Refugees, concluding that the forum has its own mechanisms for summarizing results, analyzing achievements, and biannual meetings of high-level officials are envisaged. The authors conclude that such a mechanism could have a positive impact on improving international legal regulation of forced migration and providing international protection to forced migrants.

Dmitry V. Ivanov,
PhD in Law, Associate professor,
Associate professor, International Law Chair,
MGIMO-University, Moscow, Russia.

Javanshir M. Aliyev,
PhD in Law, Lecturer,
Department of Integration and Human Rights
Law, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Ключевые слова:
Глобальный договор о беженцах,
Глобальный форум по беженцам, беженцы,
вынужденная миграция, международная
защита, убежище, глобальная система
защиты вынужденных мигрантов

Keywords:
Global Compact on Refugees, Global
Refugee Forum, refugees, forced migration,
international protection, asylum, global system
of protection of forced migrants

References:

1. Bekjashev, D.K., Ivanov, D.V., 2014. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoj i trudovoj migracii: monografija [International legal regulation of forced and labor migration: monograph]. Moscow.
2. Ivanov, D.V., 2019. Vklad Ligi Nacij v stanovlenie mezhdunarodnoj zashchity prav bezhencev [Contribution of the League of Nations to the development of international protection of refugee rights]. *Aktual'nye teoreticheskie problemy sovremennoogo mezhdunarodnogo prava: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashchennye*

70-letiju kafedry mezdunarodnogo prava MGIMO. [Current theoretical problems of modern international law: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Department of International Law of MGIMO]. S. 141–154.

3. Ivanov, D.V., 2010. Vynuzhdennaja i trudovaja migracija naselenija v mezdunarodnom i nacional'nom prave [Forced and labor migration of the population in international and national law]. Moscow.
4. Ivanov, D.V., Aliev, D.M., 2023. Mezdunarodnaja organizacija po migracii: istoriko-pravovye aspekty dejatel'nosti [International organization for migration: historical and legal aspects of its activities]. *Mezdunarodnyj pravovoj kur'er [International Legal Courier]*. № 6. S. 33–38. URL: <https://inter-legal.ru>.
5. Kiseleva, E.V. 2016. Osnovnye formy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v sfere migracii [Main forms of interstate cooperation in the field of migration]. *Vestnik RUDN [Bulletin of RUDN University]*. № 3. S. 100–101. URL: <https://cyberleninka.ru>.
6. Potemkina, O.Ju., 2018. Global'nyj dogovor o migracii — uspeh ili proval? [Global Compact for Migration: Success or Failure?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN. [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS]*. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru>.
7. Jastrebova, A.Ju., 2011. Sovremennye podhody k mezdunarodno-pravovomu regulirovaniyu problem vynuzhdennoj migracii i rossijskij opty [Modern approaches to international legal regulation of the problems of forced migration and Russian experience]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal sciences]*. № 1. S. 51–59. URL: <https://cyberleninka.ru>.
8. Aleinikoff, A.T., 2018. The Unfinished Work of the Global Compact on Refugees. *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 611–617. URL: <https://academic.oup.com>.
9. Aleinikoff, A.T., Martin S.F., 2018. Making the Global Compacts work: What future for refugees and migrants? *Policy Brief 6. Making the Global Compacts work: what future for refugees and migrants*. Andrew & Renata Kaldor Centre for International Refugee Law. P. 8–9. URL: <https://www.unsw.edu.au>.
10. Betts, A., 2018. The Global Compact on Refugees: Towards a Theory of Change? *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 623–626. URL: <https://academic.oup.com>.
11. Costello, C., 2018. Refugees and (Other) Migrants: Will the Global Compacts Ensure Safe Flight and Onward Mobility for Refugees? *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 643–649. URL: <https://academic.oup.com>.
12. Gammeltoft-Hansen, T. 2018. The Normative Impact of the Global Compact on Refugees. *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 605–610. URL: <https://academic.oup.com>.
13. Gilbert, G., 2018. Indicators for the Global Compact on Refugees. *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 635–639. URL: <https://academic.oup.com>.
14. McAdam, J., 2017. The Enduring Relevance of the 1951 Refugee Convention. *International Journal of Refugee Law*. Volume 29. Issue 1. P. 1–9. URL: <https://academic.oup.com>.
15. McAdam, J., 2018. The Global Compacts on Refugees and Migration: A New Era for International Protection? *International Journal of Refugee Law*. Volume 30. Issue 4. P. 571–574. URL: <https://academic.oup.com>.
16. Refugee and Migrant Crisis: The Deficient Global Response. 2016. *The Lancet*. Volume 388. Issue 10045, P. 633. URL: <https://www.thelancet.com>.
17. Sengupta, S., 2016. 'UN Deadlocked Over Draft Agreement on Refugees and Migrants'. *New York Times*. 1 August. URL: <https://www.nytimes.com>.
18. Triggs, G.D., Wall P.C.J., 2020. 'The Makings of a Success': The Global Compact on Refugees and the Inaugural Global Refugee Forum. *International Journal of Refugee Law*. Volume 32. Issue 2. P. 283–339. URL: <https://academic.oup.com>.
19. Wall, P., 2017. A New Link in the Chain: Could a Framework Convention for Refugee Responsibility Sharing Fulfil the Promise of the 1967 Protocol? *International Journal of Refugee Law*. Volume 29. Issue 2. P. 201–237. URL: <https://academic.oup.com>.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА/СОПЕРНИЧЕСТВА В КОСМОСЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

Мариам Юзбашян*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-103-119

Введение. Свойственные всей истории космической деятельности соперничество и/или сотрудничество на современном подвержены значительным изменениям. Наиболее значимыми по силе воздействия как непосредственно на деятельность, ее формат, субъектный состав и иные характеристики, так и на соответствующую международно-правовую и национально-правовую основы, включая перспективы их развития, являются два основных формирующихся блока сотрудничества: Китай и Россия, прежде всего, по Международной лунной научной станции совместно с другими участниками проекта; и США с государствами-партнерами по программе «Артемида».

Материалы и методы. Материалы исследования - избранные по критерию фундаментального воздействия на развитие «космического права» примеры международно-правовых и национально-правовых актов, лежащих в основе двух основных альтернативных блоков сотрудничества и соперничества между собой в дальнейшем освоении космического пространства. Методология включает анализ, синтез, аналогию, а также сочетание сравнительно-правового и системного методов, моделирования и прогнозирования.

Результаты исследования. Установлено, что: 1) совокупность действующих факторов, тенденций и процессов (включая политические, экономические и технологические) целесообразно рассматривать в качестве составляющих отраслевой системы координат; 2) своевременное выявление факторов фундаментального воздействия на отраслевое развитие значительно снижает или полностью нивелирует негативное влияние свойственных соперничеству/сотрудничеству в космосе «многовариантности» и трансформационного потенциала на результативность отраслевого прогнозирования; 3) факторы фундаментального воздействия на развитие системы «космического права» заложены в международно-правовых и национально-правовых подходах в основе двух современных альтернативных блоков сотрудничества; 4) необходимость определения единой основы отличающихся правовых (а также других отраслевых) подходов обоснована экономической целесообразностью; 5) Определены условия/

* Юзбашян Мариам Романовна, кандидат юридических наук
e-mail: m_you@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3231-8489

критерии выявления факторов фундаментального воздействия на развитие системы «космического права». 6) Обоснована целесообразность рассмотрения совокупности актуальных вопросов «космического права» в качестве составляющих системы правовых координат; 7) Выявлено, что решение приоритетных задач приводит к обновленной выявленной pragматическими потребностями актуализации ряда других неурегулированных до сих пор разноуровневых вопросов системы «космического права»; установлено, что: 8) в призме современных тенденций актуализация отраслевых правовых вопросов и их регламентация в меньшей мере зависит от научно-технологического потенциала соответствующего государства и в большей от степени вовлеченности в глобальные экономические проекты и политические процессы; 9) учет выявленных на основе специальных критерий совпадений и отличий международно-правовых и национально-правовых подходов в основе альтернативных блоков будет способствовать приближению прогнозных оценок перспектив развития «космического права» к реальному развертыванию событий.

Обсуждение и заключение. В качестве концептуальных основ управления отраслевыми рисками целесообразно рассматривать создание условий (прежде всего экономического, технологического и стратегического характера) преобразования «общего знаменателя» международно-правовых и национально-правовых подходов двух блоков в готовность соперничающих государств к согласованию позиций относительно дополнительного универсального договорного регулирования вопросов, составляющих предмет международного космического права; а также того, чтобы соперничество привело к «балансированию» соблюдения международных обязательств, комплексному развитию элементов системы «космического права».

Катастрофы могут быть предотвращены посредством принятия и применения действенных международно-правовых норм только при условии проведения на непрерывной основе тщательного всестороннего исследования тенденций развития международных отношений и приложения усилий для оперативной и своевременной разработки соответствующих международных договоров или (иных) правовых актов.

("Disasters may be prevented through the adoption and application of meaningful international legal rules only if a careful holistic study of trends in international affairs is undertaken on an ongoing basis and an effort made to elaborate pertinent treaties or legal instruments in a prompt and timely fashion.")

[16. Р. 206],

Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Колосов Юрий Михайлович, 1998 г.

Введение

Свойственные всей истории космической деятельности соперничество и/или сотрудничество (в различных формах и степени соотношения) имеют соподчиненное правовое измерение. Яркий пример обозначенной взаимосвязи содержится в суждении австрийского политика и дипломата доктора Петера Янковича о том, что «сильнейшим стимулом к созданию новой

отрасли международного права (международного космического права (МКП)¹) стало открытие в космическом пространстве новой сферы соперничества и, возможно, конфронтации двух сверхдержав того времени, СССР и США» [15. Р. 3]. Аналогичная оценка присуща и отечественным специалистам. Так, например, одно из первых в мировом масштабе научных определений МКП, представленное профессором Юрием Михайловичем Колосовым в 1966 г., отражает

¹ Сокращение в скобках добавлено автором – М. Ю.

историческую специфику исследуемых категорий следующим образом: это «отрасль международного права, представляющая совокупность юридических норм и принципов, регулирующих правоотношения между государствами в процессе их сотрудничества и соревнования в освоении и использовании космического пространства исключительно в мирных целях» [2. С. 11-12].

К настоящему времени соперничество и/или сотрудничество под воздействием актуальной трансформации глобальных общих и отраслевых политических, технологических, экономических и сообразно правовых процессов приобрели обновленные очертания. В качестве основной характеристики современного этапа исследования и использования космоса можно выделить системный пересмотр субъектов, формата и векторов сотрудничества и соответственно создание предпосылок для формирования новых направлений соперничества. Эти черты, ставшие очевидными в связи с изменениями, затронувшими различные области международных отношений в 2022 г., формировались постепенно (*de facto* после завершения успешной нормотворческой деятельности Комитета ООН по космосу², а именно после принятия последнего из пяти договоров ООН по космосу³ - Соглашения о Луне 1979 г.⁴) и последовательно получали сообразное отражение на международно-правовом и национально-правовом уровнях.

Для проведения комплексных исследований в обозначенном ракурсе целесообразным представляется построение многомерной отраслевой системы координат, основными составляющими которой следует рассматривать совокупность следующих современных факторов, тенденций и процессов. Во-первых, это результаты общих эволюционных процессов «космического клуба» [17. Р. 78-43], включающие: - рост количества государств, осваивающих космическое пространство⁵, в том числе выделяемых по специальным критериям «малых государств в космосе» [20. Р. 15-16]; - формирование двух современных международных блоков сотрудничества, альтернативных, но не в отсутствие субъектных совпадений, что выражается в случае с рядом государств в опосредованном участии в обоих форматах, например, в рамках двустороннего сотрудничества или взаимодействия в иных формах (как межгосударственного, так и неправительственного уровня), в которых задействованы лидирующие участники одного из *de facto* конкурирующих блоков (об этом далее, в том числе в контексте значения этого фактора в управлении отраслевыми рисками, включая правовые). Во-вторых, в экономическом ракурсе - все эти процессы происходят на фоне нарастания с 80-х годов XX-го столетия тенденций приватизации и коммерциализации космической деятельности, расширения ее направлений⁶ (что со-

² Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях.

Невозможность достижения консенсуса как способа принятия решений Комитетом не является единственной причиной отсутствия разработки новых многосторонних/универсальных международных договоров по космосу. О других факторах см.: [15. Рр. 13-14].

³ «Пять договоров ООН по космосу» включают: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (Договор по космосу 1967 г.), Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1967 г. (Соглашение о спасении 1968 г.), Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Конвенция об ответственности 1972 г.), Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. (Конвенция о регистрации 1975 г.), Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Соглашение о Луне 1979 г.). Актуальный статус пяти договоров ООН по космосу см. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (дата обращения: 11.11.2023). Китай, Россия и США участвуют в четырех из пяти договоров ООН по космосу, кроме Соглашения о Луне. О причинах отсутствия участия в этом международном договоре см.: [4. С. 16].

⁴ Открыто для подписания 18 декабря 1979 г., вступило в силу 11 июля 1984 г. По состоянию на март 2024 г. участниками Соглашения о Луне являются 17 государств; 5 января 2024 г. вступил в силу выход из Соглашения Саудовской Аравии. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (дата обращения: 11.03.2023).

⁵ Так, например, собственные лунные программы разрабатывают пять государств: Россия, США, Китай, Индия, Япония. См. актуальный список лунных миссий, как непосредственно правительственных, так осуществляемых в рамках правительственного заказа частными субъектами в случае США. *Missions to the Moon*. URL: <https://nssdc.gsfc.nasa.gov/planetary/planets/moonpage.html> (дата обращения: 11.03.24).

⁶ *Proceedings of the Workshop on Space Law in the Twenty-first Century*, UNISPACE III Technical Forum, Vienna, Austria, July 1999/ UN Doc. ST/SPACE/2. Р. 7, para. 8 (2000).

относится с экономической моделью «Space 2.0»⁷), которые в их актуальной форме можно рассматривать в качестве предпосылок для начала индустриализации космоса с «переходом от «производства информации» к материальному производству» в нем («Space 3.0»⁸), обозначенном еще в 1981 г. профессором Ю. М. Колосовым в качестве современных на то время воззрений относительно перспектив дальнейшего освоения космического пространства [3. С. 186].

И если экономическое прогнозирование начала широкомасштабного производственного развития в космосе преждевременно ввиду необходимости получения дополнительных исследовательских, испытательных данных, то в правовом контексте беспристрастное осмысление совокупности современных причин, форм, а также форматов актуализации неурегулированных космическим правом вопросов (в том числе касающихся перспективной деятельности) является достаточной основой для выявления потенциальных векторов развития элементов отраслевой правовой системы.

С учетом масштаба сущностных глобальных отраслевых изменений следует констатировать актуальность и целесообразность безотлагательного комплексного анализа современных тенденций соперничества/сотрудничества в космосе с целью выявления возможности разработки единой основы для *de jure* и *de facto* эффективных механизмов развития «космического права». При этом оценка эффективности в обозначенном контексте основана не на разрозненных «эфемерных» характеристиках, а на системном анализе соотношения заданных предпосылок и системы факторов (как деятельности, так и ее правового измерения) с реалиями интересов отраслевых субъектов различного уровня.

Исследование

Применительно к основному анализу следует уточнить два аспекта. Во-первых, понятие «космическое право» используется вне каких-либо теоретических притязаний.

Для структурирования анализа оно рассматривается в качестве системы, включающей международное космическое право, международное частное космическое право, а также регулирующее космическую деятельность национальное законодательство, с учетом их соотношения и взаимодействия⁹. Во-вторых, не все из упоминаемых далее факторов, включая правовые, иных объектов анализа детально раскрыты в теоретическом ракурсе. Они рассматриваются, прежде всего, с фактической стороны в качестве элементов, анализ взаимодействия которых лежит в основе комплексной оценки перспектив развития «космического права». Основная задача - построение *актуальной отраслевой системы координат* для: - концептуального анализа с выявлением взаимосвязей и определением вариантов правового развития в настоящем исследовании; - предметного по отдельным направлениям и вопросам в последующих, включая в продолжение ранее проведенных¹⁰. Сообразно обоснованным представляется обращение в текущей работе прежде всего к фактам и документам, в дальнейших - детальнее к доктринальным источникам.

Особенности сотрудничества/соперничества в космосе в ракурсе своевременного выявления факторов отраслевого развития.

Между сотрудничеством и соперничеством в космосе сложно провести точную грань. На определенных этапах востребованным становится потенциал преобразования одного в другое, тем более что с учетом специфики космической деятельности в масштабных проектах необходимость в сотрудничестве продолжает превалировать. Иной вопрос - актуальный пересмотр субъектов сотрудничества при сохранении основных субъектов соперничества. Этой сфере свойственна многовариантность, подтверждением чему являются и исторические примеры, в частности, в отраслевых отношениях Российской Федерации (СССР) и США, включая особенности учреждения и функционирования международных

⁷ Подр. о «Space 2.0» см.: [18, 19].

⁸ Подр. о «Space 3.0» см.: [14].

⁹ Подр. об указанном взаимодействии и соотношении на примере регулирования различных аспектов коммерческой космической деятельности см.: [21]

¹⁰ Для пояснения позиции автора по ряду таких вопросов в статье приведены ссылки на соответствующие предметные исследования.

организаций спутниковой связи [4. С. 17-27], и современные - наиболее показательный - продление участия России в эксплуатации Международной космической станции (МКС) до 2028 г. и продолжение российско-американских перекрестных полетов до 2025 г. включительно¹¹ при прекращении многих двусторонних проектов, связанных с предоставлением Россией пусковых услуг и поставкой ракетных двигателей¹².

При этом «осложненность» многовариантностью и наличие трансформационного потенциала не означают, что тенденции соперничества/сотрудничества в конкретной точке развития отраслевых отношений нецелесообразно анализировать с целью определения наиболее эффективных перспективных стратегических, экономических, технологических и сообразно правовых механизмов и подходов. Научно-практическую значимость их исследования способно повысить своевременное выявление факторов фундаментального воздействия на отраслевое развитие.

Так, например, основные черты современного сочетания сотрудничества и противостояния (в политической форме выражения) с обоюдными экономическими последствиями¹³ для задействованных государств и контуры его трансформационного потенциала были обозначены десять лет назад. Представленные тогда выводы по управлению отраслевыми рисками, в том числе о необходимости создания независимых систем в различных отраслях экономики и науки, включая космонавтику, для стабильного развития суверенных государств и, соответственно, заинтересованных во взаимовыгодных партнерских отношениях других государств [4. С. 26-27, 29] (что не исключает эко-

номическую целесообразность сохранения международного сотрудничества, структура которого и будет сообразно отражать степень самостоятельности каждого из субъектов) актуальность сохранили и соотносятся с концепцией независимости и конкурентоспособности государства согласно принятой в 2024 г. Стратегии научно-технологического развития России¹⁴. Это весьма простой частный пример в подтверждение тезиса о практическом значении своевременного выявления значимых факторов. Отраслевые отношения объективно многогранны с характерным внутриструктурным взаимодействием и взаимовлиянием элементов различного характера и уровня, сообразные черты свойственны и их правовому преломлению. По этой причине в фокусе анализа - именно системное развитие «космического права».

Факторы развития космического права в призме актуальных тенденций сотрудничества/соперничества в космосе.

На современном этапе в качестве значимых факторов, подлежащих учету при определении возможных векторов дальнейшего системного развития «космического права», являются, прежде всего, международно-правовые и национально-правовые подходы, лежащие в основе двух альтернативных по субъектному составу блоков сотрудничества и *de facto* соперничества между собой по освоению Луны и дальнего космоса.

С одной стороны – это сотрудничество Китая и России по созданию Международной лунной научной станции (МНЛС)¹⁵, formalизованное в декабре 2022 г. подписанием предметного межправительственного соглашения¹⁶. В 2023 г. участниками проек-

¹¹ Итоги российской космонавтики в 2023 году. URL: <https://www.roscosmos.ru/40091/> (дата обращения 26.02.2024).

¹² Интервью Ю. А. Борисова «Россия 24». 26 декабря 2023 г. С мин. 1:00 и далее. URL: <https://smotrim.ru/video/2736414> (дата обращения: 27.02.2024).

¹³ Об отраслевых экономических последствиях политических решений после 2022 г. см., например: [6.]; Araujo U. Western tensions with Russia and China extend to outer space. 19.07.2022. URL: <https://infobrics.org/post/36195> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации". Пп. 4(г) 4 (д). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁵ В июне 2021 г. состоялась совместная сессия Госкорпорации «Роскосмос» и Китайской национальной космической администрации (КНКА), посвящённая презентации Дорожной карты по созданию МНЛС. URL: <https://www.roscosmos.ru/22888/> (дата обращения: 27.02.2024);

International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. Date: 2021-06-16. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁶ Россия и Китай подписали соглашение о работах по изучению Луны/МИА «Россия сегодня». - 21.12.2022 г. URL: <https://ria.ru/20221221/luna-1840178767.html> (дата обращения: 27.02.2024).

та стали еще шесть государств¹⁷, подписано совместное заявление Китая и Азиатско-тихоокеанской организации космического сотрудничества (АТОКС)¹⁸ по строительству и функционированию МНЛС и принято решение о создании организации сотрудничества по станции¹⁹. Обновленный проект программы на период до 2040 г. был представлен Лабораторией по исследованию дальнего космоса Китайской национальной космической администрации (КНКА) в мае 2023 г.²⁰ к шестьдесят-шестой сессии Комитета ООН по космосу. Особенностью формирующейся системы участия в проекте МНЛС является то, что оно не ограничено исключительно межправительственным взаимодействием. Последовательно развивается международное сотрудничество в иных форматах: - с межправительственными организациями (в частности, с АТОКС); с неправительственными субъектами ряда иностранных государств, в том числе в случае, когда прямому межгосударственному сотрудничеству препятствует одновременное участие в альтернативном проекте. Так, неправительственный формат стал вариантом проектного взаимодействия с ОАЭ. Ранее запланированному предметному межправительственному сотрудничеству с Китаем воспрепятствовало участие Эмиратов в альтернативном инициированном США проекте, что привело

к применимости американского законодательства об экспортных ограничениях в отношении передачи технологий в Китай²¹. Посредством изменения уровня взаимодействия *de facto* китайско-эмиратское сотрудничество было сохранено: в ноябре 2023 г. Лаборатория КНКА, Университет Шарджи, ОАЭ, а также Бюраканская астрофизическая обсерватория им. В. Амбарцумяна, Армения, заключили Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству по МНЛС²². Гибкая последовательно расширяющаяся система взаимодействия по проекту МНЛС продолжает формироваться.

С другой стороны – это американская программа «Артемида» с планируемым «возвращением астронавтов на Луну» и исследованием дальнего космоса²³, начало которой было положено испытательным запуском космического беспилотного аппарата на Луну в конце 2022 г.²⁴ Правовую основу этого проекта составляет серия инициированных США двусторонних Соглашений «Артемида» о принципах сотрудничества в гражданском исследовании и использовании Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях, открытых для подписания 13 октября 2020 г.²⁵. По состоянию на начало марта 2024 г. Соглашения заключены между НАСА²⁶ и уполномоченными представителями тридцати пяти государств-пар-

¹⁷ Азербайджан, Беларусь, Венесуэла, Египет, Пакистан, Южная Африка. (на официальном сайте КНКА пока нет единого, обновляемого раздела о государствах-участниках МНЛС, некоторые данные получены из иных профильных новостных источников, перечисление которых не представляется рациональным).

¹⁸ Государства-участники АТОКС: Бангладеш, Иран, Китай, Монголия, Таиланд, Турция, Пакистан, Перу. URL: http://www.apsco.int/html/comp1/channel/Member_States/25.shtml (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁹ ILRS: Next Frontier. Source: 科技日报 . 2023-05-11. Author: 卢子建. URL: <http://www.stdaily.com/English/WorldNews/202305/2e5aa440a336466f89563e9e1a981af9.shtml> (дата обращения: 27.02.2024).

²⁰ International Lunar Research Station (ILRS). Deep Space Laboratory of CNSA. 05.2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2023/TPs/ILRS_presentation20230529_.pdf (дата обращения: 27.02.2024).
Лаборатория была учреждена в середине 2022 г. КНКА совместно с Китайским университетом науки и технологий, штаб-квартира в г. Хэфэй, провинция Аньхой, КНР. URL: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202206/14/content_WS62a847bfc6d02e533532c23b.html (дата обращения: 27.02.2024).

²¹ Jones A. China loses UAE as partner for Chang'e-7 lunar south pole mission. March 24, 2023. URL: <https://space-news.com/china-loses-uae-as-partner-for-change-7-lunar-south-pole-mission/> (дата обращения: 27.02.2024).

²² Sultan bin Ahmed attends UoS and research institutes MOU signing. Nov. 15, 2023. URL: <https://www.sharjah24.ae/en/Articles/2023/11/15/Sultan-bin-Ahmed-attends-UoS-and-research-institutes-MOU-signing> (дата обращения: 27.02.2024).

²³ NASA Artemis Program. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis/> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁴ Artemis I. URL: <https://www.nasa.gov/mission/artemis-i/> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁵ The Artemis Accords (Principles for Cooperation in Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes). URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁶ NASA (National Aeronautics and Space Administration) - Национальное управление по аeronавтике и исследованию космического пространства - независимое агентство федерального правительства США в прямом подчинении президента США.

тнеров²⁷. Американская программа также включает сотрудничество с Европейским космическим агентством, Канадским космическим агентством и Японским агентством аэрокосмических исследований по будущей окололунной станции «Gateway»²⁸.

Заявленный статус Соглашений «Артемида» как «политическая приверженность» содержащимся в нем принципам²⁹ (раздел 1) отличается от основы межгосударственного сотрудничества по проекту МНЛС – межправительственных соглашений. В этом контексте интересны дополнительные разъяснения представителя профильного подразделения Государственного департамента США: «Соглашения представляют собой политическую приверженность высокого уровня, они не являются международным договором или двусторонним межправительственным соглашением с Соединенными Штатами»³⁰. Этот статус косвенно подтверждается и в п. 2 раздела 13, согласно которому депозитарий Соглашений - США обязуются передать их копию, не подлежащую регистрации согласно ст. 102 Устава ООН³¹, Генеральному секретарю ООН для распространения в качестве официального документа ООН. В контексте заявленного отсутствия обязательного характера следует отметить, что согласно разделу 2 Соглашений все документы, например, меморандумы о взаимопонимании, которые будут заключены партнерами в рамках дальнейшей совместной деятельности, должны включать положения, ссылающиеся на Соглашения и имплементирующие принципы ими уста-

новленные. Таким образом, система принципов, позиционируемых в качестве рекомендательных, по существу нацелена на их распространение в качестве обязательных среди стремительно расширяющего круга государств-партнеров. Такой «инновационный» подход вряд ли подлежит международно-правовой квалификации, в большей степени он затрагивает политические вопросы.

В контексте вопроса о субъектных «пересечениях» двух альтернативных проектов следует учитывать и тот факт, что ряд государств-партнеров американской инициативы, а именно Бразилия, Индия, ОАЭ и ЮАР являются членами БРИКС, сотрудничество в рамках которой начинает распространяться и на область космической деятельности. Так, в 2022 г. был учрежден Совместный комитет БРИКС по космическому сотрудничеству в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) стран БРИКС от 18 августа 2021 г.³², в августе 2023 г. премьер-министр Индии Н. Моди выступил на пятнадцатом саммите организации с предложением о создании Консорциума БРИКС по исследованию космического пространства³³.

Выбор двух альтернативных блоков сотрудничества (и соответственно соперничества между собой) для целей исследования перспектив развития «космического права» обусловлен сообразной квалификацией лежащих в их основе правовых подходов (значительно отличающихся друг от друга, но

²⁷ Австралия, Ангола, Аргентина, Бахрейн, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Израиль, Индия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Колумбия, Люксембург, Мексика, Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Объединенные Арабские Эмираты, Польша, Руанда, Румыния, Саудовская Аравия, Сингапур, Франция, Чехия, Украина, Уругвай, Эквадор, Южная Корея, Япония. Актуальный статус представлен на графике в конце страницы URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁸ Gateway International Partners. URL: <https://www.nasa.gov/gateway/international-partners/> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁹ Принципы Соглашений можно разделить на следующие четыре категории: -а) согласующиеся и предметно развивающие принципы и нормы действующего международного космического права (разделы 3, 4, 6-8, 12); б) технического характера: (раздел 5); в) инновационного характера с целью распространения национально-законодательного подхода, но не имеющие столь острого характера в международно-правовом контексте (9); г) относящиеся к правовому режиму эксплуатации космических ресурсов (разделы 10, 11). URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

³⁰ The Artemis Accords: Past, Present, and Future. December 12, 2022. URL: [³¹ Ст. 102 Устава ООН предусматривают регистрацию всех международных договоров, заключенных членами Организации.](https://swfound.org/events/2022/the-artemis-accords-past-present-and-future. - С 51-ой минуты записи. (дата обращения: 11 марта 2024 г.).</p>
</div>
<div data-bbox=)

³² О сотрудничестве БРИКС в космосе. URL: <https://www.roscosmos.ru/37809/> (дата обращения: 05.03.2024).

³³ N. Modi Prime Minister's participation in the 15th BRICS Summit. August 23, 2023. URL: <https://www.narendramodi.in/prime-minister-narendra-modi-s-participation-in-the-15th-brics-summit-573183> (дата обращения: 05.03.2024).

не лишенных и совпадающих элементов). Во-первых, в рамках каждого блока можно констатировать согласованность позиций государств-участников по ряду неурегулированных вопросов международного космического права (МКП). Этот аспект сохраняет свое значение с учетом того, что космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, является объектом непосредственного регулирования МКП, подпадает под действие концепции «обязательной многосторонности» [13. Р. 281]. Во-вторых, в контексте правового регулирования неправительственной деятельности в космосе если и прежде временно говорить о гармонизации национального законодательства участников двух альтернативных блоков, можно констатировать сближение позиций, выражающееся, в частности, в принятии законов, аналогичных более развитому отраслевому нормативному регулированию лидирующих в соответствующем блоке государств (наиболее яркий пример - США, подхад которых был воспринят рядом государств-партнеров Соглашений «Артемида». В-третьих, два блока сотрудничества характеризуются опосредованным субъектным совпадением, что наряду с другими аспектами целесообразно учитывать при разработке действенных механизмов дальнейшего развития «космического права» на согласованной единой основе. В этой связи следует предостеречь от отношения к возможности нахождения единой основы как к утопичной идее в условиях современных глобальных трансформационных процессов. Наоборот, с прагматической точки зрения это обусловленное константной спецификой деятельности в космическом пространстве *conditio sine qua non*, в отсутствие которого хаотичное, а в абсолютном выражении - потенциально конфликтное освоение небесных тел будет по существу лишено какой-либо экономической целесообразности.

Для отображения целостной картины системы правовых координат соответствующие международно-правовые и национально-правовые подходы в основе двух альтернативных блоков сотрудничества проанализированы после обозначения основных ак-

туальных вопросов системы «космического права».

Некоторые актуальные вопросы «космического права».

В настоящее время не все из актуальных вопросов системы «космического права» являются объектом приоритетного регулирования в рамках альтернативных блоков сотрудничества. Основные причины этого имеют различный характер, включая выбор на основе превалирующих политических и экономических задач и интересов, а также меньшее внимание к тем вопросам, которые будучи в течение длительного времени неурегулированными на практике пока глобально не осложнили исследование и использование космоса. *De facto* при их актуализации они решались в специальном порядке в каждом конкретном случае, то есть не на основе единого подхода, естественно способного обеспечить большую отраслевую стабильность и соответственно развитие. В качестве примеров таких решений можно привести: - в отсутствие специализированной комплексной системы разрешения споров в МКП практику включения оговорок о взаимном отказе от требований об ответственности в большинство отраслевых международных договоров и контрактов наряду с использованием института страхования рисков космической деятельности для целей обеспечения реализации соответствующих проектов и фактического управления рисками возникновения отраслевых споров; - в отсутствие специальных коллизионных привязок указание применимого права в каждом конкретном договоре, регулирующем связанные с космической деятельностью отношения, осложненные «иностранным элементом»; - в отсутствие специального режима прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные в космическом пространстве, проектное регулирование, как, например, это предусмотрено в ст. 21-ой Межправительственного соглашения по МКС 1998 г.³⁴

В то же время с учетом того, что сейчас впервые за долгое время происходят значительные изменения в отраслевых право-

³⁴ Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств - членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения 1998 г. Ратифицировано Федеральным законом РФ N 164-ФЗ от 29 декабря 2000 г. Ратифицировано Федеральным законом РФ N 164-ФЗ от 29 декабря 2000 года.

вых процессах, рациональным представляется рассмотрение вероятности того, что решение приоритетных задач приведет к обновленной вызванной прагматическими потребностями актуализации ряда других неурегулированных до сих пор разноуровневых вопросов системы «космического права». Так, например, растет количество государств, признающих экономическую целесообразность непосредственного вовлечения неправительственных юридических лиц в национальные космические проекты, что соответственно стимулирует и развитие национально-правовой основы такой деятельности.

Представляется, что одним из необходимых условий комплексной оценки перспектив развития системы «космического права» в призме современных тенденций сотрудничества/соперничества в космосе является осмысление всей совокупности разноуровневых актуальных вопросов, то есть не только очевидно приоритетных направлений.

Соответствующие примеры согласно предмету и объекту всех элементов системы «космического права» перечислены далее.

В рамках международного космического права (МКП) требуется договорное регулирование следующих как классических, так и относительно новых вопросов: делимитация воздушного и космического пространств; определение понятий «космическая деятельность», «космический объект», «небесное тело»; определение точных границ толкования понятия «в мирных целях», включая вопросы предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве; целесообразность расширения толкования понятия «запускающее государство»; предупреждение образования космического мусора; согласование специального международно-правового режима космических ресурсов³⁵; разработка полноценной специальной системы разрешения связанных с космической деятельностью споров³⁶ и др.

В международном частном космическом праве (МЧКП) как совокупности материальных и коллизионных принципов и норм, регу-

лирующих связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложненные «иностранным элементом»³⁷: ответственность субъектов МЧКП; страхование рисков космической деятельности; правовой статус космических туристов; создание специальных коллизионных норм на основе толкования соответствующих принципов и норм МКП; применение обеспечительных гарантий при передаче прав на космические объекты в контексте стимулирования финансирования отраслевых коммерческих проектов³⁸; разрешение связанных с космической деятельностью споров между субъектами МЧКП³⁹ и др.

В национальном законодательстве (НКЗ) - все открытые отраслевые вопросы, регулирование которых отвечает двум необходимым условиям: а) соответствие международным обязательствам государств согласно применимым принципам и нормам МКП; б) отсутствие оснований для квалификации регулирования таковых в качестве одностороннего толкования положений международных договоров. При этом в призме современных тенденций актуализация соответствующих правовых вопросов и их регламентация в меньшей мере зависит от научно-технологического потенциала государства и в большей от степени вовлеченности в глобальные экономические проекты и политические процессы. Так, в Китае отраслевое национально-правовое регулирование развито значительно меньше, чем, например, с одной стороны, в России, с другой, - в Люксембурге, ОАЭ или Японии. И если в сравнении с Россией причины различий заложены в основе национальных правовых традиций и подходов, то второй пример с тремя государствами показателен еще и в контексте другой современной характеристики НКЗ. Она проявляется в том, что акты трех государств регулируют перспективные направления космической деятельности (в случае указанных государств - по использованию природных ресурсов небесных тел) в отсутствие специального международно-

³⁵ Позиция автора по этим вопросам отражена в призме актуального толкования положений Договора по космосу 1967 г. в статье: [12.]

³⁶ Подр. см.: [10.]

³⁷ Про становление МЧКП см. подр.: [7.]. Авторский подход к становлению МЧКП включен доктором П. Янковичем в перечень новых отраслей системы «космического права» ("New branches of Space Law: an Unfinished History): [15. P. 26].

³⁸ Подр. см. [9.]

³⁹ Подр. см.: [11].

правового режима и предварительной национальной регламентации таких базовых аспектов, как отраслевое лицензирование, страхование, ответственность и экспортный контроль. Таким образом по причине вовлеченности в международные отраслевые политические и экономические процессы⁴⁰ (в данном случае - инициированные США) на обоих уровнях, и международном, и национальном, искажается требуемая по ряду вопросов МКП последовательность регулирования космической деятельности. При этом характер последствий национально-правовых нововведений, негативный (отход от «обязательной многосторонности») или положительный (стимулирование международно-правового развития) будет зависеть и от готовности других субъектов международного сообщества (в том числе являющихся участниками альтернативного блока сотрудничества) к применению эффективных в современных условиях механизмов управления международно-правовыми рисками. Это одна сторона - взаимовлияние изменений на двух уровнях регулирования.

Другая относится к специфике взаимодействия всех элементов системы «космического права». Так изменение отношений, подлежащих регулированию МЧКП, в большинстве из возможных вариаций приводит к международно-правовым и соответственно национально-правовым последствиям для задействованных государств. При переходе прав собственности на космический объект на орбите от субъекта под юрисдикцией одного государства субъекту под юрисдикцией другого международно-правовые последствия затрагивают вопросы регистрации, юрисдикции, контроля и международной ответственности⁴¹. В связи с этим следует уточнить, что характер отмеченного взаимодействия обусловлен главным образом особенностями космической деятельности и соответственно спецификой ее международно-правового регулирования. Относительно соотношения элементов системы «космического права» прежде всего необходимо под-

черкнуть превалирующий характер принципов и норм действующего МКП⁴², дальнейшее соблюдение положений которого особенно востребовано в условиях глобальных трансформационных процессов.

Международно-правовые и национально-правовые подходы в основе двух альтернативных блоков сотрудничества в космосе как факторы развития «космического права».

Значимыми факторами, которые следует учитывать в оценке перспектив и соответственно при разработке эффективных механизмов дальнейшего развития всех элементов системы «космического права», являются международно-правовые и национально-правовые подходы, лежащие в основе двух альтернативных блоков сотрудничества: Китай, Россия и другие государства по МЛНС и другим направлениям и США с партнерами по программе «Артемида».

Эти подходы обладают спецификой, включают различные элементы, при этом к ним применимы единые *критерии*, по которым целесообразно провести относительно краткий анализ. Как было отмечено в общем контексте, не все из этих элементов и критериев рассмотрены в детальном теоретическом ракурсе, основная цель - исследование вопросов факта для возможности обозначения целостной актуальной картины совокупности действующих в данной области факторов и соответственно комплексной оценки перспектив развития «космического права». По предложенным критериям соответственно фиксируются совпадение и/или расхождение двух подходов.

Первый критерий - ответственное соблюдение применимых к космической деятельности международно-правовых принципов и норм. В отношении Китая и России следует констатировать всеобъемлющую приверженность действующим отраслевым международно-правовым принципам и нормам. США с партнерами в преамбуле Соглашений «Артемида» заявляют приверженность Догово-

⁴⁰ Подр. об отражении глобальных экономических и политических процессов в системе правовых нововведений на примере взаимодействия США и Люксембурга см.: [8.].

О влиянии экономических отраслевых процессов на соответствующие правовые на примере Люксембурга см.: [5.].

⁴¹ Правовой анализ передачи прав собственности на космический объект на Луне см.: Юзбашян М. Р. Россия сохраняет юрисдикцию и контроль над «Луноходом-2» [Электронный ресурс]// МИА «Россия сегодня». — 6 сентября 2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180906/1527874952.html> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴² Подр. о взаимодействии и соотношении обозначенных элементов см.: [21.].

ру по космосу 1967 г. и другим трем из пяти договоров ООН по космосу за исключением Соглашения о Луне 1979 г.⁴³, в котором США, как и Россия, и Китай, не участвуют. *De facto* приверженность США применимым принципам и нормам требует оценки в ракурсе дополнительных специальных критериев⁴⁴, *de jure* (с учетом заявления в преамбуле Соглашений «Артемида») можно отметить совпадение двух подходов.

Второй - национальное законодательство в соответствии с международными обязательствами. В этом аспекте можно констатировать совпадение двух подходов (с учетом того, что основу регламентации в Китае составляют подзаконные акты) в части регулирования лицензирования, страхования космической деятельности, регистрации космических объектов, ответственности, экспортного контроля. Подход США с партнерами к национально-правовому регулированию отдельных вопросов специально рассмотрен в рамках третьего и шестого критериев.

Третий - одностороннее национально-правовое толкование положений Договора по космосу 1967 г. В этом вопросе прямое расхождение,

если Китай и Россия выступают против одностороннего национально-законодательного толкования положений Договора по космосу 1967 г., то инициированная США практика свидетельствует об обратном. В отсутствие специального международно-правового режима природных ресурсов небесных тел США, Люксембург, ОАЭ и Япония⁴⁵ приняли законы, содержащие национально-правовое толкование ст. II Договора⁴⁶, точнее провозглашающие права собственности субъектов под их юрисдикцией на изъятые из недр небесных тел минеральные вещества («космические ресурсы»⁴⁷ согласно национально-правовой терминологии). Этот национально-правовой подход получил развитие сначала в Указе Президента США «О поощрении международной поддержки разведки, добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г.⁴⁸ и в дальнейшем в Соглашениях «Артемида». При этом Соглашения «не во всем соответствуют применимым универсальным договорно-правовым принципам и нормам и не могут быть квалифицированы в качестве *de jure* равноценной им замены; *de facto* нали-

⁴³ С выходом из Соглашения Саудовской Аравии (участвует в Соглашениях «Артемида») осталось 17 государств-участников Соглашения о Луне 1979 г. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXIV-2&chapter=24&clang=_en (дата обращения: 11.03.2024). Участниками обоих соглашений - Соглашений «Артемида» и Соглашения о Луне, предусматривающих различные основы режима использования природных ресурсов небесных тел, остаются еще пять государств: Австралия, Бельгия, Мексика, Нидерланды, Уругвай.

⁴⁴ Подр. о возможных последствиях противоречивости позиции США, с одной стороны, заявляющих приверженность Договору по космосу, провозглашающему исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, достоянием всего человечества (договорная концепция), с другой, отказывающихся рассматривать космос как «всеобщее достояние» ("global commons") (доктринальная концепция, совпадающая по основному содержанию с указанной договорной) см.: [1. С. 17].

⁴⁵ Pub. L. 114-90 "Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015", §401, 51 U.S.C. §10101 note (2019), under which Title IV of this Act (51 U.S.C. §§51301-51303) (2019) could be cited as "Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015". URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text> (дата обращения: 11.03.2024);

Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 11.03.2024);

United Arab Emirates Federal Law No. (12) of 2019 on the Regulation of the Space Sector URL: https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/SpaceSectorFederalLaw_EN.pdf (дата обращения 11.03.2024);

Japan Act on Promotion of Business Activities Related to the Exploration and Development of Space Resources (Act No. 83 of 2021). URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2021-09-15/japan-space-resources-act-enacted/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴⁶ См. подр.[8].

⁴⁷ Термин «космические ресурсы» (вместо договорного понятия «природные ресурсы небесных тел» из Соглашения о Луне 1979 г.) используется в наименовании учрежденной в 2022 г. профильной рабочей группы Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу – Рабочая группа по правовым вопросам, связанным с космическими ресурсами. Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities. URL: [http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html](https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html) (дата обращения: 11.03.2024).

⁴⁸ Executive Order 13914 of April 6, 2020 "Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources". URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/04/10/2020-07800/encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-of-space-resources> (дата обращения: 11.03.2024).

чествуют основания для прогнозирования дальнейшего расширения круга государств-партнеров по этим соглашениям, но вряд ли в количестве, сопоставимом с уже более 110 государствами-участниками Договора по космосу 1967 г. и с более 100 государств-членами Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях» [1. С. 23].

Четвертый - инициативы в направлении предотвращения гонки вооружений в космосе.

Китай и Россия последовательно выступают за предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. В 2008 г. они представили на рассмотрение Конференции по разоружению проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК) (обновлен в 2014 г.). Многосторонние обсуждения проекта ДПРОК не состоялись в отсутствие политической воли США с союзниками. В середине 2023 г. на очередных межведомственных российско-китайских консультациях по вопросам космической безопасности государства подтвердили единство подходов, вновь подчеркнули значение скорейшего запуска переговоров по многостороннему договору на основе проекта ДПРОК, констатировали «востребованность международной инициативы/политобязательства о неразмещении первыми оружия в космосе»⁴⁹ (НПОК).

Следует отметить и одностороннее заявление США 18 апреля 2022 г. о запрете испытаний противоспутникового оружия⁵⁰, которое вряд ли может внести существенный вклад в ПГВК. Аналогичные заявления сделали более тридцати государств⁵¹, что сопоставимо с числом государств, поддержавших инициативу о НПОК.

De facto инициативы двух международных блоков ни предметно, ни по вкладу в ПГВК не пересекаются. По этим вопросам следует констатировать расхождение подходов России и Китая, с одной стороны, и США с государствами-партнерами, – с другой.

Пятый - признание Комитета ООН по космосу в качестве основного форума по вопросам, составляющим неотъемлемые объект и предмет МКП.

Со стороны Китая и России - полное признание роли Комитета ООН по космосу. В преамбуле Соглашений «Артемида» в дополнение к признанию роли Комитета про-возглашено намерение США с партнерами внести вклад в его деятельность на основе собственного подхода, одной из основных черт которого является отход от требуемого универсального регулирования вопросов, составляющих неотъемлемые объект и предмет МКП. По этому критерию два подхода концептуально не совпадают.

Шестой - национально-правовое регулирование отношений субъектов коммерческой космической деятельности, в том числе осложненных «иностранным элементом».

В национальном праве Китая и России отсутствует комплексное регулирование отношений субъектов МЧКП. Известны лишь отдельные примеры, в частности, ст. 1207 ГК РФ⁵², учитывающая положение ст. VIII Договора по космосу 1967 г. при определении права, подлежащего применению к вещным правам на космические объекты. Напротив, в США развитое регулирование связанных с космической деятельностью имущественных и личных неимущественных отношений, в том числе осложненных «иностранным элементом». В качестве примеров можно привести провозглашение квазитерриториального действия патентного права

⁴⁹ О российско-китайских консультациях по вопросам космической безопасности. 29.06.2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/predotvraschenie_gonki_vooruzheniy_v_kosmose/1894504/ (дата обращения: 11.03.2024).

⁵⁰ The White House. Fact sheet: Vice President Harris Advances National Security Norms in Space April 18, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/18/fact-sheet-vice-president-harris-advances-national-security-norms-in-space/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁵¹ Hitchens T. EU embraces Biden administration's limited ASAT test ban as UN meeting looms. August 17, 2023 URL: https://breakingdefense.com/2023/08/eu-embraces-biden-administrations-limited-asat-test-ban-as-un-meeting-looms/?_ga=2.195235499.680349335.1691846985-92607216.1367878318 (дата обращения: 11.03.2024).

⁵² ГК РФ Статья 1207. Право, подлежащее применению к вещным правам на суда и космические объекты. «Право собственности и иные вещные права на <...> космические объекты, подлежащие государственной регистрации, определяются по праву страны, где эти объекты зарегистрированы.» (это положение, направленное на обеспечение защиты прав субъектов различных сделок с космическими объектами и соответственно создание условий правовой определенности, можно отнести к категории «регулирования на перспективу», пока не имеющего существенного экономического измерения).

США⁵³, определение правового статуса космических туристов посредством включения их в категорию «участников космического полета»⁵⁴, а также множество иных аспектов в рамках развитой национально-правовой основы коммерческой космической деятельности (с учетом того, что вопросы, соответствующие третьему критерию, исключаются из рассматриваемой группы).

Представляется, что учет выявленных соппадений и отличий будет способствовать приближению прогнозных оценок перспектив развития «космического права» к реальному развитию событий.

Потенциальные последствия соперничества Китай-Россия/США с партнерами в контексте перспектив развития «космического права».

Потенциальные последствия соперничества между Китаем и Россией, с одной стороны, и США с партнерами, – с другой, предметно проанализированы в призме перспектив развития составляющих системы «космического права».

В контексте международного космического права (МКП) соперничество может альтернативно способствовать: - «балансированию» соблюдения международных обязательств по МКП, возможности продвижения инициатив в направлении ПГВК, согласования требуемых специальных универсальных международно-правовых режимов (например, по космическим ресурсам, по созданию полноценной системы разрешения споров); либо, напротив, - повышению опасности дальнейшего отклонения от универсального подхода, развитию правовых основ региональных и двусторонних систем не в соответствии, а вопреки применимым многосторонним договорам.

Потенциальные последствия соперничества в контексте международного частного космического права (МЧКП) следует рассматривать отдельно по двум блокам сотрудничества. Партнеры по программе «Артемида» продолжат дальнейшее развитие отраслевых национально-правовых норм и продвижение позиции об отсутствии необходимости в специальных международных договорах - источниках МЧКП. Для Китая и России, а также возможных партнеров, последствия соперничества и непосредственно его процесс могут стать стимулом к переосмыслению, в том числе с учетом экономических и технологических факторов, целесообразности участия частных субъектов⁵⁵ в национальных космических программах, и соответственно, необходимости разработки специального правового регулирования отношений, в том числе осложненных «иностранным элементом», на национальном и международно-правовом уровнях.

Непосредственно на уровне национального законодательства вряд ли можно прогнозировать значительные сущностные изменения в результате соперничества. Китай и Россия продолжат развитие национально-правовой основы космической деятельности в соответствии с международными обязательствами. Государства-партнеры по программе «Артемида» продолжат разработку специальных норм, при этом высока вероятность дальнейшего принятия законов по вопросам, подлежащим первичному регулированию в рамках МКП, включая новые (как по субъектам принятия, так и по существу) законодательные акты. Применительно к последнему из рассмотренных аспектов альтернативный вариант возможен в том случае, если соперничество приведет к «балансированию» соблюдения международных обязательств.

⁵³ Public Law 101-580, §1(a), Nov. 15, 1990. An Act To amend title 35, United States Code with respect to the use of inventions in outer space. 35 U.S.C. § 105. URL: <https://www.congress.gov/101/statute/STATUTE-104/STATUTE-104-Pg2863.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

⁵⁴ Public Law 108-49, Dec. 23, 2004 (Commercial Space Launch Amendments Act of 2004). An Act to promote the development of the emerging commercial human space flight industry, and for other purposes. URL: <https://www.congress.gov/101/statute/STATUTE-104/STATUTE-104-Pg2863.pdf> (дата обращения: 11.03.2024). «Space flight participant» means an individual, who is not crew or a government astronaut, carried within a launch vehicle or reentry vehicle» (51 USC § 50902(20)). «Участник космического полета» означает лицо, не относящееся к экипажу или не являющееся правительственным астронавтом, на борту запускаемого или возвращаемого аппарата».

⁵⁵ Подр. про отраслевые изменения в обозначенном контексте - в Китае см.: Private players make their mark with space missions. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c10466140/content.html> (дата обращения: 11.03.2024); - в России см.: Интервью Ю. А. Борисова «Россия 24». 26 декабря 2023 г. URL: <https://smotrim.ru/video/2736414> (дата обращения: 11.03.2024).

Заключение

Принятая в 2024 г. Стратегия научно-технологического развития России⁵⁶ рассматривает «совершенствование системы научно-технологического прогнозирования и предиктивной аналитики, учитывающей возможные сценарии развития социальных, экономических и политических процессов, имеющиеся и прогнозируемые большие вызовы» в качестве одного из способов «формирования эффективной системы управления в области науки, технологий и производства и осуществления инвестиций в эту область» (п.31(б)).

В результате всестороннего предметного анализа (в том числе, в обозначенном в Стратегии 2024 г. контексте) космической отрасли, специфичной во всех аспектах, технологических, экономических, политических и правовых, установлено, что: 1) совокупность действующих факторов, тенденций и процессов целесообразно рассматривать в качестве составляющих отраслевой системы координат; 2) своевременное выявление факторов фундаментального воздействия на отраслевое развитие значительно снижает или полностью нивелирует негативное влияние свойственных соперничеству/сотрудничеству в космосе «многовариантности» и трансформационного потенциала на результативность отраслевого прогнозирования; 3) факторы фундаментального воздействия на развитие системы «космического права» заложены в международно-правовых и национально-правовых подходах в основе двух современных альтернативных блоков сотрудничества; 4) необходимость определения единой основы отличающихся правовых (а также других отраслевых) подходов обоснована экономической целесообразностью; 5) Определены условия/критерии выявления факторов фундаментального воздействия на развитие системы «космическо-

го права». 6) Обоснована целесообразность рассмотрения совокупности актуальных вопросов «космического права» в качестве составляющих системы правовых координат; 7) Выявлено, что решение приоритетных задач приводит к обновленной вызванной прагматическими потребностями актуализации ряда других неурегулированных до сих пор разноуровневых вопросов системы «космического права»; Установлено, что: 8) в призме современных тенденций актуализация отраслевых правовых вопросов и их регламентация в меньшей мере зависит от научно-технологического потенциала соответствующего государства и в большей от степени вовлеченности в глобальные экономические проекты и политические процессы; 9) учет выявленных на основе специальных критериев совпадений и отличий международно-правовых и национально-правовых подходов в основе альтернативных блоков будет способствовать приближению прогнозных оценок перспектив развития «космического права» к реальному развертыванию событий.

В качестве концептуальных основ управления отраслевыми рисками целесообразно рассматривать создание условий (прежде всего экономического, технологического и стратегического характера): 1) преобразования «общего знаменателя» международно-правовых и национально-правовых подходов двух блоков в готовность соперничающих государств к согласованию позиций относительно дополнительного универсального договорного регулирования вопросов, составляющих предмет МКП; 2) того, чтобы соперничество привело к «балансированнию» соблюдения международных обязательств, комплексному развитию элементов системы «космического права»⁵⁷.

Предметные исследования по отдельным направлениям будут продолжены.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М., Алексеев М. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? // Международные процессы. 2023. 21(3). С. 6-30.

⁵⁶ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1> (дата обращения: 11.03.2024).

⁵⁷ В том числе тех элементов, которые способны обеспечить правовые условия роста конкурентоспособности государства.

2. Колосов, Ю.М. Борьба за мирный космос. 2-е изд. стереотипное. М., 2014.
3. Колосов Ю.М. Освоение космического пространства (Глава VIII) / Глобальные проблемы современности // Ред. Иноземцев Н.Н. (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР). М., 1981.
4. Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 17-27.
5. Попова С.М. Влияние потребностей развития космической экономики на правовое регулирование (на примере инициативы Люксембурга SpaceResources.lu) // Исследования космоса. 2019. № 2. С. 32-46.
6. Уваров В.Б. Космические развлечения санкционной политики. 25.04.2022 г. // Россия в глобальной политике. Аналитика. Мнения. URL: <https://globalaffairs.ru>.
7. Юзбашян М.Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2009.
8. Юзбашян М.Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. 2017. № 106(2). С. 71-86.
9. Юзбашян М.Р. Новеллы Кейптаунской конвенции 2001 г. и Космического протокола 2012 г. в контексте международно-правового регулирования космической деятельности // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9 (112). С. 38-41.
10. Юзбашян М.Р. Актуальные международно-правовые вопросы разрешения споров в области космической деятельности // Право и управление. XXI век. № 2(47). 2018. С. 48-59.
11. Юзбашян М. Разрешение споров в области космической деятельности: основы, особенности, перспективы // Журнал Arbitration.ru. № 26, март-апрель 2021 г. С. 36–41. URL: <https://journal.arbitration.ru>.
12. Berkman P. A., Vylegzhannin A. N., Yuzbashyan M. R., Mauduit J.-C. Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives // Moscow Journal of International Law. 2018. № 106(1). P. 16-34.
13. Criddle E. J., Fox-Decent E., Mandatory Multilateralism // American Journal of International Law. April 2019. Vol. 113. Issue 2. P. 272-325.
14. Davis M. Towards Space 3.0, 14 Nov. 2019 // ASPI. The Strategist. URL: <https://www.aspistrategist.org.au>.
15. Jankowitsch P. The Background and History of Space Law // Handbook of Space Law. Ed. by Frans von der Dunk with Fabio Tronchetti. Cheltenham & Northampton: Edward. Elgar Publishing. 2015.
16. Kolosov Y.M. Overview of the International Law-making Process and the Role of the International Law Commission // Making Better International Law: The International Law Commission at 50: Proceedings of the United Nations Colloquium on Progressive Development and Codification of International Law. New York, United Nations. 1998.
17. Paikowsky D. The Power of the Space Club. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2017.
18. Pelton, J.N. Space 2.0: Revolutionary Advances in the Space Industry. 1st ed. Springer. 2019.
19. Pyle R. Space 2.0: How Private Spaceflight, a Resurgent NASA, and International Partners Are Creating a New Space Age. Dallas, TX: BenBella Books, Inc. 2019.
20. Waters M. Small States in Space: Space Club Relevancy and National Interest Influence/ Journal of Indo-Pacific Affairs. 2023. Vol. 6. Issue 4. P. 13-47.
21. Yuzbashyan M. Interaction Between Diverse Sources of Law applicable to Legal Challenges caused by Commercial Space Activities // Vol. 14. 63rd International Astronautical Congress 2012, IAC 2012. P. 11446-11455.

TOPICAL TRENDS IN OUTER SPACE COOPERATION/COMPETITION AND PERSPECTIVES ON SPACE LAW

Introduction. Immanent in all history of space activities cooperation and/or competition are currently subject to significant changes. The most meaningful by impact on activity, its forms, subject content and other features, as well as on relevant international legal and national legal framework including perspectives on their development, are the two emerging international partnerships: China and Russia, primarily on the International Lunar Research Station, as well as with other cooperating states; and the United States with partners on the Artemis Program.

Materials and methods. Materials – selected by criterion of fundamental impact on the 'space law' development examples of international legal and national legal acts underpinning one of the alternative competing international partnerships on the exploration of the Moon and deep space. Methodology includes analysis, synthesis, analogy, as well as combination of comparative law with systematic methods, and modelling with forecasting.

Results. It is justified that: 1) it is reasonable to consider the combination of relevant current factors, trends, and processes (including political, economic,

and technological) as the components of the branch-specific coordinate system; 2) timely identification of factors with significant impact on the industry development significantly reduces, or absolutely offsets the negative impact of transformational potential of cooperation/competition in outer space on the efficiency of the industry-related forecasting; 3) factors of fundamental impact on the development of the "space law" system are found in the international legal and national legal approaches behind the two alternative international partnerships; 4) the necessity to determine common basis for diverging legal (and other branch-specific) approaches is grounded on economic feasibility; 5) The conditions/criteria of determination of factors of fundamental impact on the system of 'space law' are developed; 6) The feasibility of consideration of the combination of challenging issues of space law as the components of the branch specific legal coordinate system is confirmed; 7) It is revealed that meeting priority issues leads to an updated actualization of other unsettled issues of diverse-level within the system of 'space law'; It is justified that: 8) under actual trends actualization of branch-specific legal issues and their regulation

is less dependent on relevant state's technological potential and more on inclusion in global economic projects and political processes; 9) consideration of matches and differences under specific criteria between international legal and national legal approaches behind the two alternative international partnerships would bring forecasting on perspectives on 'space law' closer to real development.

Discussion and conclusion. It is reasonable to consider as conceptual foundations for branch-specific risk management the creation of conditions (primarily of economic, technological and strategic character): for transformation of 'common denominator' of international legal and national legal approaches of the two international partnerships to the willingness of competing states to harmonize their positions on additional multilateral treaty regulation of issues subject to international space law; as well as for that competition leads to 'balancing' of commitment to international obligations, and inclusive development of diverse elements of the 'space law' system.

Mariam R. Yuzbashyan,
Candidate of Science (Law)

Ключевые слова:

соперничество; сотрудничество; космическая деятельность; КНР; РФ; США; Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях; международное космическое право (МКП); международное частное космическое право (МЧКП); регулирующее космическую деятельность национальное законодательство; Международная лунная научная станция (МЛНС); Соглашение «Артемида»; «управление рисками» в области космической деятельности и права

Keywords:

competition; cooperation; space activity; China; Russia; the United States; UN Committee of the peaceful uses of outer space; international space law (ISL); private international space law (PISL); national space legislation; International Lunar Research Station; Artemis Accords; risk management in the field of space activity and law

References:

1. Vylezhanin A. N., Yuzbashyan M., Alekseev M., 2023. Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SSHA: priglashenie k utochneniyu statusa prirodnyh resursov nebesnyh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America: An Invitation to Clarify the Status of the Natural Resources of Celestial Bodies or a Challenge for the Majority of States?]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]*. 21(3). P. 6-30.
2. Kolosov Yu.M., 2014. Bor'ba za mirnyj kosmos [Struggle for Peaceful Outer Space]. 2nd ed., ster. Moscow.
3. Kolosov Yu.M., 1981. Osvoenie kosmicheskogo prostranstva (Glava VIII) [Exploration of Outer Space]. In: Inozemtsev N.N. (ed.) *Global'nye problemy sovremennosti [Global Challenges of Modernity]*. Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij AN SSSR [Research Institute of World Economy and International Relations of the Academy of Sciences of the Soviet Union]. Moscow.
4. Kolosov Yu.M., Yuzbashyan M.R., 2015. Vklad rossiiskoi (sovetskoi) yurisprudentsii v stanovlenie i razvitiye mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [Contribution of Russian (Soviet) Jurisprudence to Formation and Development of International Space Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2(98). P. 17-27.
5. Popova S.M., 2019. Vliyanie potrebnostej razvitiya kosmicheskoy ekonomiki na pravovoe regulirovaniye (na primere initiativ Lyuksemburga SpaceResources.lu) [Impact of Needs of Space Economy Development on the Legal Regulation (a case study of the Luxembourg initiative SpaceResources.lu)]. *Issledovaniya kosmosa [Space Research]*. № 2. P. 32-46.

6. Uvarov V.B. 2022. Kosmicheskie razvilkii sankcionnoi politiki [The Outer Space Diverging Pathways of the Sanctions Policy]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. Analytics. Opinions. URL: <https://globalaffairs.ru>.
7. Yuzbashyan M.R., 2009. Mezhdunarodno-pravovye osnovy resheniya ekonomicheskikh problem ispol'zovaniya kosmosa: diss. kand. yurid. Nauk: 12.00.10. [International legal framework for solving economic problems of the outer space use: candidate of juridical sciences dissertation: 12.00.10.]. Moscow.
8. Yuzbashyan M.R., 2017. Zakon SSHA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskikh resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe parvo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 106(2). P. 71-86.
9. Yuzbashyan M.R., 2017. Novelly Kejptaunskoj konvencii 2001 g. i Kosmicheskogo protokola 2012 g. v kontekste mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya kosmicheskoy deyatel'nosti [Novelties of the 2001 Capetown Convention and the 2012 Space Protocol in the context of International Legal Regulation of Space Activities]. *Evraziskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. № 9 (112). P. 38-41.
10. Yuzbashyan M.R., 2018. Aktual'nye mezhdunarodno-pravovye voprosy razresheniya sporov v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti [Urgent International Legal Issues of Dispute Settlement in the Field of Space Activities]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2(47). P. 48-59.
11. Yuzbashyan M.R., 2021. Razreshenie sporov v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti: osnovy, osobennosti, perspektivy. [Dispute Settlement in the Field of Space Activities: Fundamentals, Specific Features and Perspectives]. *Arbitration.ru*. № 26. P. 36-41.
12. Berkman P.A., Vylegzhannin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J.-C., 2018. Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives. *Moscow Journal of International Law*. 2018. № 106(1). P. 16-34.
13. Criddle E.J., Fox-Decent E., 2019. Mandatory Multilateralism. *American Journal of International Law*. Vol. 113. Issue 2. P. 272-325.
14. Davis M., 2019. Towards Space 3.0, 14 Nov. 2019. ASPI. *The Strategist*. URL: <https://www.aspistrategist.org.au>.
15. Jankowitsch P., 2015. The Background and History of Space Law. In F. von der Dunk with F. Tronchetti (ed.) *Handbook of Space Law*. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing. 2015.
16. Kolosov Y.M., 1998. Overview of the International Law-making Process and the Role of the International Law Commission, in: Making Better International Law: The International Law Commission at 50: Proceedings of the United Nations Colloquium on Progressive Development and Codification of International Law. New York, United Nations.
17. Paikowsky D., 2017. The Power of the Space Club. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2017.
18. Pelton, J. N., 2019. Space 2.0: Revolutionary Advances in the Space Industry. 1st ed. Springer.
19. Pyle R., 2019. Space 2.0: How Private Spaceflight, a Resurgent NASA, and International Partners Are Creating a New Space Age. Dallas, TX: BenBella Books, Inc.
20. Waters M., 2023. Small States in Space: Space Club Relevancy and National Interest Influence. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Vol 6. Issue 4. P. 13-47.
21. Yuzbashyan M., 2012. Interaction Between Diverse Sources of Law applicable to Legal Challenges caused by Commercial Space Activities. Vol. 14. *63rd International Astronautical Congress 2012, IAC*. P. 11446-11455

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКОЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мария Милюкова*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-120-135

Введение. Расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) признается одним из способов решения проблемы изменения климата. При этом ВИЭ фактически является «антагонистом» традиционных природных ресурсов, которые неравномерно распределены среди государств, поэтому формирование международно-правового режима, на основании которой будет осуществляться управление возобновляемыми источниками энергии, требует взвешенного подхода. В настоящей статье автор анализирует ключевой компонент, необходимый для формирования такого режима – понятие «возобновляемые источники энергии». На примере документов международных организаций, содержащих определения ВИЭ, автор устанавливает основные критерии и формулирует перечень источников энергии, которые в целом признаются в качестве возобновляемых: энергия ветра, воды, солнечная энергия, энергия биомассы, геотермальная энергия, энергия океана и рек.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация, систематизация, прогнозирование) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

В исследовании использованы документы универсальных международных организаций (ООН, МЭА, ИРЕНА), в которых предпринимаются попытки сформулировать определение ВИЭ. Автор также анализирует источники права ЕС, регламентирующие сотрудничество в области возобновляемой энергии, и документы в рамках СНГ.

Результаты исследования. В статье проведен анализ концепции ВИЭ международном праве. Установлено, что при формулировании общего понятия используются количественный критерий (превышение скорости воспроизведения источника над скоростью его потребления) и качественный (степень «устойчивости» с точки зрения воздействия на окружающую среду). Поскольку ни один из известных источников энергии не является полностью нейтральным в отношении такого воздействия, критерий «устойчивости» используется для выделения источников, которые несут существенно меньшую антропогенную нагрузку, чем другие. Автор также выявил ряд источников

* Милюкова Мария Андреевна, аспирант кафедра международного права МГИМО МИД России
e-mail: milyukova.marie@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-0245-2900

энергии, которые отвечают критерию возобновляемости, но не признаются в качестве ВИЭ (ядерная энергетика), либо не входят в состав ВИЭ, в отношении которых государства желают развивать международное сотрудничество (отдельные виды гидроэнергетики, традиционная биомасса). Также выделены ВИЭ, в отношении которых рекомендовано придерживаться принципа предосторожности в силу недостаточной изученности соответствия критерию устойчивости (геотермальная энергия).

Обсуждение и заключение. Автор делает вывод, что в международном сообществе сложилось понимание критерии отнесения источников энергии к ВИЭ, а их перечень согласовывается в зависимости от актуальных потребностей межгосударственного взаимодействия (для универсальных организаций это в большей степени обмен опытом «наилучших практик» поощрения ВИЭ, для региональных также – механизмы сотрудничества в рамках транснациональных проектов и гармонизация законодательств). Это дает основания для оптимизма по поводу достижения консенсуса относительно понятия ВИЭ, что является ключевым фактором для становления соответствующего международно-правового режима.

Введение

Одной из глобальных проблем, находящихся в центре внимания международного сообщества, является охрана окружающей среды и борьба с изменением климата в целях обеспечения устойчивого развития. Энергетика признается одним из ключевых факторов такого развития в единстве его трех компонентов: экономического, социального и экологического. Это отмечается в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», закрепившей 17 целей устойчивого развития (ЦУР)¹. Обеспечение «устойчивой энергии для всех», упомянутое в качестве ЦУР № 7, включает в себя стремление обеспечить существенный рост возобновляемой энергетики в мировом энергобалансе. Такой рост требует существенных инфраструктурных преобразований, внедряющих возобновляемые технологии при одновременном снижении зависимости от существующей углеродоемкой инфраструктуры [13].

В связи с этим встает вопрос о роли, которую играет международное право в поощрении государств к сотрудничеству и выработке «лучших практик» в сфере международного управления ВИЭ.

Следует отметить, что понятие «международное управление природными ресурсами» неоднократно становилось объектом исследования представителей российской [1] и зарубежной доктрины международного права [2], а также активно используется в документах международных организаций².

В настоящей статье под «управлением» возобновляемыми источниками энергии понимается система государственно-правовых мер, целью которых является регулирование использования таких источников энергии. Данная система предполагает процесс планирования, организации, мотивации и контроля использования ВИЭ для достижения целей устойчивого развития [4].

В обозначенном контексте одной из ключевых проблем является установление объекта такого международного управления – а именно, формулирование понятия возобновляемых источников энергии. При

¹ Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 70/1 "Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed on 30 June 2023).

² См., например, Regulation (EU) No 691/2011 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2011 on European environmental economic accounts, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A2011R0691-20220220> (accessed on 30 June 2023), United Nations resource management system : an overview of concepts, objectives and requirements, United Nations, 2021. P. viii. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-05/2017886_E_ECE_ENERGY_134_WEB.pdf (accessed 18.11.2023).

этом данный термин по-разному понимается в различных национально-правовых системах, а также в рамках международных организаций.

Автор настоящей статьи анализирует различные международно-согласованные подходы к концепции ВИЭ на примере таких универсальных международных организаций, как ООН, МЭА, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА), а также региональных организаций, в рамках которых предпринимались попытки формулирования соответствующих дефиниций, – Европейского союза (ЕС) и СНГ. Автор ставит целью систематизировать основные критерии, используемые международным сообществом для отнесения тех или иных источников энергии к возобновляемым. На их основе анализируются основные источники энергии, которые признаются большинством государств в качестве ВИЭ (энергия ветра, воды, солнечная энергия, энергия биомассы, геотермальная энергия, энергия океана и рек) и делает вывод о перспективах формирования единой международно-признанной концепции ВИЭ.

Следует отметить, что ограничением исследования является то обстоятельство, что проблема формулировки определения ВИЭ была предметом изучения далеко не всех международных организаций. Тем не менее представляется, что анализ актов перечисленных выше организаций является в достаточной степени репрезентативным, поскольку последние (в частности, ООН, МЭА, ИРЕНА) объединяют абсолютное большинство членов международного сообщества; позиция же ЕС является обязательной для государств Западной Европы, максимально заинтересованных в развитии ВИЭ и поиске передовых практик их внедрения; в рамках же СНГ реализуется международное сотрудничество государств постсоветского пространства, включая Россию. Наше государство при этом имеет членство во всех указанных международных организациях (за исключением ЕС), поэтому соответствующие определения, принятые в их рамках, влияют на его международно-правовую позицию и национальную политику в области возобновляемой энергетики.

Исследование

1. Концептуальные подходы к определению возобновляемых источников энергии в международном праве

Основная классификация источников энергии представляет собой их разделение на ископаемое топливо и возобновляемые источники энергии. Отнесение того или иного источника энергии к одной из категорий в национальном законодательстве государств и в международном праве определяет возможность получения хозяйствующими субъектами мер государственной поддержки (если речь идет о национальном праве), либо возможность использования механизмов международного сотрудничества. Таким образом, формулирование определения термина «возобновляемые источники энергии» необходимо для ограничения предмета регулирования соответствующих источников права.

Одно из первых упоминаний о ВИЭ в международно-правовых документах содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №33/148 от 20 декабря 1978 года о созыве в 1981 г. международной конференции по новым и возобновляемым источникам энергии. В рамках данной резолюции к таковым отнесены: солнечная энергия; геотермальная энергия; энергия ветра; энергия света; энергия приливов и отливов; энергия волн и термального градиента моря; энергия преобразования биомассы; энергия, получаемая за счет сжигания топливной древесины, древесного угля, торфа, горючих сланцев, битуминозных песчаников; энергия использования тяглового скота и гидроэнергия³. Данное определение сформулировано путем простого перечисления различных видов источников энергии и не содержит какого-либо критерия отнесения того или иного источника к «новому и возобновляемому», либо невозобновляемому. Несмотря на казуистичность данной дефиниции, дальнейший анализ содержания концепций ВИЭ, развиваемых на уровне разных международных организаций и государств приводит к выводу об обоснованности такого точечного определения ВИЭ как объекта формирующегося международно-правового режима.

³ Резолюция ГА ООН от 20.12.1978 г. № A/33/PV.90 «Конференция Организации Объединенных Наций по новым и возобновляемым источникам энергии», URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/4013049.30448532.html> (accessed on 30.06.2022).

Тем не менее в практике специализированных учреждений и организаций, сотрудничающих с ООН, предлагается также общий принцип разграничения между двумя видами источников энергии. Так, Инициативой «Устойчивая энергетика для всех» предложено следующее определение термина «возобновляемая энергия», которое было в дальнейшем воспринято Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК ООН): «энергия, получаемая из природных источников, которые пополняются со скоростью, превышающей скорость ее потребления»⁴. В качестве примеров такой энергии указываются энергия солнца, ветра, геотермальная энергия, гидроэнергия и энергия биомассы. На основе данного определения под возобновляемым источником энергии понимается «первичная энергия, ... которая используется для получения продуктов из ВИЭ (или преобразования в них такой энергии)»⁵.

Хотя процитированное определение претендует на всеохватность, сложно представить его применение для формирования международно-правового режима возобновляемой энергетики без указания на конкретный перечень существующих ВИЭ. Во-первых, в отношении самого данного критерия отсутствует единство мнений. Так, в процитированном выше документе ЕЭК ООН отмечается необходимость принимать во внимание также альтернативные определения ВИЭ, в которых скорость пополнения источников может быть равной скорости потребления (такой позиции, например, придерживается Канада⁶), либо варьироваться в зависимости от сезона или типа проекта (то есть в зависимости от скорости извлечения)⁷. Во-вторых, конечной целью международного сотрудничества в области возобновляемой энергетики является содействие ее развитию на практике – а именно через конкретные действия государств в отношении

хозяйствующих субъектов, действующих на их территории. То есть предполагается, что национальное законодательство государств должно предусматривать определенный набор мер государственной поддержки и подробный порядок их реализации. В таком случае наличие лишь общего критерия не будет способствовать ни выделению лучших практик поддержки ВИЭ (так как в каждом случае под такими источниками будет пониматься различный набор возобновляемых источников), ни гармонизации национальных законодательств (поскольку будет лишь закреплять существующее разнообразие подходов, который будет восприниматься не что иное как *agreement to disagree*).

При этом использование общих критерий ВИЭ имеет важное правовое значение. Во-первых, формирование международно-правового режима ВИЭ предполагает, что его участники должны иметь представление о значении «возобновляемости» как сущностной характеристики объекта такого режима. Во-вторых, технологическое развитие человечества не исключает открытия иных альтернативных источников энергии. И наличие общего критерия в данном случае может стать инструментом прогрессивного развития правового режима ВИЭ в будущем.

Следует отметить, что описанный критерий «возобновляемости», по всей видимости, является исключительно количественным, поскольку делает акцент только на скорости потребления соответствующей энергии человеком и ее восстановления. Он не отвечает на вопрос о характере и степени антропогенного воздействия на окружающую среду в процессе получения возобновляемой энергии.

Вместе с тем «ни одна форма энергии не свободна от финансовых и экологических издержек» [23. С. 2]. Соответствующие опасения высказываются по поводу использова-

⁴ Economic Commission for Europe, Committee on Sustainable Energy. Specifications for the application of the United Nations Framework Classification for Fossil Energy and Mineral Reserves and Resources 2009 to Renewable Energy Resources prepared by the Task Force on Application of UNFC-2009 to Renewable Energy Resources; Twenty-fifth session, Geneva, 28–30 September 2016, URL: https://unece.org/DAM/energy/se/pdfs/comm25/ECE_ENERGY_2016_4.pdf, (accessed 30.06.2023). P. 4.; Economic Commission for Europe, Committee on Sustainable Energy. Application of the United Nations Framework Classification for Fossil Energy and Mineral Reserves and Resources 2009 to renewable energy resources (Draft document prepared by the Task Force on Application of UNFC-2009 to Renewable Energy Resources); Sixth session ECE/ENERGY/GE.3/2015/3, Geneva, 28 April – 1 May 2015, URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/energy/se/pdfs/egrc/egrc6_apr2015/ECE.ENERGY.GE.3.2015.3_e.pdf (accessed 30.06.2023), P. 3.

⁵ Ibid. P. 5.

⁶ See, e.g. Government of Canada. About Renewable Energy. URL: <https://natural-resources.canada.ca/our-natural-resources/energy-sources-distribution/renewable-energy/about-renewable-energy/7295#what> (accessed 30.06.2023).

⁷ Ibid.

ния ряда предположительно возобновляемых технологий, таких как крупномасштабная гидроэнергетика, древесная биомасса [4. С. 42]. И напротив, предлагается относить некоторые технологии, зависящие от источников энергии, которые, возможно, не являются возобновляемыми, такие как геотермальная и ядерная энергия, к ВИЭ, если целью соответствующего правового регулирования является поощрение ускоренного развития низкоуглеродного производства электроэнергии.

С учетом этого в рамках ЦУР № 7 в докладе Всемирного банка и МИЭ «Устойчивая энергетика для всех, 2013-2014 гг.: Глобальная система отслеживания» рекомендовано включение дополнительного критерия «устойчивости» в определение ВИЭ⁸, как, например, это сделано в ст. III Устава ИRENA, в котором к источникам возобновляемой энергии относятся те, которые позволяют получать энергию «устойчивым» способом (*«in a sustainable manner»*)⁹. Интересно, что официальный перевод данного положения Устава на русский язык, подготовленный в порядке, предусмотренном Декларацией Конференции по вопросам аутентичных версий Устава, не вполне точно отражает смысл английского словосочетания: «термин «возобновляемая энергия» означает все формы энергии, *постоянно вырабатываемой* возобновляемыми источниками». Таким образом, при ознакомлении с русским текстом Устава необходимо учитывать, что его подписанты стремились сделать акцент на необходимости соответствия соответствующих источников энергии критерию устойчивости.

О неразрывной связи двух критериев свидетельствует также тот факт, что использование ВИЭ упоминается в качестве одной из составляющих ЦУР № 7. На основании изложенного, трудно согласиться с подходом некоторых исследователей, в частности, П. Кроссли, о том, что критерий устойчивости является лишь неким «неписанным подразумеваемым правилом» [8. С. 62].

Полагаем, что, хотя основным критерием отнесения того или иного источника энергии к ВИЭ, является скорость его истощения и возобновления, в международном сообществе сформирован подход, согласно которому должна приниматься во внимание также степень «устойчивости» соответствующего источника, что находит отражение в международно-правовых обязательных нормах и нормах «мягкого права».

2. Энергия ветра

Технологии на основе использования энергии ветра находятся на втором месте по распространению в мировом энергобалансе, при этом наземный ветер является одной из наиболее конкурентоспособных технологий возобновляемой энергии¹¹. Так, к концу 2022 года во всем мире насчитывалось 837 гигаватт (ГВт) установленной мощности ветровой энергии¹².

Можно утверждать, что энергия ветра является наиболее широко признанным ВИЭ. На уровне международных организаций энергия ветра упоминается в качестве ВИЭ как в ранее цитированных положениях резолюций ГА ООН, так и в определениях возобновляемой энергии Европейского союза¹³, ИRENA¹⁴, МЭА и СНГ.

⁸ World Bank; International Energy Agency. 2014. Sustainable Energy for All 2013-2014 : Global Tracking Framework. Sustainable Energy for All;. World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16537> (accessed 30.06.2023).

⁹ Statute of IRENA signed in Bonn, 26 January 2009; URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/IRENA_FC_Statute_signed_in_Bonn_26_01_2009_incl_declaration_on_further_authentic_versions.pdf?la=en&hash=635C494208DD405EA8CD2BDB04414FEC40F55F1 (accessed 30.06.2023). Article III.

¹⁰ IEA, Renewables 2021: Executive Summary, URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2021/executive-summary> (accessed 30.06.2023).

¹¹ IRENA, Renewable Power Generation Costs in 2021, URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2022/Jul/IRENA_Power_Generation_Costs_2021.pdf?rev=34c22a4b244d434da0accde7de7c73d8 (accessed 30.06.2023). P. 16, 60.

¹² Global Wind Energy Council, Global Wind Report 2022, URL: <https://gwec.net/global-wind-report-2022/> (accessed 30.06.2023).

¹³ Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02018L2001-20220607> (accessed 30.06.2023). Article 2(1).

¹⁴ Statute of IRENA signed in Bonn, 26 January 2009. Article III.

При этом, несмотря на универсальность признания энергии ветра в качестве ВИЭ, нельзя не отметить наличие иной позиции в рамках национального законодательства некоторых государств-членов названных организаций. Так, Малайзия прямо исключила все виды энергии ветра из своего законодательного определения ВИЭ¹⁵. Тем не менее, факт участия данного государства в ООН и ИРЕНА, на наш взгляд, не свидетельствует об отрицании данным государством принадлежности ветроэнергетики к сектору возобновляемой энергетики. Скорее это связано с тем, что усилия государства направлены на поощрение иных ВИЭ [18. С. 279-295].

При этом технологии с использованием энергии ветра могут оказывать ряд негативных воздействий на окружающую среду. Часто упоминаемые проблемы включают визуальное воздействие на ландшафт¹⁶, воздействие на жизнь птиц и летучих мышей, когда турбины неправильно расположены на траекториях их полета [20. С. 283], воздействие бурения фундаментов для морских турбин на китообразных и морскую среду [22. С. 636], а также шумовые выбросы [22. С. 637]. Также поступали жалобы на электромагнитные помехи телевизионным, радио- и радиолокационным сигналам [22. С. 637] и препятствия для занятия традиционными промыслами коренных народов в зоне расположения станций¹⁷. Указанные недостатки, тем не менее, не препятствуют оценке ветряной энергетики как соответствующей критерию «устойчивости», о чем свидетельствует упомянутое широкое признание государствами ее в качестве ВИЭ.

3. Солнечная энергия

Солнечная радиация является крупнейшим и наиболее доступным возобновляемым ресурсом на Земле¹⁸. Два основных

метода использования солнечной энергии – фотоэлектрическая солнечная энергия и концентрированная солнечная энергия.

3.1. Фотоэлектрическая солнечная энергия

Данный вид энергии получают путем преобразования фотонов солнечного света в постоянный электрический ток посредством освобождения электронов от их атомных связей, когда они проходят по полупроводниковым материалам.

Как наиболее распространенный вид солнечных технологий¹⁹, фотоэлектрическая солнечная генерация признается одним из направлений возобновляемой энергетики в рамках определений ИРЕНА и ЕС²⁰.

Распространенность данного вида ВИЭ обусловлена тем, что технологии на его основе относительно просты в установке и использовании (в частности, их можно интегрировать и в обычные потребительские товары, и в крупные производства) [10. С. 392]. Кроме того, такие технологии относительно экологичны, поскольку их использование не создает выбросов парниковых газов.

Вместе с тем данная технология имеет ряд недостатков. Во-первых, поскольку сравнительно большое количество электроэнергии требуется для производства соответствующих установок, данный сектор фактически «наследует» соответствующие выбросы парниковых газов от других источников энергии [22. С. 636]. Во-вторых, из-за невозможности передачи такой энергии на большие расстояния, крупномасштабные наземные проекты должны располагаться вблизи населенных пунктов, что создает риски возникновения споров о землепользовании. Наконец изготовление солнечных элементов из токсичных металлов вызывает озабоченность по поводу их «устойчивой» утилизации.

¹⁵ Laws of Malaysia, Act 725, dated 02.06.2011 Renewable Energy Act 2011 (as amended), URL: <https://www.climate-laws.org/geographies/malaysia/laws/renewable-energy-act-2011> (accessed 30.06.2023). Article 2.

¹⁶ See e.g. ERM and REARK Research, Study into Community Attitudes About Wind Farms in the NSW Southern Tablelands (Epuron, 2007), p. 1.

¹⁷ Nora Buli, Reuters, Terje Solsvik, Reuters. Two Norway wind farms lose their licenses in a landmark Indigenous rights ruling, ArcticToday. URL: https://www.arctictoday.com/two-norway-wind-farms-lose-their-licenses-in-a-landmark-indigenous-rights-ruling/?wallit_nosession=1 (accessed 06.07.2023).

¹⁸ IEA, Renewables 2021: Executive Summary, URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2021/executive-summary> (accessed 30.06.2023).

¹⁹ REN21 Secretariat, c/o UN Environment Programme. Renewables 2022 Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR2022_Full_Report.pdf (accessed 06.07.2023). P. 126.

²⁰ Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02018L2001-20220607> (accessed 06.07.2023). Article 2(1).

3.2 Концентрированная солнечная энергия

Концентрированные солнечные тепловые технологии улавливают и концентрируют солнечное излучение на приемнике, где оно преобразуется в тепловую энергию. Большинство международных организаций, включая ЕС и ИРЕНА, признают такую технологию в качестве возобновляемой, отмечая, что одним из ее преимуществ является возможность хранения полученной энергии²¹.

4. Биомасса

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет биомассу как «любое растительное вещество, используемое непосредственно в качестве топлива или преобразованное в другие формы перед сжиганием. Сюда входят древесина, растительные отходы (включая древесные отходы и сельскохозяйственные культуры, используемые для производства энергии), материалы/отходы животного происхождения, сульфитные щелочки, так же известные, как «черный щелок» (щелочной отработанный щелок из варочных котлов при производстве сульфатной или содовой целлюлозы во время производства бумаги, где источником энергии является лигнин, извлеченный из древесной массы) и другой твердой биомассы»²². Иные определения биомассы включают в данную категорию любые органические вещества, в том числе отходы жизнедеятельности человека и животных, а также морскую флору и фауну (особенно водоросли)²³.

Биомасса признается в качестве ВИЭ большинством международных организаций (включая ЕС, ИРЕНА, СНГ).

Тем не менее использование биомассы в качестве топлива в ряде случаев является дискуссионным – так, например, когда исходное сырье состоит не из отходов, а специально выращивается для производства энергии, возникают вопросы, каким образом использование земельных ресурсов для этих целей отвечает интересам продовольственной безопасности. Другая проблема состоит в необходимости жесткого контроля за «устойчивостью» соответствующих технологий переработки биомассы, в том числе ограничения использования так называемой «традиционной» биомассы²⁴, состоящего в неэффективном сжигании твердого биотоплива (древесное топливо, древесный уголь, навоз животных и т.п.) на открытом огне, которое до сих пор фигурирует в качестве ВИЭ в законодательстве некоторых развивающихся стран (например, в Кении) [8. С. 32]. При этом многие международно-согласованные определения биомассы не содержат прямого исключения «традиционной» биомассы из определений возобновляемой энергии²⁵. На международно-правовом уровне один из наиболее детальных подходов к установлению критерии «устойчивости» биомассы для целей признания ее в качестве ВИЭ использован на уровне нормативных актов ЕС. Так, Директива (ЕС) 2018/2001 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 11 декабря 2018 г. о поощрении использования энергии из возобновляемых источников

²¹ IEA-ETSAP and IRENA, Concentrating Solar Power, Technology Brief, IEA-ETSAP Technology Brief E10 (IEA-ETSAP and IRENA, 2013), URL: <https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2013/IRENA-ETSAP-Tech-Brief-E10-Concentrating-Solar-Power.pdf> (accessed 06.07.2023). P. 21.

²² Energy Statistics of OECD Countries: 1999-2000, 2002 Edition, International Energy Agency, Paris, Part 2 – Notes on Energy Sources. <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=4603>

²³ See, e.g. EN 16575:2014, European Committee for Standardisation, Technical Committee 411 (CEN TC/411) , Bio-based products – Vocabulary , Mandate M/492, August 2014, USITC, 2008, Industrial Biotechnology: Development and Adoption by the U.S. Chemical and Biofuels Industry. United States Industry and Trade Commission, July 2008. URL: <http://www.usitc.gov/publications/332/pub4020.pdf> (accessed 06.07.2023).

²⁴ Statute of IRENA signed in Bonn, 26 January 2009; URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/IRENA_FC_Statute_signed_in_Bonn_26_01_2009_incl_declaration_on_further_authentic_versions.pdf?la=en&hash=635C494208DD405EA8CD2BDB04414FECD40F55F1 (accessed 30.06.2023). Preamble ("concerned about the serious negative implications that the use of fossil fuels and the inefficient use of traditional biomass can have on health...").

²⁵ See, e.g. Eurostat b, Glossary, accessed 14 October 2016, IEA, International Energy Agency, Glossary of term, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Biomass> (accessed 06.07.2023); FAO, 2007, Forests and Climate Change Working Paper. Definitional issues related to reducing emissions from deforestation in developing countries, Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, Italy, URL: <https://www.fao.org/3/j9345e/j9345e00.htm> (accessed 06.07.2023); EEA, European Environment Agency, Glossary. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/glossary-item/biomass_en (accessed 06.07.2023).

(далее – RED II)²⁶ в статье 29 предусматривает ряд критериев, которым должны соответствовать технологии создания и использования биотоплива для отнесения их к категории возобновляемых. Указанные требования касаются необходимости обеспечения надлежащей охраны почв и лесов с высоким биоразнообразием (в последних установлен жесткий запрет на добычу биомассы), а также предотвращения риска «неустойчивой» вырубки и учета выбросов от лесозаготовок. Кроме того, установлены количественные критерии для учета углеродных выбросов соответствующих мощностей и их энергоэффективности. При этом государства-члены при имплементации RED II в свое национальное законодательство имеют право установить более жесткие критерии устойчивости биотоплива для признания за ним статуса ВИЭ. Полагаем, что подход к гармонизации национальных законодательств, заключающийся в установлении минимальных стандартов для биомассы как ВИЭ, может в дальнейшем стать основой для разработки универсальных международно-правовых решений.

5. Гидроэнергетика

Гидроэнергетика является крупнейшим источником возобновляемой энергии в мире, на ее долю приходится примерно 16% электроэнергии, вырабатываемой из всех источников²⁷.

В национальных законодательствах, а также в рамках международного сотрудничества распространены многочисленные классификации гидроэнергетических установок в зависимости от их масштабов. Так, согласно системе классификации, использованной Партнерством по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности совместно с Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) при подготовке пособия «Регулирование и разработка политики в обла-

сти устойчивой энергетики для Африки», крупные ГЭС – это станции, мощность которых превышает 100 МВт, в то время как мощность малых ГЭС – от 1 до 10 МВт (в некоторых странах до 20 или 30 МВт)²⁸.

Отнесение соответствующей ГЭС к тому или иному виду в рамках применимой классификации имеет важное юридическое значение при определении того, распространяются ли на нее меры поддержки возобновляемой энергетики. Так, более 25% стран не включают крупные ГЭС в состав ВИЭ, в том числе из-за масштабного воздействия на окружающую среду, связанного со строительством плотин и установок, влияющих на соответствующие природные водные бассейны, а также из-за социальных последствий в виде необходимости перемещения местного населения в случае затопления территорий в процессе строительства станций. Также отмечается, что предоставление государственных субсидий крупным ГЭС предоставит последним возможность получать сверхприбыль [4. С. 41]. Несмотря на это, гидроэнергетика используется для бесперебойного производства относительно большого количества дешевой энергии. При этом технологии такого производства, вследствие их длительного развития (например, в России первые установки ГЭС появились еще в XIX в.) не оказывают существенного загрязняющего воздействия на окружающую среду. По этой причине подавляющее большинство стран, в которых приняты законы о ВИЭ, не исключают крупные ГЭС из состава ВИЭ, предусматривая только определенные ограничения механизмов их поддержки по сравнению с другими технологиями, которые требуют больших расходов на их исследования, разработку и коммерциализацию [4. С. 45].

В свою очередь, малая гидроэнергетика, которая, как правило, избегает строительства плотин и использует естественные русла рек, пользуется высоким уровнем под-

²⁶ Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02018L2001-20220607> (accessed 06.07.2023). Art. 2(24) and Art. 29.

²⁷ IEA, Renewables 2022: Executive Summary, URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2022/executive-summary> (accessed 06.07.2023).

²⁸ Renewable Energy and Energy Efficiency Partnership and United Nations Industrial Development Organization, 'Module 7: Renewable Energy Technologies' in REEEP/ UNIDO Training Package on Sustainable Energy Regulation and Policymaking for Africa (REEEP/UNIDO, 2008), URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2009-04/training_manual_on_sustainable_energy_regulation_and_policymaking_for_Africa_0.pdf (accessed 06.07.2023).

держки в качестве ВИЭ в национальных законодательствах более 102 государств и на уровне международных организаций, в то время как крупные ГЭС могут по указанным выше соображениям не признаваться частью возобновляемой энергетики.

Так, Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в области использования ВИЭ 2013 г. в пункте II ограничивает определение гидродинамической энергии воды до малых ГЭС (в значениях мощности согласно национальным законодательствам соответствующих государств-подписантов). В то же время директива RED II в рамках ЕС, напротив, не исключает из состава ВИЭ крупные ГЭС²⁹. Более того, в некоторых публикациях ЕС поддерживается подход отдельных государств-членов (в частности, Германии) о необходимости отдавать предпочтение крупным ГЭС перед малыми на уже освоенных и запруженных водоемах³⁰.

Наконец, недавней тенденцией в международно-правовой практике (например, в ЕС) стало исключение из определения возобновляемой энергии, вырабатываемой гидроаккумулирующими электростанциями, закачивающими воду вверх в насосном режиме³¹, поскольку количество электроэнергии, потребляемого такими станциями, ненамного меньше количества, которое они производят.

6. Геотермальная энергия

Геотермальная энергия предполагает использование тепловой энергии, первоначально возникающей в результате трения континентальных плит друг о друга и распада естественных радиоактивных элементов, находящихся в земной коре [5. С. 243].

Геотермальная энергия получила широкое признание в качестве ВИЭ за счёт низкого уровня выбросов парниковых газов. Тем не менее вопрос об отнесении ее к ВИЭ оставался долгое время дискуссионным, в том числе в рамках ООН, из-за следующих экологических рисков [12. С. 8].

Во-первых, использование геотермальной энергии, доступной в определенных местах, теоретически означает ее исчерпаемость на соответствующих территориях. Так, согласно позиции Л. Брауна, «геотермальные ресурсы должны разрабатываться достаточно медленно, чтобы не истощить доступный резервуар тепла, и таким образом, чтобы они могли считаться действительно возобновляемым источником энергии» [6]. Напротив, такие исследователи, как К. Козлофф и Р. Дауэр полагают, что перспектива непрерывного восполнения данного ресурса в течение 300 лет и более (в частности, по оценкам экспертов, только Австралия обладает геотермальным потенциалом на ближайшие 26000 лет [11]) достаточна для того, чтобы считать геотермальную энергию возобновляемой [17. С. 487].

Во-вторых, геотермальные жидкости содержат различные концентрации газов (в основном метана, азота, углекислого газа и сероводорода, с меньшим содержанием аммиака, радона и бора, а также следовых количеств ртути и мышьяка) [15. С. 407]. Высвобождение этих газов в результате разведочных работ сопряжено с риском загрязнения атмосферы. Последний можно минимизировать за счет технологий закачки газа и воды, выделяемых в ходе разработки, обратно в недра земной коры или их безопасной утилизации с использованием химических методов [14. С. 436].

В-третьих, геотермальные технологии могут потенциально угрожать биоразнообразию термофилов (микробных организмов, приспособившихся к экстремальным температурам и особым химическим составам геотермальных ресурсов), которые имеют ценность для научных и медицинских исследований [16. С. 52]. Это означает, что в отсутствие полноты информации о возможных последствиях геотермальных разработок при ведении соответствующей деятельности должен соблюдаться принцип предосторожности [21. С. 15].

²⁹ Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02018L2001-20220607> (accessed 06.07.2023). Art. 1.

³⁰ Guidance on the requirements for hydropower in relation to EU Nature legislation, European Commission, 2018. URL: https://ec.europa.eu/environment/nature/natura2000/management/docs/hydro_final_june_2018_en.pdf (accessed 06.07.2023). P. 29.

³¹ Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02018L2001-20220607> (accessed 06.07.2023). Art. 1.

В-четвертых, функционирование геотермальных установок также требует существенных энергозатрат (что, как и энергия ветра, может относить их к ВИЭ, «наследующим» парниковый след традиционных источников энергии). Внимание данной проблеме уделяется, в частности, в документах ЕС, где указано, что конечная выработка геотермальной энергии должна превышать количество первичной энергии, затраченной для привода тепловых насосов³².

7. Энергия океана и рек

Энергия океана и рек, получаемая за счет приливов, волн, морских течений, гидротермальных слоев и осмотической энергии, является одним из наименее коммерчески развитых источников возобновляемой энергии. К концу 2021 года в мире было всего 524 МВт установленных мощностей энергии океана³³. Такой низкий уровень развертывания обусловлен высокими затратами, которые в настоящее время связаны с этими технологиями, а также опасениями по поводу их уязвимости во время штормов и их воздействия на навигацию и окружающую среду.

Классификация энергии океана и рек в законодательных определениях ВИЭ отдельных стран, а также в международных определениях нередко затруднена из-за различного понимания терминологии в конкретных контекстах.

Так, ИРЕНА, ссылаясь в уставе на энергию океана как ВИЭ, в аналитических документах в составе соответствующих технологий упоминает преобразователи энергии волн, приливных течений, устройства для изучения глубинных океанских течений, технологии приливного потока, устройства преобразования тепловой энергии океана, технологии энергии градиентов солености (осмотическая энергия)³⁴. Аналогичный перечень представлен в рамках МЭА³⁵ и ЕС (в частности, в RED II к ВИЭ относится «приливы, волны и другая энергия океана»). В то

же время Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии не упоминает энергию океана в качестве такого, а энергия тепла грунтовых вод, рек и водоемов, согласно принятому в данной организации определению, отнесена к составу геотермальной энергии. При этом в рамках СНГ прямо предусмотрено, что к ВИЭ также относятся «иные источники энергии, определяемые в качестве возобновляемых, предусмотренные в рамках законодательства государств – участников СНГ», подписавших Концепцию. Так, согласно российскому Федеральному закону от 26.03.2003 N 35-ФЗ "Об электроэнергетике"³⁶, в числе ВИЭ, относящихся к энергии океанов, упоминается энергия приливов, а также энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов.

В данном контексте примечательно отличие определений энергии океанов, принятой в рамках универсальных международных организаций (таких, как ИРЕНА, МЭА) и СНГ, последнее из которых не включает гидротермальную энергию. Полагаем, что это связано с ограниченным географическим диапазоном применения таких технологий, поскольку наиболее эффективно соответствующие технологии работают между тропическими широтами от 20° северной широты до 20° южной широты от экватора. В этой зоне существует перепад температур в поверхностных слоях океана примерно на 20–25 °C по сравнению с глубинными водами, находящимися в нескольких сотнях метров ниже поверхности. Следовательно, включение в определение ВИЭ гидротермальных технологий для целей разработки механизмов сотрудничества и поддержки было бы нецелесообразным применительно к региону постсоветского пространства.

При этом следует отметить, что указанные гидротермальные технологии, несмотря на значительный потенциал, могут иметь

³² Consolidated text: Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A2018L2001-20220607> (accessed 06.07.2023). Art. 7(3)

³³ REN21 Secretariat, c/o UN Environment Programme. Renewables 2022 Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR2022_Full_Report.pdf (accessed 06.07.2023). P. 125.

³⁴ Ocean Energy. Technology Readiness, Patents, Deployment Status and Outlook. IRENA, 2014. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2014/Aug/IRENA_Ocean_Energy_report_2014.pdf?la=en&hash=7EB64772A09DB4C56E1C22B5D0756ECC34132FE7 (accessed 06.07.2023). P. 51.

³⁵ Ocean Energy Systems. Ocean Energy in the World. What is Ocean Energy. URL: <https://www.ocean-energy-systems.org/ocean-energy/what-is-ocean-energy/> (accessed 06.07.2023).

³⁶ Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 21.11.2022) "Об электроэнергетике" // СПС "КонсультантПлюс".

ряд экологических последствий. Так, поскольку холодная вода содержит более высокие уровни растворенного углерода, чем теплая вода, использование технологий термического наслоения может приводить к выбросу углекислого газа в атмосферу при выработке энергии (которые, тем не менее, оставляют меньший углеродный след, чем традиционные источники энергии) [4. С. 52].

Кроме того, использование энергии океанов может быть затруднено в связи с применимыми международно-правовыми режимами морских пространств. Так, согласно ст. 56(1) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прибрежным государствам предоставлены суверенные права в отношении «производства энергии путем использования воды, течений и ветра» в пределах их исключительной экономической зоны. Тем не менее осуществление этих прав должно быть совместимым с другими положениями Конвенции 1982 г., включая статью 87, которая защищает свободу и безопасность судоходства, и часть XII, которая регулирует защиту и сохранение морской среды [19. С. 89].

8. Проблематика отнесения ядерной энергии к ВИЭ: применение критерия «устойчивости».

Ядерные реакторырабатывают электричество и тепло путем преобразования энергии, выделяющейся из ядра атома в процессе деления ядер. Тепло, выделяемое в результате этого процесса, используется для генерации пара, который приводит в движение турбину, соединенную с генератором.

Вопрос об отнесении ядерной энергии к ВИЭ является дискуссионным как на национальном³⁷, так и на международном уровне (включая такие международные организации, как ЕС и ИРЕНА)³⁸.

Производство ядерной энергии связано с использованием ядерного сырья (например, уран-235 и плутоний-238), которое добыва-

ется из недр, имеет конечный срок эксплуатации и в этом смысле не является возобновляемым. Тем не менее, если в отношении ядерной энергии применять подход, аналогичный геотермальной энергии (в частности, в 1983 году ученый-физик Б. Коэн высказал тезис о том, что запасы урана могут использоваться для производства энергии в реакторах-размножителях в течение сотен миллионов лет [7. С. 78]), то можно говорить о применимости к ядерной энергии критерия «возобновляемости» [24]. Кроме того, в числе аргументов в пользу необходимости включения ядерной энергии в состав ВИЭ – относительно низкие выбросы парниковых газов, которые лишь немного выше большинства возобновляемых ресурсов [3. С. 5149, 5150]. Представляется, что именно такой подход лежит в основе законодательства Эквадора, которое является одним из немногих государств, признавших ядерную энергию в качестве ВИЭ³⁹.

Аргументация против признания ядерной энергии возобновляемой опирается на долгосрочные последствия ее использования для экосистемы, поскольку некоторые радиоактивные материалы полностью распадаются в течение нескольких тысяч лет, в то время как большинство других возобновляемых технологий при их установке, использовании и демонтаже наносят гораздо меньший ущерб окружающей среде [9. С. 13].

Данная позиция воспринята большинством государств и международных организаций (ЕС, ИРЕНА, МЭА), которые никогда не относили ядерную энергию к категории ВИЭ.

Итак, может ли быть сформулирован единый международно-признанный перечень ВИЭ? Полагаем, на этот вопрос можно ответить утвердительно, несмотря на отличия в подходах отдельных государств и международных организаций к тому, какие источники энергии следует считать возобновляемыми.

³⁷ House of Commons Innovation, Universities, Science and Skills Committee, Renewable Electricity-generation Technologies, House of Commons Report No. 5, Session 2007–08 (2008). P. 21 – 22.

³⁸ Lily Riahi, 'Promise of New Renewable Energy Agency in Peril?', The Huffington Post (online), 19 July 2009, URL: www.huffingtonpost.com/lily-riahi/promise-of-new-renewable_b_217335.html (accessed 06.07.2023); David Gow and Ian Traynor, 'Nuclear Question Splits EU Climate Talks', The Guardian (online), 8 March 2007, URL: www.theguardian.com/environment/2007/mar/08/eu.europeanunion (accessed 06.07.2023); Terry Macalister, 'Nuclear Industry Accused of Hijacking Clean Energy Forum', The Guardian (online), 28 June 2009, URL: www.theguardian.com/business/2009/jun/28/nuclear-industry-global-body-plans (accessed 06.07.2023).

³⁹ Ecuador, Ley Organica del Servicio Publico de Energia Electrica [Organic Law on the Public Service of Electricity, Electricity Law 2015] [Linguistic Translations translation from Spanish], URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ecu154768.pdf> (accessed 06.07.2023).

Действительно, на уровне как универсальных международных организаций (таких как ООН, ИРЕНА, МЭА), так и региональных (СНГ, ЕС) достигнута определенная степень консенсуса в отношении основных источников энергии, определенных в качестве возобновляемых. Так, в качестве ВИЭ в основном признаются энергия ветра, солнечная энергия (как фотоэлектрическая, так и концентрированная солнечная тепловая энергия), биомасса, малая гидроэнергетика и геотермальная энергия. Данный уровень согласия может стать основой как для гармонизации национальных подходов к поддержке ВИЭ, так и для выделения «наилучших практик» и наиболее оптимальных механизмов международного сотрудничества в области обозначенных ВИЭ. Последние уже имеют место, в частности, в практике ЕС, а также в рамках иных международных организаций и форумов⁴⁰.

Тем не менее в отношении включения ряда источников в состав ВИЭ пока не выработано единого подхода на международном уровне. Это касается крупномасштабной гидроэнергетики, энергии океана (включая энергию волн, гидротермальную и осмотическую энергию). Вероятно, это связано с более низким уровнем коммерциализации (в отношении энергии океана), географическими особенностями соответствующих регионов (для осмотической энергии), выражениями «устойчивости» и отсутствия необходимости в значительной государственной поддержке вследствие достаточной развитости соответствующих технологий (для крупной гидроэнергетики).

При этом обозначенные различия в подходах к определению указанных источников в качестве ВИЭ в основном встречаются на уровне региональных организаций, в рамках которых предполагается выработка и реализация практических мер международной поддержки возобновляемой энергетики (ЕС). На уровне же универсальных международных организаций (ООН, ИРЕНА, МЭА) определения ВИЭ приобретают более всеобъемлющий характер, объединяя различные подходы, существующие на уровне отдельных государств и региональных организаций.

Представляется, что такой подход обусловлен тем, что на универсальном уровне

основная работа в области ВИЭ сосредоточена на получении и систематизации максимально полных научных, статистических и экономических данных об источниках энергии, признаваемых возобновляемыми в отдельных государствах, и их государственной поддержке. Эту деятельность можно считать частью процесса формирования международно-правового режима ВИЭ, который должен опираться на новейшие научные данные и выделять национальные практики, наилучшим образом способствующие развитию ВИЭ, для их возможной имплементации в «мягкое право» и в последующем разработки обязательных международно-правовых норм.

Но даже в рамках данного всеобъемлющего процесса очевидна тенденция к исключению источников энергии, которые, хотя и могут отвечать критерию «возобновляемости», но в отношении которых отсутствует общее согласие об их соответствии критерию «устойчивости» с точки зрения ЦУР № 7 (например, ядерная энергетика).

Это свидетельствует о том, что в международном сообществе сложилась устойчивая тенденция к использованию данных двух основных критериев для разграничения между возобновляемыми и невозобновляемыми источниками энергии в их взаимосвязи.

При этом содержание критерия «устойчивости» того или иного источника является относительным, поскольку каждый из перечисленных источников энергии, относимых к возобновляемым, оказывает определенное негативное воздействие на окружающую среду. Представляется, что применение данного критерия в большой степени основывается на сравнении антропогенной нагрузки различных источников энергии и определении в качестве ВИЭ тех, которые несут существенно более низкие риски для окружающей среды (так, например, ветряная энергетика, производство которой «наследует» парниковые выбросы, однозначно признается международным сообществом в качестве ВИЭ, в то время как ядерная энергетика и крупномасштабная гидроэнергетика, которые при соблюдении необходимых мер безопасности могут оказывать минимальное воздействие на окружающую среду, являются объектом дискуссий по вопросу отнесения их к ВИЭ из-за потенциальных эколо-

⁴⁰ См., например, BRICS NDB - Development of Renewable Energy Sector in Russia Project, page of the project: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/09/19RU01-EDB-Renewables-Approved-Project-Summary-revised-250322.pdf> (accessed 06.07.2023).

гических рисков, связанных с возможными авариями).

Таким образом, хотя в обозримом будущем консенсус относительно оптимального содержания правового регулирования ВИЭ и его закрепление на уровне обязательных международно-правовых норм сомнителен, международным сообществом достигнуто понимание о содержании самой концепции ВИЭ, что является важным шагом для формирования международно-правового режима возобновляемой энергетики.

Заключение

Проблематика устойчивого развития и борьба с резким изменением климата в международном правосознании тесно связана с вопросами развития возобновляемой энергетики.

В связи с этим актуальность приобретает анализ основных проблем формирования международно-правового режима управления ВИЭ как особого направления международного энергетического сотрудничества и, в частности, формулирования самого термина «возобновляемые источники энергии».

На основании проведенного исследования можно сформулировать ряд выводов.

1. Существующие международно-правовые документы свидетельствуют о двух направлениях проработки понятия ВИЭ: с одной стороны, сформулированы общие критерии, на основе которых тот или иной источник энергии предполагается относить к ВИЭ; с другой стороны, государства стремятся к установлению конкретного перечня источников энергии, являющихся возобновляемыми. Первое важно для объективной оценки каждого источника энергии с точки зрения соотношения между скоростью его воспроизведения и вредного воздействия на окружающую среду. Второе свидетельствует о стремлении государств к поиску конкретных взаимоприемлемых механизмов международного сотрудничества, начиная с обмена научными данными и опытом национально-законодательного регулирования и заканчивая участием в совместных энергетических проектах на основе ВИЭ.

2. В международно-правовой практике сформировался подход, согласно которому общее определение ВИЭ складывается из двух критериев: количественного (превышение скорости возобновления источника над скоростью потребления) и качественного («устойчивость» с точки зрения негативных последствий для окружающей среды).

Юридическое содержание последнего критерия является достаточно относительным, поскольку ни один из существующих источников энергии не является полностью нейтральным с точки зрения вредных выбросов или иного вредного воздействия. Тем не менее, данный критерий позволяет выделять среди всех количественно возобновляемых источников энергии наиболее «устойчивые» и направлять усилия государств на поощрение именно их (как результат, в частности, поощрение в рамках ЕС только таких технологий добычи биомассы, которые соответствуют необходимым стандартам, а также, в рамках СНГ – только малой гидроэнергетики). Кроме того, использование данного критерия полезно для определения того, какие источники энергии, соответствующие количественному критерию ВИЭ, не могут быть отнесены к таковым (в частности, это соответствует сложившемуся международному консенсусу о том, что геотермальная энергия, при соблюдении принципа «осторожного подхода», относится к ВИЭ, в отличие от ядерной энергетики, потенциальные экологические угрозы которой перевешивают ее фактическую возобновляемость).

3. В отношении ряда источников энергии в международном сообществе сложилось согласие об отнесении их к разряду ВИЭ (энергия ветра, солнечная энергия, биомасса, малая гидроэнергетика и геотермальная энергия), что свидетельствует о начале формирования международно-правового режима ВИЭ в контексте обмена «наилучшими практиками» и разработки механизмов трансграничного сотрудничества.

4. Среди государств сохраняется ряд разногласий в отношении ряда ВИЭ (таких как крупномасштабной гидроэнергетики и энергии океана). Тем не менее, такие различия в основном сосредоточены на региональном уровне и связаны с большей практической направленностью региональных организаций на практические меры поддержки ВИЭ (что требует максимальной детализации соответствующего регулирования).

В связи с вышеизложенным, полагаем, что происходит постепенная гармонизация различных подходов государств к определению ВИЭ. При этом фрагментация правовых подходов в отношении определения некоторых источников энергии в качестве ВИЭ обусловлена преимущественно различной готовностью государств к реализации практических схем совместной поддержки ВИЭ на региональном уровне. На универсальном же уровне государства стремятся к

обмену научными и иными данными в отношении наиболее широкого круга ВИЭ, о чем свидетельствуют соответствующие определения. Все это дает основания для оптимистических прогнозов в отношении достижения консенсуса по поводу понятия ВИЭ в рамках формирования соответствующего международно-правового режима.

Благодарность:

Выражаю особую благодарность моему научному руководителю доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой международного права МГИМО МИД России Вылегжанину Александру Николаевичу за значимые замечания и важнейшие советы при проведении исследования и оформления данной статьи.

Литература:

1. Василенко Е.В. О некоторых правовых аспектах международного управления природными ресурсами // Московский журнал международного права. № 1. 2012. С. 255-269.
2. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы. М., 2000.
3. Adamantides A., Kessides I. Nuclear power for sustainable development: Current status and future prospects // Energy Policy. 2009. Vol. 37. Issue 12. P. 5149-5166.
4. Benvenisti E. Asian Traditions and Contemporary International Law on the Management of Natural Resources // Chinese Journal of International Law, Vol. 7. No. 2. 2008. P. 273-283.
5. Breeze P. Geothermal Power // Power Generation Technologies / Ed. by Breeze P. Elsevier Science, 2014.
6. Brown L.R., Flavin Chr., Postel S. Picturing a Sustainable Society: State of the World / Worldwatch Institute, 1990, cited in Tester J.W. Sustainable Energy: Choosing Among Options, 2nd ed., MIT Press, Cambridge, MA, 2012. P. 487.
7. Cohen B.L. Breeder Reactors: A Renewable Energy Source // American Journal of Physics. 1983. Vol. 51.
8. Crossley P. Renewable Energy Law: An International Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
9. Elliott D. Sustainable Energy: Nuclear Power and Renewables // Sustainable Energy: Opportunities and Limitations, Energy, Climate and Environment Series / Ed. by D. Elliott. Palgrave MacMillan, 2007.
10. Gerrard M.B. The Law of Clean Energy: Efficiency and Renewables // Faculty Books. Chicago, IL, American Bar Association, 2011. Vol. 61.
11. Goldstein B., Budd A. Hot rocks in Australia-national outlook. Proceedings Thirty-Third Workshop on Geothermal Reservoir Engineering Stanford University. Stanford, California. January 28-30, 2008.
12. Gritsevskyi A. Renewable vs. Non-renewable Energy Sources, Forms and Technologies. UN Statistical Commission, 2016. URL: <https://unstats.un.org>.
13. Grubert E., Hastings-Simon S. Designing the mid-transition: a review of medium-term challenges for coordinated decarbonization in the United States // Wiley Interdiscip. Rev. Clim. Change. Vol. 13, Issue 3. 2022.
14. Harrison S. Geothermal Resources // Gerrard M.B. The Law of Clean Energy: Efficiency and Renewables. Faculty Books. Chicago, IL, American Bar Association, 2011. Vol. 61.
15. Kammen D.M. Renewable Energy, Taxonomic Overview // Encyclopedia of Energy / Ed. by Cleveland C.J. Elsevier Science, 2004. Vol. 5. P. 388.
16. Kochan D.J., Grant T. In the Heat of the Law, It's Not Just Steam: Geothermal Resources and The Impacts on Thermophile Biodiversity // Hastings West-Northwest Journal of Environmental Law and Policy. 2007. Vol. 13.
17. Kozloff K.L. and Dower R.C. A New Power Base – Renewable Energy Policies for the Nineties and Beyond. World Resources Institute, 1993.
18. Lip-Wah H. Wind energy in Malaysia: Past, present and future // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2016. Vol. 53. Issue C. P. 279-295.
19. Rothwell D.R., Stephens T. The International Law of the Sea. Hart Publishing, 2010.
20. Smith E.E. Wind Energy: Siting Controversies and Rights in Wind // Environmental & Energy Law & Policy Journal. 2007. Vol. 1. Issue 2. P. 281-318.
21. Sobenes E., Mead S., Samson S. The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals. Springer 2022.
22. Tester J.W. Sustainable Energy: Choosing Among Options. 2nd ed., MIT Press, Cambridge, MA, 2012.
23. UNEP Handbook for Drafting Laws on Energy Efficiency and Renewable Energy Resources / Ed. by Ottinger R.L. and Bradbrook A. J. UNEP/ Earth Print Limited, 2007.
24. Vylegzhannin A., Ivanov D., Milyukova M. Renewable Energy in International Law: The Russian Perspective for Developing a Common BRICS Approach // BRICS Law Journal. 2023. Vol. 10(2). P. 5-36.

INTERNATIONAL LEGAL CONTENT OF THE CONCEPT "RENEWABLE ENERGY SOURCES" REVISITED

Introduction. The expansion of the use of renewable energy sources (RES) is recognized as one of the means to solve the issue of climate change. At the same time, RES is considered an "antagonist" to traditional natural resources, the latter being unevenly distributed among states, so the formation of an international legal regime for renewable energy requires a balanced approach. In this article, the author analyzes the key component of such a regime, namely, the legal content of the term "renewable energy sources". Based on the documents adopted within international organizations containing definitions of RES, the author establishes the main criteria of RES and formulates a list of energy sources that are universally recognized as such, namely, wind energy, water energy, solar energy, biomass energy, geothermal energy, ocean and river energy.

Materials and methods. The methodological basis of the research was formed by general scientific techniques (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, classification, systematization, forecasting) and private scientific techniques (formal legal and comparative legal method).

The research is based on the documents of universal international organizations (UN, IEA, IRENA), in which the definition of RES is formulated. The author also resorts to the sources of the EU law governing cooperation in the area of renewable energy as well as documents adopted within the CIS.

Research results. The article analyzes the concept of RES in the international law. It is established that it is based on a quantitative criterion (i.e. the speed of reproduction of an energy source should exceed the speed of its consumption) and a qualitative

one (its "sustainability" in terms of environmental impact). Since no known energy source is completely environmentally neutral, the "sustainability" criterion is used to identify sources that have significantly less environmental impact than others. The author also identifies a number of energy sources that meet the criterion of renewability, but are not recognized as RES (e.g. nuclear energy), or are not included in the RES, in respect of which states wish to develop international cooperation (e.g. certain types of hydropower, traditional biomass). The author also identifies RES, with regards to which states choose to apply the precautionary principle due to insufficient knowledge of their compliance with the sustainability criterion (e.g. geothermal energy).

Discussion and conclusion. The author concludes that the international community has developed an understanding of the criteria for classifying energy sources as RES, and their list is agreed within different interstate communities depending on the actual needs of interaction (for universal organizations, the aim is to mainly the exchange of "best practices" for encouraging RES, for regional ones it also includes developing cooperation mechanisms within the framework of transnational projects and harmonization of state laws). This gives grounds for optimism about reaching a consensus on the concept of renewable energy for the development of an international legal regime.

Maria A. Milyukova,
applicant of the Department of International
Law, MGIMO-University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

возобновляемые источники энергии,
устойчивое развитие, интеграционные
процессы, энергетическое сотрудничество,
изменение климата, зеленая энергетика,
солнечная энергия, энергия ветра,
гидроэнергетика, ИRENA, Европейский
Союз, СНГ

Keywords:

renewable energy sources, sustainable
development, integration processes, energy
cooperation, climate change, green energy,
solar energy, wind energy, hydropower,
IRENA, European Union, Commonwealth of
Independent States

Acknowledgements

I could not have undertaken this journey without my supervisor, Dr. jur. Alexander N. Vylegzhannin, Head of International Law Department of MGIMO University who generously provided knowledge and expertise during my research.

References:

1. Vasilenko E.V., 2012. O nekotoryh pravovyh aspektah mezdunarodnogo upravlenija prirodnymi resursami [Some Legal Issues in Natural Resources' International Management]. *Moskovskij zhurnal mezdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 1. P. 255-269.
2. Vylegzhannin A.N., Zilanov V.K., 2000. Mezdunarodno-pravovye osnovy upravlenija morskimi zhivymi resursami. Teoriya i dokumenty [International legal framework for the management of marine living resources. Theory and documents]. Moscow.
3. Adamantides A., Kessides I., 2009. Nuclear power for sustainable development: Current status and future prospects. *Energy Policy*. Vol. 37. Issue 12. P. 5149-5166.
4. Benvenisti E., 2008. Asian Traditions and Contemporary International Law on the Management of Natural Resources. *Chinese Journal of International Law*. Vol. 7. No. 2. P. 273-283.
5. Breeze P., 2014. Geothermal Power. *Power Generation Technologies*. Ed. by Breeze P. Elsevier Science.
6. Brown L.R., Flavin Chr., Postel S., 2012. Picturing a Sustainable Society: State of the World. *Worldwatch Institute, 1990, cited in Tester J.W. Sustainable Energy: Choosing Among Options*. 2nd ed., MIT Press, Cambridge, MA.
7. Cohen B.L., 1983. Breeder Reactors: A Renewable Energy Source. *American Journal of Physics*. Vol. 51.
8. Crossley P., 2019. Renewable Energy Law: An International Assessment. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Elliott D., 2007. Sustainable Energy: Nuclear Power and Renewables. *Sustainable Energy: Opportunities and Limitations, Energy, Climate and Environment Series*. Ed. by D. Elliott. Palgrave MacMillan.
10. Gerrard M.B., 2011. The Law of Clean Energy: Efficiency and Renewables. Faculty Books. Chicago, IL, American Bar Association. Vol. 61.
11. Goldstein B., Budd A., 2008. Hot rocks in Australia-national outlook. *Proceedings Thirty-Third Workshop on Geothermal Reservoir Engineering Stanford University. Stanford, California. January 28-30*.
12. Gritsevskyi A., 2016. Renewable vs. Non-renewable Energy Sources, Forms and Technologies. *UN Statistical Commission*. URL: <https://unstats.un.org>.
13. Grubert E., Hastings-Simon S., 2022. Designing the mid-transition: a review of medium-term challenges for coordinated decarbonization in the United States. *Wiley Interdiscip. Rev. Clim. Change*. Vol. 13. Issue 3.
14. Harrison S., 2011. Geothermal Resources. In: *Gerrard M.B. The Law of Clean Energy: Efficiency and Renewables*. Faculty Books. Chicago, IL, American Bar Association. Vol. 61.
15. Kammen D.M., 2004. Renewable Energy, Taxonomic Overview. *Encyclopedia of Energy*. Ed. by Cleveland C.J. Elsevier Science. Vol. 5. P. 388.
16. Kochan D.J., Grant T., 2007. In the Heat of the Law, It's Not Just Steam: Geothermal Resources and The Impacts on Thermophile Biodiversity. *Hastings West-Northwest Journal of Environmental Law and Policy*. Vol. 13.
17. Kozloff K.L. and Dower R.C., 1993. A New Power Base - Renewable Energy Policies for the Nineties and Beyond. World Resources Institute.
18. Lip-Wah H., 2016. Wind energy in Malaysia: Past, present and future. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 53. Issue C. P. 279-295.
19. Rothwell D.R., Stephens T., 2010. The International Law of the Sea. Hart Publishing.
20. Smith E.E., 2007. Wind Energy: Siting Controversies and Rights in Wind. *Environmental & Energy Law & Policy Journal*. Vol. 1. Issue 2. P. 281-318.
21. Sobenes E., Mead S., Samson S., 2022. The Environment Through the Lens of International Courts and Tribunals. Springer.
22. Tester J.W., 2012. Sustainable Energy: Choosing Among Options. 2nd ed., MIT Press, Cambridge, MA.
23. UNEP Handbook for Drafting Laws on Energy Efficiency and Renewable Energy Resources. Ed. by Ottinger R.L. and Bradbrook A.J. UNEP. Earth Print Limited, 2007.
24. Vylegzhannin A., Ivanov D., Milyukova M., 2023. Renewable Energy in International Law: The Russian Perspective for Developing a Common BRICS Approach. *BRICS Law Journal*. Vol. 10(2). P. 5-36.

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ В РИМСКОМ ПРАВЕ: ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Елена Сигачева*
Оксана Борисова**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-136-146

Введение. В статье рассматриваются основные положения римской правовой традиции о наследовании в контексте развития современного законодательства в сфере регулирования наследственных правоотношений. В Содержание статьи последовательно рассматриваются тенденции правового регулирования наследственных отношений в древнеримском государстве, как в отношении нормативного содержания законодательства, так и в отношении эволюции отдельных правовых средств. На примере отдельных институтов наследственного права – наследственного договора, недостойных наследников – в статье демонстрируется влияние римского права на современное российское законодательство. Актуальным вопросом для рассмотрения также является обоснование наследственного имущества, которое своеобразно решалось в римском праве. Ставится вопрос о возможности адаптации отдельных элементов римской правовой традиции к современным условиям развития наследственных правоотношений.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил инструментарий общенаучного аппарата и специально-юридической методологии. В статье использован историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой метод. Общенаучная методология представлена методом анализа, формально-логическим методом, диалектическим методом.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что римское частное право представляет собой уникальный исторический и правовой феномен, оказавший решающее влияние на развитие законодательства государств континентальной правовой системы о наследстве. Продемон-

* Сигачева Елена Леонидовна, кандидат юридических наук, директор Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, доцент кафедры теории, истории и государственно-правовых дисциплин, г. Чита, Россия
e-mail: elsigleo@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-8613-6256

** Борисова Оксана Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории и государственно-правовых дисциплин Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия
e-mail: OPBorisova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0009-9487-8642

стрировано влияние законодательства Древнего Рима о наследстве и наследниках на гражданское право Российской Федерации, в частности института недостойных наследников, где недостойный наследник изначально имел положительный облик, а впоследствии утратил этот статус в силу совершения проступка. Рассматриваются актуальные тенденции развития современного законодательства Российской Федерации о наследственном договоре, об обособленном наследственном имуществе в контексте влияния ключевых идей римской юриспруденции.

Обсуждение и заключение. Доктрина наследственного правопреемства органично рецептирована гражданским правом Российской Федерации и получила свое дальнейшее развитие. Ключевые элементы современной системы наследственного права позволяют преодолеть ограничения классической римской правовой традиции и обеспечить соответствие законодательства актуальным тенденциям развития наследственных правоотношений отдельных институтов наследственного права - наследственного договора, недостойных наследников, обособлении наследственного имущества.

Введение

Наследование традиционно считается одним из старейших и наиболее стабильных институтов в праве любого государства. Регулирование наследования нормами гражданского права обеспечивается многими исторически сложившимися правовыми институтами, которые отличаются степенью детализации регулирования, специфическим составом институтов и некоторыми другими параметрами на национальных уровнях разных стран. Большинство правовых положений наследования, закрепленных в законодательстве России и стран континентального права, были введены еще во времена римского частного права. Однако развитие общественных отношений постепенно видоизменяет экономические отношения, что, в свою очередь, влияет на имущественные отношения, изменчивость которых обуславливает необходимость разработки и совершенствования положений, регулирующих переход прав от одного лица к другому, как общих норм, так и положений наследственного права в качестве специального правового регулирования.

Исследование

Общая характеристика наследования в римском праве

Из двух самых ранних форм завещания (обе вышли из употребления в более поздней республике) одна, составленная на специальном заседании *comitia calata*, собрания римского народа, проводимого с этой целью

два раза в год, представляла собой принятие усыновления названного наследника, которое вступало в силу после смерти завещателя. Другая (объявление воином своей воли) была, по сути, экстренной формой той же процедуры, которая выполнялась перед мобилизацией армии на месте сражения. Очевидно, что чрезвычайные ситуации в гражданской сфере не были должным образом охвачены этими положениями. Поэтому была разработана третья форма, согласно которой имущество лица, которому угрожала внезапная смерть, передавалось путем продажи покупателю, который был одновременно наследником и душеприказчиком. Все эти процедуры были разработаны для восполнения недостатка правового регулирования наследования; если завещание не было составлено, имущество возвращалось агнatum. В отношении потомков наследодателя римское право исходило из концепции наследования по ответвлениям рода [7. С. 40].

Даже без соблюдения формальностей, связанных с распоряжением, письменное завещательное распоряжение, скрепленное семьью свидетелями, могло быть принято претором, который мог присудить владение в соответствии с условиями завещания. Так, римские юристы причисляли владение к тем предметам, которые не входили в состав наследства на том основании, что владение не есть право, но фактическое состояние, охраняемое наподобие права [6. С. 18]. Уже в Законе XII таблиц закреплялся важный принцип: наследование по закону происходит только в том случае, если насле-

додатель не оставил распоряжения о своем имуществе [9. С. 18].

Свобода распоряжения завещанием всегда была прерогативой римского *pater familia*. Завещания наследства лицам вне семьи играли очень важную роль, особенно в период поздней республики и ранней империи, как в социальном, так и в политическом плане, среди высших классов. Сделкой по римскому праву признавалось любое проявление частной воли, направленное на достижение дозволенной правопорядком цели [13. С. 168].

Никакое завещание не было действительным, если оно не было составлено кем-либо, обладающим правоспособностью к завещанию (*testamentifactio*). Для этого должны были быть выполнены определенные условия. Некоторые из них в равной степени затрагивали оба пола: например, завещатель должен быть свободным, иметь статус гражданина и способен свидетельствовать (*testabilis*). Поэтому рабы, пленники, сумасшедшие, врожденные глухонемые и те, кто наказан позором, не могли составлять завещания. Однако некоторые условия по-разному влияют на поведение лиц разного пола. Во-первых, завещатели должны быть *sui iuris*. Это требование распространяется не только на мужчин и женщин, у которых все еще жив отец, но и на женщин, состоящих в браке. Во-вторых, они должны были достичь половой зрелости. Здесь женщины имели преимущество, поскольку считались совершеннолетними в двенадцать лет, мужчины – в 14 лет. Если при наличии у завещателя несовершеннолетнего сына он не упоминал его в завещании в качестве наследника или наоборот, завещание признавалось ничтожным [3. С. 60].

Наследники в римском праве

Одна из основных проблем, существующих в наследственном праве, вопросы, связанные с правопреемством, а римскому праву были известны сингулярное и универсальное правопреемство, применявшееся в рамках отказов наследодателя в пользу третьих лиц (легатов и фидеикомиссов) [8. С. 478].

Однако при любом обсуждении прав следует иметь в виду некоторые обстоятельства развития римского права. Во-первых, права наследников на получение обязательной доли были в основном правами наследования при отсутствии завещания; права наследников по закону (любого пола) против завещания были относительно ограни- ченными и состояли в основном в праве, при определенных оговоренных обстоятельствах, предъявить требование, которое претор мог удовлетворить. Во-вторых, в то время как права на обязательную долю в наследстве были первоначально установлены в отношении агнатической семьи (хотя постепенно ослабевали в пользу родственных), фактические завещательные обычаи преследовали разные цели.

В классический период женщины *sui iuris* могли наследовать по завещанию или иным образом и могли получать наследство. Однако их право распоряжаться своим имуществом частично контролировалось опекунами. Постепенно женщины приобретали все больший контроль над распоряжением своим имуществом не только при жизни, но и после смерти; в то же время права наследования агнатов постепенно сокращались. Большинство этапов процесса уже были упомянуты: назначение опекуна по завещанию; наличие *coemptio* (с согласия опекуна) с целью составления завещания; *ins liberorum*; отмена агнатической опеки; возможность принудительного получения согласия опекунов (за исключением законных); отмена *coemptio*. Допуск детей женщины в соответствии с решением совета сената к наследованию по завещанию еще больше ослабил позиции агнатов [10. С. 39].

Завещание должно было предусматривать распоряжение имуществом в полном объеме; было невозможно завещать часть его, а остальное оставить на усмотрение по правилам наследования без завещания. Должен быть назначен наследник или наследники, между которыми было разделено все имущество в пропорциях, определенных наследодателем. Если в завещании не было пункта об исключении, потенциальный наследник мог подать апелляцию претору на получение *bonorum possessio* против воли. Если действие завещания прекращалось из-за отказа наследника или наследников, наследственные права защищались путем подачи претором иска бенефициарам против наследников при отсутствии завещания. В римском праве отказ от наследства не подчинялся особым формальным требованиям, то есть соответствующее волеизъявление наследник мог выразить как угодно [4. С. 143].

Завещание мужчины также могло быть оспорено, если не было предусмотрено никаких условий для *postumi* (послерожденных детей), родившегося в течение десяти месяцев после смерти отца. Будущая мать может предъявить претензии на имущество от име-

ни ребенка в утробе матери, в том числе при отсутствии завещания. Ей было обеспечено содержание из наследственного имущества; оно не подлежало возврату в случае выкидыша. Обычно она просила назначить одного или нескольких опекунов как для ребенка, так и для имущества – обычно из числа родственников и друзей покойного. Поскольку хранитель имущества несет личную ответственность перед любыми кредиторами, он должен быть платежеспособным. Если бы были другие наследники, имеющие ту же степень приоритета, что и ожидаемый ребенок, могли бы возникнуть проблемы с определением доли наследства, причитающейся каждому из них в то же время, поскольку существовала возможность рождения нескольких детей.

Влияние римского права на развитие законодательства о наследстве в России.

Современные ученые признают доминирующее влияние римского права на российское гражданское законодательство и разделяют это римское влияние на два основных этапа: византийский период, начиная с X века; и западный период, который начался с реформ Петра Великого в конце XVIII и начале XVIII веков. После Октябрьской революции 1917 года следы римского права в России почти полностью исчезли, поскольку произошли фундаментальные изменения в российском законодательстве, которое было полностью обновлено. На протяжении всей истории своего развития российское право постепенно заимствовало такие правовые конструкции, как процессуальное представительство, принцип состязательной диспозитивности, а также институт различных видов и форм процессуальных доказательств. Тесные дипломатические и экономические контакты России с Византийской империей предопределили развитие российской правовой системы, в целом, и гражданского права, в частности. Сегодня римское право оказывает большое влияние на гражданское материальное и процессуальное право. В юридической литературе почти общепринятым стало считать, что принцип свободы завещания наиболее полным образом сформировался в римском праве, откуда и был позднее рецептирован, прежде всего, романо-германской правовой системой [1. С. 135].

Со времен римского права установился взгляд, являющийся достоянием действующих ныне систем наследственного права в большинстве государств, что наследование есть преемство во всей имущественно-право-

вой сфере человека – преемство универсальное [5. С. 14]. Его основные положения сводятся к следующему. Наследственная масса представляет собой неразрывное единство прав и обязанностей наследодателя и переходит к одному или нескольким наследникам в целом без предварительной передачи их в качестве промежуточного этапа какому-либо лицу, т.е. напрямую. Суть универсального правопреемства согласно статье 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) заключается в том, что при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил самого Кодекса не следует иное. Таким образом, его сторонники приходят к выводу, что не всякая передача субъективных гражданских прав и обязанностей после смерти правопреемника должна рассматриваться как наследственное правопреемство. Историко-правовой предпосылкой формирования концепции универсального правопреемства стало возникновение нового социального организма, главой которого был господин своей жены и детей, а также определенного количества рабов, обладающий, в силу римской отцовской власти, правом распоряжаться жизнью и смертью всех своих подчиненных (pater familias). Этот подход проистекал из всей системы римской семьи как закрытой социально-экономической ячейки с культом предков.

Универсальный характер наследственного правопреемства в классическом римском праве, которое возлагало на наследника неограниченную ответственность за долги наследодателя, основывался на мистической идее о том, что юридическая личность умершего воплощена в наследстве. В то же время отличительной чертой наследственного правопреемства является единовременная передача (единым актом) правопреемнику всех прав и обязанностей, являющихся частью имущества предшественника. Таким образом, характерной особенностью наследственного правопреемства является то, что универсальный наследник является прямым наследником имущества наследодателя. Римское право предоставляло возможность наследодателю в случае смерти распорядиться некоторой долей своего имущества не универсальным способом, а сингулярно, оставив указания о том, что определенному лицу после его смерти будет передана какая-либо вещь [2. С. 45].

Сингулярное правопреемство закрепилось в наследственном праве Древнего Рима

благодаря внедрению такой правовой конструкции, как *hereditas testamentaria*, что было обусловлено усилением элементов правопреемства в имущественном статусе наследодателя, а также ослаблением семейно-охранительной функции наследственного права. Правила ст. 1175 ГК РФ прямо не лишают кредиторов наследодателя вступить в суде с иском к отказополучателю о неосновательном обогащении, поскольку если долги наследодателя превышают стоимость активов в наследственной массе, отказаполучатель не имел права требовать исполнения завещательного отказа.

Предоставление лицу права составлять завещание в пользу лиц, не включенных по закону в круг наследников, а также возможное уменьшение размера обязательной доли в особый правовой режим наследования определенных видов имущества и вещных прав позволяют указать на смещение акцентов в методологии построения науки гражданского права в вопросах наследственного правопреемства. В частности, это относится к ограничению роли функции поддержки семьи в праве наследования и развитию концепции единичного правопреемства в праве наследования. Наследодатель имеет право самостоятельно назначить одного или нескольких лиц своими наследниками, независимо от наличия семьи, родственных или иных отношений между ними. Кроме того, наследодатель может без указания причин лишить права наследования любое лицо из числа наследников по закону. Завещатель имеет право включить в завещание права и обязанности, которые принадлежат ему на момент составления завещания, а также те права и обязанности, которые могут принадлежать ему в будущем. Более того, завещатель имеет право составить завещание относительно всего наследства или его части.

Таким образом, при наследовании по завещанию принцип единства наследственной массы и универсальности наследственного правопреемства не может быть соблюден, поскольку в этом случае наследодатель самостоятельно определяет размер наследственной массы, передаваемой в порядке наследственного правопреемства определенному наследнику. Проводя сравнительный анализ двух концепций наследственного правопреемства, следует отметить, что наиболее последовательному пониманию принципа универсальности наследственного правопреемства соответствует неограниченная ответственность наследников по долгам наследодателя. Тем не менее ответственность

наследников не является обязательным атрибутом универсального правопреемства, поскольку объем этой ответственности прямо пропорционален объему наследственной массы, переданной конкретному лицу. Наследник, принявший наследство, несет ответственность по долгам наследодателя в пределах фактической стоимости переданного им наследуемого имущества.

Влияние римской правовой традиции на формирование конструкции недостойных наследников в российском законодательстве

Проследить влияние отдельных положений римского права о наследстве на развитие современного российского законодательства можно на примере института недостойных наследников. Прежде всего, необходимо отметить, что институт недостойных наследников появился в правовой системе России относительно недавно. Первые нормы гражданского законодательства о недостойных наследниках были разработаны в советский период истории российского права, а затем в достаточно стабильном состоянии перенесены в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Наличие развитой системы норм о недостойных наследниках в римской правовой традиции в целом не вызывает сомнений, хотя имеются достаточные основания полагать, что становление данного правового института можно проследить вплоть до законодательства Хаммурапи. Перечень оснований, в соответствии с которыми наследник мог быть отстранен в римском праве, достаточно обширен, хотя и отличается несколько противоречивым характером. Наследник мог быть отстранен в результате совершения деяния против личности наследодателя, либо это деяние могло быть направлено против его воли. Основанием для отстранения могло стать прямое нарушение закона, а также лишение наследства, если на это была прямая воля самого наследодателя. Следовательно, уже в римском праве можно проследить наличие как формально-юридических оснований для отстранения наследника, так и морально-этических оснований. Римское право оставляло за границами наследования лиц, которые не могли выступать в качестве наследников в силу своего гражданского положения, однако это свидетельствует об их наследственной неправоспособности. В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имуще-

ственныe права и обязанности [14. С. 142].

Качество «недостойности» в первую очередь указывает на нравственныe облик потенциального наследника, который принимается во внимание законодательством. Некоторые зарубежные правопорядки содержат расширенный перечень этических качеств наследника, которые могут служить основанием для его отстранения – например, расточительный образ жизни или склонность к аморальному поведению. Однако российское наследственное право сосредоточено преимущественно на отношении потенциального наследника к наследодателю, что создает усеченный образ недостойного наследника в гражданском законодательстве.

Согласно римской правовой традиции, категория недостойных наследников также охватывала собой лиц, которые прямо исключены из числа тех, кто имеет право на получение доли в наследстве. В контексте данного подхода недостойность наследника отождествляется с его фактической неспособностью получить какую-либо часть наследства, хотя и при иных обстоятельствах он имел на это право. Вместе с тем невозможно игнорировать тот факт, что в основе подобного исключения могли лежать обстоятельства, характеризующие личные отношения между наследодателем и наследником. Завещатель мог лишить кого-либо доли в наследстве на основании личной неприязни к потенциальному наследнику. Такая мотивация фактически означала промежуточное положение недостойных наследников на стыке правового и неправового поля регулирования отношений в области наследования.

Гражданское законодательство Российской Федерации также рецептировало данный подход, поскольку ст. 1117 ГК РФ предусматривает возможность включения лица в круг недостойных наследников как на основании завещательной воли наследодателя (узкий подход), так и на основании соответствующих предписаний законодательства о наследовании (широкий подход). Особенностью современного подхода, сложившегося в гражданском законодательстве, в сравнении с римской правовой традицией является то обстоятельство, что недостойный наследник изначально имел положительный облик, то есть являлся достойным. Лишь впоследствии он утрачивает данный статус в силу совершения какого-либо поступка или возникновения определенного обстоятельства, которое обуславливает его негативный облик в качестве наследника.

Влияние римской правовой традиции на современный институт наследственного договора.

Относительно новым явлением в гражданском законодательстве Российской Федерации является наследственный договор. Эта самостоятельная разновидность гражданско-правового договора, который может ставить условия о распределении имущества среди круга наследников, а также устанавливать для наследников определенные обязанности, которые они должны исполнить. Вопрос о происхождении наследственного договора и его связи с римским правом является достаточно дискуссионным. С одной стороны, известна позиция, согласно которой римское право «знало только два основания к открытию наследства: завещание либо законный порядок» [11. С. 261]. С другой стороны, в сравнительно-исторических исследованиях встречаются попытки связать возникновение конструкции наследственного договора с римским договором о доверии (ractum fiduciae). Аргументация в пользу второй позиции может выглядеть следующим образом. Фидуциарный договор мог служить средством, в соответствии с которым отец семейства мог по взаимному согласию с сыновьями «установить свое право наследования определенной доли в их имуществе, т.е. назначить себя наследником в договорном порядке» [12. С. 35].

Более поздняя римская практика в целом склонялась к признанию подобных договорных конструкций недействительными, однако понимание наследственного договора как акта передачи имущества в случае смерти лицу, занимающему место естественного наследника, было рецептировано континентальным правом. Российское законодательство в результате правовых новелл 2018 г. было дополнено нормами о наследственном договоре, который отныне предоставил возможность согласования условий наследования имущества между сторонами наследственных правоотношений еще до момента смерти наследодателя. Положительной чертой конструкции наследственного договора в законодательстве Российской Федерации является возможность для наследодателя возложить на будущих наследников обязанности совершить имущественные или нематериальные действия, если они прямо не противоречат закону.

Завещательное возложение ранее было предусмотрено и для простого завещания (ст. 1139 ГК РФ), однако в рамках института завещания оно предполагало достижение

ние определенного целевого предназначения, которое отсутствует в системе норм о наследственном договоре. Важной чертой наследственного договора является также момент возникновения обязательства для наследника, поскольку ст. 1118 ГК РФ предусматривает, что она возникает до открытия наследства (для завещательного возложения это возможно только после открытия наследства). Вместе с тем действующая конструкция наследственного договора в гражданском законодательстве не позволяет явным образом определить характер каузальной связи между обязанностями наследника и переходом прав на имущество наследодателя. Ссылка на ст. 327.1 ГК РФ, предусмотренная ст. 1140.1 ГК РФ, едва ли может быть признана удачной, так как наличие в наследственном договоре завещательных распоряжений позволяет говорить о наличии обусловленность перехода прав на имущество наследодателя со стороны конкретных действий наследников. Важно отметить, что данная обусловленности является результатом взаимного соглашения между сторонами наследственного правоотношения, что сближает данную конструкцию с римским дарением на случай смерти (*mortis causa cario*), которое предполагало, что даритель может умереть раньше, чем одаряемое лицо. Таким образом, преодолевается односторонность классической модели наследования, в которой значение имела воля лишь одной стороны правоотношения.

Значение римской доктрины обособленного имущества для наследственного права Российской Федерации.

Современная система норм гражданского законодательства, которая затрагивает вопросы обособленности наследственного имущества, во многом носит неупорядоченный характер. Например, достаточно трудно определить причины, по которым наследственные фонды являются субъектами, а фонды доверительного управления имуществом – нет. Римская юриспруденция в целом исходила из понимания того, что имущественная обособленность предполагает необходимость наличия лица, которое является носителем данной обособленности. Для отдельной семьи в качестве этого лица выступал глава семейства, который и был обладателем всей имущественной массы, распределенной между членами семьи. В определенном смысле семья как обособленная социальная единица в римском праве приравнивалась к современной конструк-

ции юридического лица, что имело вполне хозяйственное обоснование.

Имущественные системы домохозяйства, сосредоточенные в руках одной семьи, выступали в качестве ячеек большой экономической системы римского государства, которые основывались на натуральном хозяйстве. Общность имущества семьи сохранялась также после смерти главы семейства, что подчеркивает обособленный характер хозяйственного комплекса. Обособленность имущества как «лежачего» наследства обосновывалось наличием наследственной массы, которая выступала в качестве самостоятельного имущественного комплекса от момента открытия наследства до момента перехода прав на данное имущество. Для любого промежуточного состояния подобного рода характерно возникновение проблемы двойственного характера. С одной стороны, необходимо определить, кто несет ответственность за сохранность указанного обособленного имущества до момента вступления в наследство (в том числе бремя содержания). С другой стороны, требуется установить, кто является собственником этого имущества, учитывая, что наследодатель уже мертв, а наследник еще не определен.

Римская правовая традиция предоставила два ответа на решение данной проблемы. «Лежачее» наследство определялось в качестве имущества, не имеющего собственника, еще со времен Гая. При этом его принадлежность отчасти могла быть определена по аналогии с собственностью юридического лица (в той мере, в какой современная конструкция личности юридического лица могла быть известна римской юриспруденции). Наследник имущества может быть не определен формально (то есть наследник еще не вступил в наследство), но он может быть определен потенциально, то есть является, как минимум, определимым. Для практического претворения в жизнь подобных допущений римская правовая традиция прибегала к приятию наследованию обратной силы – когда бремя прошлых издержек возлагалось на актуального наследника, либо путем квалификации умершего наследодателя в качестве актуального собственника.

В результате наследственная масса наделялась фиктивной личностью, что позволяло на практике решать сложные вопросы содержания обособленного имущества. Известно, что в гражданском законодательстве Российской Федерации кредиторы умершего наследодателя могут до момента приятия наследства предъявлять требования

к наследственному имуществу (ст. 1175 ГК РФ). Для этого к делу привлекаются исполнитель завещания или нотариус, которые могут совершать действия по обеспечению сохранности обособленного имущества. В результате можно сделать вывод, что российский законодатель пошел по пути олицетворения наследственного имущества, по отношению к которому кредиторы вправе предъявлять свои требования. Наследственные правоотношения не следует рассматривать исключительно как отношения универсального правопреемства прав и обязанностей наследодателя. Им также присущ особый характер, наряду с универсальным правопреемством. Это положение характеризует Россию как страну, чье наследственное право принадлежит к континентальной системе [15. С. 49].

В рамках римской правовой традиции становилось моментом отождествления наследников и наследственного имущества – ответственность по долгам наследодателя отныне не ограничивалась только самой наследственной массой. В результате возрастают риски для сторон таких правоотношений – для новых собственников имущества, для кредиторов и для кредиторов новых собственников имущества. Обособление наследственного имущества отвечает интересам, прежде всего, наследника – так как в ряде случаев принятие наследства происходило помимо их воли. Например, в рамках отношений пекулия наследнику могло называться заведомо убыточное наследство, что впоследствии сформировало условия для предоставления со стороны претора возможности отказываться от такого наследства. Позднее римская юриспруденция разработала несколько средств ограничения ответственности новых собственников имущества в лице наследников. С одной стороны, кредиторы со временем утратили возможность претендовать на личное имущество наследника, получая удовлетворение только за счет наследодателя. С другой стороны, возникновение льготы в виде возможности для наследника осуществлять опись принимаемого имущества также стала средством для

ограничения объема его ответственности только размерами описанного наследства.

Римский подход к пониманию обособленного имущества в контексте наследственных правоотношений может быть воспринят и современными системами наследственного права. Известно, что некоторые зарубежные правопорядки предусматривают конструкцию трастового управления имуществом, в соответствии с которой имущество разделяется на обособленные массы. Французское законодательство также пошло по пути разделения имущества индивидуальных предпринимателей на личное и коммерческое, что является актуальным примером для развития доктрины имущественного обособления в современном законодательстве, который может быть воспринят российской правовой системой.

Заключение

Наследственные правоотношения во многом основываются на учении об обособленном имуществе, истоки которого можно обнаружить в римской правовой традиции. Это обусловлено последовательной тенденцией наследственного права России к расширению прав субъектов наследственных правоотношений, выделению из наследственной массы объектов, для которых характерен особый правовой режим регулирования их наследования, и тенденцией к ослаблению функций наследственного права по поддержке семьи. Наследственный договор также раскрывает связь с римским правом путем назначения наследника в договорном порядке с возложением на него обязанности совершить имущественные или неимущественные действия. Отечественный институт недостойных наследников во многом повторяет основные положения римского права экспередации – лишения наследства в соответствии с волей завещателя. Анализ действующего законодательства России показал, что оно во многом заимствовало правовые модели исследуемого института, которые были разработаны еще в эпоху Древнего Рима, внедряя их в национальную правовую систему.

Литература:

1. Аксенова О.В. Ограничения свободы волеизъявления завещателя по римскому праву // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2017. Т. 13. С. 134-140.
2. Алимова О.В., Днепровская Д.Н. Завещательный отказ и завещательное возложение как один из примеров рецепции римского права в российское право // Заметки ученого. 2020. № 1 (44). С. 44-47.

3. Бунягова Ф.Д. Институт завещания в римском праве // Нотаріальний вѣстникъ. 2016. № 3. С. 55-64.
4. Бычко М.А., Комаревцева И.А. Институт отказа от наследства: история становления и развития // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 142-147.
5. Выборнова Н.А., Галеева А.А. Осуществление наследственных прав: понятие и принципы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 4 (29). С. 13-16.
6. Гафиуллин Х.И., Маслова В.А. Наследственное имущество: понятие и состав // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 4 (29). С. 17-20.
7. Зазулина Л.Д. Наследование по праву представления: эволюция правового института и перспективы его развития // Нотаріальний вѣстникъ. 2021. № 8. С. 35-48.
8. Копылов А.В. Виды фидеикомиссов в римском наследственном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 477-487.
9. Красильникова А.А. Генезис и становление института наследования по завещанию в римском праве: от позднеродовой общине до права Юстиниана // Наследственное право. 2022. № 1. С. 16-19.
10. Михайлова И.А. «Условные» завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 37-44.
11. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут, 2003. 639с.
12. Пучков О.А., Пучков В.О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 34-39.
13. Тахмазов Э.Ш. Сделочный эффект завещания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 166-170.
14. Филипсон К.Ю. Особенности сингулярного и универсального правопреемства в различных сферах правового регулирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 138-144.
15. Цыпляева Е.В. К вопросу о правопреемстве в наследственных правоотношениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 47-51.

INHERITANCE AND HEIRS IN ROMAN LAW: IMPACT ON MODERNITY

Introduction. The article examines the main provisions of the Roman legal tradition on inheritance in the context of the development of modern legislation in the field of regulation of hereditary legal relations. The article consistently examines the trends in the legal regulation of hereditary relations in the ancient Roman state, both in relation to the normative content of legislation and in relation to the evolution of individual legal means. Using the example of individual institutions of inheritance law – the inheritance contract, unworthy heirs – the article demonstrates the influence of Roman law on modern Russian legislation. An urgent issue for consideration is also the separation of hereditary property, which was solved in a peculiar way in Roman law. The question is raised about the possibility of adapting certain elements of the Roman legal tradition to the modern conditions of the development of hereditary legal relations.

The article is based on the analytical approaches generally accepted in the doctrine of private law to understanding the nature of hereditary relations in ancient Roman legislation, based on commonly used

terms. The analysis of inheritance in Roman law is based on historical sources (Digests, Institutions).

The hypothesis of the article is to recognize the decisive influence of the main legal structures of ancient Roman legislation on the modern inheritance law of the Russian Federation.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the tools of the general scientific apparatus and special legal methodology. The article uses the historical-legal, formal-legal, comparative-legal method. The general scientific methodology is represented by the method of analysis, the formal-logical method, the dialectical method.

Results of the study. As a result of the analysis, it was revealed that Roman private law is a unique historical and legal phenomenon that had a decisive impact on the development of the legislation of the states of the continental legal system on inheritance. The influence of the legislation of Ancient Rome on inheritance and heirs on the civil law of the Russian Federation, in particular the institution of unworthy heirs, where the unworthy heir initially had a positive appearance, and subsequently lost this sta-

tus due to misconduct, is demonstrated. The current trends in the development of modern legislation of the Russian Federation on the inheritance contract, on separate hereditary property in the context of the influence of key ideas of Roman jurisprudence are considered.

Discussion and conclusion. The influence of the legislation of Ancient Rome on inheritance and heirs on the civil law of the Russian Federation is also obvious. The influence of the Roman private law tradition on the civil legislation of the Russian Federation is considered in the context of the reception of universal hereditary succession, as well as the features of singular succession.

The doctrine of hereditary succession is organically formulated by the civil law of the Russian Federation and has been further developed. The key elements of the modern system of inheritance law make

it possible to overcome the limitations of the classical Roman legal tradition and ensure that legislation complies with current trends in the development of hereditary legal relations of individual institutions of inheritance law - inheritance contract, unworthy heirs, separation of family property.

Elena L. Sigacheva,
Director of the Chita Institute (branch),
Baikal State University, Candidate of
Science (Law), the associate professor of the
Department of theory, history and state-legal
disciplines, Chita, Russia

Oksana P. Borisova,
Candidate of Science (Law), the associate
professor of the Department of theory, history
and state-legal disciplines, Chita, Russia

Ключевые слова:

римское право, завещание, наследственный договор, наследственная масса, обособленное имущество

Keywords:

Roman law, will, inheritance contract, inheritance estate, separate property

References:

1. Aksanova, O.V., 2017. Ogranichenija svobody voleizjavlenija zaveshhatelja po rimskomu pravu [Restrictions on the freedom of expression of the will of the testator under Roman law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala «Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudija»* [Scientific notes of the Kazan branch of the "Russian State University of Justice"]. Vol. 13. S. 134-140.
2. Alimova, O.V., Dneprovskaja, D.N., 2020. Zaveshhatel'nyj otkaz i zaveshhatel'noe vozlozhenie kak odin iz primerov recepcii rimskogo prava v rossiskoe pravo [Testamentary refusal and testamentary assignment as one of the examples of the reception of Roman law into Russian law]. *Zametki uchenogo* [Notes of the scientist]. № 1 (44). S. 44-47.
3. Bunyatova, F.D., 2016. Institut zaveshhaniya v rimskom prave [The Institute of Probate in Roman Law]. *Notarial'nyj vѣstnik* [Notarial journal]. № 3. S. 55-64.
4. Bychko, M.A., Komarevceva, I.A., 2020. Institut otkaza ot nasledstva: istorija stanovlenija i razvitiya [The Institute of renunciation of inheritance: the history of formation and development]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. № 2. S. 142-147.
5. Vybornova, N.A., Galeeva, A.A., 2020. Osushhestvenie nasledstvennyh prav: ponjatie i principy [The exercise of hereditary rights: the concept and principles]. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshhestvo* [Actual problems of our time: science and society]. № 4 (29). S. 13-16.
6. Gafiullin, H.I., Maslova, V.A., 2020. Nasledstvennoe imushhestvo: ponjatie i sostav [Hereditary property: concept and composition]. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshhestvo* [Actual problems of our time: science and society]. № 4 (29). S. 17-20.
7. Zazulina, L.D., 2021. Nasledovanie po pravu predstavlenija: jevoljucija pravovogo instituta i perspektivy ego razvitiya [Inheritance by right of representation: evolution of the legal institution and prospects for its development]. *Notarial'nyj vѣstnik* [Notarial journal]. № 8. S. 35-48.
8. Kopylov, A.V., 2021. Vidy fideikomissov v rimskom nasledstvennom prave [Types of fideicommissos in Roman inheritance law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law]. T. 12. № 2. S. 477-487.
9. Krasil'nikova, A.A., 2022. Genezis i stanovlenie instituta nasledovanija po zaveshhaniyu v rimskom prave: ot pozdnerodovoj obshhiny do prava Justiniana [Genesis and formation of the institution of inheritance by will in Roman law: from the Late Gentile community to the law of Justinian]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law]. № 1. S. 16-19.
10. Mihajlova, I.A., 2016. «Uslovnye» zaveshhaniya: istorija i sovremennost' ["Conditional" wills: history and modernity]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University]. T. 2. № 1. S. 37-44.
11. Pobedonoscev, K.P., 2003. Kurs grazhdanskogo prava. Chast' vtoraya: Prava semejstvennye, nasledstvennye i zaveschatel'nye [Course of civil law. Part two: Family, hereditary and testamentary rights]. Moscow.

12. Puchkov, O.A., Puchkov V.O., 2016. Nasledstvennyj dogovor kak osobyj institut grazhdanskogo prava inostrannyh gosudarstv: obshchaya harakteristika i problemy pravovogo rezhima [Hereditary contract as a special institution of civil law of foreign states: general characteristics and problems of the legal regime]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice]*. № 3 (10). S. 34-39.
13. Tahmazov, E.Sh., 2022. Sdelochnyj jeffekt zaveshhaniya [The transaction effect of the will]. *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Juzhnogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]*. T. 9. № 4. S. 166-170.
14. Filipson, K.Ju., 2019. Osobennosti singuljarnogo i universal'nogo pravopreemstva v razlichnyh sferah pravovogo regulirovaniya [Features of singular and universal succession in various spheres of legal regulation]. *Vestnik Sibirskego juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. № 4 (37). S. 138-144.
15. Cypljaeva, E.V., 2015. K voprosu o pravopreemstve v nasledstvennyh pravootnoshenijah [On the issue of succession in hereditary legal relations]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law]*. T. 15. № 1. S. 47-51.

КОДЕКСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дмитрий Митрофанов*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-147-158

Введение. В статье представлено исследование целесообразности наличия корпоративных кодексов этики в корпорациях, имеющих различные уставные цели, рассмотрены вопросы о соотносимости бизнеса и нравственных правил, о роли этических кодексов в управлении корпорациями, о практической выгодности, «окупаемости» кодексов и привлечения инвестиций.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; сравнительно-правовой метод; формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате исследования автор пришел к выводу о том, что наличие кодексов профессиональной этики – это показатель нравственной зрелости общества (в нашем случае – корпорации), которое может без помощи государства самостоятельно регламентировать поведение своих членов.

Независимо от степени связи кодексов этики с федеральным законодательством, их бланкетности или суверенности – корпоративные кодексы этики остаются одним из важнейших инструментов управления деятельностью корпорации и регулирования корпоративных отношений.

Исследуя кодексы этики корпораций, можно констатировать, что они в интеграции с правом имеют позитивное воздействие на повышение эффективности корпорации, формирование нравственно-ориентированной корпоративной культуры.

Включение в корпоративные кодексы этики ESG-принципов повышает ответственность компаний в области охраны окружающей среды, выводит корпорации на новый уровень социальной значимости. В свою очередь, это приводит к социализации бизнеса и способствует повышению деловой репутации корпорации.

Обсуждение и заключение. Изучение корпоративных кодексов этики позволяет сделать выводы о том, что, имея статус корпоративного нормативного правового акта, кодекс становится гибким и полноценным инструментом управления корпорацией.

* **Митрофанов Дмитрий Андреевич**, соискатель кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России
e-mail: d.a.mitrofanov@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-8561-8097

Взаимодействие права и нравственности в корпорациях реализуется через новую модель влияния на управление, где нормы этики и морали переплетаются с правовыми механизмами для достижения синергетического эффекта – образования уникальной корпоративной культуры.

Практическое единство применяемых в корпоративных кодексах этики категорий морали и нравственности дает основания для разработки универсальных этических принципов, для их обязательного использования в этих актах.

Введение

Вопросы целесообразности наличия корпоративных кодексов этики в корпорациях, имеющих различные уставные цели, до настоящего времени продолжают обсуждаться в практических кругах и в научной среде. Тема важна и в контексте вызовов, стоящих перед корпорациями: высокой конкуренции, колебаний фондовых рынков, необходимости построения имиджевого рейтинга и многих других причин. Наиболее остро дискутируются вопросы о соотносимости бизнеса и нравственных правил, о роли этических кодексов в управлении корпорациями, о практической выгодности, «окупаемости» кодексов и привлечения инвестиций.

Профессиональные кодексы этики выполняют важные для эффективной деятельности корпораций задачи: во-первых, их наличие гарантирует обществу и государству, что в корпорации будут соблюдать общепринятые нормы нравственности; во-вторых, делают прозрачной информацию о нравственных стандартах и принципах поведения и о предписанных ограничениях, существующих в корпорации. Основной массив этических постулатов и ограничений, наряду с правовыми предписаниями содергится именно в этом формализованном источнике.

В процессе управления корпоративными отношениями кодекс этики оформляет социальное партнерство, мотивирует сотрудников искать нравственно приемлемые решения этически сложных дилемм, формализация этических норм способствует защите сотрудников и компании от диффамаций.

Исследование

В юридической литературе существует множество определений этики, этических и правовых норм в их взаимоотношениях и со-

вместном интегрированном регулировании общественных отношений [6,11,13,16,17].

Термин «этика» происходит от греческого ethos – обычай, нравственный характер и определяется как «1) учение о нравственности как одной из форм общественного сознания, ее исторического развития и роли в общественной жизни; 2) система норм нравственного поведения человека, общественной и профессиональной группы» [19. С. 608]. Интересное определение характерных особенностей нравственных норм этики, приведены в 1-й «Энциклопедии государства и права», изданной в 1930 году, под редакцией профессора Петра Ивановича Стучки: «Характерной особенностью нравственных норм той или иной общественной эпохи и того или иного класса является совокупность понятий и идей о своих взаимных обязанностях. Прежде всего круг тех возникающих или мыслимых между людьми отношений, которые оцениваются как «нравственные» или «безнравственные», гораздо шире области правоотношений, однако для правовой регламентации не существует никакой непроходимой грани. В области нравственности имеется тенденция легко переходить в область правовую, лишь только «безнравственные» действия начинают в каком-либо пункте чувствительно затрагивать интересы господствующего класса [20. С. 1174].

Корпоративный кодекс этики в обязательном порядке, независимо от особенностей деятельности и целей корпорации, включает общие категории этики: добро, справедливость, честность, профессионализм. Вместе с тем этический кодекс как локальный акт содержит в себе нормы, акцентирующие именно те нравственные ценности, которые важны именно для определенной профессии или определенной разновидности корпораций. При этом кодекс нельзя рассматривать как должностную инструкцию или дисциплинарный кодекс. Помимо указания

на неизменяемые нравственные ценности, кодекс этики иллюстрирует, каким образом в корпорации реализуются требования не только к исполнению базовых, «вечных» нравственных ценностей, но и к тому, как они преломляются для осуществления задач и целей корпорации.

Говоря о статусе корпоративного кодекса этики, следует в первую очередь обратиться к существенным характеристикам этого акта, данного непосредственно в законодательстве.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»¹ в пункте 2 указаны два основных признака нормативного правового акта: 1) издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; 2) наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на регулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Исходя из смыслов толкования Пленума о нормативном акте, ясно, что корпоративный кодекс этики, отвечая указанным характеристикам, несколько уже этого понятия. Вместе с тем, Конституционный суд Российской Федерации четко назвал один из кодексов профессиональной этики, а именно Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, – корпоративным нормативным правовым актом².

Выработка дефиниции кодекса этики, с определением его понятийных категорий и структуры, универсальных и специфических принципов, позволило бы решить многие вопросы в области корпоративного управления и разрешения корпоративных конфликтов.

В научной литературе имеется ряд определений кодексов этики. Так, Аминов И.И. определяет кодекс этики как свод норм правильного, подобающего поведения, считающегося уместным для человека той профессии, к которой данный кодекс имеет отношение [1. С. 239]. Характеризуя сущность любого кодекса профессиональной этики, проф. А.А. Малиновский указывает, что он представляет собой кодифицированный нормативный акт, принятый представителями определенной профессии, который в систематизированном виде содержит обязательные для исполнения нравственно-этические предписания, регламентирующие профессиональное поведение [14. С. 41].

Созвучные положения о сущности корпоративного кодекса этики содержатся, как правило, в Преамбулах кодексов или в первых статьях кодекса об используемых терминах. Так, Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. С изменениями от 01.12.2022 года, в статье 1 устанавливает: «Кодекс судейской этики, являясь актом судейского сообщества, устанавливает обязательные для каждого судьи правила поведения при осуществлении профессиональной деятельности по направлению правосудия и во внесудебной деятельности, основанные на высоких нравственно-этических требованиях, положениях законодательства Российской Федерации, международных стандартах в сфере правосудия и поведения судей»³. Кодекс выводит на первый план должного поведения исполнение норм нравственности,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2019. № 2

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лябихова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктом 1 статьи 8 и подпунктом 3 пункта 6 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката» // принят Пленумом Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1699075/>

³ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г.) с изменениями (Постановление X Всероссийского съезда судей от 1.12.2022 г. N 4 «О внесении изменений в Кодекс судейской этики»). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/>

которыми судья должен руководствоваться как в профессиональной деятельности, так и во внебоцкое время. Этот кодекс – яркий пример жесткого обременения членов корпорации, в данном случае судебской, нравственными требованиями, нарушение которых переводит отношения субъекта корпорации в правовое поле реагирования за нарушение норм нравственности. Это и понятно, соблюдение судьями нравственных норм способствует формированию общественной парадигмы о справедливости, беспристрастности и независимости судей.

Кодекс этики и служебного поведения работников Госкорпорации «Росатом» определяет, что «Кодекс – это документ, который транслирует ценности корпорации, определяет основанные на них этические принципы и правила поведения работников, включая нормы, устанавливаемые в применимых локальных нормативных актах Госкорпорации «Росатом» (далее – Корпорация). Кодекс не является исчерпывающим сводом правил»⁴. В этом кодексе отмечается интересный момент, указывающий, что в данной корпорации существуют помимо кодекса этики дополнительные локальные акты, содержащие нравственные нормы, и что они сопрягаются с кодексом этики. Это еще раз подтверждает широчайшее разнообразие видов и форм кодексов этики, в зависимости от целей самой корпорации и «заказа» государства на обеспечения безопасности общества.

Кодексы этики частных корпораций, где нет участия государства, также формируются как свод нравственных правил и обязательств:

- «Корпоративный кодекс деловой этики Компании «Техноавиа» представляет собой свод принципов и правил, отражающий главные требования социального поведения, основных этических и деловых норм взаимоотношений внутри Компании и с деловыми партнерами, и не является исчерпывающим»⁵.

- «Кодекс корпоративной этики АО «Научно-Технический Центр Единой Энергетической Системы» – внутренний документ Общества, утвержденный решением Совета директоров Общества и определяющий основные нормы и правила индивидуального и коллективного поведения Работников Общества, требования и принципы, направленные на формирование единых этических стандартов деятельности Общества»⁶.

В этой связи заслуживает особого внимания понятие корпоративного нормативного акта, приведенного в статье профессора Рузаковой О.А. и аспиранта Тулякова С.С. – это надлежащим образом оформленный документ, который издается органами управления корпорации в рамках своей компетенции, устанавливающий правила поведения, обязательные для всех лиц внутри корпорации и рассчитанные на неоднократное применение [18. С. 36].

Исходя из анализа представленных definicij кодексов этики, полагаем возможным дать следующее определение понятия корпоративного кодекса этики.

Корпоративный этический кодекс – это корпоративный нормативный правовой акт, принятый уполномоченным органом, который содержит свод правил поведения, рассчитанных на неоднократное применение, устанавливающих и регулирующих существующее нравственное поведение сотрудников корпорации при осуществлении ими профессиональной деятельности, в межличностных отношениях при осуществлении профессиональной деятельности, в отношениях с партнерами корпорации, органами государства, а также во внеслужебное время, за нарушение которых наступают неблагоприятные юридические последствия.

Как обоснованно указывает проф. Малиновский А.А.: «...задача этических кодексов как раз и заключается в том, чтобы привести порой диаметрально противоположные представления членов профессионального

⁴ Кодекс этики и служебного поведения работников Госкорпорации «Росатом». URL: <https://rosatominternational.com>

⁵ Корпоративный кодекс деловой этики ПВ ООО «Фирма «Техноавиа». URL: https://www.technoavia.ru/files/textedit/kodeks_delovoij_etiki.pdf

⁶ Кодекс корпоративной этики АО «Научно-Технический Центр Единой Энергетической Системы». URL: https://www.ntcees.ru/about/Code_corporate_ethics.pdf

⁷ Кодекс поведения официальных лиц Общероссийской спортивной федерации на национальных соревнованиях по конному спорту в РФ. URL: https://fksr.org/files/uploads/Disciplinarnyj_kodeks_s_prilozhenijami_utv__protokol__B_20-09_21_ot_03_09_2021_.pdf

сообщества о добре и зле к общему социальному-полезному знаменателю. Этого можно достичь, только формализовав нравственные идеалы, на которых базируется та или иная профессиональная деятельность, воведя их в обязательные к исполнению корпоративные принципы и нормы» [14. С. 40].

Разнообразие кодексов корпоративной этики при их сравнительном анализе выявляют применение общих, базовых категорий этики и «специфичных», присущих определенному виду корпораций. Базовые категории этики представлены, как правило, во всех корпоративных кодексах – это в первую очередь: справедливость, добросовестность, честность, уважение, професионализм, право. Вместе с тем акцентуированы и специфические, присущие определенной корпорации нравственные нормы. Например, обязанность «действовать надлежащим и уважительным образом по отношению к людям и животным» – устанавливает Кодекс поведения официальных лиц ОСФ на национальных соревнованиях по конному спорту в РФ⁷.

Правовые и моральные категории в кодексах не выступают как антагонисты, наоборот, они взаимодействуют и дополняют друг друга. Признание такого характера связи между правом и нравственностью позволяет рассматривать их как важнейшие общественные феномены, которые параллельно функционируют, взаимообусловливают и взаимодополняют друг друга, сохраняя при этом свои специфические, автономные особенности и свойства [11. С. 3].

В подтверждение положения об интегрированном сочетании норм нравственности и права в корпоративных кодексах этики, можно привести следующие примеры, которые указывают на необходимость восполнения правового регулирования дополнительными нравственно-моральными нормами. Так, Типовой кодекс этики и служебного

поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21)⁸ декларирует, что помимо Федеральных законов Российской Федерации от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»⁹, и от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»¹⁰, государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности должны руководствоваться Типовым кодексом, представляющим собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми они должны руководствоваться. Кроме того, Типовой кодекс устанавливает дополнительные «специфические именно для этих служащих нравственные принципы, в частности:

- соблюдать беспристрастность, исключающую возможность влияния на их служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений;
- проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами;
- проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий.

Особенно ярко принцип интегрированного сочетания норм нравственности и права в корпоративных кодексах этики виден на примере Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. с изменениями и дополнениями на 15 апреля 2021 года¹¹. Так, в статье 2 прямо указывается, что «настоящий Кодекс дополняет правила,

⁸ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21). URL: <https://base.garant.ru/55171108>

⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»: // Российская газета № 104 от 31.5.2003 г.

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 2.03.2007 г. N 25-ФЗ О муниципальной службе в Российской Федерации: // Российская газета № 47 от 07.03.2007 г.

¹¹ Кодекс профессиональной этики адвоката // принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. с изменениями и дополнениями от 15 апреля 2021 года. URL: <https://base.garant.ru/12130519/>

установленные Федеральным законом от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» с изменениями на 24 июля 2023 года¹².

Для выявления структуры корпоративных кодексов этики с точки зрения методологии исследования необходимо провести морально-правовое сравнение по аналогии с нормативным сравнением, предложенным проф. А.А. Малиновским в статье «Методология сравнительного правоведения». Нормативное сравнение состоит в сопоставлении предписаний правовых норм, законодательных дефиниций сравниваемых нормативных правовых актов с целью выявления сходств и различий.

Задача нормативного сравнения – выявить уникальное и типичное, общее и особенное в нормативно-правовом регулировании общественных отношений путем формально-юридического анализа объектов сравнения [15. С. 9].

Рассматривая механизм соотношения права и нравственности в корпоративных кодексах этики с методологической точки зрения, наиболее применимы социально-регулятивный и ценностно-этический подходы. Согласно социально-регулятивному подходу взаимодействие права и нравственности основывается на их способности регулировать общественные отношения путем определения границ возможного и должно-го поведения. Этот подход сближает право и нравственность на основании общности их регулятивных функций и присущей им нормативности, позволяет рассматривать их как однопорядковые феномены социальной организации [11. С. 6].

Чтобы сравнить использование различных этических категорий при создании кодексов этики корпораций, приведем конкретные примеры использования этих категорий в разных корпорациях (таблица № 1).

Кодекс	ОБЩИЕ КАТЕГОРИИ КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ											
	Честь и достоинство	Справедливость	Добросовестность	Долг	Ответственность	Доверие	Профессионализм	Гуманизм	ESG: управленческий	ESG: социальный	ESG: экологический	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Корпоративные кодексы Этики в дополнение к Федеральным законам (бланкетные)												
Кодекс судебской этики	+	+	+	+	+	+	+	+				
Кодекс профессиональной этики адвоката	+	-	+	+	+	+	+	+				
Единые категории нравственности в корпоративных кодексах и ФЗ												
Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих	+	+	+	+	+	+	+	+				
Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся ФГБОУ ВПО» МГЮУ Кутафина»	+	+	+	+	+	+	+	+				
Кодексы этики корпораций, преследующих коммерческие цели												
Положение о корпоративной этике ООО «Первая энергетическая компания»	+	+	+	-	+	+	+		+	+	+	
Этический Кодекс Банка ВТБ	+	+	+	+	+	+	+	+				+
Кодексы этики корпораций, преследующих некоммерческие цели												
Регламент Российской Футбольного Союза по этике	+	+	+	-	+	-	-	+				
Кодекс этики Всероссийская федерация лёгкой атлетики	+	-	+	+	+	+	+	+				

¹² Федеральный закон Российской Федерации от 31.05. 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» с изменениями от 24.07.2023 г.) // Российская газета № 100 от 05.06.2002

Из приведенной выше таблицы наглядно видно, что общепринятые категории нравственности, как правило, присутствуют во всех корпоративных кодексах этики, независимо от целей и задач корпорации.

Обращает на себя внимание использование такой основополагающей категории этики, как «справедливость». Эта категория, например, отсутствует в Кодексе профессиональной этики адвоката.

В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года указание на эту категорию также отсутствует, кроме одного момента – когда у адвоката есть право на справедливое рассмотрение поданной на него жалобы (статья 33, часть 2, пункт 7 Закона). Полагаем, что здесь присутствуют не двойные стандарты, а специфика профессии. Категория нравственности «справедливость» постулируется в этом кодексе нормой, изложенной в статье 10 Кодекса: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя».

Не используется прямым текстом категория «справедливость» и в других исследуемых кодексах: в Кодексе этики Всероссийской федерации лёгкой атлетики¹³, АО «Концерн Росэнергоатом»¹⁴, Корпоративный кодекс деловой этики Компании «Техноавиа»¹⁵. Вместе с тем, в этих кодексах имеются ссылки на использование общепринятых нравственных принципов.

Можно сделать вывод о том, что нет жестко установленного обязательного набора общепринятых категорий нравственности в корпоративных кодексах этики. Акцентирование внимания на определенных категориях нравственности, которые включаются в кодексы, зависит от многих причин, в том числе – от профессиональной направленности корпорации, внутренних нравственных установлений заказчика и разработчика кодексов, сопряжения с профильным законодательством.

В этой части, разработчикам этических кодексов важно осознавать тот факт, что нельзя сделать в рамках юридической техники и поместить в закон, то можно раскрыть через нравственные нормы и категории кодексов. Так, например, при исследовании различных корпоративных кодексов этики выявилось разной степени жесткости сопряжение кодексов и федеральных законов, регулирующих природу одинаковых субъектов (суд, адвокатура, банки, акционерные общества и общественные организации). Это позволяет нам квалифицировать кодексы этики по степени связи, в нашем случае, с федеральным законодательством:

Бланкетные – кодексы, на которые есть ссылка в федеральных законах, а именно Кодекс судейской этики (статьи 12.1, 15, 20.2 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» № 3132-1ФЗ от 26.06.1992г.)¹⁶, Кодекс профессиональной этики адвоката¹⁷ упоминается в одиннадцати статьях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года (статьи 7, 13, 16, 17, 29, 31, 33, 36, 37, 37.1, 43). Наиболее жесткая привязка к Кодексам этики наблюдается в указанных законах при определении дисциплинарных нарушений, среди которых большое место отводится нарушениям кодекса этики.

Восполняющие – кодексы этики, на которые нет ссылки в профильных федеральных законах, но сами законы упоминаются, как правило, в преамбуле кодексов, как база для внутренних нравственно-корпоративных норм, тем самым раскрывая нравственные константы, сколько изложенные в законах.

Так, в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21), в разделе

¹³ Кодекс этики Всероссийской федерации лёгкой атлетики. URL: https://rusathletics.info/wp-content/uploads/2021/03/2021_03_29_kodeks-etiki.pdf

¹⁴ Кодекс этики АО «Концерн Росэнергоатом». URL: <https://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/405/4056eda3f855a8b66c77dba8be0c0d2f.pdf>

¹⁵ Корпоративный кодекс деловой этики ПВ ООО «Фирма «Техноавиа». URL: https://www.technoavia.ru/files/textedit/kodeks_delovoj_etiki.pdf

¹⁶ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г.) с изменениями (Постановление X Всероссийского съезда судей от 1.12.2022 г. N 4 «О внесении изменений в Кодекс судейской этики»). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/>

¹⁷ Кодекс профессиональной этики адвоката // принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. с изменениями и дополнениями от 15 апреля 2021 года. URL: <https://base.garant.ru/12130519/>

Общие положения имеется ссылка на то, что кодекс разработан, в том числе и в соответствии Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации» N 58-ФЗ от 27 мая 2003 года. Согласно пункту 3 Типового кодекса, он «...представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности». Категории этики по тексту кодекса представлены достаточно широко, что отражено в представленной таблице № 1.

На Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹⁸, ссылается Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА)¹⁹. В кодексе более объемно раскрываются такие категории нравственности как доверие, профессионализм, ответственность.

Суверенные или самостоятельные кодексы, в которых нет ссылок на конкретные законы. В этих локальных нормативных актах базовыми основами являются нравственно-этические ценности и нормы корпоративного поведения сотрудников, принципы корпоративной культуры. Категории нравственности широко в них используются, а также раскрываются их понятия. В данном случае, категории нравственности явно выполняют свойственную категориям права регулятивную функцию.

Современные тенденции развития общества привносят свои корректировки в кодексы этики корпораций, сопрягают их с новыми социальными ценностями.

В 1987 году Генеральная Ассамблея ООН одобрила и опубликовала доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее»

щее»²⁰. Именно там впервые было выведено концептуальное понятие «устойчивое развитие» – это такая модель социально-экономического развития, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без того, чтобы будущие поколения были лишены такой возможности из-за исчерпания природных ресурсов и деградации окружающей среды.

Генеральная Ассамблея ООН постановила направить доклад МКОСР всем правительствам и руководящим органам учреждений, организаций и программ системы ООН и предложила им учесть анализ и рекомендации, содержащиеся в докладе Международной комиссии, при определении своих программ и политики.

Концепция устойчивого развития определила и ввела в мировой обиход три взаимосвязанные платформы: экологическая, экономическая и социальная.

Коммерческие корпорации быстро сориентировались в этом глобальном тренде XXI века и внесли в свои кодексы этики понятие ESG, означающее в широком смысле слова устойчивое развитие коммерческой деятельности, базирующеся:

- на ответственном отношении к окружающей среде (E – Environment);
- высокой социальной ответственности (S – Social);
- высоком качестве корпоративного управления (G – Governance) [10].

Россия, являясь частью мирового экономического сообщества, также приняла активное участие в развитии национальной системы ESG-принципов. В таблице 1 эти примеры приведены.

ESG-принципы должны быть ключевым аспектом деятельности как нефинансовых, так и финансовых организаций, и которые институциональные инвесторы учитывают в процессе принятия инвестиционных решений [9. С. 10].

ESG-факторы:

Экологические (E). Изменения климата; выбросы парниковых газов; истощение

¹⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. N 273-ФЗ» Об образовании в Российской Федерации»: // Российская газета №303. от 31.12.2012 г.

¹⁹ Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА). URL: <https://msal.ru/upload/iblock/2c7/vedhatzani8l68dtohto8wj44bzmfugu.pdf>

²⁰ Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее». URL: <http://xn--80adbckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>

природных ресурсов (в том числе нехватка питьевой воды); отходы и загрязнения; обезлесение.

Социальные (S). Условия труда (включая рабовладение, детский труд); местные сообщества; охрана здоровья и безопасность; гендерный состав.

Управленческие (G). Вознаграждение топ-менеджмента; взяточничество и коррупция; политическое лобби и пожертвования; структура и гендерный состав совета директоров; налоговая стратегия [9. С. 325].

Соблюдение ESG-принципов означает ответственность компании в области охраны окружающей среды, высокую социальную ответственность, высокое качество корпоративного управления. Это неизбежно приводит к социализации бизнеса, что, безусловно, способствует более полному удовлетворению потребностей стейкхолдеров компании, а следовательно, и повышению ее деловой репутации.

Вопросы этического поведения компаний понимаются в настоящее время достаточно широко и включают не только социальные отношения, а и аккуратность в выполнении принятых обязательств перед контрагентами, соблюдение экологических нормативов, надлежащих условий труда и безопасности персонала.

Компания, проявляющая заботу о своей деловой репутации, выстраивает собственный имидж на основе соблюдения законодательства, корпоративных ценностей и политик, набора определенных компетенций, культуры и обязательств перед сотрудниками, ответственного отношения к окружающей среде. Таким образом, на фундаменте ответственности и надежности компании инвестиционный имидж превращается в репутационный потенциал.

Стратегия ESG представляется нам одним из способов «лечения» и профилактики корпоративных «болезней». Корпоративные ценности компании как элемент ESG-повестки являются фундаментальными и неизменными, определяя миссию и видение корпоративного управления.

Наличие корпоративных кодексов этики с включением ESG-принципов делает такую корпорацию лояльной с точки зрения участия в «зеленых проектах», а также инвестирования в них в рамках «зеленого банкинга». К категории «зеленых проектов» относятся проекты, целью которых является улучшение состояния окружающей среды, снижение сбросов загрязняющих веществ,

сокращение выбросов парниковых газов, энергосбережение и повышение эффективности использования природных ресурсов, адаптация экономики к изменению климата [7. С. 17].

Переход банковских учреждений от позиции невмешательства к осознанию своей роли в сфере рационального природопользования и социальной ответственности стало воплощением концепции устойчивого развития в банковской сфере и получило название «зеленого банкинга» [2. С. 313].

Тема «зеленого финансирования» является совершенно новым явлением в международной и российской финансово-инвестиционной практике и требующим тщательной нормативной проработки. В России примером развития таксономии зеленых финансовых может послужить то, что в 2020 году, несмотря на все сложности, сопряженные с распространением в мире новой короновирусной инфекции COVID-19, в специализированный реестр «зеленых» и социальных облигаций от национальных эмитентов были включены 16 выпусков таких облигаций от шести эмитентов, общая сумма которых составила приблизительно 170 миллиардов рублей [8. С. 1].

Наличие кодексов профессиональной этики – это показатель нравственной зрелости общества (в нашем случае –корпорации), которое может без помощи государства самостоятельно регламентировать поведение своих членов [14].

Независимо от степени связи кодексов этики с федеральным законодательством, их бланкетности или суверенности – корпоративные кодексы этики остаются одним из важнейших инструментов управления деятельностью корпорации и регулирования корпоративных отношений.

Исследуя кодексы этики корпораций, можно констатировать, что они в интеграции с правом имеют позитивное воздействие на повышение эффективности деятельности корпорации, формирование нравственно-ориентированной корпоративной культуры.

Включение в корпоративные кодексы этики ESG-принципов повышает ответственность компании в области охраны окружающей среды, выводит корпорации на новый уровень социальной значимости. В свою очередь, это приводит к социализации бизнеса и способствует повышению деловой репутации корпорации.

Заключение

Изучение корпоративных кодексов этики позволяет сделать выводы о том, что имея статус корпоративного нормативного правового акта – он является гибким и полноценным инструментом управления корпорацией.

Взаимодействие права и нравственности в корпорациях реализуется через новую модель влияния на управление, где нормы

этики и морали переплетаются с правовыми механизмами для достижения синергетического эффекта – образования уникальной корпоративной культуры.

Практическое единство применяемых в корпоративных кодексах этики категорий морали и нравственности дает основания для разработки универсальных этических принципов, для их обязательного использования в этих актах.

Литература:

1. Аминов И.И. и др. Юридическая этика: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция». М.: 2012.
2. Архипова В.В. «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем // Экономический журнал ВШЭ. 2017. № 17(3). С. 312-332.
3. Аширгабина Н.Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры // Вестник СИБИТА. 2012. № 2(2). URL: <https://cyberleninka.ru>.
4. Бочарова Е.Ю. Общие аспекты регулирования государственной службы в Великобритании и Канаде // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №33. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Бялт В.С. Право и мораль в системе социального регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru>.
6. Вопленко Н.Н. Право в системе социальных норм. Волгоград, 2003.
7. Гончаров А.И., Матыцин Д.Е., Кокорева Т.В. Перспективы развития в России «зеленого банкинга» // Право и управление. XXI век. 2021. № 3(56). С. 17-26.
8. Зеленые финансы России // Годовой доклад эксперто-аналитической платформы INFRAGREEN. 14.01.2021. URL: www.infragreen.ru.
9. Зимина О.С., Финогенова Ю.Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3(56). С. 324-330.
10. Кондратенко М. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК Тренды. 19.01.2024.
11. Костин Ю.В. Проблема соотношения права и нравственности в юридической науке // Научно-практический журнал «Современное общество и право». 2011. № 4. С. 3-12.
12. Либанова С.Э. Значение кодекса профессиональной этики в воспитании нравственного профессионализма и институционализации адвокатуры в России // Евразийская адвокатура. 2012. № 1(1). URL: <https://cyberleninka.ru>.
13. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986.
14. Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: принятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4.
15. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3.
16. Матузов Н.И. Теория государства и права. Саратов, 2000.
17. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1999.
18. Рузакова О.А. Туляков С.С. Понятие и особенности корпоративного нормативного акта // Право и управление. XXI век. 2020. № 3(56).
19. Словарь иностранных слов. Москва, 1989.
20. Энциклопедия государства и права // Под ред. П. Стучка; Коммунистическая академия. Секция общей теории государства и права. Т. 3. М., 1929-1930.

CODES OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE SYSTEM OF REGULATION OF CORPORATE RELATIONS

Introduction. The article presents a study of the feasibility of having corporate codes of ethics in corporations that have different statutory goals, examines questions about the correlation between business and moral rules, the role of ethical codes in the management of corporations, the practical benefits, "payback" of codes and attracting investments.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes: the method of system-structural analysis; method of synthesis of social and legal phenomena; comparative legal method; formal logical method.

Research results. As a result of the study, the Author came to the conclusion that the presence of codes of professional ethics is an indicator of the moral maturity of a society (in our case, a corporation), which can independently regulate the behavior of its members without the help of the state.

Regardless of the degree of connection between codes of ethics and federal legislation, their blanket nature or sovereignty, corporate codes of ethics remain one of the most important tools for managing the activities of a corporation and regulating corporate relations.

Examining the codes of ethics of corporations, it can be stated that, when integrated with the law, they have a positive impact on increasing the efficiency of the corporation and the formation of a morally oriented corporate culture.

Ключевые слова:

нравственность, этика, корпорация, кодекс корпоративной этики, ESG, регулирование корпоративных отношений, корпоративная культура, «зеленый банкинг», устойчивое развитие

The inclusion of ESG principles in corporate codes of ethics increases the company's responsibility in the field of environmental protection and brings corporations to a new level of social significance. In turn, this leads to the socialization of the business and helps to increase the business reputation of the corporation.

Discussion and conclusion. The study of corporate codes of ethics allows us to draw conclusions that, having the status of a corporate regulatory legal act, it is a flexible and full-fledged tool for managing a corporation.

The interaction of law and morality in corporations is implemented through a new model of influence on management, where the norms of ethics and morality are intertwined with legal mechanisms to achieve a synergistic effect - the formation of a unique corporate culture.

The practical uniformity of the categories of morality and ethics used in corporate codes of ethics provides grounds for the development of universal ethical principles for their mandatory use in these acts.

Dmitrii A. Mitrofanov,
Postgraduate Researcher with the
International Private and Civil Law
Department, MGIMO-University,
Moscow, Russia

Keywords:

morality, ethics, corporation, code of corporate ethics, ESG, regulation of corporate relations, corporate culture

References:

1. Aminov I.I. i dr, 2012. Yuridicheskaya etika: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchihsya po special'nostyam «Yurisprudenciya» [Legal ethics: textbook a manual for students studying in the specialty «Jurisprudence»].
2. Arhipova V.V., 2017. «Zelenye finansy» kak sredstvo dlya resheniya global'nyh problem [«Green finance» as a means to solve global problems]. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*. № 17(3).
3. Ashirbagina N.L., 2012. Kodeks etiki kak faktor razvitiya korporativnoj kul'tury [Code of ethics as a factor in the development of corporate culture]. *Vestnik SIBITA [SIBIT Bulletin]*. № 2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru>.
4. Bocharova E.Yu., 2012. Obshchie aspeki regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby v Velikobritanii i Kanade [General aspects of regulation of public service in Great Britain and Canada]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [Public Administration. Electronic newsletter]*. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Byalt V.S., 2015. Pravo i moral' v sisteme social'nogo regulirovaniya [Law and morality in the system of social regulation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal [Leningrad Legal Journal]*. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru>.
6. Voplenko N.N., 2003. Pravo v sisteme social'nyh norm [Law in the system of social norms].

7. Goncharov A.I., Matycin D.E., Kokoreva T.V., 2021. Perspektivy razvitiya v Rossii «zelenogo bankinga» [Prospects for the development of “green banking” in Russia]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration]. № 3(56).
8. Zelenye finansy Rossii [Green finance of Russia]. 2021. *Godovoj doklad ekspertno-analiticheskoy platformy INFRAGREEN* [Annual report of the expert and analytical platform INFRAGREEN]. URL: www.infragreen.ru.
9. Zimina O.S., Finogenova Yu.Yu., 2021. Vliyanie ESG na bankovskij sektor: novye vozmozhnosti [The influence of ESG on the banking sector: new opportunities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 3(56).
10. Kondratenko M., 2024. ESG-principle: chto eto takoe i zachem kompaniyam ih soblyudat' [ESG principles: what they are and why companies need to comply with them]. *RBK Trendy* [RBC Trends].
11. Kostin Yu.V., 2011. Problema sootnosheniya prava i nравственности в юридической науке [The problem of the relationship between law and morality in legal science]. *Nauchno-prakticheskij zhurnal «Sovremennoe obshchestvo i pravo»* [Scientific and practical journal "Modern Society and Law"]. № 4.
12. Libanova S.E., 2012. Znachenie kodeksa professional'noj etiki v vospitanii nравственного professionalizma i institucionalizacii advokatury v Rossii [The importance of the code of professional ethics in the education of moral professionalism and the institutionalization of the legal profession in Russia]. *Evraziskaya advokatura* [Eurasian Advocacy]. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru>.
13. Lukasheva E.A., 1986. Pravo, moral', lichnost' [Law, morality, personality].
14. Malinovskij A.A., 2008. Kodeks professional'noj etiki: prinyatie i yuridicheskoe znachenie [Code of Professional Ethics: Adoption and Legal Importance]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. № 4.
15. Malinovskij A.A., 2016. Metodologiya srovnitel'nogo pravovedeniya [Methodology of comparative law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)]. № 3.
16. Matuzov N.I., 2000. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights].
17. Nersesyan B.C., 1999. Filosofiya prava [Philosophy of law].
18. Ruzakova O.A. Tulyakov S.S., 2020. Pomyatie i osobennostii korporativnogo normativnogo akta [Concept and features of a corporate normative act]. *Pravo i upravlenie XXI vek* [Journal of Law and Administration]. № 3(56).
19. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of foreign words]. 1989.
20. Enciklopediya gosudarstva i prava [Encyclopedia of State and Law]. Pod red. P. Stuchka. 1930. *Kommunisticheskaya akademiya. Sektsiya obshchej teorii gosudarstva i prava* [Communist Academy. Section of general theory of state and law].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Мария Левина*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-159-170

Введение. В статье исследованы условия формирования и порядок функционирования системы пенсионной защиты трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Изучение проблематики пенсионного обеспечения в ЕАЭС основано на рассмотрении международных договоров государств-членов, формирующих договорно-правовую основу Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также источников права Союза в соответствующей области. В частности, нами проведен комплексный анализ положений Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 г. (далее – Соглашение) и соответствующей практики Суда ЕАЭС.

Материалы и методы. В ходе исследования нами изучены международные договоры, заключенные государствами-членами Таможенного союза и Единого экономического пространства в области трудовой миграции, а также источники права Союза и практику Суда ЕАЭС в части пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов. В качестве теоретической основы настоящего исследования выступают научные публикации отечественных юристов-международников, посвященные трудовой миграции в ЕАЭС. В процессе написания статьи мы прибегнули к использованию таких общенаучных методов познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия. Среди частнонаучных методов, которые также применены в данной работе, следует выделить формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы познания.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования выявлено, что разработка и подписание Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС стали ключевым шагом в построении системы пенсионного обеспечения трудящихся стран «евразийской пятерки». Несмотря на то, что данный международный договор, вступивший в силу 1 января 2021 г., только проходит проверку временем, необходимо отметить тот факт, что его применение – одно из важных условий эффективного функционирования общего рынка труда Союза.

* **Левина Мария Михайловна**, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: marylevis95@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6133-9513

Обсуждение и заключение. Обеспечение свободного движения рабочей силы в рамках современных региональных интеграционных объединений зачастую связано с предоставлением трудящимся данных объединений равных прав и гарантий в сфере пенсионного обеспечения, а также защиты их пенсионных прав. В связи с этим положительная динамика трудовой миграции в ЕАЭС может быть среди прочего обусловлена переходом на качественно новый уровень правового регулирования пенсионного обеспечения трудящихся его государств-членов. При этом, как показывает анализ практики Суда ЕАЭС, заинтересованность государств в разъяснении отдельных норм права Союза в соответствующей области остается достаточно высокой.

Введение

Обеспечение в рамках Евразийского экономического союза свободы движения лиц не только связано с реализацией прав и свобод человека и гражданина [8. С. 57], но и является основной характеристикой международной организации региональной экономической интеграции. Более того, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) по праву внесен в число региональных соглашений, заключенных за пределами Европейского союза [14. С. 621], которые значительно повышают мобильность трудящихся-мигрантов, их проживание и трудовую деятельность на территории страны пребывания. При этом после подписания Договора Совет Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) официально заявил, что отсутствие или невысокий уровень правового регулирования пенсионного обеспечения при работе в других государствах – членах Союза являются сдерживающим фактором при формировании общего рынка труда Союза¹. Ввиду изложенного вопросы пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов ЕАЭС были признаны актуальными и, как следствие, приняты в активную проработку.

Исследование

Как известно, вопросы занятости, трудовой миграции и пенсионного обеспечения являются взаимосвязанными, взаимообусловленными и взаимодополняемыми, а заключение соответствующих межгосударственных договоров способствует урегулированию данных вопросов в рамках международного сотрудничества [11. С. 69]. В связи с этим при переходе Таможенного союза и Единого экономического пространства к новому этапу региональной экономической интеграции – Евразийскому экономическому союзу – стороны условились об усовершенствовании механизмов обеспечения свободы перемещения рабочей силы, учитывая, что в действующей на тот момент договорно-правовой базе не в полной мере были урегулированы вопросы пенсионного обеспечения трудящихся лиц.

Договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства в области пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов

В Договоре между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 103 «О Концепции международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

1996 г.², положения которого в последующем легли в основу Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г.³, отсутствовали нормы, которые бы предметно регулировали порядок пенсионного обеспечения трудящихся государств-участников. Статья 10 Договора лишь содержала общее правило о том, что его стороны проводят согласованную социальную политику, гармонизируют национальные системы социальной защиты, поэтапно выравнивают уровни пенсионного обеспечения, пособий и льгот ветеранам войны и труда, инвалидам и малообеспеченным семьям.

Аналогичная ситуация прослеживается и в положениях Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г.⁴ Статья 39 данного договора предусматривала, что обеспечиваемое сторонами свободное передвижение граждан внутри Единого экономического пространства предполагает предоставление им правового статуса, максимально приближенного к статусу граждан страны проживания. Для достижения в том числе данной цели стороны договора согласились подписать отдельные соглашения.

Как известно, 19 ноября 2010 г. правительства России, Белоруссии и Казахстана, основываясь на Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. и сознавая важность обеспечения социальной защиты трудящихся-мигрантов, заключили Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей⁵. В соответствии со ст. 1 Соглашения в качестве социального обеспечения стороны определили обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательное социальное

страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и обязательное медицинское страхование. Пенсионное обеспечение не было включено в соответствующую категорию, что подтверждается в последующих положениях Соглашения. В частности, в ст. 11 предусмотрено, что социальное обеспечение (социальное страхование), кроме пенсионного, трудящихся-мигрантов осуществляется в соответствии с законодательством государства трудоустройства. При этом иных норм, регулирующих пенсионные вопросы, в Соглашении не предусмотрено.

Таким образом, как отмечают А. М. Алмакаева и В. В. Костенко, действующее на 2014 г. на пространстве Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) соответствующее «международное законодательство» было далеко от совершенства [3. С. 55].

Соглашение 2019 г. – новый этап правового регулирования пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов ЕАЭС

Согласно протоколам экспертных заседаний, процесс согласования странами «евразийской пятерки» порядка пенсионного обеспечения их трудящихся лиц оказался не столь быстрым, притом что недостаточное правовое регулирование соответствующей сферы сотрудничества являлось сдерживающим критерием для формирования единого рынка труда [2. С. 153].

Так, на момент подписания 29 мая 2014 г. Договора о ЕАЭС в подп. 3 п. 3 ст. 98 разработчикам удалось согласовать формулировку, согласно которой «пенсионное обеспечение трудящихся государств-членов и членов семьи регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами»⁶.

² Договор между Российской Федерацией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 302–310.

³ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

⁴ Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 42. Ст. 3983.

⁵ Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19 ноября 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 5. Ст. 546.

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023). (Статья 98.)

Более того, решением Совета ЕЭК от 12 ноября 2014 г. № 103 была одобрена Концепция международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения (далее – Концепция)⁷, определяющая цели и задачи будущего соглашения, его основные принципы и предмет правового регулирования. Согласно Концепции, основная цель разработки проекта договора состояла в предоставлении равных прав в сфере пенсионного обеспечения, защите приобретенных трудящимися пенсионных прав на территории государств – членов Союза, а также развитии сотрудничества в сфере пенсионного обеспечения между его государствами-членами.

По замыслу разработчиков Концепции, в отношении видов пенсий, согласованных сторонами будущего договора, государство – член ЕАЭС должно было гарантировать гражданам других стран Союза объем прав на пенсионное обеспечение равный объему прав, предоставляемому гражданам этого государства-члена при аналогичных условиях. При этом договор распространялся бы на все виды пенсий, предусмотренных в государствах – членах ЕАЭС, право на которые зависит от факта уплаты страховых (обязательных пенсионных) взносов. Исключением должно было стать пенсионное обеспечение военнослужащих вооруженных сил и других воинских формирований, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, членов семьи, других лиц, приравненных к указанным категориям в части пенсионного обеспечения согласно специальному законодательству, а также государственных служащих.

Хотя разработка проекта договора изначально, согласно Концепции, должна была осуществляться в течение 2015 г., фактически процесс согласования текста потребовал большего времени. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС было подписано главами государств Союза на заседании Высшего Евра-

зийского экономического совета 20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге и вступило в силу с 1 января 2021 г.⁸

Несмотря на относительно небольшой срок действия Соглашения, отдельные ученыe отмечают его значимую роль в сокращении нелегальной трудовой миграции посредством введения в действие комплексной системы финансовых льгот и гарантий для трудящихся государств – членов ЕАЭС [15. С. 584]. Более того, «транспортабельность пенсий» в рамках Союза признана в качестве необходимого шага на пути к региональной экономической интеграции в целом [12. С. 54].

Соглашение основано на территориально-пропорциональном принципе и предусматривает распределение финансовой ответственности государств – членов ЕАЭС по предоставлению страхового обеспечения за пенсионные права, приобретаемые на их территории, что позволит избежать возможных негативных последствий для стран-реципиентов [7. С. 20].

В свою очередь, назначение и выплата пенсий осуществляются в следующем порядке: за стаж работы, приобретенный после вступления Соглашения в силу, пенсия назначается и выплачивается государством – членом ЕАЭС, на территории которого приобретен соответствующий стаж работы; за стаж работы, приобретенный до вступления Соглашения в силу, пенсия назначается и выплачивается в соответствии с законодательством государств-членов и Соглашением о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г.⁹, а для Белоруссии и России – Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г.¹⁰

К *ratione materiae* Соглашения отнесены пенсии, категории которых различны для пяти государств-подписантов. Так, в Российской Федерации Соглашение распространя-

⁷ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 103 «О Концепции международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения» // Docs.cntd.ru: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420234017?ysclid=lt1ym8kbeo625611584> (дата обращения: 20.11.2023)

⁸ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г. // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

⁹ Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 4.

¹⁰ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 15. Ст. 1745.

няется в том числе на страховые пенсии по старости, инвалидности и случаю потери кормильца, в Белоруссии, например, - на трудовую пенсию по возрасту, за выслугу лет (кроме пенсий военнослужащих, приравненных к ним лиц, членов их семей и государственных служащих), по инвалидности и по случаю потери кормильца.

Одним из основных положений Соглашения является наличие в нем механизма экспорта пенсий, в соответствии с которым каждое из пяти государств выплачивает трудащемуся пенсию, назначенную за стаж работы, приобретенный на его территории, в том числе в государстве его постоянного проживания.

Более того, значение рассматриваемого Соглашения заключается в предоставлении трудащимся равных пенсионных прав. В частности, в соответствии с п. 1 ст. 3 Соглашения формирование пенсионных прав трудащихся осуществляется за счет пенсионных взносов на тех же условиях и в том же порядке, что и формирование пенсионных прав граждан государства трудоустройства. Такое правило распространяется и на саму реализацию права на назначение и выплату пенсии: трудащиеся и члены их семей имеют право обратиться за назначением и выплатой пенсии как в компетентный орган государства проживания, так и в компетентный орган государства трудоустройства.

Что касается определения права на пенсию, то каждое государство-член устанавливает его в соответствии со своим законодательством и с учетом стажа работы, приобретенного на его территории, а также положений Соглашения. При этом право на пенсию возникает при наличии не менее двенадцати полных месяцев стажа работы, приобретенного на территории государства-члена, согласно законодательству которого трудащийся или его член семьи претендуют на назначение пенсии. Исключение составляет право на накопительную пенсию, а также на трудовую (страховую) пенсию по инвалидности, по случаю потери кормильца, которые устанавливаются в соответствии с законодательством государства-члена.

В положениях Соглашения также нашли закрепление нормы, касающиеся медицинского освидетельствования в целях установления инвалидности. В соответствии со ст. 9 такого рода обследование трудащегося или члена его семьи осуществляется на основании национального законодательства государства проживания по его местожительству. Решения о группе, сроке и причине инвалидности принимаются, в том числе заочно, учреждениями того государства-члена, согласно законодательству которого производится назначение и выплата соответствующей пенсии.

Взаимодействие компетентных органов государств – членов ЕАЭС по применению норм Соглашения

В сложных межгосударственных союзах невозможно отказаться от принципа многоуровневого регулирования социально-обеспечительных отношений [1. С. 120]. Соглашение стало одним из международных договоров в области пенсионного обеспечения, предусматривающим у постоянно действующего регулирующего органа полномочия по принятию рекомендаций, касающихся его применения. В частности, согласно п. 1 ст. 10 Соглашения, ЕЭК вправе запрашивать у государств-членов информацию, относящуюся к предмету регулирования Соглашения, а также принимать рекомендации по вопросам его применения.

В соответствии с п. 7 ст. 10 Соглашения и в целях определения правил взаимодействия уполномоченных и компетентных органов государств – членов ЕАЭС между собой и с ЕЭК решением Совета Комиссии от 23 декабря 2020 г. № 122 утвержден Порядок взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств – членов ЕАЭС и ЕЭК по применению норм Соглашения (далее – Порядок)¹¹. На основании абз. 2 п. 1 его раздела I соответствующее взаимодействие осуществляется с использованием интегрированной информационной системы Союза путем электронного обмена сведениями, необходимыми для назначения и выплаты пенсий,

¹¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 декабря 2020 г. № 122 «О Порядке взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией по применению норм Соглашения о пенсионном обеспечении трудащихся государств – членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 года» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

а также иными сведениями, имеющими значение для применения Соглашения. При этом до перехода на использование такого рода системы взаимодействие между компетентными органами и Комиссией должно осуществляться в бумажном виде через обмен формуллярами установленного образца, а также документами, необходимыми для назначения и выплаты пенсии.

Введению электронного формата взаимодействия способствовало принятие Коллегией ЕЭК решения от 8 февраля 2022 г. № 20, утверждающего Правила реализации общих процессов в сфере пенсионного обеспечения тружеников государств — членов ЕАЭС (далее — Правила)¹². Данные Правила направлены на обеспечение оперативного обмена между компетентными органами государств — членов Союза юридически значимыми электронными документами и сведениями при назначении и выплате пенсии труженикам, а также осуществление экспортации пенсии из одного государства в другое. В частности, в рамках реализации общих процессов соответствующие органы

должны представлять в Комиссию данные о численности получателей пенсий, назначенные в соответствии с Соглашением, и объемах израсходованных средств на выплату пенсий, экспортных на территории других государств-членов, а также дополнительную информацию по запросу ЕЭК. На основании полученных данных Комиссия осуществляет мониторинг исполнения Соглашения и Порядка.

В развитие указанных Правил Коллегия ЕЭК приняла решение от 14 марта 2023 г. № 33, которым были утверждены документы технического характера, регламентирующие соответствующее информационное взаимодействие через интегрированную информационную систему Союза. В частности, указанным правовым актом были утверждены Правила¹³ и Регламент информационного взаимодействия¹⁴. Описание форматов и структур электронных документов и сведений в данной области сотрудничества¹⁵, а также Порядок присоединения к общему процессу в сфере пенсионного обеспечения¹⁶.

¹² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 февраля 2022 г. № 20 «Об утверждении Правил реализации общих процессов в сфере пенсионного обеспечения тружеников государств — членов Евразийского экономического союза» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

¹³ Правила информационного взаимодействия при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса «Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий труженикам (членам их семей)», утв. Решением Коллегии ЕЭК от 14 марта 2023 г. № 33 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса „Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий труженикам (членам их семей)“» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁴ Регламент информационного взаимодействия между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса «Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий труженикам (членам их семей)», утв. Решением Коллегии ЕЭК от 14 марта 2023 г. № 33 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса „Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий труженикам (членам их семей)“» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁵ Описание форматов и структур электронных документов и сведений, используемых для реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса «Обеспечение обмена между компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий труженикам (членам их семей)», утв. Решением Коллегии ЕЭК от 14 марта 2023 г. № 33 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса

Следует отметить, что при высоком уровне информационного обеспечения интеграционных процессов в сфере пенсионного обеспечения проведенный Комиссией мониторинг реализации Соглашения и Порядка тем не менее выявил отдельные проблемные аспекты в данной области, что может быть обусловлено существенным различием пенсионных систем государств – участников Союза [9. С. 175].

Например, согласно Протоколу шестого заседания Консультативного комитета по вопросам социального обеспечения, соблюдения пенсионных прав, оказания медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств – членов ЕАЭС от 6 марта 2023 г., стороны не пришли к единству в толковании норм Порядка, касающихся использования формуляров для подтверждения стажа работы трудящихся. В связи с этим представители сторон отметили целесообразность обращения в Суд Союза для получения соответствующих консультативных заключений¹⁷.

Практика Суда ЕАЭС в области пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Союза

Хотя практика Суда ЕАЭС в области трудовой миграции, в том числе в части пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Союза, еще не столь обширна, это, однако, не умаляет ее значение в совершенствовании норм права Союза в соответствующей области как регуляторов интеграции между государствами – членами Союза [5. С. 58]. Например, в вынесенном

Судом 7 декабря 2018 г. Консультативном заключении о профессиональных спортсменах¹⁸ не только даны разъяснения по существу заявления, но и выработано значительное число важных правовых позиций [13. С. 83]. Так, высказанное Судом мнение о недопустимости ограничения трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся трудящимися государств – членов Союза, было направлено на приздание максимальной эффективности праву Союза [6. С. 116].

Что касается пенсионной проблематики, то, прежде всего, заслуживает внимания Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 октября 2022 г., касающееся разъяснения положений ст. 3 Соглашения¹⁹.

Основное содержание заявления, направленного Центром судебного представительства при Министерстве юстиции Киргизии, состояло в том, что согласно ст. 3 Соглашения формирование пенсионных прав трудящихся государств – членов Союза осуществляется за счет пенсионных взносов на тех же условиях и в том же порядке, что и формирование пенсионных прав граждан государств трудоустройства. При этом на дату направления заявления в Суд, в первой половине 2022 г., законодательство Киргизии предусматривало дифференциированную тарифную ставку страховых взносов применительно к временно пребывающим иностранным гражданам и к гражданам Киргизии (3 % и 27,25 %). Вместе с тем согласно заявлению о разъяснении, с 1 ноября 2022 г. вступали в силу изменения об уравнивании соответствующих тарифов для ука-

„Обеспечение обмена между компетентными органами государств – членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий трудящимся (членам их семей)» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁶ Порядок присоединения к общему процессу «Обеспечение обмена между компетентными органами государств – членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий трудящимся (членам их семей)», утв. Решением Коллегии ЕЭК от 14 марта 2023 г. № 33 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса „Обеспечение обмена между компетентными органами государств – членов Евразийского экономического союза электронными документами и (или) сведениями, необходимыми для установления и выплаты пенсий трудящимся (членам их семей)» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁷ ЕЭК совместно со странами ЕАЭС рассматривает новые подходы к решению актуальных вопросов в сфере трудовой миграции // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023)

¹⁸ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу Р-3.18 // Суд ЕАЭС: [сайт]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.18/ (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 октября 2022 г. по делу Р-3.22 // Суд ЕАЭС: [сайт]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.22/ (дата обращения: 25.11.2023).

занных категорий лиц, принятые Законом Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. № 132 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики „О тарифах страховых взносов по государственному социальному страхованию”»²⁰.

В связи с этим заявитель просил Суд разъяснить, следует ли толковать указанное положение ст. 3 Соглашения как основание для уравнивания ставок страховых взносов, применимых к временно пребывающим иностранным гражданам стран ЕАЭС, к ставкам, применимым исключительно к гражданам государства — члена Союза, при условии наличия в законодательстве Киргизии двух разных тарифов; и должны ли трудящиеся государства — членов Союза, временно пребывающие на территории Киргизии, выплачивать страховые взносы наравне с гражданами Киргизии, если в ее законодательстве изменения об уравнивании тарифов вступали в силу только с 1 ноября 2022 г.

Разъяснения положения Договора о ЕАЭС, Суд руководствовался положениями указанного Консультативного заключения, касающегося профессиональных спортсменов: трудящиеся по смыслу права Союза обладают единым статусом в рамках ЕАЭС и пользуются предоставленными Договором правами и законными интересами. Кроме того, формирование единого рынка трудовых ресурсов и содействие трудовой миграции в рамках Союза непосредственно связано с предоставлением трудящимся государства-членов соответствующих прав и гарантий, включающих пенсионное обеспечение.

Уясняя нормы Соглашения в их системной связи со ст. 96 и 98 учредительного договора, Суд пришел к выводу о том, что для выстраивания единого рынка трудовых ресурсов право Союза гарантирует принцип равенства условий и порядка формирования пенсионных прав трудящихся, что, в свою очередь, распространяется на условия и порядок формирования пенсионных взносов как одного из составляющих пенсион-

ных прав. В связи с этим, отвечая на вопросы заявителя, Большая Коллегия Суда подтвердила, что п. 1 ст. 3 Соглашения является основанием для уравнивания ставок пенсионных взносов применительно к трудящимся государств — членов ЕАЭС и гражданам государства трудоустройства и что в целом предусмотренные в Соглашении нормы стали обязательны для государств — членов ЕАЭС с 1 января 2021 г.

При изучении выводов Суда, изложенных в данном Консультативном заключении, заслуживает внимания особое мнение судьи Суда ЕАЭС К.Л. Чайки, в котором изложена дополнительная правовая аргументация вынесенного решения²¹.

В частности, по мнению судьи, не вполне раскрыт вопрос о месте Соглашения в системе источников права Союза и его верховенстве над национальным законодательством. Такой шаг, на его взгляд, представляется первостепенным при определении вопроса о наличии или отсутствии необходимости приведения национального законодательства в соответствие с обязательствами, предусмотренными в Соглашении.

Очевидно, что Соглашение, относящееся к международному договору, заключенному в рамках ЕАЭС (п. 3 ст. 14 Соглашения), входит в право Союза (п. 1 ст. 6 учредительного договора). При этом с учетом позиций Суда, ранее изложенных в консультативных заключениях по делу о сокращении штата, о профессиональных спортсменах, о трансграничных рынках, рассматриваемое Соглашение, отмечает К.Л. Чайка, обладает свойствами прямого действия, непосредственного применения и верховенства над национальным законодательством.

Заключение

Проведенное исследование дает основания констатировать, что разработка и подписание в 2019 г. Соглашения, несомненно, стали важным шагом на пути к формиро-

²⁰ Закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. № 132 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики „О тарифах страховых взносов по государственному социальному страхованию”» // Министерство юстиции Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112316> (дата обращения: 25.11.2023).

²¹ Особое мнение судьи К.Л. Чайки к Консультативному заключению Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2022 г. № СЕ-2-1/2-22-БК «О разъяснении положений статьи 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 года» по делу № СЕ-2-1/2-22-БК // Суд ЕАЭС: [сайт]. URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/717/kxlmhosolg4cz4gjw8mud9rkinbfur11/%D0%9E%D0%9C%D0%9A%D0%9B%D0%A7%D0%90%D0%9B%D0%99%D0%BA%D0%B8.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

ванию и совершенствованию правового регулирования общего рынка труда ЕАЭС и неоспоримым прогрессом в защите пенсионных прав граждан Евразийского экономического союза [10. С. 74], направленным на его укрепление в целом [4. С. 12]. Главным аргументом в пользу такого вывода является то, что обеспечение вступления в силу и реализация Соглашения определены в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года в качестве одного из механизмов обеспечения свободного движения рабочей силы в ЕАЭС²².

Актуальность и практическая значимость введения правовых механизмов пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Союза также подтверждается соответствующими статистическими данными. В частности, в Российской Федерации за 2022 г. было назначено 12 374 пенсии гражданам стран ЕАЭС, и порядка 2 тыс. пенсий было экспортировано в Армению, Белоруссию, Казахстан и Киргизию²³.

При этом, учитывая, что положительная динамика трудовой миграции в ЕАЭС диктует приоритетность вопросов реализации трудовых и социальных гарантий, и вопросы социального, в том числе пенсионного, обеспечения играют важную роль в интеграционных процессах между странами Союза²⁴, автор рассматривает в качестве одной из первостепенных задач углубление сотрудничества государств – членов ЕАЭС на данном направлении.

По мнению автора, ее реализации будет, прежде всего, способствовать дальнейшее налаживание и укрепление практики электронного взаимодействия компетентных органов государств – участников Соглашения. В связи с этим представляется целесообразным интенсифицировать совместную работу по разработке и совершенствованию положений права Союза, необходимых для создания, обеспечения функционирования и развития интегрированной информационной системы Союза, предлагающей оперативный обмен юридически значимыми электронными документами и сведениями между компетентными органами государств – членов Союза при установлении и выплате пенсии трудящимся лицам.

Очевидно, что перевод взаимодействия в рассматриваемой сфере в электронный формат не только обеспечит своевременный обмен сведениями между компетентными органами государств – членов ЕАЭС, позволив таким образом существенно сократить сроки рассмотрения заявлений граждан стран «евразийской пятерки» для назначения и выплаты им пенсий, но и будет способствовать реализации одной из главных целей Соглашения в целом – обеспечению равных прав в сфере пенсионного обеспечения и защите приобретенных трудящимися пенсионных прав на территории государств – членов ЕАЭС.

Литература:

1. Агашев Д.В., Трифонов С.Г., Трифонова К.В. Социальное обеспечение работников-мигрантов в ЕС: компаративистские модели в контексте системы правовой интеграции государств ЕАЭС // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 116–124.
2. Акатнова М.И. Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств – членов ЕАЭС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11. С. 152–158.

²² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // Правовой портал Евразийского экономического союза: [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 20.11.2023).

²³ Россия назначила более 12 тысяч пенсий гражданам из стран ЕАЭС // Интернет-портал «Российской газеты»: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/03/10/rossiia-naznachila-bolee-12-tysiach-pensij-grazhdanam-iz-stran-eaes.html> (дата обращения: 20.11.2023).

²⁴ Бакытжан Сагинтаев: «Страны ЕАЭС переводят взаимодействие в сфере пенсионного обеспечения трудящихся в электронный формат» // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/bakytzhan-sagintaev-strany-eaes-perevodyat-vzaimodeystvie-v-sfere-pensionnogo-obespecheniya-trudyashchch/> (дата обращения: 20.11.2023)

3. Алмакаева А.М., Костенко В.В. Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и европейского союза // Экономическая социология: электронный журнал. 2014. № 4. С. 53–67.
4. Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62.
5. Глазьев С.Ю. «Четвертая свобода» интеграции как фактор зрелости ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 11–12.
6. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 98–119.
7. Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Перебоев В.С. Введение общего пенсионного пространства в странах евразийского экономического союза: насколько это важно и каковы последствия? // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3. С. 5–24.
8. Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 56–62.
9. Кудрявцева Л.Н. Пенсионные системы стран - членов ЕАЭС в контексте создания единого экономического пространства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 3. С. 173–185.
10. Мишальченко Ю.В., Платонова Л.А., Торопыгин А.В. Международно-правовые особенности реализации конституционных прав граждан государств - членов ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 66–76.
11. Мишальченко Ю.В., Платонова Л.А., Торопыгин А.В. Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 67–77.
12. Селиверстова М.М. Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ // Пенсия. № 3. 2014. С. 54–62.
13. Энтин К.В., Пиркер Б. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 79–96.
14. Acosta D. Regional Free Movement of People at the Global Level: The Case of the Eurasian Economic Union (EAU) // Kutafin Law Review. 2021. № 8. Р. 602–625.
15. Leonov A.S., Lisinskaya I.E. Legal Framework of Labor Migration Governance in the Eurasian Economic Union and the European Communities: Comparative Analysis // Kutafin Law Review. 2021. № 8. С. 573–601.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF PENSION PROVISION OF WORKERS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES

Introduction. The present article examines the conditions of the formation and functioning of the pension protection system for member states' workers of the Eurasian Economic Union. The study of pension issues in the EAEU is based, *inter alia*, on the review of a number of international treaties as the legal framework of the Customs Union and the Common Economic Space. In the context of this work the author has also conducted a comprehensive analysis of the provisions of the Agreement on pension provision of workers of the Eurasian Economic Union Member States dated December 20, 2019 as well as the relevant practice of the EAEU Court.

Materials and methods. In the course of preparing the article, international treaties included in the legal framework of the Customs Union and the Common Economic Space in the field of pension provision for migrant workers, as well as the relevant norms of the Union law and the practice of

the EAEU Court, have been studied. The theoretical basis of this work consists of the research of domestic specialists in the field of international law, dedicated to the common labor market of the EAEU. The methodological basis of the study is the following general scientific methods of cognition of legal phenomena: methods of analysis and synthesis, induction and deduction, and analogy. The special scientific methods that the author has also used in his research include formal legal, comparative legal and historical legal methods of cognition.

Research results. As a result of the analysis, it has been revealed that the development and signing in 2019 of the Agreement on pension provision of workers of the Eurasian Economic Union Member States is a key step in building a pension system for workers in the EAEU countries. Despite the fact that this international treaty, which entered into force on January 1, 2021, is still standing the test of time,

there is no doubt that its implementation is one of the important conditions for the successful functioning of the Union's common labor market.

Discussion and conclusion. Ensuring the free movement of labor within the framework of modern regional integration organizations is inextricably linked with providing workers with equal guarantees in the field of pension provision, as well as the protection of their acquired pension rights. It is possible that the positive dynamics of labor migration in the EAEU is due, among other things, to the transition to a qualitatively new level of legal regulation of

pension provision for workers in its member states. At the same time, as follows from the analysis of the practice of the EAEU Court, the interest of states in clarifying certain norms of the Union law in the relevant area remains quite high.

Mariia M. Levina,
Applicant of the Department of
International Law, Moscow State Institute
of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, трудовая миграция, общий рынок труда, трудящиеся государств — членов ЕАЭС, пенсионное обеспечение, Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г., Суд ЕАЭС

Keywords:

eurasian integration, Eurasian Economic Union, labor migration, common labor market, workers of the EAEU member states, pension provision, Agreement on pension provision of workers of the Eurasian Economic Union Member States of December 20, 2019, EAEU Court

References:

1. Agashev D.V., Trifonov S.G., Trifonova K.V., 2021. Social'noe obespechenie rabotnikov-migrantov v ES: komparativistskie modeli v kontekste sistemy pravovoj integracii gosudarstv EAES [Social security of migrant workers in the EU: comparative models in the context of the system of legal integration of the EAEU states]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Right]. № 39. P. 116–124.
2. Akatnova M.I., 2019. Sohranenie prava na pensionnogo obespechenie trudyashchihsya gosudarstv — chlenov EAES [Maintenance of pension rights of employees of the EAEU member states]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. № 11. P. 152–158.
3. Almakaeva A.M., Kostenko V.V., 2014. Transgranichnyj perevod pensionnyh prav v stranah Evrazijskogo ekonomicheskogo soobshchestva i evropejskogo soyuza [Cross-border transfer of pension rights in the countries of the Eurasian Economic Community and the European Union]. *Ekonomicheskaya sociologiya: elektronnyj zhurnal* [Economic Sociology: electronic journal]. № 4. P. 53–67.
4. Anufrieva L.P., 2016. EAES i "pravo EAES" v mezdunarodno-pravovom izmerenii [Eurasian Economic Union and "the Law of the Eurasian Economic Union" as per International Law Dimension]. *Moskovskij zhurnal mezdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 4. P. 48–62.
5. Glazev S.Y., 2019. "Chetvertaya svoboda" integracii kak faktor zrelosti EAES [The "Freedom Fourth" of Integration as a Factor of EAEU Maturity]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. № 2. P. 11–12.
6. Diyachenko E.B., Entin K.V., 2019. Obzor praktiki Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2017–2018 godakh [Overview of case-law of the Court of the Eurasian Economic Union in 2017–2018]. *Zakon* [Law]. № 3. P. 98–119.
7. Karabchuk T.S., Soboleva N.E., Pereboev V.S., 2014. Vvedenie obshchego pensionnogo prostranstva v stranah evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: naskol'ko eto vazhno i kakovy posledstviya? [The introduction of a common pension space in the countries of the Eurasian Economic Union: how important is it and what are the consequences?]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya* [Eurasian economic integration]. № 3. P. 5–24.
8. Kasyanov R.A., Torkunova E.A., 2015. Obespechenie prav cheloveka na postsovetskem prostranstve [Securing human rights on the post-soviet space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. № 5. P. 56–62.
9. Kudryavtseva L.N., 2016. Pensionnye sistemy stran — chlenov EAES v kontekste sozdaniya edinogo ekonomicheskogo prostranstva [Pension systems of the EAEU member countries in the context of creating a single economic space]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. № 3. P. 173–185.
10. Mishalchenko Yu.V., Platonova L.A., Toropygin A.V., 2021. Mezdunarodno-pravovye osobennosti realizacii konstitucionnyh prav grazhdan gosudarstv — chlenov EAES v sfere pensionnogo obespecheniya [Legal Features of the Constitutional Rights Implementation of the EAEU Member States Citizens in the Field of Pensions]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. № 15. P. 66–76.

11. Mishalchenko Yu.V., Platonova L.A., Toropygin A.V., 2020. Pensionnoe obespechenie grazhdan v EAES i Soyuznom gosudarstve Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' [Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*. № 14. P. 67-77.
12. Seliverstova M.M., 2014. Mobil'nost' pensij v ramkah Evrazijskogo ekonomiceskogo soyuza i SNG [Pension mobility within the Eurasian Economic Union and the CIS]. *Pensiya [Pension]*. № 3. P. 54–62.
13. Entin K.V., Pirker B., 2020. Svobodnoe dvizhenie lic v EAES: mezhdju Civis Eurasiacus i Homo Oeconomicu [Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — Between Civis Eurasiacus and Homo Oeconomicus]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 1. P. 79–96.
14. Acosta D., 2021. Regional Free Movement of People at the Global Level: The Case of the Eurasian Economic Union (EAU). *Kutafin Law Review*. № 8. P. 602–625.
15. Leonov A.S., Lisinskaya I.E., 2021. Legal Framework of Labor Migration Governance in the Eurasian Economic Union and the European Communities: Comparative Analysis. *Kutafin Law Review*. № 8. 573–601.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕС И ЕАЭС

Таймураз Валиев*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-171-177

Введение. В статье рассматривается правовая эволюция регулирования деятельности Европейского совета по системным рискам (далее – ЕССР) в контексте формирования организационно-правового механизма финансовой интеграции, а также оценивается реформа правоустанавливающих правовых актов в контексте построения Союза рынков капитала. Приводится сопоставительный анализ правовых основ осуществления макропруденциальной политики в ЕС и ЕАЭС и выявляется общее и особенное в правовом регулировании интеграционных объединений.

Материалы и методы. В ходе написания работы применялись приемы научного познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщения, аналогии и другие. Методологическая основа исследования состоит как из общенаучных, так и специально-юридических методов, включая метод догматического толкования, формально-юридический, структурно-юридический, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. Анализ правовых основ осуществления макропруденциальной политики в ЕС и ЕАЭС показал значительную степень финансовой интеграции в рамках ЕС, о чем свидетельствует факт наличия наднационального органа, ЕССР. Однако, на данный период времени наблюдается стагнация в развитии правового регулирования деятельности ЕССР. В рамках ЕАЭС, в свою очередь, несмотря на наличие правовых основ регулирования, макропруденциальный надзор осуществляется на основе межгосударственного сотрудничества, а не наднационального регулирования.

Обсуждение и заключение. Исследование показало наличие существенных различий в правовом регулировании макропруденциального надзора в ЕС и ЕАЭС, а также выявило, что при отсутствии полноценного наднационального регулирования в данной области в рамках ЕАЭС тем не менее, имеется потенциал развития соответствующего института в праве ЕАЭС.

* **Валиев Таймураз Муртазович**, магистр права, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: tvaliev.m@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-5031-7287

Введение

Большой скачок в развитии правового регулирования финансовых рынков ЕС был связан с построением единого рынка финансовых услуг [11. С. 593–594] и во многом также был дан благодаря процессу Ламфалусси (2000 г.) [9. С. 389], который предполагал построение четырёхуровневой системы регулирования финансового рынка посредством делегирования Советом исполнительных полномочий Комиссии с целью формирования законодательства ЕС, а также с использованием возможностей комитетов комитологии, деятельность которых была разделена в рамках трех секторов финансового рынка: банковского, страхового секторов и сектора рынка ценных бумаг.

Вместе с тем события глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. показали несовершенство построенного организационного механизма в рамках процесса Ламфалусси, в связи с чем он был дополнен (изменен) по результатам доклада Ларозьера¹ в 2009 г. Изменения затронули не только комитеты комитологии ЕС, но также предусматривали создание нового органа по системным рискам, который получил полномочия осуществлять макропруденциальный надзор в ЕС [1. С. 59].

Такой орган был создан в 2010 году, при этом его функционирование было подвержено реформированию в связи с построением Союза рынков капитала, возросшими темпами цифровизации [4. С. 38–40] и растущей динамикой развития финансовых рынков ЕС. В этой связи в настоящее время регулирование финансовых рынков ЕС и надзора за его участниками осуществляется на наднациональном уровне как в сфере макропруденциального анализа, так и в рамках микропруденциального надзора.

ЕАЭС, являясь более молодым интеграционным объединением, хотя и не имеет сопоставимого опыта противодействия по-

следствиям кризисов на финансовых рынках [2. С. 197], также установил нормы, касающиеся осуществления макропруденциального регулирования в рамках всего интеграционного образования. В этой связи представляется целесообразным оценить сопоставимость подходов к регулированию макропруденциального анализа в ЕС и ЕАЭС в целях определения оптимального пути развития правовой интеграции ЕАЭС в указанной части.

Исследование

Европейский совет по системным рискам – новый этап финансовой интеграции

В сентябре 2009 г. Комиссия подготовила проект регламента Европейского парламента и Совета «О макропруденциальном надзоре за финансовой системой и создании Европейского совета по системным рискам»², предполагавший создание ЕССР, деятельность которого была призвана отслеживать возникновение макропруденциальных рисков в целях упреждения возникновения крупных финансовых кризисов в ЕС.

По результатам рассмотрения указанного проекта был принят Регламент (ЕС) № 1092/2010 Европейского парламента и Совета от 24 ноября 2010 г. «О макропруденциальном надзоре за финансовой системой в Европейском союзе и создании Европейского совета по системным рискам»³ (далее – Регламент № 1092/2010), в соответствии с п. 2 ст. 1 которого ЕССР стал одним из ключевых элементов Европейской системы финансового надзора (далее – ЕСФН) наравне с европейскими надзорными органами: Европейским банковским органом, Европейским органом по ценным бумагам и рынкам и Европейским органом по надзору в области страхования и негосударственного пенсионного обеспечения (далее – ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП соответственно).

¹ The high level group on financial supervision in the EU. // Ec.europa.eu [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication14527_en.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Community macro prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board {COM(2009) 500 final} {COM(2009) 501 final} {COM(2009) 502 final} {COM(2009) 503 final} {SEC(2009) 1234} {SEC(2009) 1235}. // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2009%3A0499%3AFIN> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Regulation (EU) No 1092/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // OJ L 331, 15.12.2010, p. 1–11.

Согласно Регламенту № 1092/2010 для достижения своей основной цели ЕССР выявляет системные риски и ранжирует их в зависимости от степени угрозы, а в случае их значительности обнародует или предупреждает ЕС или государство-член о наличии таких рисков. Кроме того, ЕССР разрабатывает меры по управлению и минимизации определенных им рисков, а также оценивает степень их выполнения. В случае возникновения чрезвычайного уровня угрозы передает соответствующие сведения Совету. Для эффективного выполнения своих функций ЕССР координирует работу с международными финансовыми организациями, такими как Международный валютный фонд и Совет по финансовой стабильности [5. С. 61]. При этом последнее следует из преамбулы Регламента № 1092/2010, в то время как основные задачи ЕССР установлены статьей 3 указанного регламента.

Организационная структура ЕССР сильно отличается от структуры управления ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП и состоит из Генерального совета (обеспечивает выполнение задач путем принятия необходимых решений согласно ст. 6-12 Регламента № 1092/2012), Руководящего комитета (оказывает помочь в процессе принятия решений согласно ст. 11 Регламента № 1092/2012); Секретариата (ответственный за повседневную деятельность и оказывающий поддержку согласно ст. 4 Регламента № 1092/2012).

Необычным для органов финансового контроля и надзора (в сравнении с ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП) является наличие Консультативного научного комитета (далее – КНК). Согласно ст. 12 Регламента № 1092/2012 КНК состоит из 15 экспертов, обладающих широким спектром навыков

и опытом, кандидатуры которых предлагаются Руководящим комитетом и одобряются Генеральным советом на четырехлетний срок с возможностью продления. Указанные лица не должны быть сотрудниками ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП. Юридико-технический интерес представляет собой то обстоятельство, что согласно п. 3 ст. 12 Регламента № 1092/2012 КНК оказывает поддержку ЕССР в соответствии с п. 5 ст. 4 Регламента № 1092/2012, при этом указанная норма также сообщает о консультативной роли комитета и отсылает к ст. 12 указанного регламента. Таким образом, правовой акт четко не определяет полномочия КНК, оставляя широкие пределы усмотрения за вышестоящими органами управления. Аналогичные положения сделаны и в отношении Технического консультативного комитета, играющего значимую роль при анализе системных рисков [10. С. 27]. Совокупное толкование Регламента № 1092/2012 и регламентов, учреждающих ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП⁴, также свидетельствует о том, что ЕССР обладает лишь консультативными и вспомогательными полномочиями, в то время как ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП вправе принимать правовые акты, обязательные для исполнения финансовыми организациями. Отсутствие таких возможностей объясняет в том числе и сокращенный формат органов управления ЕССР.

Реформа деятельности Европейского совета по системным рискам

В 2019 году был принят Регламент (ЕС) 2019/2176 Европейского парламента и Совета от 18 декабря 2019 года «О внесении изменений в Регламент (ЕС) № 1092/2010»⁵ (далее – Регламент № 2019/2176). Согласно преамбуле указанного акта изменения вносятся в связи с созданием Единого над-

⁴ Règlement (UE) № 1093/2010 du Parlement européen et du Conseil du 24 novembre 2010 instituant une Autorité européenne de surveillance (Autorité bancaire européenne), modifiant la décision № 716/2009/CE et abrogeant la décision 2009/78/CE de la Commission // JO L 331 du 15.12.2010, p. 12–47.

Règlement (UE) № 1094/2010 du Parlement européen et du Conseil du 24 novembre 2010 instituant une Autorité européenne de surveillance (Autorité européenne des assurances et des pensions professionnelles), modifiant la décision № 716/2009/CE et abrogeant la décision 2009/79/CE de la Commission // JO L 331 du 15.12.2010, p. 48–83.

Règlement (UE) № 1095/2010 du Parlement européen et du Conseil du 24 novembre 2010 instituant une Autorité européenne de surveillance (Autorité européenne des marchés financiers), modifiant la décision № 716/2009/CE et abrogeant la décision 2009/77/CE de la Commission // JO L 331 du 15.12.2010, p. 84–119.

⁵ Regulation (EU) 2019/2176 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2019 amending Regulation (EU) No 1092/2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // OJ L 334, 27.12.2019, p. 146–154.

зорного механизма в рамках Европейского банковского союза, а также с созданием Союза рынков капитала [3. С. 230]. Учитывая заявленную цель, не стоило ожидать усиления роли ЕССР и(или) наделения его какими-либо полномочиями, сходными с ЕБО, ЕОЦБР, ЕОНСНП.

Вместе с тем исходя из совокупного толкования анализируемых изменений можно прийти к выводу, что реформирование деятельности ЕССР направлено не только на адаптацию к новым условиям в рамках реализации обозначенных проектов финансовой интеграции, но и призваны обеспечить экономическую безопасность ЕС в рамках осуществления макропруденциального надзора за финансовой системой, что выражается в изменении регулирования Регламента № 1092/2010 в части организационной структуры ЕССР и конфиденциальности его внутренней деятельности.

В частности, ст. 4 Регламента № 1092/2010 дополняется пунктом 2а, согласно которому Генеральный совет должен назначать главу Секретариата на основе гласности, уделяя особое внимание качествам, беспристрастности и опыту кандидата. О существенных фактах при выборе кандидата Генеральный совет должен сообщать Европейскому парламенту и Совету. Иными словами, назначение людей на наиболее важные должности в ЕССР становится более гласным и призвано устраниить коррупционные факторы при назначении [8. С. 15].

Пункт За ст. 4 Регламента № 1092/2010 закрепляет права главы Руководящего комитета в отношении главы Секретариата, который получает широкие полномочия. Он координирует повседневное управление Секретариатом; решает любые административные и бюджетные вопросы, связанные с Секретариатом; координирует подготовку решений Генерального совета; осуществляет подготовку ежегодных предложений по программе деятельности ЕССР и ежегодных отчетов ЕССР. В данном случае налицо уточнение полномочий субъектов органов управления ЕССР, в том числе установление круга вопросов, которые могут быть поручены одним руководящим лицом другому, что должно также снизить вопросы регуляторного арбитража.

Ужесточение некоторых положений в отношении одной категории лиц сопровождается созданием гибкого регулирования для других. В частности, новый п. 8 ст. 5 Регламента № 1092/2010 предусматривает, что хотя Председатель ЕССР является внешним представителем органа, по его поручению он может быть заменен иным лицом, что позволяет оптимизировать трудовую нагрузку.

Кроме того, расширяется состав Генерального совета, в который теперь входят представители наблюдательного совета Европейского центрального банка и председатель Единого надзорного механизма, что позволяет более объективно осуществлять деятельность ЕССР с соблюдением интересов новых субъектов в сфере финансового регулирования в ЕС.

Несмотря на возросшую гласность были уточнены меры, посвященные вопросам конфиденциальности. Новая редакция ст. 9 Регламента № 1092/2010 предполагает, что ход заседаний органов управления должен быть конфиденциальным. Генеральный совет может принять решение обнародовать отчет о своих обсуждениях при соблюдении применимых требований к конфиденциальности и таким образом, чтобы не допускалась идентификация отдельных членов Генерального совета или отдельных учреждений. Это также должно оказывать положительный эффект в контексте экономической безопасности, поскольку подразумевает разумное раскрытие существенной информации.

Таким образом, ключевые изменения затронули в большей степени лишь внутреннюю организацию работы ЕССР. Учитывая данное обстоятельство, не стоит ожидать развития правового регулирования в сфере макропруденциального анализа как на уровне первичного права ЕС, так и в актах вторичного права.

Развитие правового регулирования макроэкономического анализа в ЕАЭС

В ЕАЭС основы макропруденциального регулирования закреплены на уровне первичного права – в Договоре о ЕАЭС⁶.

В Договоре о ЕАЭС указанные положения размещены в части третьей, посвящен-

⁶ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

ной единому экономическому пространству, которое имеет существенные отличия от общего (единого) рынка ЕАЭС. Если общий (единий) рынок ЕАЭС сходен по своему составу с внутренним рынком ЕС в части обеспечения свободы движения лиц, товаров, услуг и капитала, то единое экономическое пространство представляет собой пространство реализации сходных (сопоставимых) и однотипных механизмов регулирования экономики на основе гармонизированных и унифицированных норм.

Из этого следует, что несмотря на то, что нормы о макропруденциальном регулировании установлены первичным правом ЕАЭС и должны применяться напрямую государствами-членами в рамках национальной системы права, возникает правовая неопределенность в части реализации такого регулирования, поскольку метод унификации в системе права интеграционных объединений предполагает создание единого, целостного механизма, в то время как единое экономическое пространство на текущий момент не предполагает такой возможности.

Пункт 1 ст. 62 Договора о ЕАЭС предусматривает, что в рамках ЕАЭС проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития их экономик. Предложенный данной нормой механизм также исключает *de jure* возможность наднационального регулирования макропруденциального надзора в разрезе ЕАЭС и его государств-членов.

При этом согласно рассматриваемой статье основными направлениями согласованной макроэкономической политики являются обеспечение устойчивого развития экономик, формирование единых принципов функционирования экономик, создание условий для повышения внутренней устойчивости экономик государств-членов, включая обеспечение макроэкономической стабильности. Фактически указанные формулировки являются развитием идеи экономического роста экономик государств-членов как цели функционирования ЕАЭС [6. С. 410], при этом отсутствие конкретных критериев при формировании единых принципов ведет к широкому усмотрению при правоприменении со стороны государств-членов и компетентных органов.

Ряд недостатков в части отсутствия конкретики в устанавливаемом регулировании

компенсируется установлением базовых макроэкономических показателей, предусмотренных в ст. 63 Договора о ЕАЭС, аналогичных Пакту стабильности и роста в ЕС, в частности, годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления не должен превышать 3 процентов от ВВП.

В Приложении № 14 к Договору о ЕАЭС устанавливаются и иные показатели для оценки макроэкономической стабильности, например, объем прямых инвестиций, направленных в экономику каждого государства-члена. При этом особый интерес представляет тот факт, что расчет показателей осуществляется в долларах США, который не является официальной валютой ни одного из государств-членов [7. С. 27].

Ни Договор о ЕАЭС, ни иные акты ЕАЭС не предусматривают наличие специального органа, который осуществлял бы макроэкономический надзор, при этом вопрос полномочий будущего наднационального органа ЕАЭС в сфере финансовых рынков остается открытым. Пункт 4 Приложения № 14 к Договору о ЕАЭС предусматривает, что Комиссия ЕАЭС осуществляет мониторинг макроэкономических показателей, установленных Договором о ЕАЭС, разрабатывает основные направления экономического развития ЕАЭС, а также основные ориентиры макроэкономической политики государств-членов. При этом оба последних документа носят рекомендательный характер.

Заключение

Факт наличия наднационального органа в ЕС, оценивающего макропруденциальные риски ЕС и его государств-членов, позволяет говорить о намерении институтов ЕС и государств-членов ЕС продвинуть финансовую интеграцию на новый уровень [12. С. 43]. Вместе с тем последние изменения свидетельствуют о стагнации в развитии правового регулирования деятельности ЕССР, поскольку полномочий по изданию обязательных актов он так и не получил, а его деятельность носит преимущественно рекомендательный характер.

Учредительный договор ЕАЭС изначально регулирует общественные отношения, которые связаны с реализацией макропруденциального надзора, но текущий комплекс правовых норм предоставляет возможность его осуществления лишь в рамках межгосударственного сотрудничес-

ства. Представляется, что право ЕАЭС ожидает и имеет потенциал своего развития в сторону наднационального регулиро-

вания в области макропруденциального надзора.

Литература:

1. Баженова В. А. Правовые аспекты деятельности Европейского комитета по системным рискам // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5(120). С. 58-60.
2. Гулиева А. Р. Г. Использование правового инструментария защиты единого рынка ЕС и его субъектов в условиях санкционной войны против России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 4. С. 191-200.
3. Евдокимов М.А. Правовой механизм Союза рынков капитала ЕС: будет ли обеспечена свобода движения капитала? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 221-244.
4. Касьянов Р.А. Цифровизация как важный фактор регулирования российского финансового рынка и Союза рынков капитала ЕС // Право и цифровая экономика. 2022. № 4(18). С. 36-47.
5. Понаморенко В.Е. Организационно-правовые основы макропруденциальной политики на международном и национальном уровнях // Международное право. 2016. № 3. С. 54-71.
6. Урунов А. А. Пространственное развитие и экономический рост / А. А. Урунов, К. Х. Зойдов. Москва : Издательство "Экономическое образование", 2021. 620 с.
7. Хоботова С.Н. Проблемы расчета и инструменты снижения долларизации в государствах - членах ЕАЭС // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 19, № 1. С. 20-31.
8. Alfano V. EU accession: A boon or bane for corruption? // Journal of Economics and Finance. 2021. No. 45(1). P. 1-21.
9. Alford Duncan. "The Lamfalussy Process and EU Bank Regulation: Another Step on the Road to Pan-European Bank Regulation?" // Ann. Rev. Banking & Fin. L. 2006. V. 25. P. 389.
10. Hoitash R. A measure of financial statement benchmarking // The Accounting Review. 2023. P. 1-29.
11. Kasyanov R.A. The EU Experience as a Model for the Development of a Single Financial Market Regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // European Company and Financial Law Review. 2019. Vol. 16. No. 5. P. 592-621.
12. Moroz E.N. Comparative analysis of the integration groupings of the EU and the EAEU // International Law and International Organizations. 2022. No. 2. P. 39-61.

LEGAL ASPECTS OF MACROPRUDENTIAL REGULATION WITHIN THE EU AND THE EAEU

Introduction. The article examines the legal evolution of the regulation of the activities of the European Systemic Risk Board (hereinafter – ESRB) in the context of the formation of the organizational and legal mechanism of financial integration, and also assesses the reform of the legal acts in the context of building the Capital Markets Union. The paper reveals the results of comparative analysis of the legal foundations of the implementation of macroprudential policy in the EU and EAEU, identifying common and special features in the legal regulation of integration associations.

Materials and methods. In the course of research, the following methods of scientific cognition were used: analysis, synthesis, abstraction, generalizations, analogies and others. The methodological basis of research consist of general scientific as well as special-legal methods, including method of dogmatic analysis (interpretation of legal norms, legal

and technical constructions, etc.), formal, comparative legal methods.

Results of the study. The analysis of the legal basis of the implementation of macroprudential supervision in the EU and the EAEU showed a significant extent of the financial integration in the EU, as testified by the presence of a supranational body, ESRB. However, at this moment there is stagnation in the development of legal regulation of ESRB activities. In the EAEU, in its turn, despite the existence of the legal foundation of regulation, macroprudential supervision is executed by the means of intergovernmental cooperation, and not supranational regulation.

Discussion and conclusion. The study showed the existence of significant differences in the legal regulation of macroprudential supervision in the EU and the EAEU as well as it was revealed that in the absence of comprehensive supranational regulation

of the macroprudential supervision in the EAEU, there is potential for the development of a respective institution in the EAEU law.

Tajmuraz M. Valiev,
Master of Law, PhD Student at the
Department of Integration Law and Human
Rights Law, MGIMO-University under the
MFA of Russia

Ключевые слова:

ЕС, ЕАЭС, Европейский совет по системным рискам, макроэкономическая политика, Единое экономическое пространство, финансовая интеграция, право ЕС, право ЕАЭС

Keywords:

EU, EAEU, European Systemic Risk Board, Macroeconomic Policy, Common Economic Space, financial integration, EU law, EAEU law

References:

1. Bazhenova V.A., 2018. Pravovye aspeky deyatel'nosti Evropejskogo komiteta po sistemnym riskam [Legal aspects of the European Systemic Risk Board's activities]. *Evrazijskij yuridicheskiy zhurnal [Eurasian law journal]*. No. 5 (120). P. 58-60.
2. Guliyeva A.R.G., 2022. Ispol'zovanie pravovogo instrumentariya zashchity edinogo rynka ES i ego sub'ektorov v usloviyah sankcionnoj vojny protiv Rossii [Using legal tools to protect the single market of the EU and its subjects in the context of the sanctions war against Russia]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo. [Scientific review. Series 1. Economics and law]*. No. 4. P. 191-200.
3. Evdokimov M.A., 2023. Pravovoj mekhanizm Soyuza rynkov kapitala ES: budet li obespechena svoboda dvizheniya kapitala [Legal Mechanism of EU Capital Markets Union: Will Free Capital Flow Provided]? *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. No. 3. P. 221-244.
4. Kasyanov R.A., 2022. Cifrovizaciya kak vazhnyj faktor regulirovaniya rossijskogo finansovogo rynka i Soyuza rynkov kapitala ES [Digitalization as an important factor in the regulation of the Russian financial market and the Union of capital markets of the EU]. *Pravo i cifrovaya ekonomika [Law and Digital Economy]*. No. 4(18). P. 36-47.
5. Ponamorenko V.E., 2016. Organizacionno-pravovye osnovy makroprudencial'noj politiki na mezhdunarodnom i nacional'nom urovnyah [Organizational-legal grounds of the macroprudential policy at the international and national levels]. *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]*. No. 3. P. 54-71.
6. Urunov A.A., 2021. Prostranstvennoe razvitiye i ekonomicheskij rast [Spatial development and economic growth]. Moscow.
7. Khobotov S.N., 2021. Problemy rascheta i instrumenty snizheniya dollarizacii v gosudarstvah - chlenah EAES [Problems of calculation and tools for reducing dollarization in the EAEU member states]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*. V. 19, No. 1. P. 20-31.
8. Alfano V., 2021. EU accession: A boon or bane for corruption? *Journal of Economics and Finance*. No. 45(1). P. 1-21.
9. Alford Duncan, 2006. "The Lamfalussy Process and EU Bank Regulation: Another Step on the Road to Pan-European Bank Regulation?" *Ann. Rev. Banking & Fin. L.* V. 25. P. 389.
10. Hoitash R., 2023. A measure of financial statement benchmarking. *The Accounting Review*. P. 1-29.
11. Kasyanov R.A., 2019. The EU Experience as a Model for the Development of a Single Financial Market Regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU). *European Company and Financial Law Review*. Vol. 16, No. 5. P. 592-621.
12. Moroz E.N., 2022. Comparative analysis of the integration groupings of the EU and the EAEU. *International Law and International Organizations*. No. 2. P. 39-61.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ольга Дигилина*
Тимофей Чебан**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-178-187

Введение. Авторы статьи убеждены, что в современном мире внешнеэкономические связи остаются ключевым направлением экономической активности. Устойчивые внешнеэкономические связи остаются необходимым условием для экономического роста страны. Однако из-за изменений в мировой финансово-экономической и политической системах Россия вынуждена искать новых союзников в экономической и политической сфере. Основной задачей для нашей страны является установление тесных и взаимовыгодных отношений с ведущими странами Востока, такими как Китай и Индия – это необходимо для обеспечения экономической безопасности в условиях возможной изоляции на международной арене.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составили общенаучные и специальные методы исследования, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, классификация, компаративный, описательный, сравнительный, логический, структурно-функциональный, различные методы статистического анализа. В исследовании применялись табличные и графические формы представления рассматриваемых процессов и явлений.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что Россия вынуждена использовать различные инструменты для поддержания своей внешней торговли и обеспечения экономической безопасности в условиях

* **Дигилина Ольга Борисовна**, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Российской университета дружбы народов имени Патрисы Лумумбы (РУДН), Москва, Россия
e-mail: o.b.digilina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9148-6776

** **Чебан Тимофей Александрович**, аспирант кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России
e-mail: timcheban@yahoo.com
ORCID ID: 0009-0003-3770-5696

антироссийских санкций. Баланс между протекционистской и фронтретдерской политикой зависит от конъюнктуры на международных рынках, геополитической обстановки в мире, но в особенности от уровня конкурентоспособности и возникновения новых конкурентных преимуществ на мировой арене. Введение санкций со стороны коллективного Запада стало основным фактором изменения внешнеэкономической конъюнктуры для России в 2022 году. Новая внешнеэкономическая стратегия России основана на поиске дружественных стран-партнёров, готовых приобретать подсанкционные товары. Благодаря такой стратегии России удалось переориентировать внешнеэкономические связи на Азию и Ближний Восток, а также наладить параллельный импорт, сохранив конкурентоспособность и даже увеличив внешнеторговый оборот.

Обсуждение и заключение. Обоснована необходимость выхода России на торговые рынки таких крупных азиатских стран, как Китай и Индия, и укрепления внешнеэкономических связей с ними; проанализированы основные группы товаров, которые могут способствовать развитию взаимовыгодного обмена и укрепления внешнеэкономического сотрудничества между указанными странами; доказаны возможность и важность дальнейшего развития внешнеэкономических связей с государствами Азии,ющими стать не менее важными и полезными партнёрами для России, чем некогда государства Европы.

Введение

Несмотря на замедление процесса глобализации в мировой экономике, внешнеэкономические связи остаются одним из основных направлений экономической активности. Расширение масштабов деятельности транснациональных корпораций (ТНК), имеющих представительства и производственные мощности в нескольких странах, привело к развитию глобальных цепочек добавленной стоимости и увеличению взаимозависимости между государствами. В настоящее время экономический рост страны невозможен без устойчивых внешнеэкономических связей.

В свете изменений в мировой финансово-экономической и политической системах, Россия сталкивается с необходимостью поиска новых союзников в экономической и политической сфере. Главной задачей для нашей страны является установление тесных и взаимовыгодных отношений с ведущими странами Востока, такими как Китай и Индия. В условиях неопределенности и возможной изоляции на международной арене из-за антироссийских санкций, Россия вынуждена искать способы поддержания своей внешней торговли.

Проблемой краткосрочных перспектив развития внешнеэкономических связей России после ужесточения санкций в 2022 году занимались многие отечественные авторы, среди которых А.А. Кантарович, Н.С. Ревенко, С.А. Луконин, И.В. Вахрушин, А.Н. Спартак, С.В. Чеснокова и другие. Однако ввиду того, что с момента начала специальной военной операции (СВО) и реакции западных стран на неё прошло не так много времени, объём и глубина проведённых исследований не достаточны для того, чтобы прийти к однозначным выводам.

Исследование

В Российской Федерации законодательно определено лишь понятие «внешнеэкономической деятельности». Согласно ст. 1 Федерального закона от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», внешнеэкономическая деятельность представляет собой внешнеторговую и инвестиционную деятельность, а также производственную кооперацию в области обмена товарами, услугами, информацией и результатами интеллектуальной деятельности¹. Определения именно внешнеэкономических связей в российском законодательстве на текущий

¹ Федеральный закон от 18 июля 1999 г. N 183-ФЗ "Об экспортном контроле" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.11.2023. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ».

момент не приводится, однако, по мнению большинства отечественных исследователей, среди которых, например, И.Т. Балабанов, внешнеэкономические связи включают в себя проведение экспортно-импортных операций, а также различные формы международного обмена капиталом, трудовыми и иными ресурсами [1. С. 3].

Как считают В.В. Гущин и Ю.А. Дмитриев, внешнеэкономические связи представляют собой вид межгосударственного сотрудничества в сфере экономики [2. С. 504]. Однако данное определение не учитывает роли коммерческих предприятий в осуществлении внешнеэкономических связей. Авторы данной статьи хотели бы предложить собственное определение внешнеэкономических связей, учитывающее как их многогранный характер, так и совокупность акторов, участвующих в международной деятельности; по нашему мнению, внешнеэкономические связи представляют собой совокупность форм международного сотрудничества государств, хозяйствующих субъектов и индивидуальных предпринимателей, включающую в себя обмен товарами и услугами, а также инвестиционную, производственную и научную кооперацию.

Поскольку государство остаётся основным участником и организатором внешнеэкономического обмена, политика в дан-

ной области является ключевым фактором развития международного экономического взаимодействия. Действительно, как пишет А.Г. Олейнов в своей статье «Внешнеэкономическая политика стран мира: теория и методология анализа», внешнеэкономическая политика направлена именно на формирование и регулирование экономических отношений с другими государствами [6. С. 2]. Основной стратегической целью внешнеэкономической политики государства, как правило, выступает экономическое развитие страны и повышение благосостояния её населения.

Для достижения данной задачи, тем не менее, не всегда используется углубление внешнеэкономических связей; внешнеэкономическая стратегия может носить протекционистский характер и предполагать ограничение импорта из других стран для повышения конкурентоспособности отечественных производителей. С другой стороны, государство может придерживаться принципов свободной торговли (или фритредерства от англ. "free trade", свободная торговля), снижая или ликвидируя торговые, финансовые и трудовые барьеры в отношениях с иностранными контрагентами. Положительные и отрицательные стороны обоих видов стратегии представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение недостатков и преимуществ протекционизма и свободной торговли во внешнеэкономической деятельности государства

	Протекционистская политика	Режим свободной торговли
Положительные стороны	1. Стимулирование отечественного производства; 2. Выравнивание торгового баланса.	1. Рост конкуренции на внутреннем рынке и повышение качества продукции; 2. Расширение ассортимента на потребительском рынке.
Отрицательные стороны	1. Снижение конкурентоспособности отечественной продукции; 2. Ухудшение эффективности распределения ресурсов в экономике.	1. Уязвимость к внешним экономическим «шокам»; 2. Сбыт иностранными поставщиками устаревшей и некачественной продукции.

Источник: собственная разработка авторов.

Авторы настоящей статьи согласны с мнением М.С. Шорохова о том, что на современном этапе государства редко придерживаются исключительно протекционистской политики или фритредерства, предпочитая сочетать обе стратегии на внешней арене [12. С. 111]. Баланс двух вариантов внешнеэкономической политики зависит от конъюнктуры на различных рынках, изменений в количестве внутренних производственных мощностей, geopolитической обстановки в мире, но в особенности от уровня конкурен-

тоспособности и возникновения новых конкурентных преимуществ на мировой арене.

Давление международной конкуренции оказывает решающее влияние на формирование стратегии внешнеэкономических связей, поскольку именно конкурентная позиция страны на международных рынках побуждает государственные органы к введению протекционистских или, напротив, либеральных мер для ограничения или углубления экономических отношений с другими странами. Таким образом, каждое

государство формирует стратегию внешнеэкономических связей в зависимости от конкурентной экономической конъюнктуры и условий исторического развития.

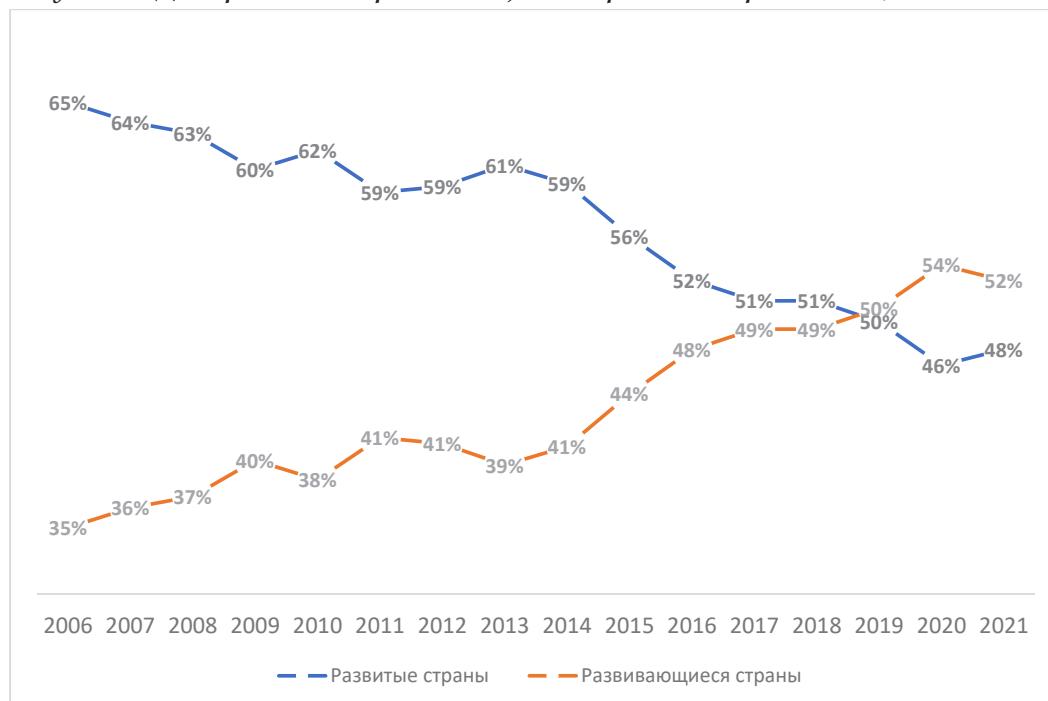
Решающим событием, предопределившим развитие внешнеэкономических связей России на современном этапе, стал распад СССР, в результате которого наша страна стала налаживать торговые отношения не только с ближним, но и с дальним зарубежьем. Переход от плановой к открытой рыночной экономике, подразумевающей свободные, но регулируемые государством экспортно-импортные потоки, совпал с очевидным «витком» процесса глобализации, что послужило мощным толчком интеграции России в так называемое международное разделение труда (МРТ). Ссылаясь на основополагающую монографию экономиста Н.В. Платоновой, авторы статьи определяют МРТ как развитие процессов специализации стран, регионов и предприятий на производстве отдельных товаров и кооперации для совместного выпуска сложной продукции [5. С. 23].

В результате государственных реформ российские предприятия получили право

на осуществление внешнеэкономических операций без специального разрешения, правительство осуществило либерализацию импорта с целью смягчения монополизации на зарождающемся внутреннем рынке и поощрения конкуренции. В 2000-е годы, когда в стране наблюдался экономический подъём, основной целью внешнеэкономической стратегии России стала не только интеграция в мировое производство, но и модернизация экономики, переход на разработку и продажу зарубеж инновационной продукции, а также привлечение иностранных инвестиций в наукоёмкие отрасли экономики.

Ключевой и важнейшей целью внешнеэкономической политики России становится географическая диверсификация экспорта. Действительно, в течение длительного времени большая часть (более 60%) российского экспорта приходилась на развитые страны, импортирующие топливные ресурсы и энергоносители, в то время как на страны ближнего зарубежья и государства Азии отводилось лишь около 30% поставок. Динамика экспортных потоков из России в развитые и развивающиеся страны представлена на Рисунке 1.

Рисунок 1 – Доля развитых и развивающихся стран в экспорте России, 2006 – 2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 23.11.2023)

Как продемонстрировано на графике, если ранее внешнеэкономические связи России были ориентированы преимущественно на развитые страны и, в частности, государства Европейского союза (ЕС), что было обусловлено географической и отчасти культурной близостью, в то время как потенциал таких связей с государствами постсоветского пространства и Азии недоиспользовался, теперь ситуация кардинальным образом меняется. Действительно, в 2019 году доли российского экспорта в развитые и развивающиеся страны сравнялись, как показано на Рисунке 1.

На современном этапе ключевое влияние на внешнеэкономические связи России оказало введение санкций со стороны коллективного Запада, предполагающих ограничение товарных потоков. После того, как в 2014 г. вследствие событий на Украине многие страны ввели санкции против России, был приостановлен экспорт и импорт сельскохозяйственных товаров из ЕС и США, объявлено эмбарго на ввоз на территорию нашей страны мясных, молочных и рыбных товаров, фруктов и овощей из стран Запада, вследствие чего, как пишет А.А. Кантарович, экспорт из ЕС в Россию упал на 20% [3. С. 11].

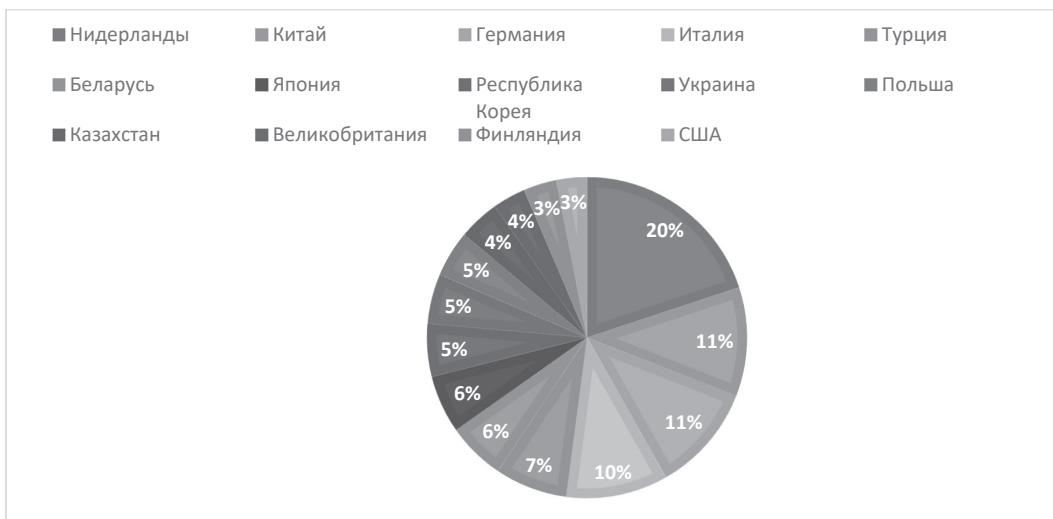
Приоритетным для российского государства в данной ситуации является грамотное стратегическое планирование и прогнозирование внешнеэкономических связей. Для обеспечения экономической безопасности страны в условиях экономических санкций необходимо использовать различные инструменты, среди которых, например, поиск дружественных стран-партнёров, готовых приобретать подсанкционные товары. При-

мером может служить внешнеэкономическая политика Ирана с начала 1980-х годов, когда США начали оказывать непрерывное давление на эту страну, выражавшееся в заморозке активов и в отказе импортировать иранскую нефть (государственный бюджет Ирана в существенной степени зависел от экспорта нефти). Однако власти ближневосточной страны смогли сократить давление коллективного Запада, переориентировав экспортные потоки на Китай, Сирию, Венесуэлу и страны Африки, которые взамен получили скидки на поставки топливных ресурсов и в результате смогли сократить издержки на покупку энергоносителей.

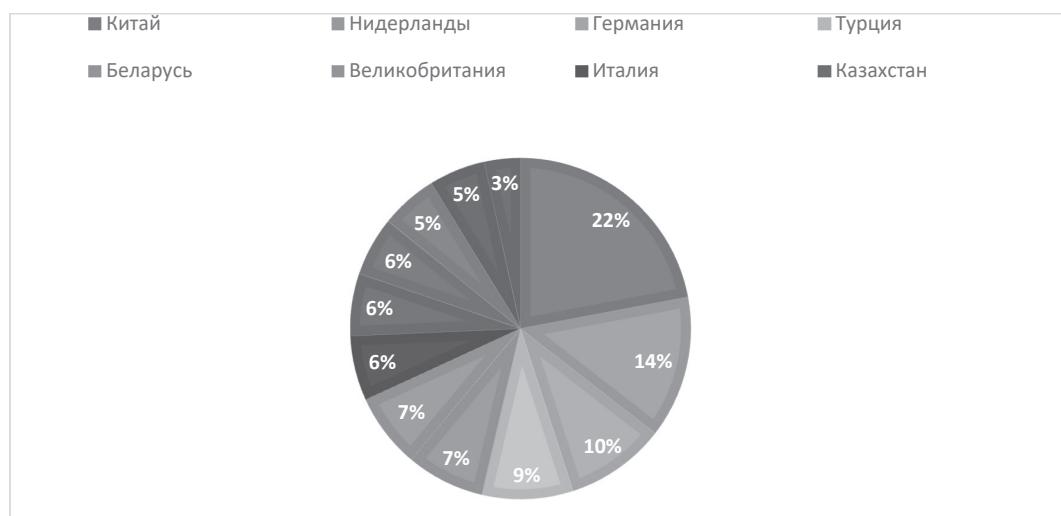
Хотя ранее на европейские страны приходилось более половины внешней торговли России, после 2014 года нашей стране тоже удалось переориентировать внешнеэкономические связи на Азию и Ближний Восток, а также наладить параллельный импорт, сохранив при этом конкурентоспособность и даже увеличив внешнеторговый оборот на 4,7% в 2022 году по сравнению с 2021 годом, по данным Института Гайдара [8. С. 269]. Благодаря изменению географии внешнеэкономических связей и смещению фокуса на Китай, Индию и Турцию, Российской Федерации удалось сохранить динамику внешнеэкономической активности, несмотря на проведение СВО и введение экономических и политических санкций. Так называемый «разворот на Восток» останется ключевым направлением развития внешнеэкономических связей России в ближайшие годы.

Изменение географической структуры внешнеэкономических связей России отражено на Рисунке 2.

Рисунок 2 – Географическая структура внешней торговли России.

А.

Б.

А. в 2014 году.

Б. в 2022 году.

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 23.11.2023)

В связи с ухудшением внешнеэкономических связей с основными партнерами и, в первую очередь, с ЕС, Россия столкнулась с проблемой развития внешней торговли, включая ее территориальный аспект. Стало очевидно, что чрезмерная ориентация на узкий круг западных стран и территориальная ограниченность могут поставить под угрозу поступления от внешней торговли и инвестиций и требуют быстрой переориентации на другие рынки. Анализируя динамику географической структуры экспорта и импорта России, необходимо отметить, что Китай удерживает лидирующие позиции, заняв первую позицию во внешнеторговом обороте России в 2018 году. Одновременно наблюдается ослабление внешнеэкономических связей России с Нидерландами, которые ранее были лидером по объему торговли с Россией.

Учитывая особый характер российско-китайских политических отношений, доля Китая во внешнеторговом обороте России в 2022 году составила 17,3%, продемонстрировав существенный рост с 2015 года (тогда этот показатель находился на уровне 12,1% [13]). Россия занимает лишь 11-е место в списке стран китайского экспорта (2,7% его общего объема в 2022 г.) и 10-е – импорта (2,6%) [14]. Тем не менее, в период пандемии COVID-19 в 2020 году стоимостные объемы экспорта и импорта между странами снизились, но в остальное время наблюдался устойчивый рост, в особенности он ускорился в последние два года на фоне усиления антироссийских санкций. Сальдо торгового баланса в основном было отрицательным – это означает, что Россия импортирует из Китая больше товаров, чем Китай – из России. Динамика товарооборота между двумя странами представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Динамика экспорта из России в Китай и импорта из Китая в Россию в 2013 – 2022 годах, млрд долл.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт	35,6	37,4	28,6	28,0	38,9	56,1	57,3	49,2	68,9	114,0
Импорт	53,1	50,7	34,9	38,0	48,0	52,2	54,2	54,9	72,6	76,2

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 23.11.2023).

Согласно расчётом Н.С. Ревенко, основу российского экспорта в Китай составляют минеральные ресурсы (74,3% стоимостного объёма экспорта), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (7,62%), металлы и изделия из них (5,74%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (4,98%), химическая продукция (3,69%) [7. С. 53]. В структуре импорта России из Китая ведущие позиции занимали машины, оборудование и транспортные средства (60,77%), продукция химической промышленности (11,03%), текстиль и обувь (9,19%), металлы и изделия из них (7,44%). В последние годы произошло заметное увеличение российского экспорта мясных товаров и сельскохозяйственной продукции в Китай. Переход в период пандемии сотрудников многих учреждений на удаленную форму работы стал причиной роста импорта компьютеров из Китая в России. К товарам, поставки которых, по мнению С.А. Луконина и И.В. Вахрушина, из России в Китай могут в ближайшее время возрасти, относятся сельскохозяйственные и продовольственные товары, строительные материалы, продукция химической промышленности и цветные металлы [4. С. 160].

Россия и Индия имеют значительные масштабы торгово-экономического сотруд-

ничества, но в отличие от российско-китайских внешнеэкономических связей, оно не испытывало бурного роста в прошлом десятилетии. Взаимный товарооборот между Россией и Индией в 2022 году составил 35 млрд долларов, что в 5,5 раз меньше, чем товарооборот России и Китая. Это связано с тем, что Индия пока еще не в столь существенной степени, как Китай, вовлечена в международный товарообмен и не имеет столь разнообразной товарной структуры экспорта, как Китай. Более того, Индия является закрытым рынком и активно использует меры торговой защиты – по данным ВТО, в 2022 году среднеарифметический таможенный тариф превышал 18% [15]. Несмотря на это, российско-индийский товарооборот за период 2013-2021 гг. увеличился в 1,5 раза (динамика товарооборота между двумя странами представлена в Таблице 3). Россия экспортирует в Индию энергоносители, алмазы, подсолнечное масло, синтетический каучук, минеральные удобрения, оборудование для АЭС, вооружения и военную технику, в то время как Индия экспортирует в Россию фармацевтическую продукцию, продовольствие, а также продукцию легкой промышленности.

Таблица 3 – Динамика экспорта из России в Индию и импорта из Индии в Россию в 2013 – 2021 годах, млрд долл.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт	6,9	6,3	5,5	5,3	6,5	7,8	7,3	5,7	9,1
Импорт	3,1	3,2	2,3	2,4	2,9	3,2	3,9	3,5	4,4

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 23.11.2023).

В 2022 году товарооборот между Россией и Индией стремительно вырос благодаря увеличению поставок в южноазиатскую страну топливно-энергетических ресурсов. Как пишет А.Н. Спартак, Индия заменила для России Европу, став для нашей страны ключевым рынком сбыта энергоносителей [9. С. 21]. Ряд стран, включая США, Великобританию и Канаду, отказались от импорта нефти из России, но Индия, которая поддерживает долгосрочное партнерство с Россией, значительно увеличила свои закупки нефти марки Urals. По данным, представленным С.В. Чесноковой, в марте 2022 года ежедневные поставки этого энергоресурса в Индию выросли в 4 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [10. С. 24]. В июне 2022 года Индия увеличила свои за-

купки нефти марки Urals из России, что позволило России стать вторым крупнейшим поставщиком нефти в Индию, обойдя Саудовскую Аравию. Как пишет тот же исследователь С.В. Чеснокова, Россия предлагала нефть Urals со значительной скидкой до 35 долларов за баррель к биржевой цене барреля марки Brent, что привело к тому, что цена российской нефти для Индии была ниже цены, которую предлагали экспортёры из Саудовской Аравии [11. С. 116].

Помимо переориентации товарных потоков на Восток за счёт предоставления существенных скидок, российское правительство также придерживается курса на «импортозамещение» с целью поддержать отечественных потребителей и производителей в условиях кризиса. Суть импортозамещения

заключается в мобилизации отечественных ресурсов для производства значимых товаров; соответственно, для проведения такой политики на внутреннем рынке государство должно иметь устойчивую экономику и лишь в небольшой степени зависеть от других участников мировой экономики. Хотя данная, по сути, протекционистская мера может привести к снижению конкурентоспособности российской экономики, российское государство начало проводить политику импортозамещения с 2014 года с целью сохранения политической и экономической независимости. Более того, именно благодаря импортозамещению Россия может достичь возрождения производственных мощностей и улучшения сальдо торгового баланса.

В свете изменений в мировой финансово-экономической и политической системах, Россия сталкивается с необходимостью поиска новых союзников в экономической и политической сфере. Москва вынуждена использовать различные инструменты для обеспечения экономической безопасности страны, включая поиск дружественных партнёров, готовых приобретать подсанкционные товары, и импортозамещение.

Главной задачей для нашей страны является установление тесных и взаимовыгодных отношений с ведущими странами Востока, такими как Китай и Индия. Основу российского экспорта в эти страны составляют нефть и газ. Российско-индийский товарооборот стремительно растет именно благодаря увеличению поставок топливно-энергетических ресурсов. Индия заместила для России Европу, став для нашей страны ключевым рынком сбыта энергоносителей.

Ключевыми товарами для российского экспорта в Китай в ближайшее время также станут сельскохозяйственная продукция, строительные материалы, продукция химической промышленности и цветные металлы.

«Разворот на Восток» останется ключевым направлением развития внешнеэкономических связей России в ближайшие годы. Данная стратегия уже позволила российской внешней торговле достойно пережить 2022 год.

Заключение

Таким образом, на текущем этапе экономического развития Россия столкнулась с проблемой разрыва внешнеэкономических связей с государствами, ранее бывшими её ключевыми партнёрами в сфере торговли, инвестиций и иных видов внешнеэкономического сотрудничества. В этой ситуации государство вынуждено провести «ревизию» экономической политики в отношении других стран, в частности, переориентировать торговые потоки на иные регионы и наращивать внутреннее производство во избежание дефицита товаров.

Баланс между протекционизмом и фритредерством во внешнеэкономической политике России постепенно меняется по мере того, как страна отдаёт предпочтение партнёрам из Азии и политически отстраняется от государств Европы и США. Сбалансированная и грамотная политика, направленная на углубление отношений с новыми союзниками и поддержку отечественных производителей, позволит российской экономике пережить текущий кризис.

Литература:

1. Балабанов И.Т., Балабанов А.И. Внешнеэкономические связи: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям и направлениям. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
2. Гущин В.В., Дмитриев Ю.А. Российское предпринимательское право. М., 2005.
3. Кантарович А.А. Особенности внешнеэкономической деятельности России в условиях санкционной политики // РППЭ. 2022. № 3 (137).
4. Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций // Россия и АТР. 2023. № 1.
5. Платонова И.Н. Международные экономические отношения в глобальной экономике: учебник для вузов. М., 2023.
6. Олейнов А.Г. Внешнеэкономическая политика стран мира: теория и методология анализа // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 39 (4).
7. Ревенко Н.С. Российско-китайская торговля: состояние, тенденции, перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2.

8. Кудрин А.Л., May В.А Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. Российская экономика в 2022 году // Российская экономика. Тенденции и перспективы. Ин-т Гайдара. 2023. № 44.
9. Спартак А.Н. Приоритизация Индии как торгово-экономического партнера России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 10.
10. Чеснокова С.В. Индия – новый крупный покупатель российской нефти // The Scientific Heritage. 2022. № 95.
11. Чеснокова С.В. Экспорт нефти из России меняет направление // Восточная аналитика. 2022. № 3.
12. Шорохов М. С. Протекционизм и свободная торговля: уроки истории и современный выбор для России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. № 2-1.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FOREIGN ECONOMIC RELATIONS STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Introduction. The author of this text is convinced that in the modern world foreign economic relations remain a crucial way of maintaining economic activity. Sustainable economic relations with other states are a necessary condition for the country's economic growth. However, due to changes in the global financial, economic and political systems, Russia is forced to look for new economic and political allies. The main task for our country is to establish close and mutually beneficial relations with the leading countries of the East, such as China and India, in order to ensure economic security in the face of possible isolation in the international arena.

Materials and methods. The methodological basis of this research was made up of general scientific and special research methods, such as induction and deduction, analysis and synthesis, classification, comparative, descriptive, comparative, logical, structural-functional methods, various methods of statistical analysis. The author of the study used tabular and graphical forms of representation of the processes and phenomena under consideration.

Research results. The study revealed that Russian government authorities use various tools to maintain foreign trade and ensure economic security in the context of anti-Russian sanctions. The balance between protectionist and free trade policies depends on the situation in international markets, the geopolitical situation in the world, but especially on the level of competitiveness. The introduction of sanctions by the collective West has become the main factor, changing the foreign economic situation for Russia in 2022.

Ключевые слова: _____
внешнеэкономические связи,
внешнеэкономическая стратегия, экспорт,
импорт, внешняя торговля, санкции, Китай,
Индия

Russia's new foreign economic strategy is based on the search for friendly partners, willing to purchase sanctioned goods. Thanks to this strategy, Russia was able to reorient foreign economic relations towards Asia and the Middle East, as well as to establish parallel imports while maintaining competitiveness and even increasing foreign trade turnover.

Discussion and conclusion. The need for Russia to enter the Chinese and Indian trade markets and to strengthen foreign economic relations with Asia is substantiated; the main groups of goods that can contribute to the development of mutually beneficial exchange and strengthening of economic cooperation between these countries are analyzed; the possibility and importance of further development of foreign economic relations with Asian states, which can become no less important and useful partners for Russia than the former states of Europe, have been proven.

Olga B. Digilina,
Doctor of Economic Sciences, Professor
of the Department of Political Economy,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN), Moscow,
Russia

Timofey A. Cheban,
Postgraduate student, Department of Economic Policy and Public-Private Partnership,
Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia

Keywords: _____
foreign economic relations, foreign economic strategy, export, import, foreign trade, sanctions, China, India

References:

1. Balabanov I.T., Balabanov A.I., 2001. *Vneshnee` konomicheskie svyazi: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov*. [Foreign economic ties: textbook for universities]. Moscow.
2. Gushchin V. V., Dmitriev Yu. A., 2005. *Rossijskoe predprinimatel'skoe pravo* [Russian Entrepreneurial Law]. Moscow.
3. Kantarovich A.A., 2022. *Osobennosti vneshneekonomiceskoy deyatel'nosti Rossii v usloviyah sankcionnoj politiki*. [Peculiarities of Russia's foreign economic activity in the context of sanctions policy]. *RPPE*. № 3 (137).
4. Lukonin S.A., Vaxrushin I.V., 2023. *Rossijsko-kitajskoe torgovo-e` konomicheskoe sotrudnichestvo na fone antirossijskix sankcij* [Russian-Chinese trade and economic cooperation against the backdrop of anti-Russian sanctions]. *Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]*. № 1.
5. Platonova I.N., 2023. *Mezhdunarodny`e e`konomicheskie otnosheniya v global`noj e`konomike: uchebnik dlya vuzov* [International economic relations in the global economy: textbook for universities].
6. Olejnov A.G., 2016. *Vneshneekonomiceskaya politika stran mira: teoriya i metodologiya analiza*. Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo. [Foreign economic policy of the countries of the world: theory and methodology of analysis]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo* [World and national economy]. № 39 (4).
7. Revenko N.S., 2023. *Rossijsko-kitajskaya torgovlya: sostoyanie, tendenci, perspektivy`* [Russian-Chinese trade: status, trends, prospects]. *Rossijskij vneshnee` konomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. № 2.
8. Kudrin A.L., 2023. *Rossijskaya ekonomika v 2022 godu. Tendenci i perspektivy* [Russian economy in 2022. Trends and prospects]. *Rossijskaya ekonomika. Tendenci i perspektivy* [Russian economy. Trends and prospects]. Vol. 44. Moscow.
9. Spartak A.N., 2023. *Prioritezaciya Indii kak torgovo-e`konomicheskogo partnera Rossii* [Prioritizing India as a trade and economic partner of Russia]. *Rossijskij vneshnee` konomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. № 10.
10. Chesnokova S.V., 2022. *Indiya – novy`j krupny`j pokupatel` rossijskoj nefti* [India as a new major buyer of Russian oil]. *The Scientific Heritage*. № 95.
11. Chesnokova S.V., 2022. *Eksport nefti iz Rossii menyaet napravlenie* [Oil exports from Russia change direction]. *Vostochnaya analitika* [Eastern analytics]. № 3.
12. Shorohov M. S., 2009. *Protekcionizm i svobodnaya torgovlya: uroki istorii i sovremennoj vybor dlya Rossii*. [Protectionism and free trade: lessons from history and modern choices for Russia]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Izvestiya Tula State University]. № 2-1.

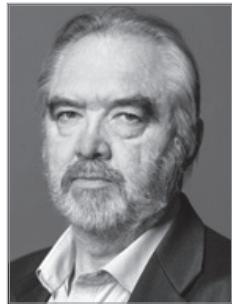
ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ – МОДЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Виктор Артюшкин*

Вера Токарева**

Михаил Звягинцев***

DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-188-198

Введение. В статье предлагается математическая модель динамики одного из показателей преступности – числа лиц, совершивших преступления. Показатель является агрегированным, поэтому он рассматривается как обобщенная характеристика поведения преступности в целом. Проводится анализ особенностей динамики показателя в контексте политической, экономической и правовой ситуации в стране и мире.

Материалы и методы. В качестве статистической базы для показателя преступности использовались данные из статистического ежегодника «Россия в цифрах», для мирового спроса на нефть данные из ежемесячного обзора международного энергетического агентства (Monthly Oil Market Report // International Energy Agency).

Для построения математических моделей использовались методы анализа и моделирования временных рядов, при сравнении моделей – методы корреляционного анализа. Были также использованы общенаучные методы исследования – системный и исторический подходы.

Результаты исследования. Предложена математическая модель, которая является суммой периодических функций и тренда. Функции имеют несколько параметров настройки и только один аргумент – время. Модель адек-

* **Артюшкин Виктор Федорович**, кандидат политических наук, доцент кафедры математики, эконометрики и информационных технологий МГИМО МИД России
e-mail: ururur1@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-7312-0263

** **Токарева Вера Иосифовна**, мировой судья, управление Судебного департамента в Удмуртской Республике, г. Ижевск, Россия
e-mail: asd09d@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-3938-7861

*** **Звягинцев Михаил Михайлович**, инженер лаборатории электронно-вычислительной техники кафедры математики, эконометрики и информационных технологий МГИМО МИД России
e-mail: m.zvyagintsev@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0005-9153-0457

ватно описывает поведение показателя, поэтому может использоваться для получения краткосрочных прогнозов. Выделен исторический период, в котором прослеживается корреляция динамики преступности и динамики мировой экономической конъюнктуры. Отмечена стабилизация динамики преступности в последние годы, когда произошло ускорение процессов восстановления экономического суверенитета России.

Обсуждение и заключение. Предложенная математическая модель дает хорошие результаты подгонки под временной ряд показателя преступности на всем периоде наблюдений. А этот период охватывает очень разные исторические ситуации: от неограниченного ничем вхождения в систему глобальной экономики до укрепления экономического суверенитета. Достоверность модели на всем интервале свидетельствует об обоснованности ее использования и при новых экономических ориентирах.

Информативным является результат быстрого снижения амплитуды колебаний у показателя преступности при укреплении российской экономики в последние годы.

Процессы, которые анализировались в работе, имеют много различий, но хорошо описываются моделями одного вида. Возможным объяснением такой инвариантности является гипотеза о том, что некоторые сложные социально-экономические процессы не просто влияют на состояние друг друга, но и синхронизируют свою динамику.

Введение

Показатели преступности обычно включают в группу показателей, которые описывают социально-экономическую ситуацию в государствах и позволяют делать её прогнозные оценки. Такой статус важного общественного индикатора определяет необходимость проведения разнообразных исследований преступности. Для анализа статистики правонарушений привлекают различные математические методы. Большинство из них основаны на выявлении факторов, определяющих уровень преступности и исчислении степени связи ее с этими факторами. Причем модель может быть и системой уравнений, а в более сложных случаях даже системой дифференциальных уравнений.

При отборе факторов может оказываться субъективный подход исследователя. Причиной тому является существенная нелинейность и неопределенность процессов функционирования социально-экономических систем. То, что работало, проявлялось и взаимодействовало в одних условиях, внезапно может сойти на нет в других, демонстрируя или определяющую роль контекста, или необоснованность выстроенной логики исследователем.

Следует отметить и надежды последнего времени, связанные с использованием

современных алгоритмов нейросетей. Они позволили или существенно продвинуться или решить многие задачи классификации и распознавания, которые только намечались на ранних этапах появления многообещающего научного направления [6. С. 176]. Современные возможности оперирования с большими данными позволяют начать исследования по определению того, какой уровень преступности можно ожидать при имеющихся значениях разноплановых факторов. Общую формулировку задачи можно обозначить так: по значению факторов определить значение результирующего признака. Она схожа с той, которая решается, например, в классическом регрессионном анализе. Однако принципы ее решения на нейросетях совершенно иные. Сейчас нейросети оказались в рамках более емкого явления, названного цифровизацией, которое стремительно меняет нашу жизнь.

В следующей, менее популярной группе методов, не предполагается получение уравнений связи между показателями и факторами, просто первоначальное множество разнородных исходных данных преобразуется в вид, удобный для визуального анализа экспертом, который и выносит окончательное суждение, ориентируясь на свой опыт и интуицию. В качестве примера можно привести классический метод многомерного шкалирования, широта применения которого

доказывает его научную универсальность [1. С. 52; 4].

Если определение факторов влияния является проблематичной практической задачей или даже весьма спорным в теоретическом плане, то рассмотрение временного ряда, как самодостаточного описания исследуемого процесса, является классическим решением. Тогда особенности и закономерности поведения показателей выявляются через анализ динамики самих временных рядов [5. С. 83]. Одним из способов проявления закономерностей динамики временного ряда является подбор модели, адекватно в статистическом смысле соответствующей исходным данным.

Сложность и многоликость преступности как явления, связанного с множеством факторов различной природы, весьма усложняет работу по поиску и анализу фак-

торов влияния. В исследовании предлагаются выявление закономерностей динамики преступности с помощью моделирования временного ряда. Возможность применения такого подхода определяется наличием показателя, аккумулирующего в себе поведение различных видов преступности. В качестве такого показателя, характеризующего динамику преступности «в целом», в статье рассматривается «число лиц, совершивших преступление»¹.

Исследование

Госкомстат России публиковал данные по преступности начиная с 1990 г. Данные представлялись в виде двух обобщенных показателей: «число зарегистрированных преступлений» и «число лиц, совершивших преступления» (рис. 1).

Рис. 1. Число зарегистрированных преступлений и число лиц, совершивших преступления (в тысячах за год, правая ось)

В статистических таблицах также показано, как эти показатели раскладываются на составляющие по различным видам (признакам) преступлений. Признаки, по которым, как правило, исследуется и моделируется явление преступности, не только иерархичны, но и многогранны. Чаще всего анализируют влияние множества факторов различной природы, но в первую очередь экономической.

Исследования преступности как временного ряда строятся на стандартных подходах оценки его характеристик и элементарных математических функциях, позволяющих легко получить прогнозные значения. Однако простота получения стандартных решений не мешает поиску нестандартных моделей, позволяющих не только получить «подгонку» с лучшим качеством, но и выявлять индивидуальные особенности дина-

¹ Федеральная служба государственной статистики России. Россия в цифрах. (выпуск завершен в 2021 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.10.2019).

мики, указывающие, в свою очередь, на индивидуальны особенности функционирования самого объекта исследования.

На рисунке видно, что динамика показателей (рис. 1) обладает как схожими, так и разными чертами. Мы считаем, что лучше критерию целостного описания явления преступности соответствует показатель «число лиц, совершивших преступления», поэтому в исследовании проводим анализ и моделирование именно этого показателя.

На графиках видно, что оба показателя преступности демонстрируют не хаотичное поведение. Однако априори понятно, что это и не поведение обособленной системы. Собственно, поэтому преступность и рас-

сматривается как индикатор, характеризующий в определенной степени состояние всего общества. С 1990 г по 1996 г. преступность неуклонно росла высокими темпами. В 1997 г. модель поведения резко меняется. Далее она выглядит как колебательный затухающий процесс около понижательного тренда. Поэтому перед моделированием логичным действием является разделить исходные данные на два участка: 1990-1996 гг. и 1997-2018 гг. (дополненного новыми значениями до 1997-2022 гг.). Дальше будем исследовать только второй участок. Его временной ряд по классической схеме раскладывается на две составляющие: понижательный линейный тренд и колебания относительно него (рис. 2, А и Б).

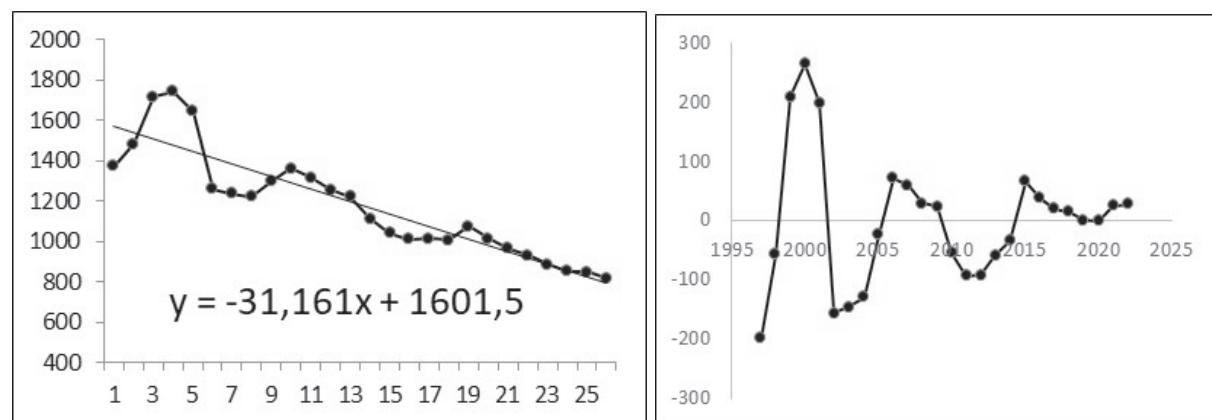

Рис. 2. А – ряд с трендом второго участка, дополненного новыми значениями (1997-2022 гг.)
Б – колебания относительно выделенного тренда.

В качестве доказательства и иллюстрации того, что в динамике показателя преступности прослеживается влияние социально-экономического и политического

контекста, приведем соотношение колебаний временного ряда относительно тренда и значимых исторических событий в России (таб. 1) [3. С. 130-131].

Таблица 1
Соотнесение отклонений значений от тренда и значимых исторических событий в России

Участок отклонения от тренда	Некоторые значимые исторические события
1999-2001 гг. выше тренда	В 1999 г Ельцин Б. Н. покидает пост президента. В 2000 г президентом избран Путин В. В.. В 2000 г заканчивается Вторая чеченская война. С началом нового тысячелетия начинается постепенный рост мировых цен на энергоносители.
2002-2004 гг. ниже тренда	Продолжается повышение мировых цен на энергоносители, которое способствует началу роста экономики России. В 2002 г вступают в силу новые Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а в 2003 г и – Гражданский процессуальный кодекс. Таким образом, в 2003 г была завершена реформа уголовного процессуального законодательства. В 2003 г проходят выборы в Государственную думу (ГД). В 2004 г на свой второй президентский срок избран Путин В. В.. Террористические акты: 2000 г – на Дубровке, 2004 г – в Московском метро и в Беслане.

Участок отклонения от тренда	Некоторые значимые исторические события
2006-2009 гг. выше тренда	В 2006 г разгорается кризис с транзитом газа через территорию Украины. Ухудшаются отношения с США. В 2007 г - выборы в ГД. В 2008 г весь мир охватывает масштабный финансово-экономический кризис. Мировые цены на нефть катастрофически падают. В 2008 г выборы президента России выигрывает Медведев Д. А. В 2008 г 5-ти дневная война с Грузией. В 2009 г мировая цена восстанавливается до комфортных \$70 за баррель.
2010-2014 гг. ниже тренда	В 2010 г массовые беспорядки на Манежной площади. В 2011 г выборы в ГД. В 2011-2013 гг. - многократные массовые политические выступления. В 2012 г - президентские выборы в первом туре выиграл Путин В. В.. В 2013-2015 гг. - пенсионная реформа. В 2014 г в Сочи проходят зимние Олимпийские игры. В 2014 г Крым был включен в состав России.
2015-2018 гг. выше тренда	В 2014-2016 гг. - социально-экономический кризис в России на фоне падения цен на энергоресурсы. В 2016 г- выборы в ГД. В 2017 г- акции протеста против коррупции. В 2018 г победу в первом туре президентских выборов одержал Путин В. В..

Как видно, колебания преступности невозможно однозначно увязывать с какими-либо социальными, политическими или экономическими событиями. Но классического решения через построение регрессионного уравнения, позволяющего по значениям факторов рассчитывать среднее значение преступности, мы и не предполагали. В исследовании предлагается иная модель, модель «целостного» поведения преступности во времени, т.е. модель, в которой

единственным фактором, определяющим динамику, является время. Математическое моделирование проводилось по данным второго участка, дополненного значениями 2019-2022 гг.².

К рассмотрению предлагается подобранная с хорошим качеством модель, состоящая из суммы двух элементарных периодик (формула 1). Это сумма синуса и косинуса, которые меняют в зависимости от времени свои амплитуды и частоты колебаний

$$f_i(c, \alpha_1, \alpha_2, \alpha_3, \alpha_4, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4) = \frac{\alpha_1}{i+c} \cos\left(\frac{i\alpha_3}{\alpha_2} + \alpha_4\right) + \frac{\beta_1}{i+c} \sin\left(\frac{i\beta_3}{\beta_2} + \beta_4\right) \quad (\text{Формула 1})$$

Результаты моделирования представлены на рисунке (рис. 3).

Рис. 3. Фактические и модельные значения колебаний относительно тренда (в тыс. человек)

² Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map/ (дата обращения: 10.08.2023).

Если суммировать полученные модельные данные с убывающим трендом, получим обобщенную модель динамики показа-

теля «число лиц, совершивших преступление» (рис. 4).

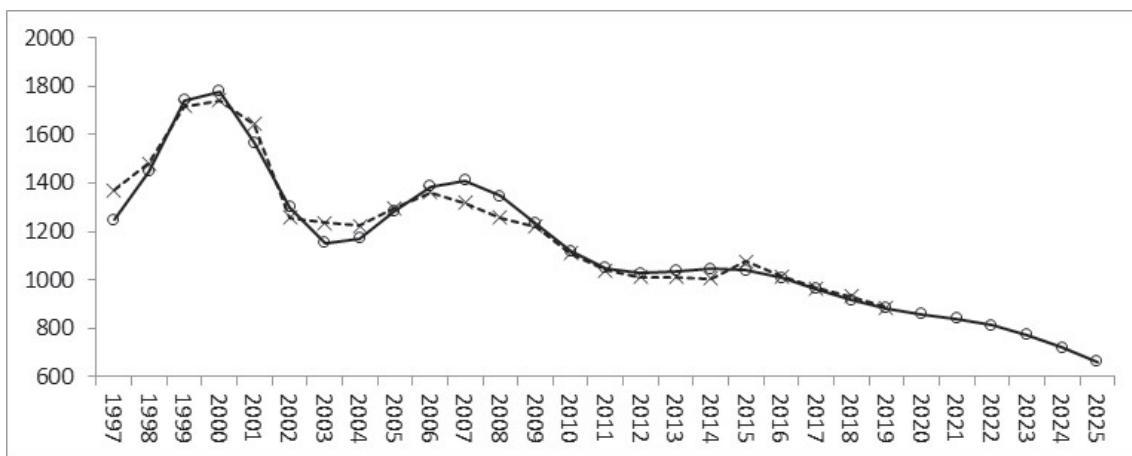

Рис. 4. Обобщенная модель динамики показателя «число лиц, совершивших преступление»

На обоих рисунках (рис. 3, рис. 4) модельная периодика была продолжена на несколько точек в будущее. Хорошее качество приближения модельных значений к фактическим данным на ретроспективном интервале и то, что модель является математической функцией, позволяют легко получить несколько прогнозных значений. Поскольку достоверность прогноза с каждой точкой снижается, удовлетворительно прогнозировать можно только на одну-две точки, однако, прогноз характера изменений вполне информативен и на несколько большем интервале.

В динамиках фактических и модельных значений интересным является сам феномен циклических затухающих колебаний, а тип модели еще и дополнительно подчеркивает не только постоянное уменьшение амплитуды колебаний, но и обязательное присутствие колебаний. Тогда возникает вопрос, указывает ли что-то в динамике показателя на некоторую «управляемость» преступности, и можно ли оценить пределы реакции на «управляющее» воздействие?

Рассмотрим следующую исследовательскую гипотезу: понижательный тренд и уменьшение амплитуды колебаний можно трактовать как результат работы, связанной со становлением и совершенствованием правовой системы России (согласно рассчитанному тренду, в среднем количество лиц, совершающих преступления, уменьшается на 31161 человек в год). Колебания же относительно тренда являются закономерным

поведением преступности как сложного социального явления, которое ещё имеет и свою внутреннюю логику развития.

Объяснить уменьшение амплитуды колебаний можно также и улучшением качества жизни населения. А для понимания периодичности колебаний необходимо увязывать преступность с какими-то значимыми периодическими процессами в жизни всего общества. Наиболее подходящими являются макроэкономические процессы, тоже имеющие принципиально периодический характер.

Длина цикла колебаний преступности около 7 лет. Значит следует искать и макроэкономические циклы приблизительно такой же длительности. Самые сильные, наиболее выраженные колебания за период наблюдения происходили в начале 2000-х годов. Это время, когда Россия пыталась встроиться в мировую капиталистическую систему хозяйствования с международным разделением труда стран по видам продукции. Именно поэтому экономическая ситуация внутри страны во многом определялась состоянием мировой экономики. Следуя этой логике, мы должны, в качестве макроэкономических факторов, влияющих на состояние преступности в России, проанализировать циклы приблизительно 7-летней длительности в динамике показателей мировой экономики.

Такие циклы есть. Связаны они с динамикой мировой конъюнктуры, в которой принято выделять несколько циклов разной длительности. Каждый из них призван

объяснить суть явления экономической цикличности протеканием разных процессов. Нашим условиям удовлетворяют циклы, обусловленные процессами на мировом рынке энергоносителей. Главным рынком энергоносителей является мировой рынок нефти. Главенствующий статус этого рынка означает то, что он во многом определяет конъюнктуру на других рынках, например, газа и угля. Кроме того, благодаря хорошо отлаженной и удобной системе биржевой торговли нефтью, он используется как база для проведения спекулятивных биржевых операций в объемах, многократно превышающих сделки с реальными объемами нефти. Уже несколько десятилетий в рыночном противостоянии спроса и предложения, определяющим уровень цен, главным является показатель спроса³.

В ряде работ одного из авторов этой статьи апробирована математическая модель, адекватно описывающая динамику спроса

на мировом рынке нефти [2, С. 79]. Показано, что не спрос как таковой, а именно изменение спроса отражают в своей динамике цикличность конъюнктуры всей мировой экономики.

Модель цикличности изменений спроса прослеживает в своем поведении мировые экономические кризисы прошлого, которые были проявлены в жизни с разной степенью «остроты». Адекватность модельных результатов даже на разных временных периодах (рис. 5) позволяет рассматривать математическую модель изменений спроса в качестве индикативного показателя состояния мировой экономики.

Прокомментируем для лучшего понимания диаграммы, приведенные на рисунке (рис. 5, верхняя и нижняя). На всех диаграммах пунктиром показан график временного ряда реальных значений изменений спроса, а сплошной линией график циклической модели его динамики.

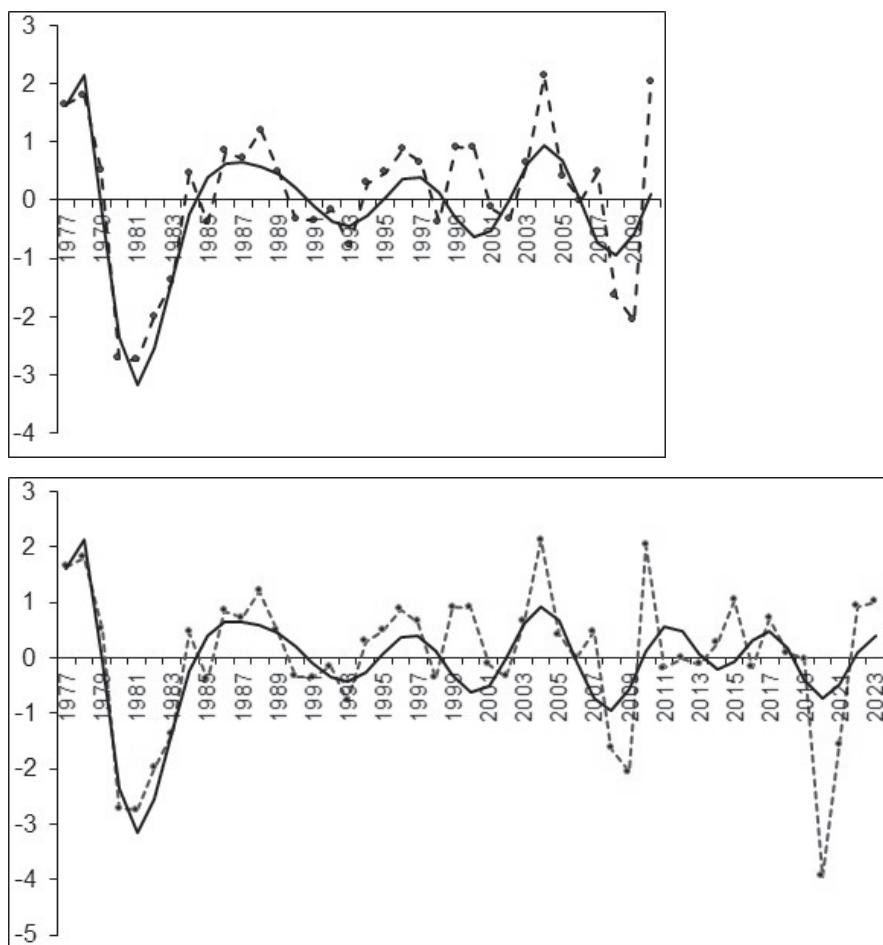

Рис. 5. Фактические и модельные значения динамики изменений мирового спроса на нефть за разные периоды времени.

³ Мировой спрос нефти по Monthly Oil Market Report // International Energy Agency. <http://omrpublic.iea.org/>.

При моделировании на интервале 1977-2009 гг. (рис. 5, верхний) отслеживаются мировые экономические кризисы: в 1980 г. связанный с Иранской революцией и последовавшей за ней войной между Ираком и Ираном; в 2000 г., как следствие азиатского финансового кризиса; в 2008 г. мировой системный кризис.

При моделировании на интервале 1977-2023 гг. (рис. 5, нижний) сохраняется вся динамика модели 1977-2009 гг., а на добавленном периоде отслежен кризис 2020 г., который, по мнению одних экономистов, совпал, а по мнению других, является следствием эпидемии коронавируса. Картина чередования локальных максимумов и минимумов, которая, как мы уже отметили, не меняется, несмотря на разницу диаграмм на целых 22 года, свидетельствуя о хорошем качестве

модели и обоснованности её использования при описании динамики мировой конъюнктуры в широком временном диапазоне.

Поскольку нашей целью является проверка корреляции между тенденциями в динамике преступности и динамике мировой экономической конъюнктуры, мы можем использовать для этого не сами временные ряды, а только их модели. Наложение двух графиков показано на рисунке (рис. 6). Визуальное сравнение явно проявляет противофазу динамик (противоположность наибольших и наименьших значений) приблизительно до 2014 г. На этом интервале, таким образом, подтверждается почти естественная гипотеза об отрицательной корреляционной связи между процессами – чем лучше ситуация в экономике, тем меньше людей совершают преступления и наоборот.

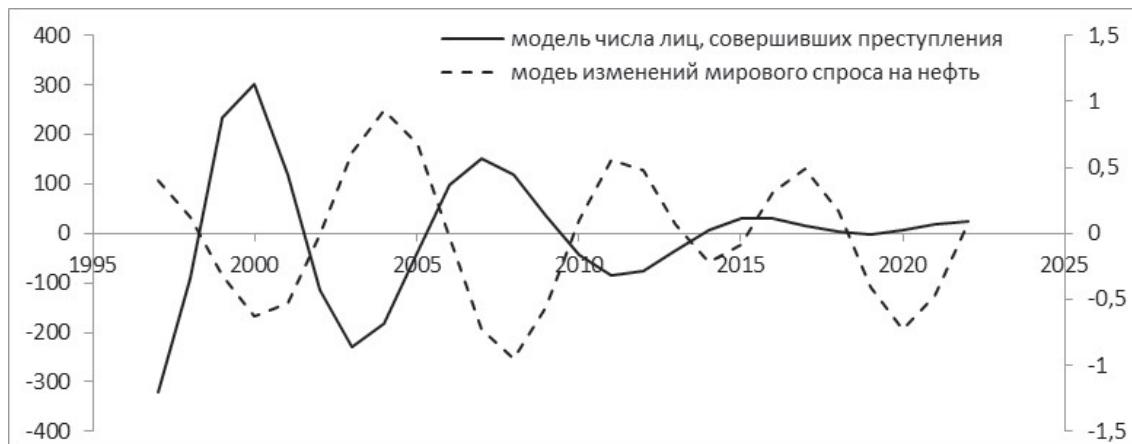

Рис. 6. Модельные графики числа лиц, совершивших преступления, и изменения мирового спроса на нефть.

Однако приблизительно после 2014 г. такая согласованность постепенно нарушается и к 2023 г., теряется. Как можно объяснить утрату согласованности. Предложим следующую гипотезу, объясняющую произошедшие изменения. Основа этой гипотезы – это радикальное изменение степени зависимости российской экономики от западной экономики и ускоренный переход к экономическому суверенитету. Пагубная чрезмерная зависимость российского бюджета от «нефтяных» и «газовых» денег в эти годы не только, как и прежде, хорошо осознавалась, но и начала постепенно преодолеваться. Степень негативности такой зависимости определяется слабостью национальной экономики. При слабой национальной экономике внутриэкономическая ситуация становится столь же неустойчивой, как и постоянно меняющееся состояние мировой

экономики, а экономический фактор является классическим значимым фактором, определяющим состояние преступности.

Становление экономического суверенитета, ускорившееся в последние несколько лет, не только принципиально снижает степень зависимости от колебаний конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, но и стабилизирует внутриэкономические процессы. Значительное уменьшение амплитуды колебаний модельной динамики количества преступлений как раз и отражает благодатность преодоления негативных процессов в экономике.

Результаты исследования

Сильная зависимость, выявленная на интервале 1977-2014 гг. и постепенно утраченная на интервале 2014-2023 гг. парадоксаль-

ным образом не является свидетельством потери значимого влияния экономического фактора на преступность. Просто произошло смещение влияния от внешнеэкономического к внутриэкономическому фактору.

При этом к модели временного ряда преступности никаких замечаний не появляется. Она была построена как функция только от одного параметра – времени. и не требует учета никаких других факторов влияния. Поэтому модель легко может быть использована для получения краткосрочных прогнозов преступности.

Модель показателя преступности и модель изменения спроса строились с помощью математической модели одного вида. При моделировании производилась только подгонка под конкретный колебательный процесс через настройку значений параметров модели. Причем рассмотренные колебательные процессы существенно различаются, т.е. один из них является явно затухающим, а другой только проявляет тенденцию к затуханию. Поэтому можно сделать несколько выводов.

Во-первых, динамику процессов, имеющих колебательный характер с изменяющимися амплитудами и периодами, удается хорошо аппроксимировать вне зависимости от того, какова природа колебаний. Для этого подходит математическая функция, представляющая собой сумму косинуса и синуса с параметрами, определяющими для каждого из них амплитуду, частоту и угловое смещение. Во-вторых, возможным объяснением

такой инвариантности вида модели является гипотеза о том, что сложные социально-экономические процессы не только и не просто влияют на состояние друг друга. В том случае, если они имеют принципиально циклический характер своего существования, их колебания в отдельные периоды могут как бы синхронизироваться, поскольку являются взаимосвязанными частями одной суперсистемы. В-третьих, сильная отрицательная корреляция поведения моделей до 2014 г., отвечающая общепринятым представлениям о факторах преступности, говорит о том, что показатель «число лиц, совершивших преступления», может служить индикатором состояния преступности.

Заключение

Хотя преступность - многогранное и сложное общественное явление, адекватное моделирование ее динамики удается провести, построив функцию, зависящую только от одного показателя – времени. Показатель «число лиц, совершивших преступления», можно рассматривать в качестве индикатора поведения преступности как целостного явления. В отдельные исторические периоды прослеживается опосредованная зависимость динамики преступности в России от динамики мировой экономической конъюнктуры. Ускорение процессов восстановления экономического суверенитета России на протяжении последних 7 лет стабилизировали динамику преступности.

Литература:

1. Артюшкин В.Ф. Место БРИК в экономической и политической структуре мира (возможности применения метода визуализации многомерных структур) // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1(10). С. 51-53.
2. Артюшкин В.Ф. Прогнозирование энергетической политики // Обозреватель. 2010. № 12(251). С. 72-81.
3. Артюшкин В.Ф., Токарева В.И. К вопросу о моделировании динамики преступности в России // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / Под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой. В 6 т. Т. 4. Казань, 2023. С. 126-136.
4. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 125-138.
5. Кайбичев И.А., Кайбичева Е.И. Математическое моделирование временного ряда количества преступлений в России // Вестник экономики, управления и права. 2019. № 4(49). С.80-85.
6. Artyushkin V.F., Belyayev A.V., Sandler Y.M., Sergeyev V.M. Neural network ensembles as models of interdependence in collective behavior // Mathematical Social Sciences. 1990. Vol. 19. No. 2. P. 167-177. DOI 10.1016/0165-4896(90)90059-G.

CRIME DYNAMICS IN RUSSIA – MODEL ANALYSIS

Introduction. The article proposes a mathematical model of the dynamics of one of the indicators of crime – the number of persons who have committed crimes. The indicator is aggregated, so it is considered as a generalized characteristic of the behavior of crime in general. The analysis of the dynamics of the indicator in the context of the political, economic and legal situation in the country and the world is carried out.

Materials and methods. As a statistical base for the crime indicator, data from the statistical yearbook "Russia in figures" has been used. For global oil demand, data from the monthly review of the International Energy Agency (Monthly Oil Market Report // International Energy Agency) has been used.

To build mathematical models, time series analysis and modeling methods were used, and correlation analysis methods were used when comparing models. General scientific research methods were also used – systematic and historical approaches.

Results of the study. A mathematical model is proposed, which is the sum of periodic functions and a trend. The functions have several settings and only one argument – time. The model adequately describes the behavior of the indicator therefore it can be used to obtain short-term forecasts. The historical period is highlighted, in which the correlation between the dynamics of crime and the dynamics of the global economic situation is traced. The stabilization of crime dynamics in recent years has been noted, when the processes of restoring Russia's economic sovereignty accelerated.

Discussion and conclusion. The proposed mathematical model gives good results of fitting the

crime indicator to a time series on the entire observation period. And this period covers very different historical situations: from unlimited entry into the global economic system to strengthening economic sovereignty. The reliability of the model over the entire interval indicates the validity of its use even with new economic benchmarks. The result of demonstrating a rapid decrease in the amplitude of fluctuations in the crime rate while strengthening the sovereignty of the Russian economy in recent years is indicative. The processes that were analyzed in the work have many differences, but they are well described by models of the same type. A possible explanation for this invariance is the hypothesis that some complex socio-economic processes not only affect each other's condition, but synchronize their dynamics.

Viktor F. Artyushkin,
Candidate of Political Sciences, Associate
Professor, Department of Mathematics,
Econometrics and Information Technologies,
MGIMO (University)

Vera I. Tokareva,
Justice of the Peace, Department
of the Judicial Department in the Udmurt
Republic, Izhevsk, Russia

Mihail M. Zvyagintsev,
engineer, Department of Mathematics,
Econometrics and Information Technologies
MGIMO (University)

Ключевые слова:
криминологическое прогнозирование,
моделирование преступности,
закономерности динамики преступности

Keywords:
criminological forecasting, crime modeling,
patterns of crime dynamics

References:

1. Artyushkin V.F., 2010. Mesto BRIK v ekonomicheskoi i politicheskoi strukture mira (vozmozhnosti primeneniya metoda vizualizatsii mnogomernikh struktur) [The place of BRICS in the economic and political structure of the world (possibilities of using the method of visualization of multidimensional structures)]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. № 1(10). P. 51-53.
2. Artyushkin V.F., 2010. Prognozirovaniye energeticheskoi politiki [Forecasting energy policy]. *Obozrevatel [Observer]*. № 12(251). P. 72-81.
3. Artyushkin V.F., Tokareva V.I., 2023. K voprosu o modelirovaniyu dinamiki prestupnosti v Rossii [On the issue of modeling the dynamics of crime in Russia]. *Tsifrovye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Digital technologies and law: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference. Kazan, September 22, 2023. Ed. by I.R. Begishev, E.A. Gromova, M.V. Zaloilo, I.A. Filipova, A.A. Shutova].* In 6 vols. Vol. 4. Kazan, S. 126-136.

4. Artyushkin V.F., Kazancev A.A., Sergeev V.M., 2021. Sootnoshenie sil mezhdu velikimi derzhavami v «Gruppe 20»: analiz pri pomoshchi metoda mnogomernogo shkalirovaniya [Balance of Power Between the G-20 States: analysis with Multidimensional Scaling Method]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*. № 2. S. 125-138.
5. Kaibichev I.A., Kaibicheva E.I., 2019. Matematicheskoe modelirovaniye vremennogo ryada kolichestva prestuplenii v Rossii [Mathematical modeling of the time series of the number of crimes in Russia]. *Vestnik ekonomiki, upravlenija i prava [Bulletin of Economics, Management and Law]*. No. 4 (49). P. 80-85.
6. Artyushkin V.F., Belyayev A.V., Sandler Y.M., Sergeev V.M., 1990. Neural network ensembles as models of interdependence in collective behavior. *Mathematical Social Sciences*. Vol. 19. No. 2. P. 167-177. DOI 10.1016/0165-4896(90)90059-G.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получат уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25.
Подписано в печать 25.04.2024 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 686

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна